

УДК 81-26
ББК 81.2Тур-2
Г93

Рецензенты:

д-р филол. наук А. А. Бурькин (Ин-т лингвист. исслед. РАН),
д-р филол. наук, проф. Д. М. Насилов
(Ин-т Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова)

Под редакцией

канд. филол. наук А. С. Аврутиной,
канд. филол. наук Н. Н. Телицина

*Рекомендовано к печати Научной комиссией
Восточного факультета*

Санкт-Петербургского государственного университета

Гузов В. Г.

Г93 Теоретическая грамматика турецкого языка / под ред. А. С. Аврути-
ной, Н. Н. Телицина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. — 320 с.
ISBN 978-5-288-05614-7

В монографии анализируются фонологические, морфонологические, морфо-
логические (словоизменяемые), парасинтаксические (аналитические) и синтак-
сические средства современного турецкого литературного языка. Последняя грам-
матика турецкого языка на русском языке была издана более пятидесяти лет тому
назад. За истекшие годы значительно изменилось понимание многих языковых
явлений, возникла необходимость в отказе от «не работающих» на агглютинатив-
ном материале индоевропейских положений. В предлагаемой работе автор,
анализируя словоизменяемые средства современного турецкого литературного
языка, представляет нетрадиционные истолкования различных грамматических
проблем.

Книга предназначена для специалистов в области теории грамматики. Может
быть использована в качестве учебного пособия студентами-филологами стар-
ших курсов и аспирантами.

ББК 81.2Тур-2

Издание осуществлено при финансовой поддержке СПбГУ
(грант № НИР 2.23.1209.2014)

ISBN 978-5-288-05614-7

© В. Г. Гузов, 2015
© С.-Петербургский
государственный университет, 2015

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ВВЕДЕНИЕ. Основные положения и понятийно-терминологический аппарат функционально-семантического истолкования строя агглютинативных языков	10
ФОНОЛОГИЯ	25
МОРФОНОЛОГИЯ	30
Морфонологические явления при образовании слов и словоформ. Осо- бенности начала, середины и конца слова	33
МОРФОЛОГИЯ	39
I. Существительное	42
1. Субстантивное суффиксальное лексемообразование (наиболее употре- бительные средства)	42
2. Субстантивное словоизменение	44
3. Формы субъективной оценки	44
4. Категория множественности	46
5. Категория принадлежности	47
6. Категория склонения	48
7. Категория определенности/неопределенности (дефинитивности)	61
8. О послеложных аналитических (падежных) формах	63
8.1. Послелоги-частицы	67
8.2. Послелоги-имена	71
9. Редупликация существительных	79
II. Прилагательное	79
1. Лексемообразование прилагательных	81
2. Словоизменение прилагательных	84
3. Категория субъективной оценки	85
4. Категория степеней сравнения прилагательных	87
III. Наречие	88
1. Семантические разновидности наречий	88
1.1. Наречие I	89
1.2. Наречие II	91
1.3. Наречие III	94
2. Категория степеней сравнения наречий	94
3. Лексемообразование наречий	95
IV. Числительные	102
Словоизменение числительных	102

V. Местоимения	104
1. Опыт классификации турецких местоимений	105
2. Предметные (субстантивные) местоимения	105
3. Качественные (адъективные, определительные) местоимения	111
4. обстоятельственные (адвербиальные) местоимения	115
5. Количественные (нумеральные) местоимения	117
VI. Предикативы	118
VII. Общеименные категории	119
1. Именная категория вторичной репрезентации (вторичного гипостази- рования) «форма -ki»	119
2. Именная категория сказуемости	121
3. Именные обстоятельственные формы в функции предиката	124
VIII. Глагол	125
1. Понятийно-терминологический аппарат глагольной морфологии	125
2. Продуктивное лексеобразование глагола	126
2.1. Лексеобразование глагола путем лексикализации	127
2.2. Непродуктивное лексеобразование	127
2.3. Словосложение	127
3. Словоизменение глагола	128
3.1. Категория залога	128
3.1.1. Проблема основного залога	129
3.1.2. Форма взаимно-совместного залога	132
3.1.3. Форма понудительного залога	134
3.1.4. Форма страдательного залога	137
3.1.5. Форма возвратного залога	139
3.1.6. Проблема медиального залога	140
3.2. Категория статуса	142
3.3. Категория аспектуальности	145
3.4. Категория номинализации действия (глагольная категория втор- ичного гипостазирования)	153
3.4.1. Категория имен действия (масдаров, субстантивных форм глагола)	154
3.4.2. Категория причастий (адъективных форм глагола)	159
3.4.3. Категория субстантивно-адъективных форм глагола	161
3.4.4. Категория деепричастий (адвербиальных, обстоятельственных форм глагола)	168
3.5. Глагольная категория сказуемости	176
3.5.1. Понятия «наклонение» и «модальность»	176
3.5.2. Наклонения и формы модальностей в турецком языке	180
3.5.3. Категория изъявительного наклонения (субкатегория времени индикатива)	181
3.5.4. Категория повелительного наклонения (императив)	214
3.5.5. Желательное наклонение (оптатив)	216
3.5.6. «Условное наклонение» (конъюнктив)	221
3.5.7. Долженствовательное наклонение	223
3.5.8. Сослагательное наклонение	225
3.5.9. Вторичные морфологические средства выражения модальностей	227

3.5.9.1. Предположительная модальность	228
3.5.9.2. Утвердительная модальность	228
3.5.9.3. «Условная модальность»	229
3.5.9.4. Маргинальное употребление форм с морфемой -sA	230
3.5.9.5. Вторичная категория опосредованной (индирективной, субъективной) «модальности»	231
3.5.9.6. Аналитические формы со значением предположения, вероятности и др.	233
IX. Союзы	234
X. Частицы	236
XI. Модальные лексемы («модальные слова»)	241
XII. Междометия	244
XIII. Звукоизобразительные лексемы (ономотопы)	245
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС	248
I. Универсальные формы синтаксических структур	259
II. Порядок следования компонентов тюркских конструкций	260
1. Копулятивная модель	261
2. Предикативная модель	261
2.1. Обычная реализация предикативной модели в турецкой речи	264
2.2. О своеобразных собственно тюркских предикативных моделях	266
3. Атрибутивные модели (определятельные, дополнительные, обстоятельственные)	269
3.1. Определятельные модели	269
3.1.1. Реализация определятельной модели	270
3.1.2. Собственно тюркские определятельные модели	272
3.2. Дополнительные (объектные) модели	282
3.2.1. Реализация типичных объектных моделей в речи	282
3.2.2. Собственно тюркские объектные модели	284
3.2.3. Примеры воспроизводимых (фразеологизованных) объектных конструкций	287
3.3. Обстоятельная модель: обстоятельство — обстоятельное уточняемое	288
3.3.1. Реализация обстоятельных моделей в речи	288
3.4. Модели залоговых конструкций	293
3.5. Полезные фразеологизмы	295
III. Предложение	296
1. Модели сложноподчиненных предложений тюркского типа	296
2. Модели союзных предложений индоевропейского типа	298
2.1. Предложения с сочинительными союзами	298
2.2. Противительные придаточные предложения	299
2.3. Предложения с придаточным причины	300
IV. Выводы	301
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	303
БИБЛИОГРАФИЯ	309
Условные сокращения	317
Сокращения названий литературных источников	318

Чутье каждого языка может открыть и понять и иностранец... если только он изучит этот язык как следует, если он обладает достаточным знанием и научною сообразительностью и, наконец, если его голова свободна от навеянных преданием предрассудков.

*И. А. Бодуэн де Куртене*¹

Предисловие

Согласно справедливому замечанию В. А. Звегинцева, «абсолютно безупречных теорий в лингвистике пока еще нет, и все теории, которыми располагает лингвистика, должны находиться в одинаковых условиях критической оценки».² В связи с этим уместно напомнить слова Ф. де Соссюра: «Лингвистика непрерывно работает на почве придуманных грамматистами понятий, о которых мы не знаем, соответствуют ли они в действительности конститутивным элементам системы». И далее: «Чтобы избежать заблуждений, надо прежде всего проникнуться убеждением, что конкретные языковые сущности не даны нам непосредственно в наблюдении».³

Словообразовательный (точнее, лексемообразовательный) тюркский материал представляется наиболее изученным в современном тюркском языкознании и поэтому может признаваться менее актуальным.⁴

¹ Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 22.

² Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976. С. 201.

³ Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 142.

⁴ Севортян Э. В. 1) Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962; 2) Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966.

Слабой стороной грамматических исследований тюркских языков являются словоизменительные средства, что нередко находит свое выражение в чисто индоевропеистическом истолковании фактов тюркской грамматики, в игнорировании своеобразия собственно агглютинативных морфологических и синтаксических средств.

Солидный шеститомный коллективный труд «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», подготовленный и изданный Институтом языкознания АН СССР — РАН, несомненно, явился крупным вкладом в тюркское языкознание⁵ и, конечно же, будет широко использоваться не только отечественными лингвистами, но и специалистами зарубежных стран. Вместе с тем этот труд, преследующий цели генетического реконструктивного изучения языкового материала, дает возможность оценивать состояние современного тюркского языкознания с позиций теории грамматики, позволяет увидеть, насколько прочно утвердились у тюркологов представления о строе изучаемых языков и понятийно-терминологический аппарат, разработанные исследователями-индоевропеистами. Это обстоятельство стало причиной искаженных, иллюзорных трактовок прежде всего структурных единиц (форм и категорий) тюркских языков. Даже если отвлечься от фундаментальных различий между индоевропейскими флективными и агглютинирующими языками (например, оперирование готовыми словоформами у первых и построение словоформ в речи у вторых), нельзя избежать признания несовершенства господствующего ныне представления о структуре агглютинирующих языков (как, например, игнорирование категорий субъективной оценки и категории сказуемости у имен, словоизменительных категорий прилагательных, наречий, числительных, глагольной категории аспектуальности, субстантивно-адъективных форм глаголов и пр.).

Учение о словоизменении в агглютинативных грамматиках заимствовало много представлений, которые сложились на материале индоевропейских языков. Некоторые из них приобрели характер предрассудков, приложимых ко всем четырем структурным языковым типам языков (к флективным, агглютинативным, инкорпорирующим и аморфным). Создается впечатление, что существует только одно — индоевропейское языкознание, объясняющее факты языков всех структурных типов.

---

⁵ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков [«Фонетика» (М., 1984); «Морфология» (М., 1988); «Синтаксис» (М., 1986); «Лексика» (М., 1977; 2001); «Региональные реконструкции» (М., 2002); «Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка» (М., 2006)].

Достаточно вдуматься в следующие слова Антуана Мейе: «Основной чертой индоевропейской системы является то, что в ней слово никогда не существует без особой грамматической характеристики».⁶ Не следует ли так понимать эти слова, что А. Мейе признавал существование языков иных типов, «систем» с другими основными чертами, с иными словоизменительными свойствами?

В настоящей работе анализируются главным образом фонологические, морфонологические, морфологические (словоизменительные), парасинтаксические (аналитические) и синтаксические средства современного турецкого литературного языка. Что касается лексемообразовательных средств, представляется целесообразным ограничиться демонстрацией наиболее продуктивных производительных средств и способов образования соответствующих лексем, имея в виду, что результаты подобных преобразований, как правило, приводятся в словарях и не всегда удается провести четкую границу между лексемообразованием и этимологией.

Что же касается техники продуктивного лексемообразования, которая мало чем отличается от словоизменения, было сочтено возможным ограничиться тем, чтобы привести наиболее употребительные продуктивные лексемообразовательные средства в составе высказываний в качестве примеров.

За истекшие годы значительно изменилось понимание многих языковых явлений, появилась необходимость в отказе от «не работающих» на агглютинативном материале индоевропейских положений, приобретших характер предрассудков, в создании более адекватной агглютинативной грамматики. Сфера словоизменения представляется наиболее пригодной для этой цели.

Можно назвать довольно много появившихся в последние десятилетия зарубежных и турецких грамматик турецкого языка, которые, к сожалению, носят описательный характер.⁷

Тем же недостатком страдают и грамматики турецких авторов. Их труды отличаются тем, что почти не используют достижения мирового языкознания, как если бы их авторы полагали, что никто кроме носителей турецкого языка не может правильно понимать его устройство.⁸

⁶ Mēlle A. Основные особенности германской группы языков. М., 1952. С. 83.

⁷ Swift L. B. A Reference Grammar of Modern Turkish. Indiana University Publications. Bloomington, 1963; Lewis G. L. Turkish Grammar. Oxford, 1967; Banguoğlu T. Türkçenin Grameri. İstanbul, 1974; Čaušević E. Gramatika suvremenoga turskog jezika. Zagreb, 1996; Kornfilt J. Turkish. London and New York, 1997.

⁸ См., напр.: Gencan T. N. Dilbilgisi. İstanbul, 1966; Banguoğlu T. Türkçenin Grameri. İstanbul, 1974; Ergin M. Türk Dil Bilgisi. İstanbul, 1992; Korkmaz Z. Türkiye Türkçesi Grameri (Şekil Bilgisi). Ankara, 2003.

Усилия группы турецких лингвистов-энтузиастов — Берке Вардара, Сюейли Байрав, Озджана Башкана, Догана Аксана и др. привели лишь к тому, что познакомили турецких грамматистов с некоторыми результатами западноевропейских теоретиков, но оказались не в силах пробудить творческие поиски турецких коллег.

Теоретические представления, которые легли в основу настоящей работы, являются результатом многолетнего осмысления устройства агглютинативных языков и во многом опираются на достижения мировой лингвистики.

Автор с удовлетворением встретил появление в Турции монографий, представляющих собой теоретические исследования и содержащих нетрадиционные толкования грамматических проблем.⁹

В предлагаемой работе анализируются главным образом словоизменительные средства современного турецкого литературного языка. Автор полагает, что результаты непродуктивных словообразовательных (точнее, лексемообразовательных) процессов представлены преимущественно в словаре. Что же касается продуктивного лексемообразования, то с технической точки зрения оно мало чем отличается от способов словоизменения.

Вместе с тем разработка непротиворечивого понятийного аппарата словоизменительных средств языка помогает глубже понять и природу лексемообразования.

В отечественной тюркологии последняя фундаментальная грамматика турецкого языка по-русски была издана более пятидесяти лет тому назад,¹⁰ когда тюркология уже располагала прекрасной франкоязычной грамматикой Жана Дени¹¹ и работами А. Н. Самойловича,¹² Н. К. Дмитриева¹³ и др. Следовательно, давно уже назрела необходимость предпринимать усилия по совершенствованию теории турецкой грамматики.

⁹ См., напр.: Erkan-Akerson F. ve Ozil Ş. Türkçede Niteleme Sıfat İşlevli Yan Tümceler. İstanbul, 1998; Demir S. A. Türkçede İsteme Kipliği. Semantik — Pragmatik Bir İnceleme. Ankara, 2008; Yılmaz Ö. D. Türkiye Türkçesinde eylemsi. Ankara, 2009.

¹⁰ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М., Л., 1956.

¹¹ Denu J. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). Paris, 1921.

¹² Самойлович А. Н. Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка. Репринтное издание 1925 г. с доп. и испр. М., 2002.

¹³ Дмитриев Н. К. Турецкий язык. М., 1960.

Введение.
Основные положения
и понятийно-терминологический аппарат
функционально-семантического истолкования строя
агглютинативных языков¹⁴

О какой бы теоретической науке ни шла речь, исследователь осознанно или в подсознании опирается на две общие, т. е. используемые всеми науками, научные категории — система и структура. В наиболее краткой формулировке под *системой* понимается какая-либо ограниченная совокупность взаимосвязанных или взаимодействующих элементов, а под *структурой* — способ связи, взаимодействия элементов системы.

Языковеды, разделяющие идеи И. А. Бодуэна де Куртэнэ, Ф. де Соссюра, Л. В. Щербы и др., как будто единодушны в том, что язык представляет собой систему. Однако языкознание, как и некоторые другие науки, не избежало вреда, который наносит так называемое «системосозидающее мышление», т. е. разновидность подхода к объекту, при котором ему заранее приписываются какие-либо свойства, а затем его конструируют или имитируют вместо того, чтобы исследовать.¹⁵ В качестве примера системосозидающего подхода к фактам языка можно привести труд Н. С. Трубецкого, считавшего язык оппозитивной

¹⁴ Предлагаемая концепция развивает ту же систему разделяемых или разработанных автором теоретических положений и понятий, которая была изложена и обоснована в двух монографиях, посвященных тюркскому словоизменению: Гузев В. Г. 1) Очерки по теории тюркского словоизменения: имя (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1987; 2) Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1990.

¹⁵ *Философский словарь* / основан Г. Шмидтом. 22-е изд. М., 2003. С. 406–407.

системой.¹⁶ И надо признать, что представление о языке как об оппозитивной системе глубоко внедрилось в языкознание XX столетия.

В настоящей работе язык трактуется как явление естественное и потому признается естественной системой со всеми ее противоречиями, непоследовательностями, правилами и исключениями. Эта позиция была недвусмысленно обоснована Б. А. Серебренниковым,¹⁷ и во многом она продолжает идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Поскольку речь идет об одном из агглютинативных языков, необходимо сказать, что под *агглютинацией* понимается способ оперативного-грамматического преобразования облика слова, заключающийся в присоединении к корню-основе и далее по мере необходимости друг к другу лексеообразовательных и/или словоизменятельных морфов («аффиксов», точнее, суффиксов), которые в подавляющем большинстве являются однозначными и которые в пределах словоформы вместе с (за редкими исключениями) неизменяемой основой при сохранении межморфмных границ подвергаются действию тотальных, охватывающих как гласные, так и согласные звуки (фоны) прогрессивных и регрессивных фонетических ассимилятивных процессов, совокупность которых именуется сингармонизмом.

Заслуга выявления причин формирования языков агглютинативно-строя принадлежит Б. А. Серебренникову и Г. П. Мельникову.

В 1961 г. Б. А. Серебренников указал на «основные факторы», под влиянием которых формируются особенности агглютинативных языков урало-алтайского типа и которые привлекли внимание Г. П. Мельникова: «во-первых, отсутствие классных показателей и, во-вторых, порядок слов “определение + определяемое”».¹⁸

Соблюдение указанного строгого порядка слов делает возможным не пользоваться морфемными показателями для подчеркивания атрибутивной роли уточняющего компонента. По указанной причине отпадает потребность в согласовании определяемого и определения в числе и падеже, создаются весьма благоприятные условия для развития примыкания как способа синтаксической связи слов, выполняющих функцию определяемого и определения.¹⁹

¹⁶ Трубецкой Н. С. Основы фонологии / пер. с нем. А. А. Холодовича. М., 1960.

¹⁷ Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.

¹⁸ Серебренников Б. А. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // Морфологическая типология и проблема классификации языков / отв. ред. Б. А. Серебренников, О. П. Суник. М.; Л., 1965. С. 7–26; Мельников Г. П. Системная типология языков. М., 1978. С. 335–341. — См. также: Grönbech K. Der türkische Sprachbau. I. Kopenhagen, 1936.

¹⁹ Серебренников Б. А. Причины устойчивости агглютинативного строя. С. 14.

У агглютинативных языков появляется одна из их характерных особенностей: имена существительные обретают способность выполнять функцию определения; атрибутивные конструкции «приближаются к сложным словам».²⁰

Компонентами таких конструкций могут в числе прочих слов и словоформ становиться причастия и деепричастия, распространенные причастные и деепричастные приглагольные конструкции (деепричастные обороты, которые также можно трактовать как определения глагольного действия), что «препятствует возникновению в чистых агглютинативных языках придаточных предложений».²¹

«Отсутствие классного деления имен существительных в агглютинативных языках способствует возникновению в них в основном стандартной и единой парадигмы склонения с аксиальной, или осевой, структурой».²² Г. П. Мельников, указывая на отсутствие в языках, о которых идет речь, и категории рода, добавляет к этому, что в них не было причин для расщепления парадигмы склонения на несколько типов, что отсутствовали также условия для появления контаминаций, слияния и переразложения классных и падежных морфем. Учет всех перечисленных факторов подкрепляет вывод Б. А. Серебренникова об устойчивости агглютинативного строя.²³

Классы лексем с абстрактным пространственным значением при необходимости конкретизации чаще всего в составе атрибутивных конструкций оказываются постпозитивными и способны превращаться в послелоги. Наиболее употребительные из таких конструкций могут легко превращаться в словоформы. Поэтому если какой-либо аффикс подвергается модификации фонетически или семантически, агглютинативные языки способны пополнять состав аффиксов, что «явилось одним из мощных факторов сохранения агглютинативного строя языков на протяжении многих столетий» «и даже тысячелетий».²⁴

«Из полученных выводов Б. А. Серебренников делает новые выводы о других свойствах языков агглютинативного строя, например, о способности чистых корней выступать в функции полнозначного слова, о потребности в гармонии гласных, о тенденции глагола-сказуемого занимать конечное положение в предложении, о неизбежности преобладания однозначности служебных морфем и т. д.»²⁵

²⁰ Там же. С. 16.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 9.

²³ Мельников Г. П. Системная типология языков. С. 336.

²⁴ Серебренников Б. А. Причины устойчивости агглютинативного строя. С. 16, 21; Мельников Г. П. Системная типология языков. С. 335.

²⁵ Мельников Г. П. Системная типология языков. С. 336.

Затем объектом осмысления становится вопрос о том, нельзя ли обнаружить такое свойство этих языков, следствием которого явились бы оба главных фактора, выдвинутые Б. А. Серебренниковым (порядок слов «определение + определяемое» и отсутствие классного деления имен существительных). Этот поиск завершается постулатом: коллекционная природа урало-алтайских языков, внешне проявляющаяся как тенденция к экономии служебных морфем, и есть внутренняя детерминанта классического агглютинативного строя.²⁶

К числу исходных понятий любого лингвистического исследования относятся понятия «язык», «речь», а также модель коммуникативной деятельности со всеми их противоречиями, непоследовательностями и т. п.

Наблюдающиеся во многих лингвистических сочинениях неограничение языка и речи как различных объектов, описание речевых единиц (слов, словоформ, конструкций, высказываний) как языковых относятся, пожалуй, к числу наиболее серьезных позитивистских недостатков современного языкознания.

В настоящей работе *язык*, или *языковая система*, понимается как объективно существующий в психике индивида естественный коммуникативный механизм; знание или совокупность знаний, которыми владеет каждый член одной коммуникативной общности и которые лежат в основе способности человека пользоваться звуковыми или графическими знаками (т. е. производить и воспринимать их) с целью обмена мыслительным содержанием (смыслом, информацией); изогенное, гомоморфное (в пределах, необходимых для обеспечения коммуникации), узуальное, социальное *знание*,²⁷ функционирующее в психике каждого члена одного однородного языкового коллектива. Особенно отчетливо различие языка и речи выражено И. А. Бодуэн де Куртенэ в следующих словах: «Если язык следует считать особого рода знанием, то он вместе с тем может представляться, с одной стороны, действием, делом, с другой — вещью, предметом внешнего мира».²⁸

Из сказанного следует, что все компоненты языковой системы — подсистемы, инвентарные и структурные единицы каждой подсистемы — могут быть только абстракциями, обобщенными образами.

²⁶ Там же. С. 336–337.

²⁷ Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978. С. 218–354.

²⁸ Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 81. — См. также: Поливанов Е. Д. Труды по восточному и общему языкознанию / составл., послесл. и указатели Л. Р. Концевича. М., 1991. С. 55–58.

Так, основные инвентарные единицы фонологии (как подсистемы) — *фонемы* суть «звукопредставления», «психические эквиваленты звука» (И. А. Бодуэн де Куртенэ). Фонема представляет собой образ, абстракцию, которая формируется у индивида путем отвлечения от функционально эквивалентных звуков речи, и является основной инвентарной единицей фонологической подсистемы языка. Фонема — *односторонняя, т. е. не имеющая значения инвентарная единица*. Ее главная функция — конструктивная, т. е. функция выступать в роли строительного материала означающих компонентов монем, «языковых знаков»²⁹ в языке и их экспонентов в речи. Иными словами, фонема — это та языковая единица, благодаря которой коммуникант способен производить и опознать в речи функционально эквивалентные знаки, фонемы, в составе экспонентов монем в процессе речевой деятельности.

Минимальными двусторонними инвентарными единицами языков всех четырех структурных типов (аморфных, флективных, инкорпорирующих, агглютинативных) являются *монемы*. Последние представляют собой два взаимосвязанных образа: 1) значений, или семантем (образов элементов объективного мира); 2) «языковых знаков», или означающих (образов речевых знаков).³⁰

Имеющие разный объем структурные единицы языковой системы (подсистемы, микросистемы, категории, формы) включают знание способов, моделей, правил линейного развертывания знаков в речи.

Инвентарные двусторонние единицы языка — *монемы* различаются как своими значениями, так и функциями, теми ролями, которые они играют для выполнения языком и речью их главной, т. е. коммуникативной, функции. В зависимости от значений и функций монемы объединяются в классы («части речи»), разряды, т. е. в разного рода функциональные множества.

Вопреки сложившейся традиции термин «*лексема*» используется в настоящей работе с несколько упрощенным содержанием: *абстрактная двусторонняя единица языка, основная разновидность монемы, соответствующая слову в речи и функционирующая как главная носительница языковых значений, воспринимаемая в словарной форме, т. е. без ее конкретных грамматических форм и служебно-грамматических значений*.³¹ Такая трактовка понятия «лексема», как представляется,

²⁹ Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. С. 253–254.

³⁰ Martinet A. *Éléments de linguistique générale*. Paris, 1960. P. 19–21; Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. С. 255.

³¹ Ср.: *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярэва. М., 1990. С. 257.

больше соответствует грамматическим особенностям агглютинативных языков.³²

Из сказанного следует, что монемы делятся на две разновидности — лексемы и морфемы.³³

Речевым соответствием монемы является *знак* — понятие, включающее все разновидности слов и морфов. Понятие «знак» трактуется как производимое человеком (коммуникантом) с помощью физиологических или физических средств и воспринимаемое органами чувств *физическое образование*, которое выступает в качестве репрезентанта (представителя) какой-либо информации.³⁴ Речевыми разновидностями знаков являются слова и аффиксы (морфы). Знак обладает определенными характеристиками, основными среди которых являются следующие: материальность, обязательное наличие значения, функция указания на что-либо, условный характер связи между знаком и тем, что знак замещает (или на что указывает).³⁵ Речевой знак, следовательно, мыслится как звуковой, письменный, световой и т. п. объект, используемый индивидами для коммуникации посредством языка. Знак, употребляемый в качестве представителя или целой монемы, или только ее означающего, удобно именовать *экспонентом*.

Под *речью* понимается знак или линейная цепочка знаков, выступающих в функции репрезентанов как языковых значений, так и какого-либо сообщаемого мыслительного содержания, т. е. смысла.³⁶

Важным достижением современной теории грамматики необходимо признать разграничение понятий «значение» и «смысл».

Значение (семантема (Г. П. Мельников), семема, интенционал, сигнификация, десигнат) — специализированный, социально значимый, узуальный, гомоморфный, абстрактный мыслительный образ какого-либо класса элементов материального или воображаемого мира (вещей, свойств или отношений), являющийся компонентом языковой системы, приспособленный для осуществления коммуникации и функционирующий как *означаемое*, которое находится в постоянной ассоциативной связи с *означающим* (т. е. обобщенным образом

³² Гузев В. Г., Бурыкин А. А. Общие строевые особенности агглютинативных языков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. III. Ч. 1. СПб., 2007. С. 109–117.

³³ Гузев В. Г. О разграничении понятий «морфема» и «монема» // Лингвистика от Востока до Запада. В честь 70-летия В. Б. Касевича / под ред. Л. А. Вербицкой (отв. ред.), С. И. Богданова, Ю. А. Клейнера, С. А. Крылова. СПб., 2011. С. 29–34.

³⁴ Лингвистический энциклопедический словарь. С. 166–167.

³⁵ Ср.: Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. С. 70.

³⁶ Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 51–53.

речевого знака) в составе упомянутой выше минимальной двусторонней языковой единицы — *монемы*.

Значения соотносятся с элементами объективной реальности не прямо, непосредственно, а опосредованно, через мыслительные единицы, абстрактные образы, в которых действительность отражается в сознании. За значениями закреплена функция вступать в узуальную или окказиональную ассоциацию с неязыковыми мыслительными единицами, подлежащими передаче в актах коммуникации, т. е. *смыслами*.³⁷ По О. С. Ахмановой, смысл — это «значение, присущее слову как единице языка в отличие от того значения, которое оно приобретает при употреблении в конкретных ситуациях речи (курсив мой. — В. Г.), т. е. в отличие от его номинации; ср. интенционал».³⁸ Приведенные слова из словаря О. С. Ахмановой могут быть истолкованы как движение в направлении формирования понятия «смысл» в трактовке Г. П. Мельникова.

В отличие от значения *смысл* (или номинация (О. С. Ахманова)), по Г. П. Мельникову, — *неязыковая семантика*, мыслительное содержание, которое передается в актах коммуникации посредством языковых и речевых средств.³⁹ По О. С. Ахмановой, смысл — это «то содержание (*значение*) (курсив мой. — В. Г.), которое слово (выражение, оборот речи и т. п.) получает в данном контексте употребления, в данной конкретной речевой ситуации (ситуации общения)».⁴⁰ В немецкоязычной логике есть восходящая к Г. Фреге (*G. Frege*) и проникающая в языкознание традиция разграничивать понятия *значение (Bedeutung)* и *смысл (Sinn)*. Под смыслом понимается «*Art des Gegebenseins*», т. е. *образ, способ существования данности*.⁴¹

В свете современных лингвистических представлений коммуникативная, или мыслительно-речевая, деятельность может быть обрисована следующим образом: в психике говорящего происходит процесс, начинающийся с (1) возникновения замысла (коммуникативной интенции), проходящий через (2) формирование *подлежащего сообщению*

³⁷ Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. С. 267–290.

³⁸ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2007. С. 403 (статья про сигнификацию).

³⁹ Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. С. 253–258, 267–290. — Ср.: Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.

⁴⁰ В этих словах нельзя не видеть игнорирование различия между значением и смыслом.

⁴¹ *Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini*. Leipzig, 1985. S. 40 (слово «Bedeutung»). — Подробнее см.: Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М., 1976. С. 553 (слово «смысл»).

мыслительного содержания (смысла), (3) кодирование смысла путем подбора способных напоминать или намекать на этот смысл языковых значений (семантем), (4) фонологическую и морфонологическую материализацию (в виде знаков) ассоциированных с семантемами «языковых знаков» (означаемыми выбранных двусторонних языковых единиц — монем) и с линейным расположением знаков (слов и морфов) по морфологическим и синтаксическим правилам и моделям языковой системы. Заканчивается этот процесс порождением коммуникативных речевых единиц — высказываний. Восприятие и декодирование смысла слушающим мыслятся как процесс, который протекает в противоположном направлении: сначала происходит (1) опознание компонентов речи (звуков, знаков, слов, морфов, словоформ, конструкций), (2) возбуждение их внутриязыковых соответствий (фонем, «языковых знаков», т. е. означающих монем), далее (3) опознание их семантем (означаемых), (4) выбор или поиск смыслов, которые напоминают или на которые намекают семантемы, и (5) формирование цельного смысла, который имеется в виду говорящим.

И ребенком-неофитом, и ученым-исследователем языковая система познается через речь, через коммуникативную деятельность, и это обстоятельство является гарантией того, что наука способна адекватно познавать и моделировать языковую систему для любых прикладных целей.

Поскольку, как было сказано, в типологии монем большую роль играют значения, а также их коммуникативные функции, имеет смысл остановиться на важнейших разновидностях языковых значений. При этом автор опирался прежде всего на идеи Л. В. Щербы, А. А. Реформатского, А. Лейзи и др.⁴²

Вещественные (материальные) значения представляют собой обобщенные образы вещей, свойств или отношений, лишённые «частеречных» классифицирующих сем, т. е. не истолковываемые как предмет, признак, обстоятельство, количество или действие.⁴³

Классифицирующие — такие значения, на основании которых монемы объединяются в классы и разряды. Имена существительные объединяются в один лексико-грамматический класс значением *предметности*, прилагательные — значением *качественности*, большинство наречий — прежде всего значением *обстоятельственности*,

⁴² Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1996. С. 249–253; Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 77–100 (глава «О частях речи в русском языке»); Leisi E. Der Wortinhalt: Seine Struktur im Deutschen und Englischen. 2 erweiterte Auflage. Heidelberg, 1961. S. 23–25.

⁴³ Ср.: Реформатский А. А. Введение в языковедение. С. 252.

числительные — значением *конкретного количества*, глаголы — значением *процессуальности*. Во многих языках имеется категория рода. Значение рода — одно из типичных классифицирующих значений. В русском языке имеется классифицирующее значение одушевленности-неодушевленности. В тюркских языках имеется, по-видимому, только одно классифицирующее значение — *частеречное*. Поскольку наличие у лексемы того или иного классифицирующего значения детерминирует ее словообразовательные и словоизменительные особенности, классифицирующие значения следует признавать одной из разновидностей *грамматических значений*.

Знаменательные (*самостоятельные, автосемантические, конкретные*) — такие значения, которые представляют собой единство вещественных и частеречных классифицирующих значений и в конкретном языке могут представлять «потенциальное содержание речи» (Е. Д. Поливанов), т. е. способны представлять в качестве смыслов мыслительное содержание, которое становится «темой языкового обмена» (Е. Д. Поливанов); носители знаменательных значений могут использоваться в качестве минимальных коммуникативных единиц, т. е. *высказываний*.

Лексеообразовательные (*словообразовательные, деривационные*) — такие значения, сопряжение которых с лексическими значениями изменяют последние в такой мере, что они становятся отражениями каких-либо элементов реальности, отличных от тех, которые отражены исходными значениями, т. е. отражениями новых реалий.⁴⁴ Результатом сопряжения какого-либо лексического значения со словообразовательным чаще всего является новая лексема, т. е. единица, пополняющая словарный состав языка.

Служебные (*несамостоятельные*) — такие значения, которые не могут передавать «потенциальных тем языкового обмена» (Е. Д. Поливанов), в которых отражена и закреплена имеющая дополнительный характер (с точки зрения носителей языка) информация о связях или второстепенных свойствах элементов реальности и носители которых не способны выступать в качестве высказываний. В *синтетических* языках носителями служебных значений являются или служебные *морфемы*, реализуемые в речи преимущественно в виде аффиксов (префиксов, инфиксов, суффиксов, внутренней флексии и т. д.), или служебные *лексемы*, реализуемые в речи как служебные слова (последлоги, союзы, некоторые частицы).

⁴⁴ Ср. позицию М. Докулила в изложении Е. С. Кубряковой: *Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова*. М., 1981. С. 147.

Лексические значения — знаменательное, лексемообразовательное или служебное значение, носителем которого является лексическая единица языка, т. е. лексема.

Служебные грамматические (словоизменительные) — такие служебные значения, носителями которых являются средства оперативно-грамматического преобразования слова в речи (чаще всего аффиксы). Например, тур.: (yol)+lag+ımız+da «на наших дорогах».⁴⁵ Весьма продуктивной следует признать мысль, согласно которой «лексические и грамматические значения противопоставляются друг другу не столько в содержательном плане... сколько формой их выражения и существования в языке. Описываемый нами тип лингвистического значения не отличается от других типов значения и в этом плане. Он противопоставлен лексическим и грамматическим значениям не столько своими содержательными характеристиками, сколько формой своего существования».⁴⁶

Категориальные значения — оязыковленные абстрактные образы элементов реальной действительности (вещей, свойств, отношений), объединяющие или лексемы в лексико-грамматические классы («части речи»), или словоизменительные формы — в «грамматические» категории, представляющие собой по преимуществу совокупности форм.

Если, например, речь идет о словоизменении имен существительных, необходимо подчеркнуть, что автор принимает семантическую трактовку понятия «существительное» по Л. В. Щербе: лексема, означающая предмет и любое явление реальной действительности, которое носителями языка воспринято и/или воспринимается как предмет; иными словами, лексема, обладающая помимо вещественного значения, в котором отражено какое-либо явление объективной реальности, еще и категориальным классифицирующим значением предметности.⁴⁷

Изложенная типология языковых значений позволяет более подробно охарактеризовать «части речи», т. е. классы, в которые объединяется основная, ведущая разновидность номем — лексемы.

Классы лексем — это наиболее крупные объединения (группы, ряды), совокупность которых представляет собой одну из объективно существующих *естественных систем*, к которым не применимы принципы составления формально-логических классификаций и которые функционируют как содержательные классификации, строящиеся на

⁴⁵ Здесь и далее знак +, обеспечивающий наглядность состава словоформы, не имеет отношения к орфографическому написанию словоформ.

⁴⁶ Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. С. 143.

⁴⁷ Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 83.

основании внутренних закономерных связей между объектами и их группировками.⁴⁸ Общеизвестно мнение Л. В. Щербы: «В вопросе о “частях речи” исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым признакам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой».⁴⁹ Один из крупнейших отечественных тюркологов Э. В. Севортян считал, что «каждая часть речи имеет свои ведущие классификационные критерии, по отношению к которым остальные критерии являются дополнительными».⁵⁰ Как будет показано ниже, в соответствующих главах, лексемы объединяются в классы вследствие наличия у каждой из них одного из *ведущих семантических или функциональных признаков*.

Каждый класс знаменательных (автосемантических) лексем сформирован на базе семантических признаков, т. е. наличия у каждой единицы одного из знаменательных значений — абстрактных образов предмета, признака, обстоятельства, конкретного количества или действия, что нередко справедливо понимается исследователями как обладание (наряду с вещественными) наиболее абстрактными классифицирующими и потому «частеречными» значениями: предметности, «призначности», обстоятельственности, конкретной количественности, процессуальности; каждое из них объединяет лексемы — носители этих признаков — соответственно в классы: (1) *существительных*, (2) *прилагательных*, (3) *наречий*, (4) *числительных* и (5) *глаголов*.

Классы (6) *послелогов* и (7) *союзов* формируют служебные значения. Лексемообразовательные значения объединяют все (8) *словообразовательные лексемы* со значениями «делать, быть, находиться...»: *etmek, eylemek, kılmak, olmak* и др.

Специализация (точнее, специализированность) для выполнения одной из частных коммуникативных функций являет собой: а) опосредованное представление в речи именных «частеречных» значений предметов, признаков, обстоятельств и количеств особым способом, именуемым «указательностью», — функция, которая объединяет все (9) *местоимения*; б) выражение содержания предиката суждений —

⁴⁸ Жирмунский В. М. О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1965. С. 7–9; Павлов В. М. Системность языка и полевые объединения грамматических явлений // Взаимодействие языковых единиц различных уровней / отв. ред. Л. В. Шишкова. Л., 1981. С. 76–77.

⁴⁹ Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. С. 78–79.

⁵⁰ Севортян Э. В. К проблеме частей речи в тюркских языках // Вопросы грамматического строя / отв. ред. В. В. Виноградов. М., 1956. С. 188–225.

функция, характеризующая (10) *предикативы*; в) функция «вводности», т. е. выражения вводной информации, объединяющая (11) «*модальные слова*» (модальные лексемы), которые в составе высказываний не выполняют синтаксических функций, а фигурируют как вводные слова; г) функция привнесения в высказывания разнообразных дополнительных значений и оттенков при неспособности выступать в качестве самостоятельных коммуникативных единиц и синтаксически самостоятельных компонентов высказываний («членов предложения») характеризует (12) *частицы*; д) ассоциированность означающих не с обычными значениями, т. е. образами элементов реальности, а со следами эмоций в психике индивида и функционирование в качестве «языковых средств для экспрессивно-драматического выражения эмоций и волевых импульсов»⁵¹ формирует класс (13) *междометий*; е) способность выступать в качестве любого компонента высказывания и выполнять разнообразные коммуникативные задачи путем напоминания или намекания посредством звукоподражания или звуковой символики объединяет в особый класс (14) *ономатопы*, означающими которых являются образы речевых знаков, являющихся звукоподражаниями или звуковыми символами и несущих коммуникативную нагрузку при второстепенной роли представляемых ими значений.⁵²

Начавшийся еще в трудах И. А. Бодуэна де Куртене процесс разграничения понятий «язык» (языковая система) и «речь» делает необходимым дальнейшее последовательное разграничение соответствующих единиц понятийно-терминологического аппарата.

Термин «морфема» означает в настоящей работе такую разновидность монем, которая представляет собой минимальную инвентарную единицу морфологической подсистемы языка, является носителем одного из грамматических (классифицирующего частеречного, словообразовательного или служебного) значений и функционирует как одно из основных средств оперативно-грамматического преобразования слова.

Минимальной структурной единицей морфологической подсистемы языка мыслится *форма*, представляющая собой *идеальную* единицу, *абстракцию*,⁵³ на основании которой производится порождение конкретной разновидности *словформ* (речевых образований) с целью (если отвлечься от случаев вторичного гипостазирования, о которых речь идет в соответствующем пункте ниже, см. п. 3.4 «Категория

⁵¹ Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972. С. 584.

⁵² Ср., напр.: Atabay N., Özel S., Çam A. Türkiye Türkçesinin Sözdizimi. İstanbul, 2003.

⁵³ Реформатский А. А. Введение в языковедение. С. 256–261.

номинализации действия (категория вторичного гипостазирования)» в разделе «Морфология») передачи информации о связях или второстепенных свойствах элементов действительности, называемых исходными основами. Оправданно предполагать, что в формах отражены и закреплены программы действий, совокупности правил, модели, по которым строятся словоформы.

Ближайшим родственником понятия «форма» является понятие «морфологическая категория», которое трактуется как структурная словоизменятельная единица более высокого, чем форма, порядка, поскольку в большинстве случаев представляет собой совокупность форм, объединяемых одним общим (как, например, субстантивная категория принадлежности) или разными, но родственными служебными значениями (например, категория склонения существительных, глагольная категория залога и др.), и в отличие от индоевропейских представлений может также признаваться одночленной, т. е. представленной одной формой с автономной семантикой (субстантивная категория множественности, именная категория вторичной репрезентации).

Словообразование, или лексеобразование, — такое оперативно-грамматическое преобразование лексемы в языке или слова в речи, которое преследует цель номинации какого-либо элемента реальности, означения какой-либо реалии. В результате словообразовательной операции возникает не *словоформа*, а иная *лексема* (в языке) или иное *слово* (в речи).

Словоизменение трактуется как языковой механизм такого *оперативного грамматического преобразования* знаменательных или служебных лексем, которое преследует цель сопряжения *лексических* (знаменательных или служебных) значений со *служебными*, не нарушает тождества лексемы само по себе и находит речевое воплощение в построении словоформ. В тюркских языках словоизменятельные операции чаще всего преследуют содержательно-коммуникативные цели: 1) передачи информации о связях (*ev+imiz+den* «из нашего дома», *yaz+dır+dı* «побудил кого-либо писать») или о второстепенных свойствах (*kız+cağız* «маленькая девочка», *gel+iver+dı* «неожиданно появился») тех элементов реального или воображаемого мира, которые называются исходными основами; 2) вторичной репрезентации, например, представления действия в именных образах предмета (*gel+me* «приход, прихождение»), признака (*gel+en* «приходящий») или обстоятельства (*ge+lerek* «приходя»). Формально-грамматическое использование аффиксов играет в тюркской грамматике весьма скромную роль (например, в атрибутивных конструкциях типа *Kitap mağaza+si* «Книжный магазин»).

Решение вопроса о единицах синтаксической подсистемы языка в современных работах пока еще наталкивается на традиционное

представление, согласно которому таковыми являются бесчисленные «словосочетания и предложения».⁵⁴ В этой позиции нетрудно разглядеть столь же традиционное, ставшее анахронизмом неразграничение понятий «языковая система» и «речь». Как будет показано ниже, в разделе «Функциональный синтаксис», более прогрессивным представляется признавать инвентарными единицами синтаксиса (синтаксемами) лексемы, а структурными — «синтаксические формы» (В. М. Павлов), или абстрактные образы, модели наблюдаемых в речи конструкций, лежащих в основе действительно бесконечного множества высказываний.

В дополнение к сказанному можно предложить список терминов, означающих соответственно единицы речи и языковой системы (см. табл. 1).

Таблица 1. Термины, означающие единицы речи и языковой системы

В РЕЧИ	В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ
Инвентарные единицы речи	Инвентарные единицы языка
Знаки, разновидности знаков: фонемы (звуки), буквы, слова	Фонемы, графемы, силлабемы (односторонние), монемы (двусторонние, значимые)
Синтаксис Инвентарные единицы	
Слова	Лексемы, неразложимые устойчивые синтагмы
«Структурные единицы»	«Структурные единицы»
Высказывания, их фонетические особенности (разновидности интонаций, фразовых ударений...)	Модели высказываний, знание их фонетических свойств... (интонации...)
Предложение (разновидность высказывания)	Нет
Лексика	
Знак = экспонент	Монема, означающее монемы
Слово (разновидность знака)	Означающее лексемы
Слово знаменательное	Лексема знаменательная
Слово служебное	Лексема служебная

⁵⁴ Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. С. 20.

В РЕЧИ	В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ
<i>Морфология</i>	
Инвентарные единицы	
Слово знаменательное	Лексическая морфема
Слово служебное	Лексема служебная
Аффикс	Морфема
Структурные единицы	Структурные единицы
Словоформа	Модель (в тюркских языках) / Форма (во флективных языках)
Совокупность словоформ	Формы, категории
<i>Морфонология</i>	
Фоны, звуки, звуковые особенности слов, аффиксов, словоформ	Фонемы, абстрактная структура означающих морем
Словоформы, высказывания	Модели словоформ
<i>Фонология</i>	
Инвентарные единицы	Инвентарные единицы
Фоны, звуки	Фонемы
Различительные признаки звуков или аллофонов	Образы различительных признаков
Нет	Структурные единицы
Нет	Система фонем

ФОНОЛОГИЯ

Под фонологией в настоящей работе понимается подсистема языка, включающая весь арсенал системно организованных сегментных единиц (фонем), реализуемых в речи в виде звуков, из которых состоят слова и аффиксы, и супraseгментных (просодических) языковых единиц, необходимых для порождения и восприятия комплексов звуковых речевых единиц, слов, высказываний (фонов, слогов, ударений и интонаций), а также для адекватной передачи смыслов в актах коммуникации.¹

В середине XX в. венгерский тюрколог Дьюла Немет обосновал тезис о двойной языковой системе «османского» языка, предшественника современного турецкого. Ученый пришел к выводу о том, что в языке наблюдается уникальное состояние: арабо-персидские элементы образуют резко обособленный слой, на всех уровнях функционируют по особым правилам, и обращение с этим иноязычным материалом со стороны носителей языка мало чем отличается от оперирования иностранным языком, что позволяет говорить о наличии в «османском» языке двойной языковой системы. Эта особенность, не имеющая аналога в европейских языках, могла сформироваться только в особых исторических условиях, в которых развивался османский язык.² Вопреки продолжающемуся до настоящего времени процессу ассимиляции, архаизации сохраняется известная обособленность арабо-персидских элементов. По этой причине, говоря о фонологических и морфонологических особенностях турецкого языка, основное внимание приходится уделять сфере его тюркских элементов.

¹ Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.

² Németh J. Zur Kenntnis der Mischsprachen (das doppelte Sprachsystem des Osmanischen) // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Tomus III. Fasciculus 1-2. Budapest, 1953. S. 153-199.

Современный латинизированный турецкий алфавит содержит 21 букву для согласных и 8 букв для гласных.

Со времен Н. С. Трубецкого в языкознании утвердилось положение, согласно которому народы, пользующиеся молодым алфавитным письмом, стихийно представляют на письме главным образом фонемы родного языка, а единицы субфонемного уровня (аллофоны, варианты фонем), как правило, отсутствуют в фонологическом арсенале индивида.³ Эта точка зрения Н. С. Трубецкого находится в полном соответствии с учением И. А. Бодуэна де Куртенэ о фонеме: «Фонема... есть однородное, неделимое в языковом отношении антропофоническое представление, возникающее в душе путем психического слияния впечатлений, получаемых от одного и того же звука». Или его же другое, практически эквивалентное определение 1899 г.: «Фонемы — это единые, непреходящие представления звуков языка».⁴ И. А. Бодуэн де Куртенэ назвал фонему «психическим эквивалентом звука», «звукотпредставлением»; фонема представляет собой образ, абстракцию, которая формируется у индивида путем отвлечения от функционально эквивалентных звуков речи и является основной инвентарной единицей фонологической подсистемы языка. Фонема — односторонняя единица. Ее главная функция — конструктивная, т. е. функция выступать в роли строительного материала означающих монем в языке и их экспонентов (знаков) в речи. Иными словами, фонема — это та языковая единица, благодаря которой индивид способен производить и опознавать функционально эквивалентные фоны в составе экспонентов монем в процессе речевой деятельности. Отчетливое разграничение соотносительных единиц речи и языка имеется в виду в следующих словах Бодуэна: «Обнаруженная графема становится буквою, а обнаруженная фонема становится звуком».⁵

Приспосабливая новый для них латинский алфавит к фонологии турецкого языка (новоразработанный алфавит опубликован 3 ноября 1928 г.), создатели молодой турецкой письменности стихийно должны были двигаться по пути отбора из имеющегося арсенала знаков, таких, которые пригодны для выполнения функции букв-фонемогамм. В результате в первую очередь были приняты 21 буква для согласных и 8 букв для гласных. Привативный характер различий между фонемами позволяет без труда установить фонологическое содержание (фонему), представляемое каждым знаком.

³ *Actes du deuxième Congrès international de linguistes*. Genève 25–29 août. 1931. Paris, 1933. P. 121–122.

⁴ Цит. по: Алнатов В. М. История лингвистических учений. М., 1998. С. 123.

⁵ *Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию*. Т. I. С. 214.

Согласные фонемы:

/b/ — губная, звонкая, смычная, шумная;

/p/ — губная, глухая, смычная, шумная;

/v/ — губная, звонкая, щелинная, шумная;

/f/ — губная, глухая, щелинная, шумная;

/d/ — переднеязычная, звонкая, смычная, шумная;

/t/ — переднеязычная, глухая, смычная, шумная;

/z/ — переднеязычная, звонкая, щелинная, шумная;

/s/ — переднеязычная, глухая, щелинная, шумная;

/c/ — среднеязычная, звонкая, смычная, шумная;

/ç/ — среднеязычная, глухая, смычная, шумная;

/ş/ — среднеязычная, глухая, щелинная, шумная;

/g/ — заднеязычная, звонкая, смычная, шумная;

/k/ — заднеязычная, глухая, смычная, шумная;

/ɣ/ — заднеязычная, звонкая, щелинная, шумная (на письме пред-

ставлена буквой ğ);

/h/ — гортанная;

/m/ — губной, носовой сонант;

/n/ — переднеязычный носовой сонант;

/l/ — билатеральный сонант;

/r/ — дрожащий сонант.

/y/ — среднеязычный щелинный сонант, или /y/ — среднеязычная, звонкая, щелинная, шумная;

/j/ — нетюркский, заимствованный из персидского и французского языков среднеязычный звонкий спирант.

Большинство перечисленных фонем имеют свое место в подсистеме и участвуют в синтагматических чередованиях (как, например, /p/~/b/ в *dîr* «дно» ~ *dîb+îp+de* «на дне чего-либо»). Исключение составляют гортанная /h/ и звонкая двухфокусная /j/. Первая занимает маргинальное место в системе, а вторая используется исключительно в иноязычных словах, чаще всего в именах собственных, и ведет себя как заимствованная согласная фонема (перс. *ejder* «дракон», ставшие модными имена личные — *Ajda Pekkan*, *Tanju Okkan* и др.). Чужеродность согласной /j/ особенно отчетливо проявляет себя в том, что некоторые носители языка вместо этой согласной произносят аффрикату [c] (= dž).

Гласные фонемы:

/a/ — широкая, заднерядная негубная;

/e/ — широкая, переднерядная негубная;

/o/ — широкая, заднерядная губная;

/ö/ — широкая, переднерядная губная;

/ɫ/ — узкая, заднерядная негубная;
/i/ — узкая, переднерядная негубная;
/u/ — узкая, заднерядная губная;
/ü/ — узкая, переднерядная губная.⁶

Рождение фонемы /ɣ/. В стадии становления находится согласная фонема /ɣ/, которая в турецком алфавите представлена буквой ğ. В тюркском пласте языка ее комбинаторные аллофоны — веляризованный [ġ] и палатализованный [g] — лишь в нескольких словах, и то с колебаниями [ġ] ~ [g], нарушают отношение дополнительного распределения: ağaç «дерево», eġe «напильник», но: gaga «клев», eġemen «господствующий», öġe «элемент, член (высказывания)».

О согласном звуке [ɣ]. Воспринимающий турецкую речь иностранец может решить, что спирализованнный [ɣ], представляемый на письме буквой ğ в позиции между двумя гласными или после гласного, отсутствует по причине почти полностью исчезнувшей при его артикуляции преграды, а два оказавшихся по соседству гласных следуют один за другим: soġk (< soġuk «холодный») и т. п. Однако, по наблюдениям автора настоящей работы, на самом деле звук [ɣ] полностью не исчез. Он артикулируется говорящим настолько легко, небрежно, что иногда неслышим. В некоторых диалектах, в которых он совершенно исчез, его место занимает звук [y], как в случае soġuk «холодный».

Губная глухая согласная /f/. Губная глухая согласная фонема /f/ используется почти исключительно в междометиях (of «ой, ох, уф», öf «фу, тьфу») и в звукоизобразительных лексемах: fikir (подражание шуму кипящей воды, подражание смеху), fikir fikir (звукоизобразительная передача быстрого и непрерывного вращения), fikirdamak «кипеть, бурлить», firildak «флюгер», firildamak «кружиться», fisilti «шепот», üfletek «дуть». Имеется также лексема, в которой она является следствием ассимиляционного оглушения звонкого /v/ öfke (< övke < öbke) «гнев, ярость».

Другие лексемы с этой фонемой являются заимствованиями из других языков: çirkef (< çirkâb) «грязь, нечистоты», fabrika «фабрика, завод», fakir «бедный», hoşaf (< hoşâb) «компот», küfür «ругань, богохульство», mutfak (< matbah) «кухня» и т. д.

Фонема /h/. «Что касается фонемы /h/, то она в большинстве языков является неопределенной согласной вообще».⁷ Условно ее можно назвать фарингальной /h/, которая находится вне локальных рядов.

⁶ Ср. с составом фонем языка древнетюркских рунических памятников: Аврутина А. С. Древнетюркские рунические памятники. Система письма и фонологическая реконструкция. М., 2012. С. 70–97.

⁷ Трубецкой Н. С. Основы фонологии. С. 166.

Фонема /h/ присутствует в ряде тюркских лексем: hakan (< kaghan), (< kan) «правитель», hanım (< kanım) «госпожа», hatun (< katun) «женщина», hanı (< kanı) «а, где...», hangi (< kangı), dahi (< takı) «даже», daha «даже». Особенно часто звук (реализация этой фонемы) присутствует в речи носителей в междометиях и звукоизобразительных словах: hay «о! ой! ах!..», haykırmak «кричать», hey «Эй, послушай», hışırtı «шелест», horlamak «храпеть», hırıltı «хрип» и т. п.

МОРФОНОЛОГИЯ

По мнению В. Б. Касевича, «не будет большой натяжкой сказать, что морфонология — это фонология в действии, это фонология значимых единиц, с одной стороны, и “озвученные” морфология, словообразование, синтаксис — с другой».¹

Агглютинативную морфонологию оправданно понимать как фонологическое построение *монем*, т. е. такую подсистему языка, которая содержит правила и закономерности фонологических структур монем в языке, а также фонетики слов и словоформ в речи.²

Наиболее яркой морфонологической особенностью агглютинативных языков является развитый *сингармонизм*, т. е. созвучие звуков речи в пределах слов и словоформ. По мнению Е. Д. Поливанова, «сингармонизм» — искусственно составленный греческий термин, предпочитаемый в современной русской лингвистической литературе традиционному термину «гармония гласных».³

Сингармонизм — это совокупность ассимилятивных явлений в сфере гласных и согласных, которые характеризуют лексические основы и построение словоформ.

В турецком языке сингармонизм включает в себя четыре ассимилятивных явления: 1) нёбную гармонию гласных, 2) губную гармонию гласных, 3) гармонию согласных и 4) ассимилятивное воздействие гласных на согласные в слове или словоформе (имеются в виду речевые явления). Считается, что сингармонизм выполняет в агглютинативных языках ряд тех же функций, что и ударение во флективных языках. Во всяком

¹ Касевич В. Б. Труды по языкознанию. СПб., 2006. С. 242.

² Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 13. — Ср. также: *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 315–316.

³ Поливанов Е. Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991. С. 417.

случае, не будет ошибкой признавать за ним конституирующую и все те три функции, которые Н. С. Трубецкой обнаруживал у звука: 1) вершинообразующую, или кульминативную; 2) разграничительную, или делимитативную; 3) смысловозначительную, или дистинктивную.⁴ Сингармонизм выделяет слово и отграничивает его от других слов в речи. Следует добавить, что он консолидирует слова и словоформы.⁵

Нёбная (палатальная) гармония гласных представляет собой прогрессивное уподобление гласных звуков (фонов) непервых слогов слова или словоформ гласному первого или предыдущего слога по лингвальным (заднерядные [a], [ɪ], [o], [u] / переднерядные [e], [i], [ø], [ü]) признакам, например: at+lar+ımız+da «у наших лошадей», но ev+ler+ımız+de «в наших домах».

В тюркских словах и словоформах имеется незначительное количество нарушений палатальной гармонии, например: anne «мать», dahi «даже», elma «яблоко», hanı (частица), hangi «который», inanmak «верить», kardeş «брат, сестра», amsamgil «семья дяди по отцу», geliyor «он идет», akşamleyin «вечером», sonrakı «последующий», konuşurken «когда он говорил», yeşilimtirak «зеленоватый». Конечно, у каждого такого исключения есть историческое или комбинаторное объяснение,⁶ но они выходят за рамки нашей темы.

Необходимо отметить, что палатальная гармония затронула также некоторые заимствованные слова: *akraba* < akrîbâ (араб.) «родственники», *adam* < âdem (араб.) «человек», *çene* < çâne (перс.) «челюсть», *gönye* < gonia (греч.) «лекало», *surat* < sûret (араб.) «лицо». Кроме того, нарушение палатальной гармонии наблюдается при наращении тюркских аффиксов заимствованными словами: *hâl+ımız* (араб.) «наше положение», *tarih+ler+de* «в датах, в историях».

Губная (лабиальная) гармония гласных — уподобление узких гласных ([ɪ], [i], [u], [ü]) гласным *предшествующих* слогов по признаку губности/негубности: *köy+ümüz+de* «в нашей деревне», *oğl+unuz+da* «у вашего сына», *at+lar+ımız+da* «у наших лошадей», *ev+ler+ımız+de* «в наших домах» (в примерах выделены участки словоформ, на которых действует губная гармония гласных). Необходимо отметить, что некоторые авторы допускают отождествление, т. е. одинаковую трактовку,

⁴ Трубецкой Н. С. Оновы фонологии / пер. с нем. А. А. Холодовича; под ред. С. Д. Кацнельсона; предисл. А. А. Реформатского. М., 1960. С. 36–37.

⁵ Мельников Г. П. О взаимоотношении агглютинации и сингармонизма // Морфологическая типология и проблема классификации языков / отв. ред. Б. А. Серебренников, О. П. Суник. М.; Л., 1965. С. 298–301.

⁶ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. С. 35–38.

обеих разновидностей гармонии гласных. Поэтому важно подчеркнуть, что: 1) губной гармонии подвержены только узкие гласные ([i], [i], [u], [ü]); 2) не имеет значения, является ли гласный предшествующего слога первым или непервым (oda+ımız «наша комната»); 3) случаи, когда узкий гласный предшествует широкому [a], [e], [o], [ö], т. е. такие словоформы, как bilge «мудрый», ıslak «влажный» и т. п., не имеют отношения к губной гармонии гласных.⁷

Губная гармония гласных возникает позже палатальной. В турецком языке она начинает развиваться в османский период приблизительно с XV в. В письменных памятниках староосманского периода (XIII–XV вв.) она еще отсутствует. Анатолийско-тюркские основы, такие как dogrı «прямой, правильный», eyü «хороший», kız+ım «моя дочь», bil-ür «зная», eyle-düü «ты сделал», ol-dı «он стал», öl-di «он умер», в результате развития губной гармонии приняли облик: dogru, iyü; kız+ım, bil-ip, eyle-din, ol-du, öl-dü. Примеры: aç+ık «открытый», ışık «свет», ez+ık «раздавленный», diş+li «зубчатый», dur+gun «неподвижный», doğru+luk «прямота», güz+ün «осенью», köy+ümüz «наша деревня».

В некоторых тюркских языках, например в киргизском и якутском, губная гармония гласных распространяется и на широкие негубные гласные: coldoş «товарищ» (киргиз.), köbölök «мотылёк» (киргиз.), оговор (< ого + лор) «дети» (якутск.), олордор (< олор + дор) «если он живёт» (якутск.).

Гармония согласных — уподобление начальных смычных (переднеязычных [t] ~ [d], среднеязычных [ç] ~ [c] и заднеязычных [k] ~ [g]) согласных словообразовательных и словоизменительных аффиксов конечным фонетически звонким фонам основ (т. е. включая сонанты [m], [n], [r], [l] и гласные) по признаку фонетической глухости/звонкости (yar+ım «я сделал», at+ın «с коня», tas+ta «в чашке, в миске», aç+ın «от еды», balık+çı «рыбак», unut+kan «забывчивый», kum+dan «от песка», al+dım «я взял», av+cı «охотник», dag+da «на горе», süz+geç «цедилка, ситечко», ay+dan «с луны»).

Уподобление согласных гласным. К числу явлений, составляющих турецкий сингармонизм, относится также воздействие гласных на качество реализации в речи согласных фонем. При построении слов и словоформ дифференциальные признаки гласных (в частности, заднерядность — переднерядность) оказывают непосредственное влияние на артикуляцию соседнего с гласным фоном согласного аллофона (т. е. комбинаторного варианта согласной фонемы).

⁷ Ср.: Там же; Kaya G. İ., Öztürk C., Yılğör A., Altun N., Selimhocaoglu D. B. Türk Dili. I. Ders Notları. İstanbul, 1997. S. 8.

Особенно отчетливо различаются соответствующие аллофоны согласных /g/, /k/ и /l/, что дает основание некоторым авторам, игнорирующим особое положение в языке арабо-персидских заимствований, ошибочно трактовать эти звуки речи как соответствующие заднерядные и переднерядные согласные фонемы /ğ / и /g/, /q/ и /k/, /l/ и /l/.⁸ Однако такое решение противоречит третьему правилу Н. С. Трубецкого, согласно которому если пара артикуляторно и акустически родственных фонем никогда не встречается в одной и той же позиции (т. е. находится в отношении дополнительного распределения), то они являются комбинаторными вариантами одной и той же фонемы.⁹ Таким образом, речь должна идти не о шести, а о трех вышеупомянутых фонемах с аллофонами: о заднерядном [ğ] (как в слове *gaga* «клев») и переднерядном [g] (*göl* «озеро»), о заднерядном [q] (*kol* «рука») и переднерядном [k] (например, в слове *kül* «зола, пепел»), заднерядном [l] (*kol* «рука», *olmak* «быть»), переднерядном [l] (*öl-* «умирать»), которые определяются лингвальными признаками гласных.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ СЛОВ И СЛОВОФОРМ. ОСОБЕННОСТИ НАЧАЛА, СЕРЕДИНЫ И КОНЦА СЛОВА

Предпосылкой исчерпывающего описания морфологии турецкого языка в первую очередь является отграничение от основной части языковой системы класса обильных звукоизобразительных средств. Как будет показано, многие правила, действующие в основной части языковой системы, совершенно недействительны для звуко-образоподражательных средств.¹⁰

Начало слова. Согласные /ğ/, /l/, /r/, /f/ в начале собственно тюркских слов не используются (но все, кроме /ğ/, нормально функционируют в сфере ономастопов; ср., напр.: *gacı gacı* «неприятный звук», *garılı* «топот», *lakırdı* «болтовня», *fırıldak* «флюгер»).

Согласные /g/, /m/, /n/, /p/, /z/ в начале слов встречаются редко (*miş miş uyumak* «спокойно и беззвучно спать», *nah nuh etmek* «бормотать

⁸ См., напр.: *Swift L. B. A Reference Grammar of Modern Turkish*. Bloomington, 1963. P. 4-27; *Aksan D., Atabay N., Özel S., Çam A., Pirali N. Türkiye Türkçesi Gelişmeli Sessizliği*. Ankara, [б. г.]. S. 15; *Mansuroğlu M. Türkiye Türkçesinde Ses Uyumu // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten*. Ankara, 1959. S. 81-93.

⁹ *Трубецкой Н. С. Основы фонологии*. С. 56-57.

¹⁰ *Hamza Zülfiyar. Türkçede ses yansımali kelimeler. İnceleme — Sözlük*. Ankara, 1995.

про себя», *patlamak* «взрываться», *zamzum* «болтовня»). Смычная заднерядная звонкая /g/ не может находиться между двумя гласными (ср., однако: *gaga* «клюв птицы»).

Середина слова. В турецком языке за исключением таких слов, как *elli* «пятьдесят», *yassı* «плоский», *anne* «мать», геминаты отсутствуют. Поэтому почти все слова, содержащие геминаты, являются заимствованными: *cadde* «магистраль», *kubbe* «купол», *müddet* «промежуток времени», *fenn* «естественная наука», *hakk* «право», *hiss* «чувство» и т. п. Таким образом, в некоторых оказавшихся в турецком языке заимствованных словах одна из двух согласных выпадает: *ama* < араб. *amma* «но», *çile* < перс. *çille* «сорокадневный период», *kere* < араб. *kerre* «раз», *kasap* < *kasab* < араб. *kassab* «мясник» и т. п.

Это явление имеет место и в некоторых односложных чужеродных словах, имеющих удвоенные согласные в ауслaute (некоторые из них упомянуты выше): *fep* < *fenn*, *hak* < *hakk*, *his* < *hiss*, *zam* < *zamm* («прибавка») и т. п.

Ассимиляция и диссимиляция. В заимствованных лексемах наблюдаются случаи прогрессивной ассимиляции двух находящихся по соседству согласных по глухости или звонкости: *nisbet* > *nispet* «соотношение», араб. *afv* > *aff* «прощение», перс. *rençber* > *rençper*. Одна из улиц стамбульского района Скутари носит название *Nağacı Hasan Sokakı* «Ул. Набойщика Хасана», в первом слове которого присутствует диссимилятивное соседство согласных [ç].

Отдельные случаи ассимиляции. Смычные глухие согласные [p], [t], [ç], [k] в исходе некоторых основ, оказываясь в интервокальной позиции, нередко озвончаются (при наличии исключений), а согласный [g] может превращаться в звонкий щелевой звук: *kitap* > *kitab+ım* «моя книга», *kilit* > *kilid+ımız* «наш замок», *öğüt* > *öğüd+üm* «мой совет», *çekiç* > *çekic+i* «его/ее молоток», *ayak* > *ayağ+a* «ноге» (дат. падеж). Некоторые исключения: *at+ı* «его лошадь», *sepet*, но *sepet+i* «ее корзина», *bulut* > *bulut+u* «облако» (винит. падеж).

Допускается сочетание двух смычных согласных на стыке морфем: *gök+ten* «с неба», *ev+de* «в доме», *yol+daş* «спутник, товарищ».

Как пишет А. Н. Кононов, в турецком языке преобладало полногласие, т. е. «недопустимость стечения как двух гласных, так и двух согласных в одном слого».¹¹ В частности, в заимствованных лексемах перед стечением согласных в начале лексемы развился протетический узкий гласный: *iskele* < итал. *scala* «пристань», *ispinoz* < греч. *spinoz*

¹¹ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 40–42.

«зьяблик», istasyon < лат. statio «станция», İstanbul «Стамбул», istep < русск. «степь», ispiritizm «спиритизм» < лат. spiritus «душа, дух» и т. д.

Стечение согласных устраняется также реже встречающимся эпентетическим гласным: spourtmen < англ. sportsman «спортсмен», sipiker < англ. speaker «диктор», tiren < франц. train «поезд».

Согласные кластеры. Два согласных в одном слове в ауслайте сохраняются при условии, что первым будет /l/, /m/, /n/, /r/, /ʃ/, /s/, /f/, /h/, /p/, а вторым — один из глухих /ç/, /f/, /h/, /k/, /p/, /s/, /t/, /z/. Например, в следующих тюркских лексемах: ilk «первый, начальный», alt «низ», kalp «фальшивый», ölç «измеряй», tilki «лиса», Türk «турок», yurt «страна», yumurta «яйцо», borç «долг», çarp «ударяйся», örs «наковальня», kazanç «заработок», ант «клятва», üst «верх».

С целью благозвучия и достижения полногласия многие слова получают вставные гласные: sar+a+sağlam «совершенно надежный», gün+e+gündüz «среди бела дня», az+i+cik «немножечко», bir+i+cik «одинешенький».

Полногласие наблюдается и в таких словоформах, в которых согласные, разделяющие гласные звуки, имеют самое разное происхождение: ana+si+n+da «у его матери» (восстанавливается древняя форма аффикса принадлежности), dere+u+e «к реке» (восстанавливается древняя форма аффикса дательного падежа), kapı+si «его дверь», iki+ş+er «по два» и т. д.

Согласные кластеры во многих словах устраняются путем апокопы: tezgâh < перс. destgâh «верстак», dostluk < перс. dostluk «дружба», dürüstlük < перс. dürüst «правильный, верный».

Арабские лексемы с согласными геминатами на конце утрачивают один согласный, который восстанавливается при гласном наращении: hak(k) > hakkım «право» > «мое право», hür(r) > hürriyet «свободный» > «свобода», red(d) > ret > reddimiz «отказ» > «наш отказ».

Довольно редко встречается *синкопа* (выпадение): arslan > aslan «лев», tüfenk > tüfek «ружье».

Редко наблюдается также использование *протетических согласных*: yıldız < ildiz «звезда», yilki < ilki «табун», haşlama < aşlama «ошпаривание».

Основы, оканчивающиеся на фонемы [ç] или [k], по аналогии с подобными другими словами способны приобретать эпентетический [n]: fişenk > fişek «гильза», kılınç > kılıç «сабля», tunç < tuç «бронза», tüfenk > tüfek «ружье», arslan > aslan «лев» и др.

В ряде заимствованных лексем стечение двух согласных в последнем слове устраняется посредством эпинтезы: kutup < араб. kutb «полюс», ömür < араб. ömr «жизнь», şehir < араб. şehir «город».

Падение согласных. Если к основе на [k] присоединяется аффикс, в конце которого находится тот же согласный, то согласный [k] основы опускается: alçak+cık > alçasık («низенький»), büyük+sek > büyücek («великоватый»), küçük+cük > küçücük («малюсенький»).

В воинских званиях после морфем üst и ast сочетание [tt] произносится и пишется с одним [t]: astteğmen > asteğmen «младший лейтенант», üstteğmen > üsteğmen «старший лейтенант».

Выпадение узких гласных. При дальнейшем гласном наращении узкие гласные второго слога в большинстве двусложных слов (не всегда!) выпадают: ağız > ağız+ı «его рот», oğul > oğul+u «его сын», burun > burn+u «его нос», gönül > gönlüm «мое сердце». Ср.: deniz > deniz+ı «его море», odun > odun+u «его дрова».

Узкий гласный в середине многих двусложных тюркских и заимствованных слов при гласном наращении, смещающем ударение на аффикс, оказываясь в предупредном положении, выпадает: beyin > be+yün+i > beyni («мозг»), burun > bu+run+un > burnun («твой нос»), gönül > gö+nül+ü > gönlü («его сердце»); gönül > gö+nül+üm > gönlüm («мое сердце»), kavuş- > ka-vuş+ak > kavşak («перекресток») и т. д.

То же явление наблюдается в заимствованных словах: akl > akl+ı > a-kıl+ı > a-ki-li > akli («его ум»), film > filim > fi-lim+in > fi-li-min > filmin («твой фильм»), zehr > zehir > ze-hir+i+ni > ze-hi-ri-ni > zehrini («яд») и т. д.

Независимо от структуры слога гласный в середине как тюркских, так и заимствованных слов при аффиксации или гласном наращении выпадает: Ne+ge+de > ner+de («где»), bu+ra+da > bu+r+da («здесь»), Fâ+tı+ma > Fat-ma (имя собственное) и т. д.

Гипологизация — выпадение одного из двух следующих друг за другом одинаковых или фонетически сходных слогов: klasizm < klasisizm, pazartesi < pazar ertesi («понедельник»), reki < rekiyi («очень хорошо»), anlamazlık < anlamamazlık («непонятливость»), -dur < durur (аффикс), -yog < yogır (аффикс) и т. п.

Сужение широких гласных. Комбинаторная замена широкого гласного ([a] или [e]) узким, чаще всего под сужающим воздействием согласного /y/: başlıyor < başla+yog «начинает», diyor < de+yog «говорит», gözlüyor < gözle+yog «наблюдает», yiyor < ye+yog «ест», yokluyor < yokla+yog «проверяет».

Монофтонгизация (слияние гласных). Два находящиеся по соседству гласных звука сливаются в один: cumartesi < cuma+ertesi («суббота»), gelemedim < gele+umadım («я не смог прийти»), kahvaltı < kahve+altı («завтрак»), niçin < ne+için («почему»), nasıl < ne+asıl («как, какой»).

Подобно тому как два согласных звука не могут находиться в составе одного слога, два гласных также не могут соседствовать в слове, даже если они принадлежат разным слогам. По этой причине, если при аффиксации два гласных оказываются рядом, на помощь им приходит согласный: evi+n+e («в твой дом» / «в его/ее дом»), kapı+y+ı («дверь» в винит.), atla-y-ır («подпрыгнув») и т. д. Случаи нахождения по соседству двух гласных противоречат строю турецкого языка и свидетельствуют о том, что такие слова являются чужеродными. Между ними появляются согласные, обеспечивающие полногласие: radio > radyo, zaif > zayıf («слабый»), pişce > piyes, theatre > tiyatro, fiat > fiyat (цена), toilette > tuvalet.

Удвоенные согласные. В турецком языке удвоенные согласные встречаются очень редко, преимущественно в диалектах и в древних языках. Так, в староанатолийско-тюркском письменном памятнике IV в. «Калила и Димна» используются слова с удвоенным [s]: assy «польза», ussy «его разум», issi «его обладатель», anne (< ana) «мать», elli (< древнетюркское elig) «пятьдесят», yas(s) «плоский» (древнетюркский словарь) и др.

Ударение.

1) В двусложных словах ударение падает на последний слог: okul «школа», çatı «крыша», durak «остановка».

2) При обращении к кому-либо, чему-либо в большинстве слов ударение падает на первый слог: arkadaş, canım, dostum.

3) В формах интенсива прилагательных ударение — на первом слоге: araşık «открытый настезь», karkara «совсем черный», bembeyaz «совершенно белый».

4) В сложных словах — ударение на последнем слоге первого слова: Anayasa «конституция», Karataş (порода птицы), Arıkanat (порода рыбы).

5) Ударение преимущественно падает на первый слог географических названий: Ankara, Kurtuluş, İsvç, Avrupa. Исключения составляют образования с суффиксом -stan, в которых ударение падает на последний слог: Özbekistan, Türkmenistan, Bulgaristan.

6) В географических названиях, имеющих окончание iye, ударение падает на слог, предшествующий окончанию: Osmaniye, Reşadiye, Ümranıye.

7) На последнем слоге слова, располагающегося перед частицей da/de: Uçurtmayı da vurdular «Убили и бумажного змея», Bu günleri de gördük «И эти дни нам довелось увидеть».

8) На последнем слоге перед частицей ki: Görmediler ki «Они же не увидели», Bir de çirkindi ki «К тому же она была еще и такой некрасивой».

9) Ударение ставится на последнем слоге слов, за которыми следуют послелог, частицы или показатели *ile, iken, ise, idi, imiş*.

10) В географических названиях, основы которых оканчиваются на *-ya, a, e*, ударно произносится второй слог: *Sakarya, Mudanya, Almanya, Ukrayna*. В названии *İngiltere* ударение падает на предпоследний слог.

11) Ряд иностранных слов, прочно утвердившихся в турецком языке, произносится с ударением на первом слоге, например: *Hitler, banka, radyo*.

12) В именах собственных иностранного происхождения, которые воспринимаются носителями языка как турецкие, ударение падает на последний слог: *Ismail, Ömer, Mehmet*.

13) Безударные аффиксы *ta* (глагольный аффикс отрицания), *ca, mađan* требуют постановки ударения на слог перед ними: *uyuma* «не спи», *insanca* «по-человечески», *kalkmadan* «не вставая, прежде чем встать».

МОРФОЛОГИЯ

Ранее автор настоящей работы придерживался точки зрения, согласно которой морфологическая подсистема языка понимается как фрагмент грамматики, включающий две ориентированные одна на другую языковые подсистемы: одна из них представляет собой механизм оперативного грамматического преобразования облика слова, производимого говорящим с какой-либо содержательно-коммуникативной (либо словообразовательной, либо словоизменительной) или формально грамматической целью; другая распределяет лексемы по лексико-грамматическим категориям, классам («частям речи»).¹ Однако ввиду того, что распределение лексем по лексико-грамматическим категориям наблюдается, по утверждению специалистов, и в лишенных механизма морфологического оперативного грамматического преобразования облика слова аморфных языках,² приходится признать рациональным отказ от включения в понятие «морфология» распределения лексем по лексико-грамматическим классам («частям речи»).

Таким образом, под морфологией в настоящей работе понимается подсистема языка, главное предназначение которой — оперативное преобразование облика лексемы в языке или слова в речи, которое (преобразование) производится с какой-либо содержательно-коммуникативной (либо словообразовательной, либо словоизменительной) или формально грамматической целью.

Сформулированное содержание понятия «морфология» подразумевает признание одного из глубоких отличий агглютинативных языков

¹ Ср.: Бодуэн де Куртене И. А. Заметки на полях сочинения В. В. Радлова // Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963. С. 183.

² См., напр.: Панфилов В. С. Грамматический строй вьетнамского языка. СПб., 1993. С. 59.

от флективных в морфологической области. В то время как носители флективных языков при порождении речи извлекают готовые словоформы из банка таковых в языковой системе, построение словоформ, т. е. оперативно-грамматическое преобразование слова производится в агглютинативных языках не в языковой системе, а в речи³ (по этой причине эти языки не имеют и не могут иметь супплетивных форм).

Оперативно-грамматическое преобразование слова понимается как такое преобразование облика слова, которое носит регулярный характер и представляет собой совокупность устоявшихся, отработанных в процессе формирования языка способов оперативного, ограниченно-го (т. е. совершаемого в пределах сохранения узнаваемости слова коммуникантами) видоизменения слова, совершаемое с какой-либо словообразовательной, словоизменительной или формально-грамматической целью. Оперативно-грамматическое преобразование слова не следует смешивать с историческими (диахроническими) видоизменениями (ol > o, dogru > doğru и т. п.), диалектными вариантами слов (körgü ~ körgü) или индивидуальными искажениями слова коммуникантом.

В тюркских языках используются следующие пять способов технического преобразования слов:

- 1) агглютинирующая прогрессивная суффиксация;
- 2) употребление аналитических показателей (в турецком языке: idi, iken, imiş, ise);
- 3) различные повторы и парные сочетания основ (Mağaza mağaza dolaştık. (Информант) «Мы бродили по магазинам»; Düşe kalka eve geldi. (употребительное словосочетание) «Он с большим трудом [букв.: падая и вставая] добрался до дома»; Avluda köpek köpek yok! (Информант) «Во дворе никаких собак нет»);
- 4) частичные (включая трансформированные) повторы (beyaz + beyaz «белоснежный», ıslak + ıslaklam «совсем мокрый, промокший до ниточки»);
- 5) место ударения (yalnız «только» ~ yalnız «одинокий»).

Ведущим способом технического преобразования слова является *прогрессивная суффиксальная агглютинация* (< лат. ag-glütino «приклеивать»). Она представляет собой присоединение к концу корня-основы и далее по мере необходимости друг к другу лексемообразовательных и/или словоизменительных морфов («аффиксов», точнее, суффиксов), в подавляющем большинстве являющихся однозначными и в пределах словоформы вместе с (за редкими исключениями) неизменяемой основой при сохранении межморфемных границ

³ Мельников Г. П. Системная типология языков. Принципы, методы, модели. М., 2003. С. 338–341.

подвергающихся действию тотальных, охватывающих как гласные, так и согласные звуки (фоны) прогрессивных фонетических ассимилятивных процессов, совокупность которых именуется сингармонизмом. По Г. П. Мельникову, аглютинация — это «такое связывание морфем в слова, при котором границы между морфемами остаются в достаточной мере прозрачными».⁴

О порядке аффиксации. Говоря о *порядке расположения*, следования аффиксов в составе словоформ, необходимо признать, что ясного, убедительного объяснения структуры этого порядка в теории тюркской грамматики пока не существует. Можно только констатировать, что в разных агглютинативных языках порядок аффиксации не один и тот же. В финском языке, как и в подвергшемся угро-финскому влиянию чувашском языке, например, суффикс принадлежности предшествует суффиксу множественного числа.

Затрагивающие эту тему работы⁵ лишь констатируют сложившийся порядок аффиксации.

Ближе всех к осмыслению этой проблемы подошел, видимо, Н. К. Дмитриев; по его мнению, первыми в тюркских языках к основе прибавляются словообразовательные аффиксы, в число которых он включает «виды» и «залог».⁶ Этот автор формирует определенную закономерность: первым к основе прибавляется аффикс, указывающий на категорию максимально широкого объема, затем идет аффикс категории более узкого объема и т. д.⁷

Изложенная позиция весьма слабо обоснована. Не вызывает сомнения только утверждение о начальной позиции словообразовательных аффиксов. Но утверждение о том, что «категории видов и залогов в башкирском языке (да и вообще в тюркских) должны быть отнесены к отделу словообразования», воспринимается как голословное. Как будет показано ниже, есть все основания признавать эти категории словоизменительными.

Действительно, справедливо, что процесс аффиксации начинается с лексеообразовательных показателей: *Arka+daş+lar+ımız+da+ki+ler+dir+ler* (Информант) «Они есть те, которые (находятся)

⁴ Там же. С. 326.

⁵ См., напр.: Баскаков Н. А. Порядок и иерархия аффиксов в основе слова в тюркских языках // Морфологическая типология и проблема классификации языков / отв. ред. Б. А. Серебренников и О. П. Суник. М.; Л., 1965. С. 121–128; Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977. С. 23–26; Джикия М. С. Структура словоформ турецкого языка. Тбилиси, 1984.

⁶ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948. С. 132.

⁷ Там же. С. 45.

у наших друзей»; **Türk+leş+tir+eme+dik+ler+imiz+den+mi+siniz?** (пример Луи Базэна)⁸ «Не из тех ли вы, кого мы не смогли отуречить?»; **Türk+leş+tir+eme+miş+ler+dir.** (Искусственный пример) «Они так и не смогли отуречить» (словоформа заканчивается аффиксами перфекта).

За лексеμοобразовательными аффиксами следуют показатели, не нарушающие тождественности элемента самому себе, т. е. аффиксы, представляющие служебные значения.

Процесс прерывается аффиксами вторичной репрезентации (имеются в виду: именная форма **-ki** (см. первый из приведенных выше примеров) и соответствующие глагольные аффиксы в субстантивном использовании **-DIK** и **-(y)AcAK**:⁹ **Gel+dik+ler+in+i / Gel+ecek+ler+in+i biliniz** «Мы знаем, что они приехали/приедут»). Затем следуют аффиксы, представляющие служебные значения.

Что касается закономерности, в соответствии с которой первым к основе прибавляется аффикс, указывающий на категорию максимально широкого объема, а за ним следует аффикс категории более узкого объема и т. д., то она представляется весьма спорной, поскольку Н. К. Дмитриев не уточняет, каким содержанием, по его мнению, наполнен подразумеваемый объем морфологических категорий.

1. СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Как было сказано выше, в настоящей работе под (именем) существительным, или субстантивом, понимается лексема, означающая предмет и все то, что сознание носителя восприняло или воспринимает как предмет.

1. СУБСТАНТИВНОЕ СУФФИКСАЛЬНОЕ ЛЕКСЕМООБРАЗОВАНИЕ (НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА)

Лексеμοобразовательные значения трактуются в настоящей работе как такие, сопряжение которых со значениями существующих лексем

⁸ Bazin L. Structures et tendances communes des langues turques (Sprachbau) // Philologiae Turcicae Fundamenta. Tomus Primus. Wiesbaden, 1959. P. 16.

⁹ В целях экономии места в тексте настоящей работы используются следующие условные обозначения: заглавная буква в начертании аффикса сигнализирует о том, что аффикс подвержен действию гармонии гласных или согласных и что буква [A], например, в соответствии с нёбной гармонией может представлять широкие аллофоны [a] или [e], а узкая заглавная [I] — узкие негубные [i], [i] и губные [u], [ü]. Скобки означают, что гласный звук в аффиксе, например **-(I)m**, может отсутствовать: **oda+m** «моя комната». Заглавные D, C, G представляют соответственно согласные аллофоны: [d], [t], [c], [ç], [g], [k].

изменяет последние настолько, что они становятся знаками каких-либо элементов реальности, отличных от тех, которые отражены исходными значениями. Результатом сопряжения какого-либо лексического значения со словообразовательным чаще всего является новая лексема, т. е. единица, пополняющая словарный состав языка.

Многие лексеμοобразовательные операции ничем не отличаются от словоизменительных, и только понимание различия коммуникативно-го предназначения того и другого обнажает глубокую разницу между ними. Например, от лексемы *yol* «путь, дорога» посредством продуктивных и производительных аффиксов *-ci*, *-lik*, *-daş*, *-li* образуются лексемы *yol+cu* «путник», *yol+cu+luk* «путешествие», *yol+daş* «спутник, товарищ», *İstanbul+lu* «житель Стамбула», *Ankara+lı* «анкарец», *dağ+lı* «горец» и т. д.

В случаях полного совпадения способов лексеμοобразования и словоизменения ярче проступают подлинная разница между соответствующими операциями и функциональное предназначение каждой из них. Лексеμοобразовательная операция преследует цель создать лексему, знак для какого-нибудь элемента реальности. Эта лексема способна пополнить собой словарный состав языка. Цель словоизменительной операции — передавать информацию о свойствах или связях явления, не нарушая тождества этого явления самому себе.

Примеры:

-ci: “*Eski+ci+lik de olsa, zenaat bilekte altın bileziktir*” diyerek beni yanına verdi. (НВ АВВ, 32) «... (отец) со словами “Даже и ремесло старьевщика — золотой браслет на запястье” отдал меня ему в работники»; **ambar+ci** (VÖ МАКА2, 28) «кладовщик»; **gelir+ci** (VÖ МАКА2, 10) «добытчик доходов»; **torba+ci** (VÖ МАКА2, 22) «коробейник». Необходимо отметить, что существительные с аффиксом *-ci* в функции определения в составе конструкции *изафет* используются преимущественно в составе *изафета I* (см. ниже в разделе «Функциональный синтаксис»): **Saussure+cü görüşü destekleyen araştırmacılar.** (Информант) «Исследователи, которые поддерживают сосюррианскую точку зрения».

-lik: **Genç+liğ+in+de, bir gün yelken sararken.** (НВ АВВ, 31) «Однажды в молодости, убирая парус, он упал с вершины мачты на палубу, сломал ногу».

-DAş: **Ruh+daş+ın+ı bulma arzusu o kadar derindi ki, her şeye rağmen kaldı ve sabırla bekledi.** (EŞ A, 94) «Желание найти близкого по духу друга было таким сильным, что вопреки всему он остался и терпеливо ждал».

-li: **köylü** «крестьянин»; **dağlı** «горец»; **Ben Balkan+lı+yım.** (Информант) «Я житель Балкан»; **Sen ise İstanbul+lu+sun.** (Информант) «А ты Стамбулец».

2. СУБСТАНТИВНОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

Субстантивная словоизменительная форма — это минимальная структурная единица словоизменительного механизма агглютинативного языка, главным функциональным предназначением которой является сопряжение знаменательных или служебных лексических значений с грамматическими служебными значениями. Одна из ее функций — порождение конкретной разновидности *субстантивных словоформ* (речевых образований), что дает основание гипотетично представлять ее как абстракцию, в которой отражены и закреплены программы, совокупности правил, модели, по которым строятся словоформы.

Субстантивная словоизменительная категория — это совокупность субстантивных словоизменительных форм (или одна изолированная словоизменительная форма) агглютинативных языков, которые функционируют преимущественно или как средства передачи информации о связях либо о второстепенных (несущественных) свойствах предметов, или как средства вторичной репрезентации, вторичного гипостазирования обстоятельств или действий (см. раздел «Категория номинализации действия (глагольная категория вторичного гипостазирования)»).

3. ФОРМЫ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ

В современном турецком языке имеются две — уменьшительная и увеличительная (аугментивная) — формы, в значениях которых отражены такие несущественные свойства предметов, как малые размеры и повышенная мера его признака, интенсивность явления. Представляется, что признание этих форм компонентами одной категории было бы не совсем корректным ввиду некоторой неоднородности их значений.

Уменьшительная форма имеет синонимичные морфемы -сік, -сАк, -сАğız. Разумеется, имеются в виду только продуктивные (нелексикализовавшиеся) образования типа kitar+çіk «книжечка»; ev+сік, ev+сеğіз «домик»; kız+саğız «девочка» и т. п.

Истолкование уменьшительно-ласкательных форм существительных как явления сферы словоизменения (формообразования) со второй половины XIX в. пробивает себе путь и в русском языкознании.¹⁰ В. В. Виноградов цитирует следующее совершенно справедливое

¹⁰ См., напр.: Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 92.

соображение К. С. Аксакова: «При уменьшительных [формах] предмет является, как он есть, с наружным своим определением, вполне сохраняя весь свой образ».¹¹ Иными словами, уменьшительно-ласкательные формы отражают лишь один из второстепенных признаков предмета, не затрагивая при этом тождественности предмета самому себе.

Примеры: 1) **Yavru+cak** sağken, ot yolardı da, gider **el+ceğiz+i+yle** bey-gire tutar, yedirirdi. (НВ АВВ, 30) «Когда **ребеночек** был жив, он своими **ручками** рвал траву, подносил ее коню, кормил его»; 2) **Ah baba+cığ+ım**, başını kaldır da dünyanın halini gör. (МСА А, 101) «Ах, **папочка**, встань из могилы да посмотри, что творится на белом свете»; 3) **Öğlene doğru her zaman dört marka+cığ+a satılan ekmeğin fiyatı birdenbire doksan marka-ya çıktı.** (VÖ МАКА2, 32) «К обеду цена хлеба, продававшегося всегда за четыре **марочки**, поднялась вдруг до девяноста марок».

В турецкой речи наблюдается также функционирование уменьшительных словоформ местоимений и прилагательных: **Bak, şura+cık+ta da çok çilek var.** (Информант) «Посмотри, **здесь** (букв. «**туточки**») тоже много клубники»; **Sizler bizim mal alıp satmamıza ve karşılığında az+ıcık arsızlık yapmamıza izin verdiniz.** (VÖ МАКА2, 25) «Вы позволили нам перепродавать товары и благодаря этому допускать «**немножечко**» бесстыдства».

Именная увеличительная (аугментивная) форма семантически близка к уменьшительной форме, поскольку у нее не совсем сходное, хотя и антонимичное, коммуникативное предназначение — тоже сигнализировать о свойстве называемого элемента, но в ином отношении: о повышенной мере его признака, об интенсивности явления, называемого основой: **firtına+dır** «**сильная буря**».

Форма имеет морфему -**Dır**, которую, по-видимому, следует трактовать как омоним морфемы 3-го лица сказуемости и утвердительной модальности. Словоформы в речи имеют структуру «слово (существительное) + показатель -**Dır**».

Примеры: 1) **Bitişikte ise bir kalabalık vardı galiba; bir gürlütü+dür** gidiyordu orada. (ОР ВАК, 285) «А по соседству было, видимо, много людей; оттуда доносился **страшный шум**»; 2) **Gece yarısı köyde bir kıyamet+tir** koptu. (YK T, 52) «В полночь в деревне произошло **ужасное столпотворение**»; 3) **Geçen kış Şamdan gelen ulağı görünce hepimizi şüph+edir** aldı. (ЕŞ А, 100) «Когда мы прошлой зимой увидели посланца из Сирии, у всех нас появилось **сильное сомнение**».

¹¹ Цит. по: Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972. С. 97.

4. КАТЕГОРИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

Категория множественности — одна из словоизменительных категорий, ярко демонстрирующих своеобразие суффиксальных агглютинативных языков. В отличие от флективных языков агглютинативное слово — имя существительное в речи, не снабженное количественными показателями (в частности, показателем множественности *-lAr*), не является в них словоформой единственного числа и, будучи лишенным и функционального нуля (значимого отсутствия), не представляет никакого количественного значения.¹² Эта особенность наблюдается как в древних тюркских языках, так и в современном турецком:

1) *Sen patavatsız+ın birisin.* (NH YGŞK, 409) «Ты один из неразумных людей»;

2) *Utanzmaz adam+ın birisin.* (NH YGŞK, 482) «Ты один из бесстыжих людей»;

3) *Bizi bahçe kapısında karşıladı. Dişsiz ağziyle, belki ağzında diş vardır, ama bana bir tek dişi yok gibi gelir, gülüyor: — Hoş geldin Osman Paşa.* (NH YGŞK, 498) «Она встретила нас у калитки. Улыбается буззубым ртом. Может, там и есть зубы [зуб], но мне кажется, что нет ни одного зуба. Смеется: “Добро пожаловать, Осман Паша!”»;

4) *...akşam olunca misafir geldi. Misafir+ler+in elini öptüm.* (Рассказ 8-летней девочки) «...когда наступил вечер, пришли гости. Я поцеловала руки гостям» [множественность гостей выражена только во втором высказывании];

5) *...bu çocuklarda çok cevher var.* (VÖ МААК1, 28) «...у этих детей есть много драгоценных камней»;

6) «*Ne+uın var?*» — «*Yumurta+m var*», (VÖ МААК2, 14) «“Что у тебя?” [Что ты продаешь?] — “У меня — яйца”»;

7) *Ben zaten damda yatmışın biriyim.* (НВ АBB, 20) «Собственно говоря, я один из тех, кто сидел (в тюрьме)»;

8) — *Sizin çocuğ+unuz var mı?* «У вас есть дети?»
— *Evet, bizim çocuğ+umuz var.* «Да, дети есть».
— *Kaç çocuğ+unuz var?* «Сколько у вас детей?»
— *Bir çocuğ+umuz var.* «У нас один ребенок» (Информант).

Означающее формы с морфемой *-lAr* представляет собой сопряженность субстантивной лексемы и служебной морфемы, значение которой сигнализирует о множестве предметов. Лишенное показателя множественности существительное (слово) в речи индифферентно

¹² *Гузев В. Г., Насилов Д. М.* К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1975. № 3. С. 98–111.

к количеству называемых предметов. С этой точки зрения категория множественности оказывается *одночленной*, что противоречит сложившемуся в индоевропеистике представлению о грамматической категории как о каком-либо множестве, ряде форм, однако находится в полном соответствии с исконными свойствами агглютинирующих языков, в которых отсутствие формообразовательного показателя означает отсутствие и соответствующей категории.

В случаях сочетания количественных форм числительных или количественно-неопределенных прилагательных при условии, если они выражают неопределенное или нечленимое множество, форма множественности не используется: *Sınıflarımıza altı yeni öğrenci geldi.* (Информант) «Наш класс пополнился пятью новыми учениками»; *Okul avlusunda çok çocuk top oynuyor.* (Информант) «На школьном дворе играет много детей».

Форма множественности при числительных используется как средство указания на индивидуализированность, исключительность каждого из составляющих множество объектов: *Üç silahşor+lar* «Три мушкетера» (название романа Дюма); *Onu yedi ova+lar+ın ardındaki uçumlardan aldım.* (NH SB, 57) «Я взял ее [целебную грязь] в ущельях, что находятся позади семи равнин».

5. КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Н. К. Дмитриев считал категорию принадлежности одной из основных категорий тюркской грамматики.¹³ Это означает, что речь идет о чрезвычайно употребительном языковом инструменте, функционирующем как с именными, так и глагольными лексемами. Простейшие примеры: *Vakt+imiz yok.* «У нас нет времени»; *Para+sı var mı?* «У него есть деньги?»; *Gel+me+n+i istiyorum.* «Я хочу, чтобы ты пришел»; *Tanış+tiğ+ımız+a memnun+um!* «Я рад с вами познакомиться».

Означающее каждой формы принадлежности представляет собой сочетание субстантивной лексемы и служебной морфемы со значением лица (лексема + личная морфема). Личная морфема мыслится как репрезентант субъекта обладания. Значения лексем (шесть единиц), обобщенные образы элементов, явлений объективной реальности, представляют объекты обладания. Таким образом, *содержание категориального значения (категориальной семантемы)* составляет

¹³ Дмитриев Н. К. Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология / отв. ред. Н. А. Баскаков. М., 1956. С. 23-37. — См. также: Севортян Э. В. Категория принадлежности // Там же. С. 38-44.

обобщенная ситуация с двумя находящимися в воспринимаемой как притяжательная связи предметами, один из которых мыслится как объект, другой — как субъект обладания (например, словоформа *ev+im* «мой дом», где *ev* «дом» называет объект, а личное значение аффикса *-im* «я» — субъект обладания). Это значение используется носителями тюркских языков для передачи в качестве узуальных и окказиональных смыслов весьма разнообразных предметных связей: *üniversite+miz* «наш университет», *düşman+ın* «твой враг/твои враги» и т. п.

Формоизменение (спряжение по лицам) категории принадлежности. Категория принадлежности конституируется шестью личными формами с одним и тем же категориальным значением (субъект — объект обладания). Каждая форма имеет морфему с личным значением. Все личные показатели в словоформах являются материальными, иными словами, категория не имеет формы с нулевой морфемой. Из сказанного следует, что механизмы формообразования и формоизменения категории принадлежности почти совпадают: в результате формообразовательной операции создается составное означающее *именная лексема + морфема со значением лица*, формоизменительные операции выполняют функцию репрезентации субъекта обладания личными значениями шести морфем *[-(I)m, -(I)n, -(s)I, -(I)mIz, -(I)nIz, -IArI]*: *ev+im* «мой дом», *ev+ın* «твой дом», *ev+i* «его дом», *ev+imiz* «наш дом», *ev+iniz* «ваш дом», *ev+leri* «их дом, его дома, их дома».

Сказанное подтверждает слова Л. В. Щербы: «Есть языки, где и имена могут спрягаться, т. е. изменяться по лицам».¹⁴ Приведенный материал и слова Л. В. Щербы свидетельствуют, между прочим, о том, что мнение, будто категория лица является исключительно глагольным признаком, основано на предрассудке.

Многие явления, воспринимаемые носителями других языков как, например, обстоятельства, действия, истолковываются или даже переосмысливаются носителями турецкого языка как предметы, что значительно расширяет сферу употребления категории принадлежности.

6. КАТЕГОРИЯ СКЛОНЕНИЯ

Вопреки распространенной точке зрения, согласно которой падежи выражают «зависимость одних слов в речи от других» (А. М. Пешковский)¹⁵ или синтаксические отношения имени,¹⁶ материал

¹⁴ Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. С. 79.

¹⁵ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938. С. 59.

¹⁶ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцев. М., 1990. С. 355–357.

турецкого языка убеждает в том, что падежи следует трактовать как формы, сигнализирующие в первую очередь об участии называемого именной основой предмета в какой-либо разновидности связи с каким-либо другим предметом, действием, событием и т. п., что соответствует имеющейся в языкознании традиции признавать их морфологическую природу (В. Брёндаль).¹⁷

Категория склонения рассматривается как совокупность падежных форм существительного, объединяемых однородностью, родственностью значений и коммуникативных предназначений.

Об «основном (именительном) падеже». Наличие в тюркских языках формы основного падежа принимается специалистами как нечто само собой разумеющееся.¹⁸ Считается, что эта «форма» является основной, исходной, словарной формой существительного, и признается, что она способна употребляться в функции любого члена предложения. Вместе с тем существует мнение, согласно которому она противостоит всем остальным падежам как падеж подлежащего.¹⁹

Как будет показано ниже, такая ставшая традиционной трактовка основного облика имени существительного представляет собой шаг назад по сравнению с первоначальным восприятием исходного облика тюркского слова ранними исследователями.

Так, О. Н. Бётлингк, говоря об этом падеже в якутском языке и называя его «основным» падежом и *casus indefinitus* (неопределенный падеж), считал нужным, как бы извиняясь перед читателем, объяснить, что назвал он «голую именную основу», выступающую в предложении как полноценное (*bedeutsames*) слово, падежом по двум причинам: 1) поскольку она подобно другим падежам призвана передавать связи («*Beziehungen zu bezeichnen hat*») и 2) поскольку неудобно («*nicht füglich*») говорить о функционировании в предложении основы как таковой; а именует он этот падеж неопределенным (*casus indefinitus*) потому, что «его область не столь ограничена, как у других падежей», т. е. потому, что он передает более широкий спектр предметных связей, чем любая другая падежная форма.²⁰

¹⁷ Яковсон Р. К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа // Яковсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 136–137.

¹⁸ См., напр.: Севортыя Э. В. Категория падежа // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология / отв. ред. Н. А. Баскаков. М., 1956. С. 45–64; Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 78. § 109. С. 83–84. § 120.

¹⁹ См., напр.: Иванов С. Н. Курс турецкой грамматики. Ч. 1. Грамматические категории имени существительного. Л., 1975. С. 17.

²⁰ Böhlingk O. Über die Sprache der Jakuten. SPb., 1951. § 390. S. 159–160. — См. также: Ibid. § 234. S. 117–119; § 563. S. 228; § 606. S. 240; § 608. S. 241.

Приведенное выше высказывание Антуана Мейе («Основной чертой индоевропейской системы является то, что в ней слово никогда не существует без особой грамматической характеристики») отчеливо подразумевает существование языковых систем, в которых слово может оказываться «без особой грамматической характеристики».

Жан Дени, опирающийся на приведенные слова А. Мейе, тоже пишет о том, что индоевропейский «корень» в нормальных условиях не бывает «в изолированном состоянии». И наоборот, каждый тюркский «корень» может выступать изолированно и выполнять морфологическую функцию без поддержки суффикса или окончания.²¹

У исследователя, который разграничивает понятия «значение» и «смысл» (см. выше, «Введение»), не может быть сомнения в том, что под призванием основной «формы» передавать разнообразные связи следует понимать не наличие у нее значения, несущего в себе информацию о таковых, а способность выражать в речи в качестве смыслов и такие предметные связи, которые передаются посредством некоторых конкретных падежных форм (участие предмета в притяжательной связи в качестве обладателя, способность быть объектом прямого, непосредственного воздействия или обстоятельством какого-либо события).

Утверждение о том, что «основной падеж» есть падеж подлежащего или форма выражения логического субъекта, т. е. предмета мысли, только подтверждает такой вывод, поскольку образ предмета, представляемый говорящим как субъект суждения и репрезентируемый в синтаксической конструкции подлежащим, мыслится вне каких-либо связей. Последние при необходимости могут выражаться синтаксическим предикатом, представляющим собой лексическую передачу логического предиката.

Если исходный облик существительного в составе высказывания не сигнализирует об участии предмета в каких-либо связях, то приходится констатировать, что у него отсутствует и нулевой падежный показатель (т. е. значимое отсутствие материального аффикса), т. е. отсутствие падежного показателя является абсолютным, а значит, с функциональной точки зрения неаффиговое существительное не имеет отношения к категории склонения и, следовательно, в турецком языке отсутствует и именительный, или «основной», падеж (нет аффикса — нет и формы или категории).²²

²¹ Denu J. Principes de grammaire turque ("turk" de Turquie). Paris, 1955. P. 14.

²² Ср.: Сыромятников Н. А. Есть ли в японском языке основной падеж? // Морфологическая типология и проблема классификации языков / отв. ред. Б. А. Серебрянников, О. П. Суник. М.; Л., 1965. С. 271–278.

Анализ функциональных особенностей существительного, не содержащего падежных показателей, в турецкой речи прежде всего убеждает в том, что у него не удастся обнаружить никакого падежного значения, т. е. сигнализации об участии предмета в какой-либо связи с другими элементами внешнего мира. Примеры: 1) *Resul onları baba dostu sandı.* (ÂŞ, 4) «Ресуль принял их за отцовских друзей»; 2) *Usta onu yanına çırak aldı.* (ÂŞ, 6) «Мастер взял его к себе в подмастерье»; 3) *Ben kitap okumayı çok severim.* (Информант) «Я очень люблю читать книги»; 4) *İsmaili bir gece geç vakit evden alıp götürdüler müdüriyete.* (NH YGŞK, 483) «Однажды ночью, в позднее время Исмаила забрали из дома и отвели в Директорию»; 5) *Spor kıyafeti ve spor ayakkabısı giymeyen piste giremez.* (Надпись на табличке на ограждении стадиона в Стамбуле) «Запрещается вход лицам, не одетым в спортивный костюм и не обутым в спортивную обувь»; 6) *Madem Allah başından beri seninleydi, ya ne demeye O'nu dört bir yanda aramaya çıktın da dağ taş dolaştın be adam?* (EŞ A, 48) «Если Аллах с самого начала был с тобой, то чего ради ты отправился во все четыре стороны и бродил где попало?».

Приведенные примеры призваны свидетельствовать о том, что неаффигованный облик существительного индифферентен к тем связям, в которые вступает называемый этим именем предмет. Этот факт усиливает сомнение в существовании формы «основного падежа» как морфологического средства. Как было сформулировано выше, «нет аффикса, нет и категории». В данном случае сказанное означает, что традиционное представление об «основном падеже», скорее всего, является иллюзией.

Таким образом, функциональные особенности двух турецких субстантивных категорий — одночленность категории множественности и отсутствие именительного падежа в турецком языке — позволяют полагать, что далеко не все неаффигованные существительные в тюркской речи могут признаваться словоформами, поскольку «грамматическая форма — это соединение лексического значения... с наслаивающимся на него грамматическим значением».²³ Именно последнее явление и не обнаруживает себя в рассматриваемых неаффигованных «голых основах» (О. Н. Бётлингк).²⁴

Родительный падеж (генитив) — это форма существительного (с морфемой *-(n)In*), сигнализирующая об участии предмета в качестве обладателя в какой-либо связи, воспринимаемой говорящим как

²³ Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988. С. 14.

²⁴ Ср.: Еловков Д. И., Касевич В. Б. Некоторые проблемы лингвистики в свете материала языков Юго-Восточной Азии // Вестник ЛГУ. 1979. № 8. С. 76.

притяжательная: *herkes+in karnı+nın doyması*. (VÖ МАКА2, 13) «Насыщение животных каждого»; *Bu ev, Ahmed'indir*. (хрестоматийный пример) «Этот дом — Ахмеда».

Винительный падеж (аккузатив) — субстантивная форма (с морфемой *-(y)I*), значение которой несет информацию о том, что называемый основой предмет является объектом прямого, непосредственного воздействия со стороны какого-либо действия, процесса. В позиции прилегающего дополнения словоформа винительного падежа выполняет также функцию дефинитивности, т. е. сигнала об осведомленности одного или обоих коммуникантов (говорящего и слушающего) о называемом предмете (*Kitabı okudum*. «Я прочитал (ту) книгу»).

Примеры: 1) *Dik bir yokuş+u tırmandık ve biraz sonra Varvul Ovassına indik*. (НВ АBB, 15) «Мы поднялись по крутому склону и немного погодя спустились в Долину Варвул»; 2) *Delikanlı kovalıyor, kız kaçıyor. İşte böylece dünya+ı dönüp duruyorlar. Onlar döndükçe, yeryuvarlığının bir yanı gece, öbür yanı gündüz oluyor*. (AN ADS, 113) «Юноша преследует, девушка убегает от него. Вот таким образом они все время вращают землю. В то время как они вращают, одна часть земного шара становится ночью, другая — днем»; 3) *Çok doğru, sen biz+i aydınlattın...* (VÖ МАКА2, 20) «Совершенно верно, ты нас просветил...».

Пример отглагольного прилагательного (*aşkın* «превосходящий границу, меру»), сочетающегося с дополнением в винительном падеже: *Murat'ın dedesinin yaşı seksen+i aşkındı*. (AN ADS, 50) «Деду Мурата было за восемьдесят».

Дательный падеж (датив) — форма существительного (с морфемой *-(y)A*), значение которой способно передавать в качестве смысловых разнообразные предметные отношения, характеризующиеся направленностью в сторону называемого основой предмета, вследствие чего предмет может предстать как, например:

— объект, в направлении к которому совершается какое-либо действие: 1) *"Armut" derken sustu gelircibaşı ve çıkmak için karpı+ya doğru yürüdü*. (VÖ МАКА2, 10) «Произнеся слово "груши", начальник над доходами умолк и направился к двери, чтобы выйти»; 2) *"Nereye+e gidiyorsun, anlat ne oluyor?" dedi başkan*. (VÖ МАКА2, 10) «Куда же ты идешь, расскажи, что происходит?»; 3) *Birden bütün çocukların... köyün ortasına doğru yürüdüklerini gördü*. (VÖ МАКА2, 13) «Вдруг он увидел, что все дети идут к центру деревни»;

— объект, который достигается каким-либо действием: 1) *Çocuklar köyün ortasına geldiler. Herkes getirdiklerini yere koydu*. (VÖ МАКА2, 13) «Дети дошли до середины деревни. Каждый положил все, что он принес, на землю»; 2) *Muhafızlar+a dağıtılanlarla, görevliler+e*

dağıtılanlar neden farklı oluyor? (VÖ MAKA2, 20) «Почему различны то, что **распределяется охранникам**, и то, что **достается чиновникам?**»; 3) ...ekmeğin fiyatı birdenbire **doksan marka+ya çıktı**. (VÖ MAKA2, 32) «...цена хлеба... поднялась вдруг **до девяноста марок**»;

— *объект, в который что-либо вторгается*: 1) Bu sırada, Nesime **salon+a girdi**. (MCA A, 125) «В этот момент Несиме **вошла в зал**»; 2) Düşünceli düşünceli birinci **ka+ta indi**. (VÖ MAKA2, 10) «Он задумчиво **спустился на первый этаж**»; 30) Herkesin **hayatın+a niye bu kadar karışırıyorsun?** (EŞ A, 57) «Почему ты в такой мере **вмешиваешься в жизнь каждого?**»;

— *объект — лицо, которому что-либо дается или показывается*: Sayın efendim, **Siz+e bir kese marka verdim**. Şimdi lütfen ambara gidin. **Ambarcı+ya** markaları gizlice **gösterin**. Ve kızlarınız için dört elbise alın. Ve **ambarcı+ya** yirmi marka **verin**. (VÖ MAKA2, 28) «Уважаемый господин, я дал вам целый кошелек марок. Теперь, пожалуйста, идите на склад. **Скрытно покажите марки кладовщику**. Купите для своих дочерей четыре платья. И **дайте кладовщику двадцать марок**»;

— *объект, на который смотрят*: 1) Pazaryerindekiler, dönüp **gelircibaşı+ya baktılar**. (VÖ MAKA2, 14) «Те, кто был на рынке, обернулись и **посмотрели на начальника добытчиков доходов**»; 2) Gelircibaşı ve arkadaşındakiler **birbirlerine baktılar**. (VÖ MAKA2, 13) «Начальник над добытчиками доходов и те, кто был позади него, **переглянулись**»;

— *объект-адресат*: 1) Sonra Yalçın bütün **çocuk+lar+a seslendi**: “Haydi arkadaşlar, iş başına!” (AN ADS, 87) «Затем Ялчин крикнул ребятам: “Друзья, за дело!”»; 2) Bu sırada elinde sepetle bir çocuk geldi ve tabak dönüştüren **çocuğ+a sordu**. (VÖ MAKA2, 14) «В это время подошел мальчик с корзинкой в руке и спросил у мальчика, изготовлявшего тарелки»; 3) Gelircibaşı, sevinçle saraya **koştı**. Ve işitip gördüklerini kendisi düşünmüş gibi **başkan+a bir bir anlattı**. (VÖ MAKA2, 18) «Начальник радостно побежал ко дворцу и подробно рассказал **президенту** все, что он слышал и видел, так, как будто он сам это придумал»;

— *объект, к которому прибегают*: Ve ertesi gün arkadaşları da aynı **yol+a** **başvurdular**. (VÖ MAKA2, 32) «А на следующий день и его товарищи **прибегли к тому же образу действий**»;

— *объект устремления*: Vaktinden evvel doğan bebeğinin **hayata tutunduğundan** emin olmak için her soluk alış verişine dikkat kesilerek nasıl beklemişti günbegün, haftabehafta. (EŞ A, 107) «Как она изо дня в день, неделями дежурила у колыбели ее преждевременно родившегося ребенка, внимательно прислушиваясь к каждому его вдоху и выдоху, чтобы быть уверенной в том, что **в нем сохраняется жизнь**» (букв. «он хватается, цепляется за жизнь»);

— объект, в который что-либо превращается: 1) *Ve gelircibaşı bir-den şaşkın+a döndü.* (VÖ MAKA2, 11) «И начальник над добытчиками доходов вдруг сошел с ума» (букв. «превратился в сумасшедшего»); 2) *Bir günlük cevheri yirmi marka+ya dönüştürdük.* (VÖ MAKA2, 18) «Мы превратили однодневный алмаз в двадцать марок»; 3) *Ertesi gün cevher çıkarttı. Ve cevheri mal+a dönüştürmedi.* (VÖ MAKA2, 32) «На следующий день он добыл алмазов. Но не превратил камни в товар»;

— объект названия: 1) *“Şey”, dedi. “Biz bura+ya pazaryeri diyoruz.”* (VÖ MAKA2, 14) «Это, — сказал он, — мы называем это место рыночным»; 2) *birin+e ayı demek* (общеупотребительное словосочетание) «называть кого-либо медведем [грубым человеком]»; 3) *“Bu çocuklar+a ‘saray aydınları’ denildi.”* (VÖ MAKA2, 20) «Этих ребят стали называть “дворцовыми просветителями”»;

— объект привыкания: *“Biz bura+ya alışmışız, burdan başka yere gidemeyiz” dedi.* (AN ADS, 107) «Мы привыкли к этому месту, не можем отправиться отсюда в другое место»;

— объект подобия: *Kız anne+sin+e benzer.* (общеупотребительное высказывание) «Дочь похожа на мать»;

— объект предназначения: 1) *Kitabı kardeş+im+e aldım.* (общеупотребительное высказывание) «Я купил книгу для брата»; 2) *“Önce sayın başkan+ımız+a ve kolbaşları+mız+a ve siz sayın gelircibaşı+mız+a esenlikler dilerim...”* (VÖ MAKA2, 22) «Прежде всего я желаю здоровья нашему уважаемому президенту и начальникам подразделений и вам, нашему уважаемому шефу добытчиков доходов...»;

— объект-цель, причина: 1) *Suya gitti.* (общеупотребительное высказывание) «Она пошла за водой»; 2) *“Hayır, buraya gelmem+e seber bir rüya değildi. Ben zaten rüya görmem.”* (EŞ A, 85) «Нет, причиной моего появления здесь не был сон. Я вообще-то не вижу сны»;

— объект, вызывающий ответное действие: *Buna hayran oldum.* (общеупотребительное высказывание) «Я восхитился этим»;

— объект возмещения: 1) *Bileti önceden ayırtsaydınız, daha ucuz+a gelirdi.* (Информант) «Если бы вы заранее заказали билет, поездка обошлась бы еще дешевле»; 2) *Fakat üç evlek kırac tarla[ya], dört kuru duvar ev+e on iki liradan fazla veren olmadı.* (НВ АBB, 45) «Но за пустующее поле на три борозды, за дом — четыре иссохших стены — никто не давал больше двенадцати лир»; 3) *Öğlene doğru her zaman dört marka+cığ+a satılan ekmeğin fiyatı birdenbire doksan markaya çıktı.* (VÖ MAKA2, 32) «К обеду цена хлеба, продававшегося всегда за четыре марочки, поднялась вдруг до девяноста марок».

Как свидетельствуют приведенные примеры, содержания передаваемых дательным падежом смыслов весьма близки друг другу. Так,

вполне возможно, что смысл «объект, в который что-либо превращается», например, является ближайшим родственником смысла «объект, в который что-либо вторгается» и т. п. А поскольку передача этих смыслов словоформами дательного падежа общепринята в речи носителей турецкого языка, их следует признавать узуальными.

Все это многообразие узуальных смыслов сводимо к следующей абстракции, которая, как представляется, и является значением этой субстантивной формы: *предмет есть участник такого отношения, которое характеризуется направленностью к нему.* Функционирование дательного падежа носит преимущественно коммуникативно-содержательный характер.

Однако в современном турецком языке наблюдаются случаи его формализованного, т. е. или слабо мотивированного, или попросту немотивированного, использования, которые позволяют говорить о формальном управлении дательным падежом. Так, управление глагола *gebe olmak* («быть беременным, наполненным кем/чем-либо») дательным падежом дополнения (*bir şey+e*) в следующих двух примерах вполне может трактоваться как формализованное: *Avlunun ortasında dünyanın en serin suyu+un+a gebe bir kuyu.* (EŞ A, 48) «Посреди двора — колодец, наполненный самой вкусной водой на свете»; *Boşluğ+a gebeydi sanki.* (EŞ A, 58) «Как будто она была наполнена пустотой». Ср. также общеупотребительные словосочетания: *bir şey+e ihtiyaç* «потребность в чем-либо», *bir şey+e inanmak* «верить во что-либо», *bir kimseye / kimseden sormak* «спросить кого-либо», *birine tesir etmek* «влиять на кого-либо», *bir kimseye teşekkür etmek* «благодарить кого-либо», *bir şey uyarlığına / uyarlığından pişman olmak* (разг.) «раскаиваться в совершении чего-либо».

Исходный падеж (аблатив) — субстантивная форма (с морфемой *-Dan*), способная передавать в качестве смыслов два типа предметных связей.

1) «Отложительные» связи, т. е. такие, которые направлены в сторону от предмета, называемого основой, при этом предмет может мыслиться как:

— объект, в направлении от которого совершается какое-либо действие: 1) *Beni on+dan kopardılar.* (НВ АBB, 23) «Меня оторвали от него»; 2) *Ve torbacılar yukarı köyler+den malları topladılar, aşağı köylerde sattılar.* (VÖ MAKA2, 25) «И коробейники собирали (все) товары из верхних деревень, продавали (их) в нижних»; 3) общеупотребительные словосочетания *ev+den çıkmak* «выйти из дома», *evden gitmek* «уйти из дома», *bir şey+den kaçmak* «убежать от чего-либо», *dam+dan düşmek* «упасть с крыши» и т. п.;

— объект — исходная точка действия, отсчета, измерения: 1) *Ve o gün+den sonra bütün torbacılara birer yazılı izin belgesi verildi.* (VÖ МАКА2, 25) «И после того дня всем коробейникам выдавался разрешительный документ»; 2) *Sabah+tan beri birbirine kapı komşusu olmuş... iklimlerden geçmiştik.* (НВ АBB, 17) «С утра мы пересекли соседствующие друг с другом... климатические зоны»; 3) *Yatağın başın+dan ucuna kadar uzanıp mavî damalı yorgan...* (ОР КК) «Стеганное одеяло, покрытое от изголовья до самых ног голубыми квадратами...» (задействованы исходный и дательный падежи);

— объект, от которого испрашивается, покупается или ожидается искомое: 1) *...Paşa, Hoca'dan kalmasını istemiş.* (ОРВК. 39) «...паша попросил ходжу остаться»; 2) *Gelircibaşı, görevliler+den odayı boşaltmalarını istedi.* (VÖ МААК2, 26) «Начальник добытчиков попросил чиновников освободить комнату»; 3) *Sarayın ve kolbaşların gereksinmelerini görevliler, torbacı+lar+dan satın aldılar.* (VÖ МААК2, 30) «Все, в чем нуждался дворец и командиры отрядов, чиновники покупали у коробейников»;

— объект — множество, из которого выделяется какое-либо количество единиц («один из...»): 1) *çocuklardan birisi* (VÖ МААК1, 20) «один из детей»; 2) *Bu badem ağaçlarından birinin kökü derindeydi.* (AN ADS, 46) «Корни одного из этих миндальных деревьев были глубокие»; 3) *Charlotte Gainsbourg bunlardan en bilinen+i.* (газ. Sabah. 21.01.2012) «Шарлотта Гэйнсбург одна из самых известных из них»;

— объект депривации: 1) *Böylece padişah... kendinden boşalan tahtına kendi oturmuş oldu.* (AN ADS, 76) «Таким образом падишах... сам воссел на трон, который был освобожден от него»; 2) общеупотребительные словосочетания *evden yoksun olmak* «лишиться дома», *paradan kalmak* «остаться без денег»;

— объект ограничения: 1) *Düşünen çocuklar herkes+ten başkalaştı.* (VÖ МАКА2, 20) «Думающие ребята стали отличаться от всех остальных»; 2) *...şimdi bile annelerimiz, bu oyun+dan vazgeçememişler.* (VÖ МАКА2, 31) «...даже сейчас наши матери не смогли отказаться от этой игры»; 3) *tehlike+den kurtuldu* (общеупотребительное словосочетание) «избежал опасности»;

— объект сравнения: 1) *Bu evin yarısı, yer+den aşağıdaydı, toprağa gömülüydü.* (AN ADS, 7) «Половина этого дома была ниже (уровня) земли, была врыта в землю»; 2) *...yarın+dan tezi yok* (AN ADS, 121) «...(ничто не может произойти) раньше, чем завтра [дело может подождать до утра]»; 3) *Kimin kimden üstün olduğunu belli etmek için aygı bir çocuk görevlendirildi.* (VÖ МААК1, 20) «Задача выяснить, кто над кем стоит, была возложена на специального мальчика»;

— материал, из которого состоит другой предмет: 1) *Evin kırmızı tuğla+dan duvarları vardı.* (VÖ M ААК1, 24) «Стены дома были из красного кирпича»; 2) *...mermer+den yapılmış bir insan heykelinin kırık başı.* (AN ADS, 37) «...разбитая голова человеческой статуи, сделанной из мрамора»; 3) «O kürek ne olacak?» diye sordu. Yalçın: «*Kar+dan adam yarasağız*», dedi. (AN ADS, 87) «А зачем лопата?», — спросил Мехмед. Ялчин сказал: «Будем делать снежную бабу»;

— часть чего-либо, затрагиваемого действием: *kolumdan tuttu* (общеупотребительное высказывание) «он взял меня за руку»;

— партитивный объект (ср. русск. «попей воды»): 1) *Sirklerde konuşan eşekleri görenler, bu hayvanları öyle sevdiler ki, evlerine bunlar+dan almaya başladılar.* (AN ADS, 33) «Те, кто видел в цирке говорящих ослов, стали покупать некоторых из них домой»; 2) *Masanın üstünden büyük bir kolonya şişesi aldı, turuncu mayi+den genç adamın başını ıslattı.* (YKK КК, 254) «Она взяла со стола большой пузырек одеколона, смазала голову молодого человека небольшим количеством оранжевой жидкости»;

— источник, причина события: 1) *Anneme sık sık sözünü edişin+den, babamın bu adamı çok stvdiğini anlamıştım.* (НВ АBB, 18) «Поскольку отец очень часто рассказывал о нем матери, я [задолго до описываемой встречи] понял, что отец очень любил этого человека»; 2) *Murat sevincin+den uçtu.* (AN ADS, 53) «Мурат прыгал от радости»; 3) *soğuk+tan titreyen yaşlılar* (AN ADS, 92) «дрожащие от холода пожилые люди»; 4) *Parmakları ocağın ateşin+den, fırının sıcaklığın+dan erimişti.* (AN ADS, 92) «Его пальцы растаяли от огня печи, от жара духовки»;

— источник знания, узнавания: *Bu sözlerin+den, otobüsün tireni kışkırdığı belli oluyordu* (AN ADS, 16) «Из этих его слов становилось ясно, что автобус завидовал поезду»;

— объект изъяснения (объект, о котором идет речь): 1) *hava+dan su+dan konuşmak* (общеупотребительное высказывание) «говорить о том, о сем»; 2) *bir şeyden bahs etmek* (общеупотребительное высказывание) «говорить о чем-либо»;

— объект сравнения, т. е. объект, с которым что-либо сравнивается: 1) *Çünkü seksen yaşını aşmış dedesi, öyle coşmuştu ki, Murat'tan daha çocuk olmuştu.* (AN ADS, 55) «Потому что дед, которому шел девятый десяток, так увлекся, что стал больше ребенком, чем Мурат»; 2) *Çünkü o da kendisi gibi, belki kendisinin+den de yaşlı bir dedeydi.* Arkasından da torunu koşuyordu. (AN ADS, 55) «Поскольку тот тоже был таким же дедом, как и он сам, может, даже старше его. А за ним бежал его внук»; 3) *Ve çocuk ülkesinde, marka+dan önemli hiçbir şey kalmadı.* (VÖ KA, 31) «И в стране детей не осталось ничего важнее марки»;

— объект — производитель действия в страдательной ситуации: **gümruk+ten** müsadere edilen eşya (из названия магазина) «вещи, конфискованные таможеней».

Приведем случай передачи более отдаленной связи объекта и действия: **bir kimse+den** ümidini kesmek «перестать на кого-либо надеяться».

2) *Трансгрессивные связи*, т. е. такие, которые в пространстве или во времени тем или иным образом проходят *через или сквозь предмет*:

— объект — пространство, место, через которое проходит трансгрессивная связь: 1) Sabahtan beri birbirine kapı komşusu olmuş, taban tabana zit **iklimler+den** geçmiştik. (НВ АBB, 17) «С утра мы **пересекали** соседствующие друг с другом, резко отличающиеся друг от друга **климатические зоны**»; 2) Diz çöküp **delik+ten** baktı. (VÖ МААК I, 15) «Присев на корточки, (ребенок) посмотрел **сквозь** отверстие»; 3) Açık **pencere+den** içeri ayışığı giriyordu. (OPBK. 33) «**Через** открытое **окно** вливался лунный свет»; 4) ...masamız bir eşeğin sırtında, **arkamız+dan** geliyordu. (OPBK. 36) «...наш стол двигался **за нами** на спине осла»; 5) Aynı **yollardan** döndüler. (VÖ МААК I, 15) «Они вернулись теми же тропами»;

— объект — промежуток времени: 1) **Ara+dan** bir yıl geçti. (AN ADS, 114) «**С тех пор** прошел год»; 2) birazdan (хрестоматийный пример) «**через** некоторое время».

Кроме того выражаются и более отдаленные отношения, например, «по какой цене (за штуку), по сколько?» (Bu şemsiyeleri **kaç+tan** satıyosun? (Информант) «**По чем** ты продаешь эти зонтики?») и т. д.

Пределом сводимости первой группы смыслов является абстракция «предмет есть объект косвенного отношения, имеющего вектор направленности от него», которая и признается одним из двух (!) значений исходного залога. Пределом сводимости второй группы смыслов и, следовательно, вторым значением этой формы является абстракция «предмет есть объект косвенного трансгрессивного отношения». Функционирование исходного падежа носит преимущественно коммуникативно-содержательный характер.

Однако в современном турецком языке наблюдаются случаи его формализованного использования, которые позволяют говорить о формальном *управлении* исходным падежом: **bir kimse+den** ümidini kesmek «перестать на кого-либо надеяться», **bir şey yaptığına / yaptığından** pişman olmak (разг.) «раскаиваться в совершении чего-либо»; **bir şeyden** korkmak «бояться чего-либо»; **bir şeyden** haberdar olmak «узнать что-либо»; **bir şeyden** faydalanmak «пользоваться чем-либо»; (с послелогом уана) объект, к которому направлено действие: ...erkek başını hafifçe **on+dan** yana eğmiş, tam dinler durumunda idi... (MCA A, 7)

«...мужчина слегка склонил голову в ее сторону, выглядело так, как будто он весь внимание...».

Управление: Denizlerde otuz-kırk yıl süren tuzlu bir yolculuk+**tan bıkmış**. (НВ АBB, 18) «Ему надоело тридцать-сорок лет скитаться по морям».

Устойчивые словосочетания: Şimdi size bu üçünün başından geçenleri anlatacağım. (AN ADS, 37) «Сейчас я расскажу вам, что случилось с этими тремя (предметами)»; Veysel Hoca kardeşim, elimden geleni yaparım. (AN ADS, 121) «Вейсель Ходжа, брат мой, я сделаю все, что от меня зависит».

Местный падеж (локатив) — субстантивная форма (с морфемой -DA), значение которой представляет собой абстракцию со следующим содержанием: предмет есть объект в пространстве или точка, отрезок на временной оси, с которым каким-либо образом статически сопряжен другой объект; в качестве смыслов передает разнообразные статические соотношения элементов, например: 1) Gelircibaşı, gitti ve tabak dönüştüren çocuğun arkasın+**da durdu**. (VÖ MAKA2, 13) «Начальник над добытчиками доходов, пошел и остановился позади мальчика, который производил тарелки»; 2) Ve saray aydınları, ülkeye ilk gelen on çocuğun uyardığı bir ev+**de oturdular ve düşündüler**. (VÖ MAKA2, 20) «И дворцовые просветители жили в доме, сооруженном детьми, которые первыми пришли в страну, и думали».

Функционирование местного падежа носит преимущественно коммуникативно-содержательный характер. Однако в современном турецком языке наблюдаются случаи его формализованного использования, которые позволяют говорить о формальном *управлении* местным падежом: 1) ...kayığ yapmak+**ta bana yardım ederdi**. (НВ АBB, 12) «...он помогал мне мастерить лодку»; 2) Fakat arkadaşlar yazı göndermek+**te tereddüt ediyorlar**. (SS Rg, 298) «Однако товарищи колеблются, посылать или не посылать статью»; 3) ...bir şey yapmak+**ta devam etmek** (информант) «продолжать делать что-либо».

В местном падеже употребляется знаменатель дробных форм числительных: üçte bir ($1/3$), dörtte bir ($1/4$)

Уподобительный падеж (экуватив, экатив) — форма существительного (с морфемой -CA), передающая разнообразные смыслы, которые удается свести к двум пределам сводимости, другими словами, к двум значениям.

Первое значение представляет собой абстрактный образ, который сигнализирует о том, что называемый субстантивной основой предмет есть средство осуществления какого-либо действия. Посредством этого значения выражаются следующие смыслы:

— предмет есть производитель действия в страдательной ситуации:

1) TRT haber merkezin+**ce** hazırlanan haberler. «Новости, подготовленные

отделом новостей Турецкого радио и телевидения»; 2) Nylon çorapların kaçakçılar+ca satıldığı... zamandı. (OP KK, 12) «Это было время, когда контрабандистами продавались... нейлоновые чулки»;

— предмет — средство осуществления какого-либо действия: 1) İngiltere Bakanlar Kurulu Rusya'ya para+ca yardımını reddetmiş. (Nazım Hikmet) «Совет Министров Англии отказал России в помощи деньгами»; 2) ...ben de istediğim zaman, istediğim yerlerde gönlümce gezebilseydim... (AN ADS, 18) «...если бы и я могла бы произвольно бывать, когда захочу, где захочу...»; 3) Köpek bir kaya kovuğunun içine aklınca emin bir yere saklanmıştı. (Reşat Nuri Güntekin. Çalıkuşu) «Собака спряталась в углублении внутри скалы (полагая, что благодаря своему уму) укрылась в надежном месте»; 4) İnek başını salladı. Sanki kendi dilince, «Peki, söylemem...» demek istiyordu. (AN ADS, 79) «Корова покачала головой. Как будто хотела сказать на своем языке: "Хорошо, не скажу"». (Выделенная словоформа, как представляется, подверглась некоторой лексикализации и выражает дополнительные смыслы сомнения, отчаяния, доходящие до сознания ненужности, бесполезности совершаемого поступка.)

В староанатолийско-тюркском языке, одном из предшественников современного турецкого, место, путь, дорога также могли истолковываться как средство осуществления действия, как в примере: uş bu düzgün düzdiler jolca gidü (Şeyyad Hamza. Yusuf u Züleyha) «Вот такое они задумали, шагая по дороге». Употребляющаяся в современном турецком языке форма уподобительного падежа некоторых послелогов (ardınca «вслед за мной», önümce «передо мной»), вполне возможно, восходит к описываемому использованию экватива в прошлом состоянии языка. Временные отношения типа bir şey süresince «в течение чего-либо», родственные тем пространственным, о которых шла речь в предыдущем пункте, свидетельствуют о том, что временные отрезки могут истолковываться говорящим как средство осуществления действия: 1) Bütün ömrümce... «В течение всей моей жизни...»; 2) Belki senelerce bir beygirin işini görmüş olduğu için... (HB ABB, 28) «Может быть, оттого, что на протяжении многих лет он выполнял работу, которую обычно выполняет лошадь...»; 3) Derin bir huzurla her yerimi saran o harika altın an belki birkaç saniye sürmüştü, ama mutluluk bana saatlerce, yıllarca gibi gelmişti. (OP MM, 11) «Тот чудесный золотой миг, вместе с глубоким спокойствием, охватившим меня целиком, длился, возможно, несколько секунд, но казалось, что счастье (длилось) часы (и даже) годы»; 4) Günlerce, haftalarca, aylarca Murat'a uçurtmanın nasıl yapıldığını, nasıl uçurulduğunu, anlattı durdu. (AN ADS, 51) «В течение многих дней, недель, месяцев он постоянно учил Мурата, как изготавливаются змеи, как их запускают».

Второе значение уподобительного падежа представляет собой абстракцию, сигнализирующую о том, что предмет, называемый именной основой, является объектом, с которым сравнивается, сопоставляется другой объект, другое явление; посредством этого значения передаются следующие смыслы:

1) Предмет есть объект, с которым что-либо соизмеряется:

Babasına (kızın) ağırlığınca altın, gümüş verilmiş. (Сказка) «Ее отцу дали золота, серебра (по весу ровно столько), сколько весила девушка»;

Tahıl ağırlığınca taş tartıp, başka bir çuvala bu taşları doldurdular. (AN ADS, 80) «Собрав камней, которые весили столько же, что и зерно, другой мешок наполнили этими камнями»;

2) Предмет — участник связи типа «в соответствии с...», «по (мнению) кого-либо...» и т. п.:

bence «по-моему», sence «по-твоему», onca «по его мнению», fikrimce «по моему мнению», kanaatimizce «по нашему мнению»: Siki ağızlık onca, erkeklerde bile az görülen bir faziletti. (HE SB, 1989, 30) «По его мнению, умение держать язык за зубами — добродетель, редко наблюдаемая даже у мужчин»; Sizce asıl problem nedir? (BAS, 19) «В чем, по-вашему, заключается проблема?»;

3) Предмет — участник отношения типа «с точки зрения, в отношении»: Fakat zavallı kadın sıhhatçe hiç bana benzememiş, çok zayıfmış. (RNG Ç, 12) «Однако, судя по рассказам, здоровьем бедняжка совсем не была похожа на меня, она была очень слабой».

Лексему ailecek «всей семьей», по-видимому, следует трактовать как сохранившееся архаичное и лексикализовавшееся образование. Оно также может выступать в современной форме с морфемой -CA: Bütün ailece / ailecek gittik. «Мы пошли всей семьей». Пример из литературы: Ailecek hemen her gün aynı saatte kahvaltı eder, her hafta sonu aynı alışveriş merkezine gider ve ayın ilk pazarı komşularıyla mangal yaparlardı. (EŞ A, 90) «Они всей семьей завтракали почти каждый день в одно и то же время, в конце недели ходили в один и тот же торговый центр и в первое воскресенье месяца устраивали с соседями барбекю».

7. КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (ДЕФИНИТИВНОСТИ)²⁵

Как и во многих языках, имеющих неопределенный артикль, в турецком языке последний происходит от числительного bir «один» и, естественно, сигнализирует о неопределенности предмета, точнее,

²⁵ Гузев В. Г., Насилов Д. М. Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности-неопределенности // Советская тюркология. 1971. № 5. С. 21–25.

о какой-либо разновидности неосведомленности хотя бы одного из участников акта коммуникации о референте. Определенность (осведомленность) о предмете выражается или лексически (указательным местоимением), или прямым дополнением в винительном падеже. Какой-либо намек на наличие определенного артикля в турецком языке отсутствует.

Предполагается, что в случае нереферентности, т. е. если предмет называется абстрактно, отвлеченно, сообщается лишь понятие о предмете, отвлеченно передается предметный смысл, представление о предмете (например, *Kitap okumayı severim*. «Я люблю читать книги»), категория дефинитивности иррелевантна, в ней нет никакой потребности. Нерелевантные случаи употребления существительного едва ли имеют отношение к категории определенности/неопределенности.

Сказанное означает, что в высказывании *Ben kitap okuyorum*, передающем смысл «Я читаю книгу» (а, скажем, не сплю или не листаю журнал), средства, имеющие отношение к категории определенности/неопределенности, полностью отсутствуют. В высказывании *Ben bir kitap okuyorum* (введен неопределенный артикль) речь идет о какой-то конкретной, реально существующей книге, о которой один или оба коммуниканта по какой-либо причине не осведомлены (могут иметься в виду самые разные ситуации: забытое название, односторонняя осведомленность, т. е. говорящий осведомлен, а слушающий почему-либо не осведомлен и т. д.).

Как неопределенное может восприниматься новое для коммуникантов, только что возникшее конкретное явление: *Atatürk, Birinci Dünya Harbi sonunda yıkılan İmparatorluğun enkazı üzerinde bir yeni Türkiye kurdu.* (SS Rg, 190) «В конце Первой мировой войны Ататюрк создал на развалинах [Османской] Империи новую Турцию».

Высказыванием типа *Ben kitab+ı okuyorum*, в котором использована форма винительного падежа дополнения, выражена обоюдная осведомленность о предмете (и говорящего, и слушающего). Ср. также: *Uşak eve gelince, efendisi tefeci sordu: — Bal+ı aldın mı? (AN ADS, 97)* «Когда слуга пришел домой, его господин ростовщик спросил: Ты купил мед (за которым я тебя послал)?». Словоформа винительного падежа свидетельствует об осведомленности коммуникантов о предмете разговора.

Полезно заметить, что под осведомленностью следует понимать любую степень знания о предмете. Достаточно, чтобы предмет был просто упомянут в тексте, чтобы коммуникант воспринимал его как уже «знакомый»: *Bugün (bir) insan gördüm. Bu insan+ı çoktan tanıyorum.*

(Информант) «Сегодня я видел одного человека. Я давно знаю этого человека».

Одним из свидетельств в пользу трактовки показателя *bir* в рассматриваемых случаях как неопределенного артикля является его часто наблюдаемая постпозиция, т. е. помещение между определяемым и определением.

В тюркском языкознании утвердилось мнение, согласно которому постпозитивное употребление показателя *bir* (*güzel bir gömlek* «красивая рубашка») «передает определению повышенную меру качества», называемого определением.²⁶ Вероятно, приходится говорить об утвердившемся в тюркском языкознании предрассудке, который мешает исследователям обратить внимание на факт регулярного присутствия неопределенного артикля в определительных конструкциях с *существительными* в форме исходного падежа, *относительными прилагательными*, *глагольными субстантивно-адъективными формами* (см. ниже) в функции определения, которые по своей природе не могут передавать повышенную меру признака: 1) *Tuzdan bir heykel* (EŞ A, 62) «статуя из соли»; 2) *Kızıl saçlı çömez destur isteyip, odaya girdi. Dosdoğru bana doğru yürüdü; kulağıma fısıldayarak beklenmedik bir misafirimiz olduğunu haber verdi.* (EŞ A, 71) «Рыжий софта, испросив позволения, вошел в комнату. Подошел прямо ко мне; сообщил шепотом на ухо о том, что прибыл [какой-то] неожиданный гость»; 3) *top gibi bir cevher* (VÖ MAAK I, 19) «драгоценный камень, похожий на мяч»; 4) *kardan bir battaniye* (EŞ A, 101) «одеяло из снега».

Приведенный материал, как представляется, исключает правомерность упомянутой выше трактовки функционального предназначения постпозитивного показателя *bir* как числительного и подтверждает убедительность предлагаемого автором настоящей работы решения проблемы.

8. О ПОСЛЕЛОЖНЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ (ПАДЕЖНЫХ) ФОРМАХ

Языки пользуются разными способами сопряжения знаменательных (самостоятельных, конкретных) лексических значений с незначимыми, несамостоятельными (например, служебными). Но все эти способы объединяются всего лишь в две группы:

1) исторически первую группу, несомненно, составляют способы, не связанные с преобразованием облика лексемы/слова: порядок слов,

²⁶ См., напр.: *Щека Ю. В. Практическая грамматика турецкого языка. М., 2007. С. 101, 116.*

разного рода редупликация (удвоение), использование парных слов, сочетания автосемантических лексем/слов с носителями (лексемами/словами) незначительных значений;

2) вторую группу составляют способы, представляющие собой то или иное преобразование облика лексемы/слова с целью сопряжения какого-либо лексического значения с каким-либо несамостоятельным (служебным или лексемообразующим) значением.

Это означает, что, опираясь на глобальную структурную типологию языков братьев Шлегелей и Вильгельма фон Гумбольдта, все языки тоже можно объединять всего лишь в две большие группы: 1) языки, которые не прибегают к преобразованию облика лексемы/слова (сугубо *аморфные*, например, древнекитайский, современный вьетнамский) и которые, по мнению некоторых исследователей, или не имеют морфологии (морфологической подсистемы),²⁷ или представляют собой «языки со слабо развитой морфологией»;²⁸ 2) языки, которые активно используют преобразование облика лексемы/слова в коммуникативных целях (*флективные, агглютинативные, инкорпорирующие*). Правда, абсолютно «чистых» систем, как известно, не бывает, и на практике приходится говорить о преобладании тех или других строевых признаков в каждом конкретном языке. Поэтому чаще всего язык относят к одному из перечисленных типов, имея в виду преобладающий в нем способ сопряжения значений.

Тюркские языки принадлежат ко второй из названных наиболее крупных групп языков. Они обладают богатой морфологией. Для сопряжения знаменательных лексических значений с незначительными в них широко используется не менее пяти способов *оперативного грамматического преобразования* лексемы/слова, и признание их агглютинативными означает, как было сказано, лишь то, что прием прогрессивной суффиксальной агглютинации, т. е. последовательного «приклеивания» морфов к концу корня слова и далее друг к другу, преобладает среди этих морфологических способов.

Однако оперативное грамматическое преобразование слова не является в тюркских языках единственным средством сопряжения значений. В передаче служебной информации участвуют также лексические единицы, которые удобно именовать *незначительными лексемами/словами*, в частности, *послелог* (аналог предлогов флективных языков), *союзы, многие частицы и модальные лексемы*.

²⁷ См., напр.: Панфилов В. С. Грамматический строй вьетнамского языка. С. 59, 86, 98.

²⁸ Яхонтов С. Е. Метод исследования и определение исходных понятий // Квантитативная типология языков Азии и Африки / отв. ред. В. Б. Касевич, С. Е. Яхонтов. Л., 1982. С. 22.

Сказанное означает, что турецкий, как и другие тюркские языки, для передачи служебной информации располагает и синтетическими («грамматическими», точнее, морфологическими, т. е. словоизменительными), и лексическими средствами, которые нередко именуется языковедами аналитическими.

Лингвистическая традиция не считает незначительные слова в речи «членами предложения», а конструкции, образуемые в речи значительными и незначительными словами, не признаются полноценными словосочетаниями. Это справедливо ввиду несамостоятельного, дополнительного характера незначительных значений. В частности, ввиду того, что конструкции со служебными словами функционально идентичны словоформам, т. е. служат средством передачи информации о связях или второстепенных свойствах предметов, действий, признаков, обстоятельств или количеств, называемых исходными основами, они трактуются как цельные компоненты высказываний («члены предложения»). Вместе с тем нельзя не видеть противоречия между тем, что такие конструкции (например, *dağ kadar (büyük)* («величиной) с гору») являются несомненно сочетаниями слов, т. е. *словосочетаниями*, и тем, что грамматисты не признают их компоненты синтаксическими единицами, а сами конструкции обозначаются разными терминами: морфологическим единством, грамматической формой слова, морфологическими словоформами, морфологической формой слова.²⁹

Существование рассматриваемых конструкций во многих языках мира (далеко не только в аморфных), их изофункциональность с морфологическими средствами, наличие у них собственной синтактики приводят к тому, что необходимо признать: они занимают в языковых системах особое место, не принадлежат при этом ни к синтаксису, ни к морфологии. Если принимать во внимание только конструкции со словами, имеющими служебные значения, то, не вторгаясь в сферу классического синтаксиса, их можно было бы именовать служебными конструкциями.

Как известно, аморфные языки для передачи служебной информации (в данном случае информации о связях или свойствах элементов

²⁹ В. М. Жирмунский назвал эти конструкции «морфологическим единством (грамматической формой слова)». См., напр.: *Жирмунский В. М. Аналитические конструкции // Аналитические конструкции в языках различных типов. Тезисы докладов / отв. ред. В. М. Жирмунский, О. П. Суник. Л., 1962. С. 3–4.* — См. также: *Аналитические конструкции в языках различных типов / отв. ред. В. М. Жирмунский, О. П. Суник. М.; Л., 1965; Панфилов В. С. Грамматический строй вьетнамского языка. С. 62.*

окружающего нас мира) пользуются «служебными словами». Последнее, как и знаменательные слова, входят в состав словосочетаний, хотя «служебные слова» не трактуются как полноценные компоненты высказываний.

Если форма существительного, сигнализирующая об участии предмета в какой-либо связи, как правило, является падежной (т. е. синтетической) формой, то наиболее близким падежам неморфологическим средством, передающим предметные связи, справедливо считать послелого. В настоящей работе послеложные формы трактуются как такие формы, которые сигнализируют в первую очередь об участии называемого именной основой предмета в какой-либо разновидности связи с каким-либо другим предметом, действием, событием и т. п.

Послелог — это служебная лексема, аналог предлога языков других структурных типов, имеющая ту разновидность служебных значений, которая передает преимущественно предметные связи; в частности, значение послелога сигнализирует о вступлении предмета, называемого обслуживаемым послелогом словом, в какую-нибудь конкретную связь. Значения послелогов однородны со значениями падежей, в силу чего те и другие взаимодействуют в речи, дополняя, уточняя или замещая друг друга, в целях более точного выражения передаваемого ими смысла (как, например, в конструкции *İstanbul'a kadar* «до Стамбула»). Послелого и падежи в тюркских языках могут рассматриваться как совокупность соответственно морфологических и лексических средств передачи всех многообразных связей, в которые вступают предметы. Функциональная «привязанность» послелогов к именам существительным является активной границей, отделяющей их от *союз*ов.

В тюркском языкознании принято различать «послелого-частицы» и «послелого-имена».

Послелого-частицы по своим значениям и функционально родственны обстоятельственным наречиям (см. раздел «Наречие»).

Многие лексемы одновременно входят и в класс наречий, и в класс послелогов (например: *doğru* «прямо; по направлению к»; *önce* «сначала, прежде; тому назад, до»; *sonra* «потом, затем; после, через»). Однако основу этого разряда составляют послелого, которые не имеют двойников в других разрядах и классах, например: *dolayı/ötürü* «ради, из-за, вследствие, по причине»; *göre* «судя, согласно, в сравнении»; *kadar* «(вплоть) до, пока не». В зависимости от взаимодействия с формой существительного различают: 1) послелого, употребляющиеся с основной формой существительного и «родительным падежом» предметного местоимения: *gibi* «подобно, как»; *için* «для, ради; из-за»; *ile* «(вместе) с; посредством, с помощью»; *kadar* «как, с» (при сравнении по

количеству или размеру); 2) послелого, употребляющиеся с дательным падежом: *dair* «относительно, о»; *değin/dek/kadar* «(вплоть) до, пока не»; *doğru* «по направлению к»; *göre* «судя, согласно, в сравнении»; *karşı* «против»; 3) послелого, употребляющиеся с исходным падежом: *başka* «кроме, помимо, исключая»; *dolayı/ötürü* «ради, из-за, вследствие, по причине»; *önce* «перед, тому назад, до»; *sonra* «после, через».

8.1. Послелого-частицы

Послелого, не взаимодействующие с надежными формами обслуживаемых существительных, но требующие особую надежную форму³⁰ личных и указательных местоимений (кроме местоимений с аффиксом множественного числа)

Aşağı «вниз»: *Konuşmanın bundan sonrası yokuş aşağı tepetaklak yuvarlanmaktan farksızdı. (EŞ A, 57)* «Последующая часть разговора ничем не отличалась от кувыркиания вниз по склону вверх тормашками».

Diye «как, в качестве», а также как средство изъяснения: 1) *...her ana onu kızına örnek diye gösteriyordu. (HE SB, 23)* «...каждая мать указывала на нее своей дочери как на пример (для подражания)»; 2) [Hilmi:] *“Ben olsam, derhal Peregrin’yi hoca diye tutarım.” (HE SB, 37)* «Что касается меня, то я бы тотчас же взял в качестве преподавателя Перегрину»; 3) *“Bohçayı bırak hemşire, Tevfik tütün diye kıvranıyor, bir saat önce tabakamı önüne boşalttım.” (HE SB, 133)* «Оставь сверток, сестра. Тевфик умирает по табаку, час тому назад я опорожнил для него всю свою табакерку»; 4) *Doğrusu, ne zaman kaçacak diye bekliyordum. (EŞ A, 94)* «По правде говоря, я все ждал, когда же он сбежит».

Gibi «подобно тому, как»: 1) *İmam efendi evde de mi va’z eder gibi konuşuyor? (HE SB, 27)* «Господин имам и дома разговаривает так, как будто проповедует?»; 2) *Padişah gibi yerin dibine batsın. (AN ADS, 71)* «Пусть он, как падишах, провалится сквозь землю»; 3) *“Bak evlat! Armut dibine düşer. Her çocuk ebeveynine çeker, anladın mı? Sen de öylesin” dedi babam. “Bizler gibi sıradan bir insan olduğunu nedenbir türlü*

³⁰ Существует, по-видимому, ошибочная традиция считать форму, о которой идет речь, формой родительного падежа. В свете данных древних тюркских языков едва ли можно сомневаться в том, что на самом деле местоимения в современном турецком языке, сочетаясь с послелогом, сохраняют форму древнего многофункционального падежа, который был способен сигнализировать о различных предметных связях. См. об этом: Губайдуллина М. Э. К вопросу о функциональном использовании падежных форм с показателями -(у)п и -(у)г (в памятниках древнетюркской рунической письменности) // Вопросы тюркской филологии. Вып. VI. Материалы Дмитриевских чтений. М., 2006. С. 40–48.

kabullenmezsin?» (EŞ A, 61) «Послушай сын! Яблоко от яблони недалеко падает. Каждый ребенок похож на своих родителей, ты понял? — сказал отец. — Почему ты не хочешь согласиться с тем, что ты такой же, как мы, обыкновенный человек?»; 4) *Bilindiği gibi*. (AN ADS, 39) «Как известно».

İçin «для, ради чего-либо»: Ne var ki bir süre sonra orada durmak için bahanem kalmadı. (EŞ A, 83) «Однако через некоторое время у меня уже не было предлога, чтобы там оставаться».

Kadar «как» при сравнении по количеству: 1) Maamafih, inanınız ki bu vaka, zihninizde büyüttüğünüz kadar fevkalâde bir şey değildir. (RNG YD, 17) «Однако поверьте, это событие не столь значительно, как вы его себе представляете, преувеличивая в своем воображении»; 2) Her kesin benim gördüklerimi gördüğünü düşünecek kadar saftım. (EŞ A, 61) «Я был настолько непорочен, насколько может быть непорочным каждый, кто видит во сне все то, что видел я»; 3) “Taze pişmiş ekmeğe kadar bir erkeği evine bağlayan bir şey olmaz” demişti kayınvalidesi. (EŞ A, 92) «Ее свекровь говорила: “Ничто так не привязывает мужчину к дому, как свежий хлеб”».

İle «с, вместе, посредством»: 1) Aklın kimyası ile aşkın kimyası başkadır. (EŞ A, 95) «Принципы разума и любви различны»; 2) Ve dondurucu soğuklar+la beraber uzaklardan mektup taşıyan bir ulak geldi. Ve o mektup her şeyi altüst etti. (EŞ A, 96) «И вместе с сильными холодами прибыл посыльный, который привез письмо. И это письмо перевернуло все вверх дном»; 3) Bağdat'ın eteklerinde kurduğunuz zaviye ile ilgili öteden beri güzel şeyler işitirim. (EŞ A, 97) «В связи с обителью, которую вы основали под Багдадом, я слышу в течение продолжительного времени хорошие вести» (букв.).

Olarak «как, в качестве»: İçindeki zayıflık dışına şiddet olarak yansıyor. (EŞ A, 53) «Его внутренняя слабость внешне воспринималась как сила».

Üz(e)re «для того, чтобы»: Münih'te Çekoslovakya'nın Südet bölgesini Almanya'ya vermek üzere anlaşılar. (SS Rg, 186) «В Мюнхене договорились передать Германии чехословацкие Судеты».

Yukarı «вверх, наверх»: Yola düzüldük. Bodrumdan yokuş yukarı tırmandık. (NB ABB, 13) «Мы отправились в путь. Из Бодрума поднялись вверх по склону».

Послелог, взаимодействующие с формой дательного падежа обслуживаемых существительных

Dair «относительно, о, на»: Fakat Rabi'a'nın buna dikkat ettiğine dair bir belirti yoktu. (HE SB, 187) «Однако не было никакого признака того,

чтобы Рабия обратила на это внимание»; Bu acil durumun ne olduğuna dair hiçbir açıklama yoktu. (EŞ A, 57) «Не было дано никакого пояснения относительно того, что это за срочное дело».

Değın, dek «вплоть, до чего-либо»: 1) Sokakta rastgeldiğim insanlar bunu asla tahmin edemeseler de, bugüne değın canını aldığım her kişiden bir nişan taşıyorum üzerimde. (EŞ A, 39) «Хотя люди, которых я встречаю на улицах, этого вовсе и не подозревают, до сих пор я ношу на себе знак каждого убитого мной человека»; 2) Bildiğim, öğrendiğim nice ilaç, nice deva varsa hepsini denedim şimdiye+dek. (AN ADS, 121) «Сколько лекарств, снадобий, о которых я узнал, ни есть, все перепробовал до сих пор»; 3) Ama bugüne değın kocası her akşam vaktinde evine gelmiş, yemek masasında yerini almayı bilmmişti. (EŞ A, 58) «Но до сегодняшнего дня ее мужу удавалось каждый вечер вовремя приходиться домой и занимать свое место за обеденным столом».

Göre «согласно по, по сравнению, в соответствии»: 1) Anladığıma göre, bana b kızla evlenmeyi teklif ediyorsunuz. (RNG YD, 17) «Как я понимаю, вы предлагаете мне жениться на этой девушке»; 2) Otobüsler bizlere göre çok iyi bir yaşam sürüyorlar. (AN ADS, 17) «Автобусы по сравнению с нами живут очень приятной жизнью»; 3) Geleneğe, göreneğe göre yaşayacak değiliz ya. (MCA A, 94) «Мы ведь вовсе не собираемся жить по обычаям и традициям».

Kadar «вплоть до»: 1) ...yaman yüzlü kadınlar el ele vermiş sabahtan akşama kadar, makamı insana uyku veren bir ilâhi söylediklerini görüyordu (HE SB, 1989, 23) «...она видела женщин с мрачными лицами, которые, взявшись за руки, с утра до вечера пели религиозные гимны, навевавшие на людей сон»; 2) Belki bundan dolayı... yüzünün ifadesine kadar hâkim olmak zorunda kaldı. (HE SB, 1989, 23) «Может быть, по этой причине она была вынуждена владеть собой вплоть до выражения лица».

Karşı «против, по отношению к»: 1) Hemen de karısına karşı durumu değışti. (HE SB, 30) «И сразу же изменилось его отношение к жене»; 2) Celâl Bayar, Almanya ile yapılan anlaşmaları beğeniyor, fakat müttefikimiz İngiltereye karşı daha ihtiyatlı davranmak gerektiğini söylüyordu. (SS Rg, 227) «Джелаль Баяр одобрял наши соглашения с Германией, но говорил о необходимости осторожно действовать по отношению к нашему союзнику Англии»; 3) Özellikle Sovyetler Birliğine karşı yürüttükleri politikayı şiddetle tenkit ediyordu. (SS Rg, 228) «В особенности он энергично критиковал политику, которую они проводили по отношению к Советскому Союзу».

Karşın, rağmen «вопреки, несмотря на»: İşte o an, annemi ve babamı sevmeme, hatta sevgilerine aç ve muhtaç olduğumu sanmama karşın, ikisinin de benim için birer yabancı olduklarını anladım. (EŞ A, 61) «И вот в тот

миг я понял, что несмотря на то, что я любил мать и отца, даже верил в то, что нуждаюсь в их любви, каждый из них был для меня чужим» (см. также: *rağmen*).

Rağmen, karşın «вопреки, несмотря на»: ...büyük babasının emirlerine rağmen. (HE SB, 23) «вопреки распоряжениям бабушки» (см. также: karşın).

Послелог, функционирующие с исходным падежом обслуживаемых существительных

Başka «кроме»: 1) İnsan her yerde ölür — ne bileyim, dağda, taşta, harp meydanında — ne var ki **deniz+den başka** her yerde bir izi, bir kemiği, dikili bir mezar taşı kalır. (HB ABB 2007, 7); «Человек повсюду умирает — ну скажем, в горах, в скалах, на поле битвы, однако везде, кроме моря, от него остается какой-нибудь след, кость, надгробный камень»; 2) Burada kimseler kalmayacak **yaşlılar+dan, hastalar+dan, bir de çocuklar+dan başka**. (AN ADS, 71) «Здесь никого не останется кроме стариков, больных да детей»; 3) benden başka (MCA A, 8) «кроме меня».

Beri «с тех пор как»: 1) İşte bunlar burada **çocukların+dan beri** deniz rüzgârlarıyla savaşmasını öğreniyorlar. (HB ABB, 14) «И вот они здесь с малых лет учатся бороться с морскими ветрами»; 2) **Çok+tan beri** görmediği arkadaşı. (HB ABB, 18) «Его товарищ, которого он не видел с давних пор»; 3) **Yıllardan+beri** çekerim ben bu ağrıları, sızıları. (AN ADS, 120) «Уже много лет терплю я эти боли»; 4) **Çocukluğum+dan beri** öteki âleme ziyaretlerde bulunur, keşifler yapar, gâipten sesler işitirim. (EŞ A, 60) «С детства я посещаю иной мир, делаю открытия, слушаю голоса из загробного мира».

Dolayı «из-за, по причине»: 1) Amcamı neden dolayı çoktan beri görmediğimi, onun ne kadar uzun bir sefere çıktığını, oyuncak kayığımın niçin ortadan kaybolduğunu, babamın da hangi sebep yüzünden denizci olmamı istemediğini hep birden anladım. (HB ABB, 24) «Я понял все сразу: почему я так долго не видел моего дядю, в какой долгий рейс он отправился, почему исчез мой игрушечный корабль и по какой причине отец не хотел, чтобы я стал моряком»; 2) Belki **bundan dolayı** çocukluk huyalarını kafasında saklamak, yüzünün ifadesine kadar hâkim olmak, yani iradesini kendi kendisine eğitmek zorunda kaldı. (HE SB, 1989, 23) «Может быть, по этой причине она была вынуждена скрывать свои детские иллюзии, владеть собой вплоть до выражения лица, иными словами, сама (должна была) воспитывать свою волю»; 3) Acaba şahitlik etmeme karşın, aceleden yahut gâfletimden dolayı kıymetini bilemediğim, idrak etmekte geciktiğim ilahi bir işarete denk gelmiş miydim? (EŞ A, 60) «Вопреки

тому, что я побывал пред всевышним, не оказался ли я недостойным божественного знака, цену которому я не ведал или постиг с опозданием, может, из-за спешки или из-за своей беспечности».

İçeri «внутри»: delikten içeri girmeye başladılar. (VÖ MAAKI,9) «...начали залезать внутрь через отверстие».

Önce «прежде, раньше»: Ben patron karısı olmaktan önce, bir fikir işçisiyim. (SS Rg, 230) «Прежде чем (считать) меня женой патрона, (надо помнить), что я работник интеллектуального труда».

Ötürü «по причине»: Çok sonra bu telefon görüşmesinde söylediği şeylerden ötürü derin pişmanlık duyacaktı. (EŞ A, 55) «Пройдет много времени, и она испытает глубокое раскаяние по поводу того, что она сказала во время этого телефонного разговора»; Yarattımanı sevdim, Yaradan'dan ötürü. (EŞ A, 63) «Я полюбил божью тварь из любви к Творцу».

Sonra «после»: 1) Bu ünlü olaydan sonra anasının ve büyükbabasının şikâyet edebileceği bir yaramazlık yapmadı. (HE SB, 23) «После этого незабываемого случая она не совершила ни одной шалости, на которую могли бы жаловаться мать и дедушка»; 2) Her gün 10 dakikadan sonrası bedava! (Реклама фирмы мобильной связи) «Каждый день [связь] более 10 минут бесплатно!»; 3) Tüm öğleden sonra çalışan Ella dört başı mamur bir sofrayı kurdu. (EŞ A, 93) «Элла, которая трудилась все послеобеденное время, накрыла очень приятный стол на четыре персоны».

Uyarınca «согласно, в соответствии с»: Burada bütün ürünleri tüketilmesi yasaktır. Tüketenlere ve tüketilmesine göz yuman sorumlulara 4207 sayılı Kanun uyarınca idari para cezası uygulanır. (Объявление в общественных местах Стамбула) «Здесь запрещено пользоваться табачными изделиями. Курильщики и ответственные лица, не обращающие внимания на курение, подлежат наказанию денежным штрафом согласно закону 4207».

Yana «в сторону чего-либо»: 1) Yüzünü benden yana çevirmişse de sözü kamuyaydı. (EŞ A, 52) «Хотя его лицо было обращено ко мне, его речь (предназначалась) всем»; 2) Bunun üzerine deveden yana olanlar, devenin de adaylığını koydular. (AN ADS, 61) «После этого те, кто был на стороне верблюда, и выдвинули кандидатуру верблюда»; 3) Bu sözleri söyleyen kadının yanındaki erkek, başını hafifçe ondan yana eğmiş, tam dinler durumdaydı. (MCA A, 7) «Мужчина, сидевший рядом с говорившей эти слова женщиной, слегка склонил голову к ней и был в такой позе, как будто он действительно слушал».

8.2. Послелоги-имена

Послелоги-имена, несомненно, восходят к именам существительным, и некоторые исследователи легко впадают в ошибку, отрицая их

существование.³¹ Внешне в речи они представляют собой субстантивные словоформы дательного, местного или исходного падежей, выступающие в функции определяемого в составе конструкций изафет II или III и приспособленные для передачи предметных связей. Их действительно легко принять за обычные субстантивные словоформы. Так, лексемы *alt* «низ, нижняя часть (чего-либо)» и *üst* «верх, верхняя часть (чего-либо)» могут функционировать в речи как обычные автосемантические слова. И, разумеется, очень легко впасть в иллюзию, что и в конструкциях типа *masa alt+ın+da* «под столом» и *masa üst+ün+den* «со стола» функционируют те же самые знаменательные слова. Однако если принимать во внимание, что такие образования не только представляют собой отдельные речевые единицы, но и являются реализацией в речи служебных лексем и форм, составляющих самостоятельный и многочисленный класс в языковой системе, то изучение их функциональных особенностей позволяет получить перечень фактов и грамматических особенностей, которые убеждают в реальности существования разряда послелогов-имен: 1) функционирование в сфере выражения служебной информации (предметных связей: *bir yıl içinde* «в течение года», *bir şey hakkında/üzerine konuşmak* «говорить о чем-либо», например: *marka üzerine çeşitli görüşler ileri sürdüler* (VÖ MAKA2, 31) «они высказывали о [денежных единицах] марках разные мнения»); 2) наличие у послелогов таких значений, которые или весьма отдалены от значения той лексемы, к которой они исторически восходят, или никак не связаны с ним: ср. послелог *yüz+ün+den* «по причине, из-за (чего-либо)» и лексему *yüz* «лицо, поверхность»; послелог *hakkında* «относительно, о (чем-либо)» и лексему *hak(k)* «право; справедливость; причитающееся; затраченный труд; заряд; господь»; ср. также предикатив *gerek* «нужно, необходимо» и послелог *gereğince* «сообразно, в соответствии»; 3) наличие послелогов, которые семантически представляют собой результат изоляции, лексикализации субстантивных словоформ: *üst+ün+e*, *üzerine* «после; по поводу (чего-либо); о (чем-либо)»; 4) неупотребительность в современном языке знаменательной лексемы, превратившейся в послелог (например, лексема *üzer* «поверхность, верх», к которой восходит приведенный выше послелог *üzer+in+e*, в настоящее время практически не используется); 5) общетипологический довод: закономерность формирования в языке служебных лексем на основе субстантивных словоформ подтверждается фактом наличия во многих языках иных систем аналогов тюркских

³¹ См., напр.: *Korkmaz Z. Türkiye Türkçesi Grameri (Şekil Bilgisi)*. Ankara, 2003. S. 193–289, 1052–1057.

последлогов-имен (ср. русские предлоги «ввиду», «в течение», «в соответствии с», «вследствие», «по мере того как» и т. п.).

Носителями бесспорно служебных значений (см. об этом выше) в тюркских языках являются послелоги, союзы и многие частицы. Именно поэтому их вполне справедливо можно называть служебными лексемами. Послелоги являются носителями той же разновидности служебных значений, что и падежные формы, — значений, которые отражают и передают преимущественно предметные связи. Этим обстоятельством объясняется тесное взаимодействие падежей и служебных лексем, нередко приводящее к формированию устойчивых комбинаций монем, парасинтаксических моделей, имеющих статус статического существования в языковой системе и реализующихся в речи в виде устойчивых конструкций. Представляется оправданным полагать, что такого рода устойчивые служебные конструкции при порождении высказываний не составляются говорящим, а воспроизводятся в готовом виде.

Примеры:

Aks+in+e «в отличие от, в противоположность кому-либо, чему-либо»: 1) *Kocakarısı her zamankinin aksine açık bugün.* (FB T, 104) «В отличие от того, как это бывает всегда, сегодня ворота открыты»; 2) *Eski ustaların aksine çok savaş gördüm ben, çok.* (OP BAK) «В отличие от мастеров прошлого мне пришлось много бороться, очень много»; 3) «...Zira sizin ak+siniz+e ben yüzebiliyorum...» (EŞ A, 61) «...потому что в отличие от вас я умею плавать» (см. также *tersine*).

Aleyh+in+de «против кого-либо»: 1) *Papa'nın vekili durup dinlenmeden herif aleyhinde propaganda yara.* (HE SB, 1989, 38) «Находясь на службе у Папы, этот тип без устали говорит против него»; 2) *İt Omar parladi: Benim aleyh+in+de atmayın! Ağzınız eğilir!* (FB T, 223) «Ит Омар вскипел [и заявил:] “Не вздумайте выступать против меня! У вас языки отсохнут!”».

Alt+ın+a, alt+ın+da, alt+ın+dan «на, под, из-под чего-либо»: 1) *Öküz alt+ın+da buzağı arıyorlar.* (Посл.) «Ищут теленка под волом»; 2) *Alt+ın+da bir şiir yer almaktaydı.* (EŞ A, 66) «Под ним находилось стихотворение»; 3) «...abamın altından her gün farklı manzaralar seyreyledim.» (EŞ A, 62) «...из-под моей абы (одежды) я каждый день любовался разными пейзажами».

Ara+sın+a, ara+sın+da, ara+sın+dan «между, среди, из (какого-либо множества)»: 1) *Ara+lar+ın+da bir tanesini Sabiha Hanım alkoydu.* (HE SB, 32) «Одну из них Сабиха Ханым задержала»; 2) *Halayıklar ara+sın+da bir o, başını bağlamamıştı.* (HE SB, 32) «Среди слуг только она не повязала голову платком»; 3) *Nihayet iki dağların ara+sın+da sıkışan*

ova, Karakaya Boğazı denilen yerde boğazlandı. (НВ АBB, 15) «Наконец, долина, зажатая между двумя горами, в месте, которое называлось Каракая Богазы, превратилась в проход (между скалами)»; 4) Türkiye ile Rusya **ara+sın+da**. (газ.) «Между Турцией и Россией».

Ard+ın+ca «вслед за кем-либо»: 1) Aynı yıl Tefvik, **birbiri ardınca** dayısını ve anasını kaybetti. (HE SB, 1989, 17) «В том же году Тевфик потерял одного за другим дядьку и мать»; 2) Orhanla Nuri **birbiri ardınca** Rumeli ve Anadolu türkülerini söylüyorlar. (Информант) «Орхан и Нури по очереди поют балканские и анатолийские народные песни»; 3) Çocuğa iş buyuran, **ardınca** kendi gider. (Посл.) «Тот, кто заставляет заниматься делом ребенка, тот сам вслед за ним идет [делать то же дело]».

Ard+ın+dan «из-за, позади чего-либо»: 1) İlk başta zor seçiliyordu gelen resim, sanki **bir tül perdenin ard+ın+dan** izler gibiydim her şeyi. (EŞ A, 53) «Сначала трудно было различить появляющееся изображение, как будто я наблюдал за всем из-за тюлевой занавески»; 2) Görevliler ve muhafızlar **ardından** yetişmeye çalışıyorlardı. (VÖ MAKA2, 15) «Служивые и охранники старались поспевать за ним».

Arka+sın+a arka+sın+da, arka+sın+dan «позади чего-либо»: 1) Bayramlarda Emine'nin **arkasına** büzülerek odaya giren pısrık çocuk bu muydum? (HE SB, 26) «Это ли был тот хилый ребенок, который по праздникам входил в комнату, прижавшись сзади к Эмине?»; 2) **...arabanın arkasından** koşardı. (HE SB, 188) «...бежал вслед за повозкой»; 3) Gelir-cibaşı, gitti ve tabak dönüştüren **çocuğun arkasında** durdu. (VÖ MAKA2, 13) «Собиратель налогов пошел и остановился позади ребенка, который изготовлял блюда».

Baş(in)a, baş(in)da, baş(in)dan «рядом с чем-либо, у, на, за»: 1) Ali Rıza Bey, yaz, kış, işi olsun olmasın her gün saat dokuzda **vazife baş+ın+da** bulunuyordu. (RNG YD, 16) «Али Риза Бей, зима ли лето, есть ли дела или нет, каждый день в девять часов был на службе»; 2) **Çeşme başında** her gün kavga vardır, çocuklar sabahtan akşama kadar çamurlara yuvarlanırlar. (HE SB, 187) «У источника каждый день ссора, дети с утра до вечера барахтаются в грязи»; 3) İsmail oturuyor **masanın başında** ve ben İsmail yerinden kalkmasını istiyorum, sabaha kadar gözlerini üstümden ayırmasını istiyorum. (NH YGŞK, 513) «Исмаил сидит за столом, и я хочу, чтобы Исмаил не вставал со своего места, чтобы он до утра не сводил с меня глаз»; 4) Hepimiz **işlerimizin başına** koştuk. (НВ АBB, 23) «Мы все разбежались по своим служебным местам (на корабле)».

Boy+un+ca, boyu «вдоль, на протяжении чего-либо, по»: 1) Büyük kusurları, şu **yol boyunca** işlediği günahları vardı. (YK OD, 103) «Большие ошибки заключались в том, что он совершал грехи, двигаясь по вот этой дороге»; 2) Kalabalık bulut misali **toz çıkarıyordu**. Toz bulutu, koşan,

yuvарlanan toz bulutu içinden, **yoł boyunca** bir uđultu ovaya dađılıyordu. (YK T, 1962, 51) «Толпа поднимала облако пыли. Из пыльного облака, из несущегося, катящегося пыльного облака вдоль дороги в сторону долины разносился вой»; 3) Bütün bu taşıtlar ve binitler, **yaşamları boyu** özledikleri bu isteklerini gerçekleştirilmeye giriştiler. (AN ADS, 22) «Все эти транспортные средства принялись осуществлять все свои желания, которые они вынашивали **на протяжении всей своей жизни**»; 4) **Bu dokuz ay boyunca...** (EŞ A, 94) «В течение этих девяти месяцев...».

Dış+ın+da «кроме»: 1) Bunun **dış+ın+da** özel bir tutkusu yoktur. (HE SB, 29) «За пределами этого у него нет особых пристрастий» (букв.); 2) Dudaklarından, belli belirsiz bir iç geçirmenin **dış+ın+da** bir ses çıkmadı. (EŞ A, 52) «Он не издал ни звука, **кроме** едва уловимого вздоха»; 3) Ama onların **dış+ın+da+ki+ler+in** en güçlüsü sizsiniz. (VÖ MAKA2, 21) «Но вы самый могущественный из всех **кроме них**».

Ср. существительное **dış** «внешняя сторона чего-либо»: 1) Verginin bu şekilde alınması hem içte, hem **dış+ta** kötü tepkiler yaptı. (SS Rg, 235) «Сбор налогов таким способом вызвал очень плохую реакцию как внутри страны, так и **за рубежом**»; 2) “Tan” gazetesi, devlet adamlarının **Türkiyeyi harp dışı** bırakmasını alkışlıyor, fakat faşist Almanya’ya karşı alınan, lüzumundan fazla dost durumu tenkit ediyordu. (SS Rg, 245) «Газета “Tan” аплодисментами встречала то, что государственные деятели оставляли Турцию вне войны, но критиковала занятую по отношению к фашистской Германии излишне дружескую позицию».

Dolayısıyla «вследствие чего-либо»: İşte o zaman Ella benzer bir nezaketle Scott’a, kendisiyle bir alıp veremediği olmadığını, **dolayısıyla** şimdi duyacaklarını yanlış anlamaması gerektiğini ancak kızıyla evlenemeyecek kadar genç; üstelik henüz işsiz ve deneyimsiz olduğunu söyledi. (EŞ A, 56) «И вот тогда Элла так же вежливо сказала, что к нему самому у нее никаких дел нет, что необходимо только, чтобы он не понял неправильно все то, что сейчас услышит, что он настолько молод, что не может жениться на ее дочери; к тому же он не имеет работы и неопытен».

Hak(k)ında «относительно, о»: Resmî Selim Paşadan nefret eden halk onun özel **hayatı hakkında** söyleyecek bir şey bulamazlar. (HE SB, 29) «Люди, которые ненавидят официального Селима Пашу, не могут обнаружить ничего (предосудительного), что можно бы было сказать **о его личной жизни**».

Haric+in+de «за пределами чего-либо»: 1) «Göz patlatan» Muzaffer — yalan, doğru, yukarıdan gelen emirle, muayyen cürümler itiraf ettirmek görevinin **haric+in+de** — herkesi hoşnut etmeye çalışan bir adamdı. (HE SB, 1989, 133) «Музаффер “Вырви глаз” — **если не считать его обязанности** по велению сверху заставлять обвиняемых говорить ложь

или правду, брать на себя некоторые преступления — был человеком, который старался делать каждому добро»; 2) **Bunun haricinde onun için hiçbir şey mevcut değildi.** (Информант) «За пределами этого для него ничто не существовало».

İç+in+e, iç+in+de, iç+in+den «внутри, внутри чего-либо, про себя»: 1) **İki yanı büyük bahçeler içinde...** (HE SB, 26) «В садах по обе стороны от нее...»; 2) **O zamana kadar faşist Almanyanın harbi kazanacağına inananlar, büyük hayal kırıklığı içindeydiler.** (SS Rg, 245) «Те, кто до того времени верил, что войну выиграет Германия, были в состоянии глубокого разочарования»; 3) **"Mutlaka içimizde bir provokatör vardır."** (SS Rg, 296) «Наверняка среди нас есть провокатор».

Ср. существительное **iç** «нутро, внутренность чего-либо, внешний мир»: **Verginin bu şekilde alınması hem iç+te, hem dışta kötü tepkiler yarptı.** (SS Rg, 235) «Сбор налогов таким способом вызвал очень плохую реакцию как **внутри** (страны), так и за рубежом».

Karşı+sin+a, karşı+sin+da, karşı+sin+dan «напротив, перед кем-либо, чем-либо»: *1) **Peregrini karşı+ların+da+ydı.** (HE SB, 186) «Пereгрини сидел **напротив них**»; 2) **Hükümet içten ve dıştan gelen baskı altında, tenkitler karşısında yavaşladı.** (SS Rg, 236) «Правительство под давлением изнутри и из-за границы, **перед лицом** всевозможной критики умерило пыл»; 3) **Karşılarında kocaman siyah bir kapı vardı.** (VÖ MAAK I, 10) «**Перед** ними была огромная черная дверь»; 4) **Karşlarına kocaman beyaz bir kapı çıktı.** (VÖ MAAK I, 10) «**Пред** ними оказалась огромная белая дверь».

Orta+sin+da «середина»: 1) **Sabiha Hanımın odasının ortasında güya-dan uyanır gibi kendisine geldi.** (HE SB, 27) «Она пришла в себя, как будто пробуждаясь ото сна, **посреди комнаты** Сабихи Ханым»; 2) **Avlunun ortasında dünyanın en serin suyuна gebe bir kuyu.** (EŞ A, 47) «**Посреди двора** колодец, хранящий в себе самую свежую на свете воду»; 3) **Bir-den bütün çocukların... köyün ortasına doğru yürüdüklerini gördü.** (VÖ MAKA2, 13) «Вдруг он увидел, что все дети... **направляются** прямо к центру деревни».

Ön+ün+e, ön+ün+de, ön+ün+den «перед чем-либо, от чего-либо»: 1) **Pencerenin ön+ün+de iki kişilik kahvaltı hazırlamışlardı.** (HE SB, 183) «У окна был подготовлен завтрак на двоих»; 2) **Fakat biraz sonra deniz yine ön+ümüz+e çıktı.** (HB ABB, 13); «Однако вскоре море предстало **перед нами**»; 3) **Gözlerimizin ön+ün+de yalnız denizin yekpare mavisі kaldı.** (HB ABB, 24) «**Перед нашими глазами** осталась только сплошная голубизна моря»; 4) **Kısım kısım hareler belirdi gözlerimin ön+ün+de.** (EŞ A, 53) «Пятна света одно за другим появлялись **перед моими глазами**».

Peş+in+de «позади»: 1) **Rabia kadının peş+in+de, çifte merdivenlerinin trabzanlarını tuta tuta çıktı.** (HE SB, 1989, 26) «Рабия, **позади женщины,**

поднялась по двойной лестнице, все время хватаясь за перила»; 2) Yaşanmaya değer bir yaşamın peş+in+de+uyim; ve bir de bilmeye değer bilgini. (EŞ A, 62) «Я в поисках жизни, которая стоит того, чтобы жить, и знаний, которые стоят того, чтобы знать».

Saye+(sin)+de «благодаря чему-либо»: 1) Onu ben hafız yaptım. Saye+m+de para kazandı. (HE BE, 350) «Я сделал ее знатоком Корана. Она благодаря мне зарабатывала деньги»; 2) Kızın peşesi onun sayesinde değildi. (HE BE, 257) «Девушка радовалась не благодаря ему»; 3) Bu inanç sayesinde bizlerle kaldı. (EŞ A, 94) «Благодаря этой вере он остался с нами»; 4) ...bu saye+de konak halkını yakından tanıyordu. (HE BE, 62) «...благодаря этому он хорошо знал обитателей особняка».

Ters+in+e «вопреки, назло»: 1) ...şeytana uyan küfürbazlarının iddialarına **tersine** bir öbür dünya da, şükür var. (OP BAK, 10) «...**вопреки** утверждениям уверовавших в черта богохульников есть и потусторонний мир, и возблагодарение»; 2) Ama çiftleşmeyi akıldan bir türlü çıkaramadığım gençlik buhranlarının tersine işlediğim cinayeti unutabiliyorum. (OP BAK, 25) «Однако **вопреки** любовным кризисам, причиной которых была моя молодость и которых я никак не мог выбросить из головы, я могу забывать совершенное мной преступление»; 3) Anne babamın beklentilerinin aksine, büyüüp serpil-dikçe kaybolmadı keşiflerim. Tam tersine daha yoğun, daha cazbeli oldular. (EŞ A, 61–62) «**Вопреки** ожиданиям моих родителей, по мере взросления мои прозрения не исчезали. Как раз наоборот, они становились более частыми, более походили на транс» (см. также aksine).

Uğr+un+a «за, ради кого-либо, чего-либо»: 1) Benim uğr+un+a sen ne yaptın? (Информант) «А что же ты сделал ради меня?»; 2) ...daha fazla okumak uğr+un+a günler gecelerce uykusuz kalıyor. (EŞ A, 95) «...**ради того**, чтобы больше читать, он днями и ночами остается без сна».

Üst(ün)e, üst(ün)de, üst(ün)den «верх»: 1) ...her kapının üst+ün+de büyük bir fener (HE SB, 26) «...над каждой дверью большой фонарь»; 2) Kitabımı konsolun üst+ün+e koy da şuraya otur. (HE SB, 27) «Положи свою книгу на консоль и садись вот сюда»; 3) Gece yatakta, onu yastığımın üst+ün+e kordum. (HB ABB, 12) «Ночью, в постели я клал его (игрушечный корабль) на подушку».

Üzer(in)e, üzer(in)de, üzer(in)den «поверх чего-либо; с тех пор как; о чем-либо, вслед за»: 1) Bir-iki köylü peykelere uzanmış horluyorlardı. Çıplak ayakları üzer+in+e sinekler fazlaca üşüşünce ayakları sarsıyorlar, uyanmıyor, fakat horlama temposunu değiştiriyorlardı. (HB ABB, 15) «Несколько крестьян храпели, растянувшись на скамьях. Когда на их голые ноги слеталось слишком много мух, они трясли ногами, не просыпались, но меняли темп своего храпа»; 2) ...bugüne değin

canını aldığı her kişiden bir nişan taşıyorum **üzer+im+de**. (EŞ A, 39) «...до сих пор я ношу на себе знак каждого убитого мной человека»; 3) **Bize katılmasının üzer+in+den** dokuz ay geçti. (EŞ A, 94) «С тех пор как он присоединился к нам, прошло девять месяцев»; 4) Kendileriyle harbin aldığı seyir, memleketin durumu dış politika **üzer+in+de** konuş-tuk. (SSRg, 227) «Мы говорили с ними о ходе войны, о положении страны, о внешней политике»; 5) İstanbul'a döndüm. Fakat varlık ver-gisi **üzer+in+e** gazeteye tek satır yazmadım. (SS Rg, 235) «Я вернулась в Стамбул. Но о налоге на имущество не написала в газете ни строч-ки»; 6) Ve kaytsız şartsız teslim şartları **üzer+in+de** bir anlaşmaya varıldı. (SS Rg, 252-253) «И было достигнуто соглашение об условиях полной и безоговорочной капитуляции»; 7) ...bu konuşma **üzer+in+e** erkek otu-ranların yanına geldi... (MCA A, 8) «...после этого разговора мужчина подошел к сидевшим...».

Yan(in)a, yan(in)da, yan(in)dan «к, у, от, из-под»: 1) Yalnız anasız ka-lan Mihri'yi **yan+ın+a** alıp, kendi çocuğu gibi büyütmeyi teklif etti. (HE SB, 1989, 30) «Она предложила только **взять к себе** оставшуюся без матери Михри и взрастить ее как своего собственного ребенка»; 2) Garson **osa-ğın yanında** büyük altından gülüyordu. (OK M, 57) «Официант, стоявший у плиты, **ухмылялся** [букв. улыбался **из-под усов**]»; 3) At da sizin ol-sun, avrat da arkadaş. Sen bana **yan+ın+dan** iki onluk ver hele. (OK M, 318) «Друг, пусть и конь, и жена будут твоими. Ты дай-ка мне **от себя** две десятки»; 4) Koşarak **başkanın yanına** gitti. (VÖ MAKA2, 13) «Он бегом бросился к **предводителю**».

Yer+in+e «вместо»: 1) Babam, kaybolan oyuncak **kayığımın yerine** bana bir kuzu aldı. (HB ABB, 12) «**Вместо пропавшего игрушечного корабля** отец купил мне ягненка»; 2) "Bugün bir but eksik ama, o budun **yer+in+e** de bunlar var." dedi çocuklardan birisi, ortada durmakta olan man-galı göstererek. (VÖ MAAK1, 11) «"Сегодня одной ножки нет, но **вместо ножки** вот что есть", — сказал один из мальчиков, указывая на стояв-ший там мангал».

Yüz(ün)den «по причине, из-за чего-либо»: 1) Babamın da **hangi se-ber yüzünden** denizci olmamı istemediğini hep birden anladım. (HB ABB, 24) «Я понял сразу, **по какой причине** и мой отец не хотел, чтобы я стал моряком»; 2) "İşte bu **çelişki yüzünden** ülkemizin altı üstüne gelmeye başladı", dedi. (VÖ MAKA2, 10) «**Вот из-за этих противоречий** в нашей стране все начало переворачиваться с ног на голову», — сказал он; 3) Bir akılsızın **iftirası yüzünden** bütün nakkaşlar camiasının tehlikeye atıl-masına izin vermedim. (OP BAK, 23) «Я не позволил, чтобы вся община художников подвергалась опасности **из-за клеветы** какого-то глупца».

9. РЕДУПЛИКАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Редупликация существительных является средством разного рода служебной информации (обстоятельности, обилия чего-либо, интенсивности и т. п.).

Avuç avuç «пригоршнями»: ...hatta avuç avuç para da harcıyordu onlara. (EŞ A, 58) «...и даже тратил на них большие (“пригоршнями”) деньги».

Kat kat: Ağaç değil, kat kat orman sanılacak koca bir çınarı, serin rüzgârlar püfür püfür yelpazeliyordu. (HB ABB, 16) «Огромный платан, который можно было принять не за дерево, а за лес, высота которого достигала нескольких уровней, слегка раскачивали свежие ветры».

Benek benek: Ağacın altında bir panar vardı. Onun üzerine benek benek düşen ışık parçalarıyla yaprak gölgeleri, sanki berrak ve çırpıplak suların serinliğiyle ürpererek tir tir titriyordu. (HB ABB, 16) «Под деревом был источник. Пятна света и тени листьев, которые падали на него, сильно дрожали, словно страхась совершенно прозрачной и открытой воды».

Lüle lüle: Lüle lüle zülüfleri gözlerine düşüyordu. (EŞ A, 72) «...пряди волос локонами ниспадали к его глазам».

Sağnak sağnak: Yanaklarımı körpe ciğerlerimin bütün gücüyle şişirip sağnak sağnak esiyordum. (HB ABB 2007, 8) «Я дул изо всех сил, раздувая щеки своими молодыми легкими».

II. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

В тюркском языкознании под (именем) **прилагательным**, или **адъ-ективом**, понимается лексема, означающая признак *предмета* или *действия*, иными словами, лексема, обладающая помимо вещественного значения, в котором отражено какое-либо явление объективной реальности, еще и категориальным классифицирующим значением качественности.³² В отличие от прилагательного индоевропейских языков тюркское прилагательное индифферентно к тому, означает ли оно предметный признак или признак действия, т. е. употреблено ли оно в речи в функции присубстантивного или приглагольного определения. В качестве примера обыкновенно приводится высказывание типа: İyi öğrenci iyi okuyor. «Хороший ученик хорошо учится». В подобном высказывании словоформа прилагательного в функции определения, несколько не меняя своего облика, называет и признак предмета,

³² Ср.: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 134–135.

и признак действия. Ср. также: Bu da *çabuk geçti*. (HE SB, 24) «И это тоже **быстро** прошло»; Bu nasıl oluyor? *Çabuk anlat!* (VÖ MAKAZ, 22) «Как это происходит? **Быстро** рассказывай!»; Gelircibaşı *en iyi düşünen saray aydınlarını çağırdı...* (VÖ MAKAZ, 24) «Собиратель налогов позвал придворных мудрецов, которые думали лучше всех...».

Существует предрассудок, будто бы в тюркских языках невозможно разграничивать существительные и прилагательные.³³ Причем этот предрассудок мог сложиться, только если принимались во внимание непроизводные (корневые) прилагательные типа *ak*, *beyaz* «белый», *kızıl* «красный», *yeşil* «зеленый», *iyi* «хороший», *kötü* «дурной», *uzun* «длинный», *kısa* «короткий» и т. п.

Производные прилагательные, лексеообразование которых осуществляется посредством специальных морфем (см. об этом ниже), отчетливо демонстрируют отличие прилагательных от существительных.

Поскольку имена существительные нередко функционируют как приименные определения (*mermer merdiven* «мраморная лестница», *altın yüzük* «золотое кольцо», *arka taraf* «задняя сторона», *üst kat* «верхний этаж»), отграничивать непроизводные прилагательные от существительных в ряде случаев оказывается затруднительным.

На помощь приходит ряд факторов: в первую очередь — семантика (частота употребления с тем или иным значением), далее — обращение к несложным проверочным приемам. Например, в отличие от прилагательного существительное, называющее материал, из которого состоит предмет, называемый определяемым, может употребляться в субстантивных формах и синтаксических функциях типа *mermerden merdiven* «лестница из мрамора», *mermer çatladı* «мрамор треснул»; *mermer gibi güzel* «красивый, как мрамор»; *mermer kadar katı* «твердый, как мрамор» (во всех случаях в функции косвенного дополнения). При этом оно не способно характеризовать действие. В то же время прилагательное может без изменения содержания передаваемой информации быть употреблено и атрибутивно (*Büyük ev* «Большой дом»), и предикативно (*Ev büyüktür* «Дом большой»). Подобная операция с изафетом I невозможна, т. е. субстантивная природа слова *mermer* в искусственной конструкции типа **Merdiven mermerdir* «Лестница мрамор» становится очевидной.

Исследователя не должны вводить в заблуждение случаи окказиональной субстантивации прилагательных, т. е. такое одноразовое употребление прилагательного, при котором оно называет предмет, как

³³ Grönbech K. Der türkische Sprachbau. I. Kopenhagen, 1936. S. 24, 84. — Эта точка зрения явно не была поддержана А. Н. Кононовым: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 134–164.

в высказывании: *Karı mı? En iyisinin Allah belasını versin. İnsanın başına her gün bir iş çıkarırlar.* (НВ АВВ, 11) «Речь идет о женах? Да пусть Аллах покарает самую лучшую из них! С ними каждый день случаются проблемы».

Окказиональная субстантивация прилагательных, как известно, представляет собой широко распространенный речевой прием носителей многих языков. Имеется в виду представление предмета посредством названия какого-либо важного (по мнению коммуниканта) признака этого предмета (ср. русские лексемы «красные», «белые», «учащиеся» и т. п.). Этот прием не может иметь отношения к системным отношениям в языке и никак не должен сказываться на разграничении обоих классов лексем.

Имеется также немногочисленная группа существительных, которые в функции определений ведут себя как прилагательные: *alt* «низ, нижний» (*alt kat* «нижний этаж»), *arka* «спина, задний» (*arka kapı* «задняя дверь»), *baş* «голова, главный» (*baş doktor* «главный врач»), *çivar* «окрестность, окрестный» (*çivar köyler* «окрестные сёла»), *dış* «внешняя сторона, внешний» (*dış kapı* «входная дверь»), *iç* «внутренность, внутренний» (*iç kapı* «внутренняя дверь»), *son* «конец, последний» (*son haber* «последняя новость»), *üst* «верх, верхний» (*üst kat* «верхний этаж») и т. п. От прилагательных эти существительные отличаются отсутствием способности называть признак действия.³⁴ Кроме того, определительные конструкции с такими существительными в функции определения также не могут преобразовываться в предикативные без изменения смысла. Следовательно, можно утверждать, что такие существительные способны функционировать как компоненты определительных конструкций изафет I (см. раздел «Функциональный синтаксис») и не входят в состав лексико-грамматического класса прилагательных.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время тюркское языкознание располагает досточным арсеналом доводов в пользу разграничения существительных и прилагательных.

1. ЛЕКСЕМООБРАЗОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ³⁵

Производные прилагательные являются результатом лексемообразующих операций, направленных на то, чтобы производить лексемы, в значениях которых отражены и закреплены какие-либо признаки предметов или действий.

³⁴ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 135.

³⁵ Подробнее см.: Там же.

Наиболее производительными (употребительными) являются следующие продуктивные формы, образующие прилагательные от имен:

Форма с морфемой -li, имеющая наделительное значение: 1) *asik surat+lı imam* (HE SB, 23) «имам с нахмуренным лицом»; 2) *yaman yüz+lü kadınlar* (HE SB, 23) «женщины со злыми лицами»; 3) *Ayakta kalmış dört duvarının arası, mavi ve serin gölgeyle dolu giz+li bir yerdі*. (HB ABB, 12) «Пространство между уцелевшими четырьмя стенами было загадочным местом, заполненным голубой и прохладной тенью»; 4) *Kız+lı, oğlan+lı beş-on çocuk alanda toplanmıştı*. (AN ADS, 87) «На лужайке собрались человек пять-десять детей, девочки и мальчики»; 5) *istikrar+lı bir barış* (SS Rg, 259) «прочный мир».

Форма с морфемой -sız, имеющая привативное значение: 1) *ses+siz bir dere* (HE SB, 23) «беззвучно текущая речушка»; 2) *ana+sız kalan Mihri* (HE SB, 30) «Михри, оставшаяся без матери»; 3) *ar+sız oğlan* (EŞ A, 51) «бесстыдный парень».

Весьма употребительны продуктивные отглагольные прилагательные с морфемами:

-(y)İcI: 1) *İnsan yarat+ıcsı+dır, insan yap+ıcsı+dır, insan kur+ucusu+dır* (AN ADS, 41) «Человек — творческий, человек — созидательный, человек — строитель»; 2) *yurt+ıcsı yaratılış* (HE SB, 37) «хищный характер»; 3) *Bir gün bana sedir ağacından sandık yapmayı öğretirken, dilimi tutamayı ona koru+yucusu meleşimden bahsettim*. (EŞ A, 61) «Однажды, когда он учил меня, как делать ящик из кедра, я не сдержался и рассказал ему про моего ангела-хранителя»; 4) *Gerçekten de yol o kadar aktı ki, göz al+ıcsı ışığı göz açtırmıyordu*. (HB ABB, 15) «В самом деле путь был таким белым, что его чарующий свет не позволял открывать глаза».

-III: 1) *İçine göm+ülü küçük dost gözlerinde bir fili hatırlatan dostluk*. (HE SB, 126) «В глубоко утопленных в нем (во лбу) маленьких глазах — дружелюбие, напоминающее дружелюбие слона»; 2) *Avlusu tomurcuklanmış sapsarı güllerle beze+li büyükçe bir ev*. (EŞ A, 47) «Довольно большой дом, двор которого украшен ярко-желтыми розами с набухшими почками»; 3) *Birbirimize sar+ılı, yuvarlandık*. (HB ABB, 23) «Мы покатались (по палубе), вцепившись друг в друга».

-mA: 1) *mektap hocalığı günlerinden kal+ma* (HE SB, 23) «оставшийся с учительских лет»; 2) *Tatlı sert tütün paketinin kâğıdından yapılı+ma yelkene üfledim*. (HB ABB 2007, 8) «Я дул на парус, изготовленный из приятной на вкус, жесткой бумаги табачной упаковки»; 3) *Mermerden yapılı+ma insan heykelinin kırık başı*. (AN ADS, 43) «Разбитая голова человеческой статуи, изготовленной из мрамора».

Менее производительные формы:

-gIn: *dargin, dalgın* (HE SB, 37): 1) *Dur+gun sesinde dayak tehdidi yoktu*. (HB ABB 2007, 8) «В его усталом голосе не было угрозы наказать».

меня розгами»; 2) O zamandan beri **gezgin** abdalım. (EŞ A,62) «С тех пор я странствующий дервиш»; 3) Akşama doğru pencerenin kenarında **yur+gun, dur+gun** oturdu. (EŞ A, 67) «Когда наступал вечер, она сидела у окна, усталая и неподвижная».

-Ik: 1) **Çarp+ık çurpuk** bir cücenin sesi (HE SB, 132) «искаженный голос карлика»; 2) **kır+ık heykel başı** (AN ADS, 38) «разбитая голова статуи»; 3) Aşk Şeriatı önünde **aç+ık** duruyor, okunmayı bekliyordu, ama zihni o kadar **karışık** ki, romana geri dönmekte zorlandı. (EŞ A, 67) «Шариат любви лежал перед ней раскрытый, ожидал, когда его начнут читать, но ее сознание было настолько спутанным, что ей было трудно вернуться назад к роману».

-ImıI (со значением подобия называемому основной предмету): 1) Birinden dükkân, ev ve arkasındaki **bostan+ımsı** bahçe kaldı. (HE SB, 17) «От одного из них остались: лавка, дом и находящийся за ним сад, похожий на огород»; 2) Solumuzda **tepe+msi** bir kalıntı üzerinde birkaç kerpiç köy evi, ateşte pişen tuğlalar gibi kızarıyordu. (HB ABB, 15) «Слева от нас на развалине, как на холме, атели несколько домов из сырца, словно затвердевавшие в огне кирпичи»; 3) Kargacık burgacık yollardan, birbirine yaslanmış **baraka+msı** evler arasından yürüyerek bakkal Fehminin dükkânına vardık (HB ABB, 18) «Шагая по кривым улочкам, между прислонившимися друг к другу, похожими на бараки домами».

-Ik: 1) Gündüzün ortalık **gün+lük güneşlik+ken**, akşamleyin Milas'ın ün salmış ayazı bastı. Anadolu'nun güneyi değil mi ya, yedi-sekiz **saat+lik** bir yürüyüşle, üzüm asmaları, zeytin, harup, portakal, limon yetiştiren yerlerden, **bin metre+lik uçurumları**, uzakta görünen karlı dağları, kızıl güneşle yanan ovaları birbirine karman çorman karıştıran bir bölgeden geçmiştik. (HB ABB, 18) «В то время как днем все вокруг было залито солнцем, вечером ударил знаменитый мороз Миласа. Ведь это же был юг Анатолии, не так ли, за семи-восьмичасовой переход мы прошли по местам, где выращивают виноград, оливки, харуп, апельсины, лимоны, где уживаются друг с другом ущелья глубиной в тысячи метров, видные издалека покрытые снегом горы, полыхающие от раскаленного солнца долины»; 2) ...Kasım Efendi'ye lazım olan tasdik edici **cevap+lık** gürültüyü sağlardı. (HB ABB, 27) «...он обеспечивал необходимый Касыму Эфенди одобряющий ответный шум»; 3) Kuyunun dibinde bir **adam+lık** yer kaldı. (VÖ VAAKI, 15) «На дне колодца осталось место, где мог поместиться один человек».

-sAl: **kut+sal** (HE SB, 37) «священный, святой»; **uy+sal+lık** (HE SB, 126) «послушность; покорность»; **tarih+sel gün** (AN ADS, 29) «исторический день».

2. СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В настоящем разделе речь идет о морфологических способах передачи служебной информации, т. е. информации о второстепенных свойствах признаков, называемых соответствующими прилагательными в речи.

Удвоение — один из древнейших способов изменения формы слова — широко используется и в устной, и в письменной речи, как правило, для сигнализации о повышенной мере называемого прилагательным признака: 1) **Dim+dik ve dip+diri** kalkardı. (НВ АВВ, 20) «Он вставал (с постели) совершенно прямой и совершенно свежий»; 2) **Terpede ağır ağır dönen, döndükçe beyaz etekleri daireler çizen bir figür vardı.** (ЕŞ А, 53) «Наверху находилась очень медленно вращающаяся фигурка, полы одежды которой описывали круги»; 3) **Hancının avuç çizgilerini inceledim; derindi, çatlak çatlaktı, istikrarsızdı hatlar.** (ЕŞ А, 53) «Я исследовал борозды ладони ханщика; линии были глубокие, совершенно растрескавшиеся, неуверенные».

Одной из разновидностей повторов является **конструкция с вопросительной частицей**: 1) **Havada yanan saman ve insan eti kokusu ağır mı ağır.** (ЕŞ А, 54) «Запах воспламенившейся соломы и горящего человеческого мяса чрезвычайно тяжел»; 2) **"Bu çok iyi işte" dedi genç adam, gergin mi gergin,** "Zira bizim senden beklediğimiz iş de pek kolay olmayabilir". (ЕŞ А, 43) «Вот это очень хорошо, — сказал молодой человек, весь в напряжении, — потому что дело, которое мы от тебя ожидаем, может оказаться не очень простым»; 3) **Bir zamanlar bir ülkenin kurnaz mı kurnaz bir padişah varmış.** (AN ADS, 70) «Однажды в одной стране был очень хитрый падишах»; 4) **Bu şiiri okurken bir an için de olsa tuhaf mı tuhaf bir hisse kapıldı Ella.** (ЕŞ А, 67) «Читая это стихотворение, Элла, хотя и на мгновение, испытала очень странное чувство».

Н. К. Дмитриев признавал словоизменительной «форму "интенсива" (по существу частичное удвоение с трансформацией основы в своего рода коэффициент, тип которого индивидуален для каждого отдельного слова): **kar/kara** [пишется **kar kara**]... "черный-пречерный", "очень черный", **sar/sarı** [пишется **sar sarı**] "желтый-прежелтый", **mas/mavi** [пишется **mas mavi**] "голубой-преголубой" и т. д.»³⁶ Богатый материал приведен и скрупулезно исследован в монографии Р. А. Аганина, который, во-первых, сообщает о повторах не только прилагательных, но и существительных, наречий и местоимений, во-вторых, предлагает читателю весьма полезную типологию повторов и парных сочетаний,

³⁶ Дмитриев Н. К. Турецкий язык. М., 1960. С. 46.

в-третьих, довольно решительно делает вывод об их словоизменительной природе.³⁷ Опираясь на наблюдения, материал и идеи этого автора, можно, по-видимому, утверждать, что в контексте понятийного аппарата и теоретических положений настоящей работы форму *интенсива прилагательных* следует трактовать как словоизменительную морфологическую структурную единицу, имеющую в турецкой языковой системе значение высокой, превосходной меры признака.

Примеры: 1) *bambaşka bir yaratık* (HE SB, 23) «совсем другое создание»; 2) *Deniz baştan başa masmavi bir gülüştü*. (HB ABB, 22) «Море без конца и без края казалось сплошной голубой улыбкой»; 3) *Kendimizi ip-lerden korumak için, hepimiz yamyassı güverteye yattık*. (HB ABB, 23) «Чтобы уберечься от канатов, мы все легли на совершенно плоскую палубу».

Как явствует из приведенных примеров, коммуникативное предназначение удвоения состоит в том, чтобы выразить: 1) повышенную меру признака; 2) обстоятельственный характер (характеристика действия) называемого признака.

Употребление парных словосочетаний — еще один древнейший способ изменения облика слова для передачи повышенной меры признака:

Kargacık burgacık «кривой, извилистый»: *Nereden aktığını hiçbir zaman öğrenemeyeceğim pis bir suyun çamurlaştırdığı kargacık burgacık bir sokaktan giriliyordu*. (OP BK, 23) «(В дом) входили по кривой, извилистой улице, испачканной грязной водой. Потом мне так и не удалось понять, откуда она текла».

Delik deşik «весь продырявленный»: *Rüyalarına girer, uykularını delik deşik böler*. (EŞ A, 39) «Появляется в твоих снах, делает твой сон полностью прерывистым»;

Sıkı sıkı «крепко-накрепко» *Ben art randa [бом-брамсель] maçosunu sıkı sıkı bağlamayı unuttum*. (HB ABB, 21) «Я забыл крепко-накрепко привязать канат бом-брамселя».

3. КАТЕГОРИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ

Наличие категории субъективной оценки существительных и категории степеней сравнения прилагательных и наречий (см. об этом ниже) является следствием того, что турецкая картина мира отражает признаки предметов, действий, обстоятельств, которые обладают свойством иметь разные меры присутствия.

³⁷ Аганин Р. А. Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке. М., 1959. С. 106–131.

Как было показано, размеры предметов, интенсивность явлений, представляемых в языке предметными образами, отражены в значениях форм турецкой субстантивной категории субъективной оценки — уменьшительной (*ev+seğiz* «домик») и аугментивной (увеличительной) (*gürültü+dür* «страшный шум»). В русском языке, как известно, тоже используются аугментивные формы подобной категории («домище»). Эта категория способна вторгаться и в область прилагательных в турецком и русском языках (ср. тур. *az+ıcık*, значение которого вполне можно передавать русским словом «немножечко»).

Коммуникативное творчество человека, говорящего на родном языке, иногда приводит к тому, что средство выражения количественной характеристики явления вопреки языковой норме используется совсем уж экзотически: автор этих строк наблюдал выражение сравнительной и превосходной степеней действия посредством глагольных словоформ в речи болгар: *по обичам* «больше люблю», *най обичам* «больше всего люблю».

В разделе о существительных была отмечена способность прилагательных функционировать в уменьшительных формах категории субъективной оценки. Функциональное предназначение этих форм — сигнализировать о сниженной мере называемого признака: *az+ıcık dejenere bir yüz* (HE SB, 37) «немного дегенеративное лицо»; *biraz+ıcık da olsa* (AN ADS, 19) «даже если будет немножко»; *büyük+cek bir kaya* (AN ADS, 39) «довольно большая скала»; *Kumsalın ince+ıcık, yumuş+a+ıcık kumları güneşte pırlı pırlı parlardı.* (AN ADS, 64) «Меленький, мягонький песок пляжа ярко блестел на солнце»; *küçük+çük kafasında* (HE SB, 26) «в ее крохотной головке»; *Sıc+a+ıcık tutan kalın paltolar.* (AN ADS, 87) «Пальто, которые сохраняют тепло»; *henüz yumuş+a+ıcık kar kokusu* (EŞ A, 62) «все еще довольно приятный запах снега».

Имеется также другая адъективная форма сниженной меры признака, имеющая морфемы *-(I)mtlrAk* и *-(I)msİ: 1* ...şapkanın altından görünen saçları yarı beyaz, yarı kırmızı+mtlrak, yarı da koyu kestane rengindeydi... (MCA A, 7) «...ее виднеющиеся из-под шляпки волосы были наполовину седыми, наполовину рыжеватыми и наполовину темнокаштанового цвета...»; 2) *acı+mtrak, ekşi+msi, kekre+msi bir kelime* (EŞ A, 62) «жестковатое, кисловатое, горьковатое слово».

Поскольку словоформы субъективной оценки прилагательных, как следует из приведенных примеров, не называют самостоятельные реалии действительности (отдельные признаки сами по себе), а обозначают лишь второстепенные свойства таковых, есть основание считать, что они и подобные им образования являются результатами словоизменительных, а не лексеообразовательных операций в языковой системе.

Форма с морфемой -СА. Словоизменительным средством прилагательных является форма с морфемой -СА, значение которой также сигнализирует о «неполноте степени качества»,³⁸ сниженной мере признака. Тюркская грамматическая традиция не видит ее в составе категории субъективной оценки, хотя, как представляется, для этого имеются семантические основания: 1) “Hakkın var hanım, çocuğun sesi de, okuyuşu da fevkalâde...” **Dargin+ca** bir ses karşılık verdi: “Dürnev’in odasından nasıl duyduunuz?” (HE SB, 36) «“Ты права, госпожа. И голос, и чтение ребенка превосходны”. **Слегка рассерженный** голос в ответ: “Как же это вы слышали из комнаты Дюрнёв?”»; 2) Ereyse kara keçim vardı. (HB ABB, 41) «У меня было **довольно много** черных овец»; 3) **uzunca** bir an (OP MM, 11) «**довольно продолжительный** миг»; 4) Avlusu tomurcuklanmış sapsarı güllerle bezeli **büyükçe** bir ev. (EŞ A, 47) «**Довольно большой** дом, двор которого украшен ярко-желтыми розами с набухшими почками»; 5) Uzun boylu, **şişmanca** bir adamdı. (EŞ A, 48–49) «**Это был довольно полный** человек высокого роста»; 6) Basın toplantısının hangi salonda yapıldığını hatırlamıyorum. Ancak **büyükçe** bir oda idi. (SS Rg, 232) «Я не припоминаю, в каком зале проходила пресс-конференция. Однако это была **довольно большая** комната».

4. КАТЕГОРИЯ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Турецкую категорию степеней сравнения прилагательных конституируют две служебные *аналитические* формы, означающие наличие признака у предмета в большей мере, чем у другого, или в самой большей мере.

Форма сравнительной степени имеет служебную частицу *daha*:

- 1) ...ve inşallah dönünce bana **daha güzel** bir kayak yarasacağını söylüyor, beni okşuyordu. (HB ABB, 12) «... (каждый) говорил, что когда он (мой дядя), даст бог, вернется, он сделает мне **еще более красивую** лодку, и ласкал меня»; 2) Hem inan böylesi **daha iyi**. (EŞ A, 51) «К тому же продолжай верить (в Аллаха), **так еще лучше**»; 3) “**Daha iyisini** yaraıym istersen” diye önerdim: “Gel, el falına bakayım”. (EŞ A, 53) «Если хочешь, я сделаю **нечто получше**, — предложил я. — Давай, я погадаю тебе на руке»; 4) Aştan **daha mühim** şeyler var hayatta. (EŞ A, 67) «В жизни есть вещи **важнее любви**».

Форма превосходной степени имеет служебную частицу *en*: 1) Az sonra dört elbiseyi getirdi. Bunlar **en güzel** elbiselerdi. (VÖ MAKAK2, 29)

³⁸ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 144–145 (§ 244).

«Немного погодя он принес три платья. Это были самые красивые платья»; 2) Bilhassa son yirmi yıl boyunca hayatındaki her ayrıntıyı evliliğine göre ayarlamıştı... hatta en önemsiz kararları bile buna bağlıydı. (EŞ A, 12) «В особенности на протяжении последних двадцати лет она все в своей жизни привела в соответствие со своим замужеством... даже самые незначительные решения (принимались) в соответствии с ним»; 3) Avlunun ortasında dünyanın en serin suyuна gebe bir kuyu. (EŞ A, 47) «Посреди двора колодец, хранящий в себе самую свежую на свете воду»; 4) Beşerin ettiklerinin en yücesine de en fenasına da tanıklık ettim. (EŞ A, 63) «Я бывал свидетелем самых славных и самых дурных деяний человечества».

III. НАРЕЧИЕ

1. СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ НАРЕЧИЙ

Существующие трактовки наречий страдают известным расширительным толкованием: как наречия рассматриваются, например, многие служебные конструкции (sabaha karşı «под утро», bunun için «поэтому», словоформы уподобительного падежа ömr+üm+ce «в течение всей моей жизни», прилагательные и т. п.).

В контексте излагаемой системы положений и понятий наречие в первую очередь трактуется как лексема, означающая *обстоятельство*, т. е. событие, «явление, сопутствующее какому-нибудь другому явлению и с ним связанное». ³⁹ Иными словами, наречие понимается как лексема, обладающая помимо вещественного значения, в котором отражено какое-либо явление объективной реальности, еще и категориальным классифицирующим значением обстоятельственности. В тюркских языках посредством сформулированного обстоятельственного значения передается в качестве узуальных смыслов информация о времени, месте, направлении действия, события и т. п. (тур. önce «прежде», sonra «после», şimdi «сейчас», yarın «завтра», bugün «летом», kışın «зимой», geri «позади, назад», ileri «вперед, вперед», yukarı «наверх, вверх», aşağı «внизу, вниз» и др.).

Имеются еще две группы лексем, которые согласно грамматической традиции, сложившейся в теоретическом языкознании на материале индоевропейских языков, включаются в класс наречий в качестве еще двух разрядов.

³⁹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. 11-е изд., стереотип. М., 1975. С. 398 (слово «обстоятельство»).

Речь идет, во-первых, о лексемах, означающих *признаки действий* и специализирующихся на передаче таковых в речи (тур. *ansızın* «внезапно», *beraber/birlikte* «вместе», *birdenbire* «вдруг», *gerçekten* «в самом деле», *kısmen* «частично» и др.), во-вторых, о лексемах со значением меры признака (тур. *gayet* «чрезвычайно», *oldukça* «в достаточной мере, довольно», *pek* «очень, сильно», *hayli* «весьма, изрядно» и др.). Входящие в такие разряды лексемы и в турецком языкознании признаются наречиями,⁴⁰ хотя вполне могли бы выделяться в самостоятельные классы.

Сказанное означает, что на современном этапе разработки учения о тюркских наречиях предполагается наличие в турецком языке трех разрядов, по которым могут быть распределены приведенные выше и приводимые ниже лексические единицы.

1.1. Наречие I

К этой категории относятся собственно обстоятельственные наречия, т. е. лексемы, означающие пространственно-временные обстоятельства:

Arada / Ardarda / Arada sırada «иногда, порой, время от времени»:

1) Nejat Efendi yıpranmış hükümdar sülâlesinin **arada** yetiştirdikleri fazla güzel ve acayip simalardan biriydi. (HE SB, 185) «Нежат Эфенди был одной из тех слишком красивых и странных личностей, которых **порой** дарят миру увядающие правящие династии»; 2) **Arada sırada** beyleri de, kendileri de tulmbacı kıyafetine girerler. (HE SB, 1989, 187) «**Иногда** их господа сами одеваются, как пожарники».

Dışarı «снаружи, вне»: Koşarak **dışarı** çıktı. (VÖ MAKA2, 11) «Он бегом выскочил **наружу**».

Doğru «прямо»: 1) ...Peregrini onlara **doğru** geliyordu. (HE SB, 185) «...прямо к ним шел Перегрини»; 2) Yedek yelkenleri geçirerek Girit'in bir kumsallığına **doğru** dümen kırdık. (HB ABB, 23) «Установив запасные паруса, мы повернули штурвал **прямо** на один из пляжей Гирита».

Geri «назад, позади»: 1) Kelimeler silinir zihnimden. Sonra, geçeden kuşlar gibi bir anda **geri** dönerler. (EŞ A, 60) «Слова стираются в моей памяти. А после, словно перелетные птицы, в один миг возвращаются **назад**»; 2) İşî olmayınca güvertede ileri **geri** yürürdü. (HB ABB, 19) «Когда у него не было дела, он бродил по палубе **взад-вперед**».

Günbegün, haftabehafta «день за днем, изо дня в день; каждую неделю, неделями»: Vaktinden evvel doğan bebeğinin hayata tutunduğundan emin olmak için her soluk alış verişine dikkat kesilerek nasıl beklemişti

⁴⁰ См., напр.: *Korkmaz Z. Gramer Terimleri Sözlüğü*. Ankara, 1992. С. 178 (слово *zarf*).

günbegün, haftabehafta. (EŞ A, 107) «Как она изо дня в день, неделями не отходила от колыбели ее преждевременно родившегося ребенка, внимательно прислушиваясь к каждому его вдоху и выдоху, чтобы быть уверенной в том, что в нем сохраняется жизнь».

Günboyu «в течение дня»: Oraya sırtüstü uzanıp, günboyu olanları bir bir düşündüm tarttım. (EŞ A, 60) «Я растянулся там навзничь, обдумывал и взвешивал одно за другим события, которые произошли в течение дня».

Gündüzün «днем»: Gündüzün ortalık günlük güneşlikken, akşamleyin Milas'ın ün salmış ayazı bastı. (НВ АBB, 18) «В то время как днем погода была солнечная, вечером ударил знаменитый мороз Миласа».

Hâlâ «все еще»: 1) On çocuğun karnı hâlâ açtı. (VÖ МААК I, 12) «Десять ребят были все еще голодны»; 2) Hâlâ aynı insan olup olmadığını bilmek istiyordu. (EŞ A, 79) «Она все еще хотела знать, тот же самый это человек или нет».

Henüz «пока еще»: 1) Çok sonra bu telefon görüşmesinde söylediği şeylerden ötürü derin pişmanlık duyacaktı. Ama henüz değil. (EŞ A, 55) «Пройдет много времени, и она испытает глубокое раскаяние по поводу того, что она сказала во время этого телефонного разговора. Но пока еще нет (она не раскаивалась)»; 2) ...üstelik henüz işsiz ve deneyimsiz söyledi. (EŞ A, 56) «...к тому же он сказал, что он пока еще безработный и неопытный».

İçeri «внутри, внутри»: İçeri girince, birdenbire gündüzden çıkıp geceye daldığımı sandım. (НВ АBB, 26) «Войдя внутрь, я подумал, что я вдруг вышел из дневного света и погрузился в ночную тьму».

İleri «вперед, впереди»: 1) ...kuyunun yan duvarlarından bir basamak ileri doğru çıkmaya başladı. (VÖ МААК, 14) «...из боковых стен колодца прямо вперед начала выдвигаться ступенька»; 2) İş olmaıncsa güvertede ileri geri yürüdü. (НВ АBB, 19) «Когда у него не было дела, он бродил по палубе взад-вперед».

Önce «рано, прежде, перед чем-либо»: 1) Beş yıl önce (Информант) «Пять лет тому назад»; 2) iki gece önce (HE SB, 1989, 32) «две ночи тому назад».

Peşi sıra «вслед за кем-либо»: Peşi sıra ahıra gittim. (НВ АBB, 41) «Я пошел вслед за ним в хлев».

Sonra «после, потом»: 1) Yirmi dakika sonra geldi. (HE SB, 1989, 122) «Он пришел через двадцать минут»; 2) Çok sonra bu telefon görüşmesinde söylediği şeylerden ötürü derin pişmanlık duyacaktı. (EŞ A, 55) «Спустя много времени она испытает глубокое раскаяние по поводу того, что она сказала во время этого телефонного разговора»; 3) Yarım saat sonra kocasından bir telefon geldi. (EŞ A, 57) «Через полчаса позвонил ее муж».

Vaktiyle «в свое время, раньше»: Kasım Efendi, bir gün Nusret Ağa'ya, **vaktiyle** memur olmadığına çok fena ettiğini anlattı... (НВ АBB, 31) «Однажды Касым Эфунди рассказал Нусрету Аге, что тот очень плохо поступил, не став в свое время чиновником».

1.2. Наречие II

Ко второй группе относятся наречия, означающие признак действия:

Açıkça «откровенно, открыто, явно»: Belki biraz da Efendi'nin pek açıkça görünür biçimde kendisiyle ilgilenmesi onu duygulandırmıştı. (HE SB, 1989, 186) «Возможно, ее растрогало то обстоятельство, что Эфенди довольно откровенно проявлял к ней некоторый интерес».

Adamakıllı «как следует, изрядно, сильно»: Kahvedeki gemici ve balıkçılar denizin salamurasında adamakıllı pişmiş, kaskatı denizcilerdi. (НВ АBB, 9) «Моряки и рыбаки, которые находились в кофейне, были изрядно просоленными в морской воде, закаленными матросами».

Başbaşa «наедине»: Her kes gittikten sonra, dervişle başbaşa kaldık. (EŞ A, 78) «После того как все ушли, мы остались с дервишем наедине».

Birdenbire «вдруг, внезапно»: 1) **Birdenbire** derin bir mağaranın bağrından çıkıvermiş gibi kalın bir ses, "Hangi rüzgâr kesiliyor?" diye sordu. (НВ АBB, 8) «Вдруг кто-то басом, как будто вырвавшимся из глубокой пещеры, спросил: "Какой это ветер прекращается?"»; 2) **Birdenbire** bir günah evhamına kapılmıştı. (HE SB, 185) «Вдруг ей овладело опасение, что она совершает грех»; 3) İçeri girince, **birdenbire** gündüzden çıkıp geceye daldığımı sandım. (НВ АBB, 26) «Войдя внутрь, я подумал, что попал вдруг из дневного света в темную ночь».

Boş yere «напрасно, попусту»: Camın ne olduğunu biliyorsun, ne diye boya cama çağırıp duruyorsun? Nasıl olsa camı delip çıkamazsın. Boş yere kendini bitireceksin. (AN ADS, 9) «Ты знаешь, что собой представляет стекло. Чего ради ты все время бьешься в него? Как бы то ни было, ты не сможешь пробить стекло и вылететь наружу. Напрасно себя погубишь».

Boşu boşuna «напрасно, впустую»: Asıkyüzlü adam, günde birkaç kez, kumdan kale uyan çocukların başına dikilip, onlara, boşu boşuna uğraştıklarını, bir dalganın gelip kaleyi yıkacağını söylüyordu. (AN ADS, 67-68) «Мрачный человек по нескольку раз в день останавливался над детьми, сооружавшими крепость из песка, говорил им, что они впустую трудятся, что нахлынет волна и разрушит крепость».

Boylu boyunca «во весь рост»: Sızıp da boylu boyunca yola serilinceye kadar, ceplerindeki dört bucağa saçardı. (НВ АBB, 19) «Тратил все, что у него было в кармане, направо и налево, пока, напившись, не растягивался на полу во весь рост».

Boyuна «постоянно, без конца»: Bir yanından öte yanı görüldüğü için de, senin gibi genç sinekler onu yok sanır, **boyuна** çarparlar. (AN ADS, 8) «Поскольку с одной стороны (стекла) видна другая его сторона, такие, как ты, молодые мухи думают, что его нет, и **постоянно** бьются в него».

Derken «неожиданно, вдруг»: 1) **Derken** sayım vergisi bastı, davarları teker teker sattım. (HB ABB, 41-42) «**Неожиданно** обложили (нас) годовными налогами, я продал животных одного за другим»; 2) **Derken** bir sessizlik oldu. (VÖ MAAKI, 10) «**Вдруг** наступила тишина».

Doyasıya «вдоволь, как следует»: 1) “Babanı **doyasıya** göremedim. Evlendim, kocamla sürekli olarak iki aysağız yaşamadım”. (HB ABB, 7) «Я не имела возможности **как следует** видеть твоего отца. Я вышла замуж, а с мужем постоянно не жила и двух месячишек»; 2) Sıcak iklim insanları, daha doğrusu sıcak iklim insanların alt ve orta sınıfları bunu bilir ve **doyasıya** yaşarlar. (S. Birsel, Hala Ciddiyim) «Люди, живущие в жарком климате, точнее сказать, нижние и средние слои людей жарких стран, знают это и живут **сколько хотят**».⁴¹

Durmadañ «непрерывно, постоянно»: 1) Fakat ikisinin de birbirine duydukları ilgi sofrada **durmadañ** birbirleriyle meşgul olmalarında ne güzellik, ne cinsiyet bir rol oynuyordu. (HE SB, 1989, 186) «Однако в интересе, который они оба испытывали друг к другу, в том, что за столом оба **постоянно** были заняты друг другом, не играли никакой роли ни красота, ни половая принадлежность»; 2) Çünkü bu insan denilen yaratık, hiç durmaz, **durmadañ** herşeyi değiştirir. (AN ADS, 43) «Потому что это создание, именуемое человеком, не сидит спокойно, **постоянно** все переделывает».

Durmaksızın «непрерывно, постоянно»: 1) Kanarya'nın can dostu oldu, musiki ve oyun dersleriyle ilgilendi ve **durmaksızın** saraya gidecek kızın oyununu ve tavrını teftiş için kendisine daima şefkatli ve göz yumucu davranan kayınbabasını, odasına davete başladı. (HE SB, 1989, 31) «Она стала близким другом Канарья, стала проявлять интерес к урокам музыки и для контроля игры и внешнего вида девушки, которой надлежало **постоянно** ходить во дворец, начала приглашать в свою комнату свекра, относившегося к ней благосклонно и закрывавшего глаза на ее проделки»; 2) Kadın, **durmaksızın**, Rabia'nın dün akşamki etkisinden söz ediyordu. (HE SB, 1989, 183) «Женщина без умолку говорила о впечатлении, которое вчера произвела на нее Рабия».

Durmamacasına «беспрерывно»: 1) **Durmamacasına** üfledim. (HB ABB, 8) «Я **непрерывно** дул»; 2) Hiç **durmamacasına** yağan kara yağmen... (OP K, 119) «Вопреки дождю, который лил без перерыва...».

⁴¹ Пример подарен информантом Хюсеином Даллы.

Fena halde «очень, сильно»: Fakat o gün onlara **fena halde** kızdım. Amcamı hep lafa tutuyorlardı. (НВ АBB, 9) «Однако в тот день я **очень** на них рассердился. Они все время отвлекали моего дядю разговорами».

Güçbelâ «едва-едва, с трудом»: 1) ...irili ufaklı, kör topal elli altmış kadar kedi ve köpek beslediği için dükkâna **güçbelâ** girdim. (НВ АBB, 38) «...поскольку (Ашчи Яшар) содержит пятьдесят или шестьдесят крупных и мелких, слепых и хромых кошек и собак, я с **большим трудом** вошел в его лавку»; 2) Topal Hoca bizi **güçbelâ** susturdu. (НВ АBB, 50) «Топал Ходжа с **трудом** утихомирил нас».

Hafifçe «легонько, слегка»: Rabia **hafifçe** içerledi. (HE SB, 1989, 187) «Рабия **слегка** рассердилась».

Hemen «тотчас»: Ve kadın **hemen** anlamıştı. (HE SB, 1989, 130) «И женщина **тотчас** поняла».

Hep «всегда, все время»: 1) Gerçi belirli bir yaştan sonra kız, **hep** başını örtmüştü. (HE SB, 185) «Хотя после достижения определенного возраста девушка **всегда** покрывала голову»; 2) Amcamı **hep** lafa tutuyorlardı. (НВ АBB, 9) «Они **все время** отвлекали моего дядю разговорами».

Kana kana «вдоволь»: Ancak karadâkiler **kana kana** hıçkırarak vakit bulurlar. (НВ АBB, 23) «Только те, кто на берегу, находят время **вдоволь** наплакаться».

Sırtüstü «навзничь, на спину»: 1) «Oh doydum,» diyen, kendini **sırtüstü** çimenlere attı. (VÖ МААК I, 18) «Тот (из детей), кто произносил “Ну, я наелся”, валился **навзничь** на траву»; 2) Oraya **sırtüstü** uzanıp, günboyu olanları bir bir düşündüm, tarttım. (EŞ A, 60) «Улегшись там **на спину**, я обдумывал и взвешивал одно за другим все события, происходившие в течение дня».

Suçüstü «на месте преступления»: Bu yüzden gençler **suçüstü** yakalanıyordu. (AN ADS, 74) «По этой причине юношей арестовывали **на месте преступления**».

Tepetaklak «кувырком, вверх тормашками»: 1) Halit'in... omuzumdan sarsması, beni hayal göklerinden **tepetaklak** hakikat — yani kahvehane-nin yamrı yumru çam tahtaları — tabanına indirdi. (НВ АBB, 37) «Халит так... потряс меня за плечи, что это заставило меня **кувырком** слететь на грешную землю, т. е. в кофейню, на пол из шишковатых сосновых досок»; 2) Konuşmanın bundan sonrası yokuş aşağı **tepetaklak** yuvarlanmaktan farksızdı. (EŞ A, 57) «Последующая часть разговора ничем не отличалась от кувыркания вниз по склону **вверх тормашками**».

Üstüste «один поверх другого, один за другим»: 1) Zavallı, gözlerine iki gözlük **üstüste** takar. (HE SB, 183) «Бедняга надевает две пары очков, одну поверх другой»; 2) ...aynı kaptan **üst üste** iki kez yemek yemedim... (EŞ A, 62) «...я не ел два блюда **подряд** из одной и той же посуды...».

Yine «опять»: Fakat yine de nazik ve terbiyelidir. (HE SB, 25) «Однако они **опять-таки** вежливы и воспитаны».

Yüzükoyun «ничком»: Rüya yüzükoyun uzanmış uyuyordu. (OP KK, 11) «Рюя спала **ничком**, вытянувшись во весь рост».

1.3. Наречие III

В третью группу входят лексемы, означающие признак признака:

Çok «очень»: Kasım Efendi bir gün Nusret Ağa'ya, vaktiyle memur olmadığına çok fena ettiğini anlattı. (HB ABB, 31) «Однажды Касым Эфенди объяснил Нусрету Аге, что тот **очень** плохо поступил, не став в свое время чиновником».

Gayet «чрезвычайно»: 1) Aşağıda, derslane kapısı önünde, biri gayet uzun, öteki gayet kısa boylu iki adamla karşılaştım. (RNG, Ç, 2008, 92) «Внизу, у входа в класс, я столкнулась с двумя мужчинами. Один был **очень** высокого роста, а другой — **очень** низкорослый»; 2) ...araya girdi Orly, gayet emin kendinden. (EŞ A, 106) «...вмешался Орли, **чрезвычайно** уверенный в себе».

Hayli «довольно сильно, много; очень»: 1) Hayli ilgisiz ve resmi bir tavırla. (HE SB, 32) «С **очень** равнодушным и официальным видом»; 2) Okuduğu romanı sevmiş, hikâyeden hayli hoşlanmış ama doğrusu bilhassa yazarını merak etmişti. (EŞ A, 65) «Ей понравился роман, который она читала, она получила **довольно большое** удовольствие от повествования, но, по правде говоря, особенный интерес у нее вызвал его автор»; 3) Baş kadının bu sözleri hayli tehditkârda da Şems bunun farkında değilmiş gibi sakin sakin devam etti. (EŞ A, 76) «Хотя эти слова главного кади были **довольно** угрожающими, Шемс продолжал совершенно спокойно, как будто не замечая этого».

Pek «очень»: 1) Pek güzel! (Устойчивое словосочетание) «**Очень** хорошо!»; 2) Zindana da pek az esir getirebildiler. (OP BK, 16) «И в тюрьму смогли доставить **очень** мало пленников»; 3) Zamanla öğrendim ki, vecd hallerinden başkalarına pek bahsetmemeli. (EŞ A, 60) «Со временем я узнал, что о состояниях экстаза не **очень-то** надо рассказывать другим».

2. КАТЕГОРИЯ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ НАРЕЧИЙ

Наличие категории степеней сравнения не только у прилагательных (см. об этом выше), но и у наречий представляется совершенно естественным, поскольку сами элементы объективной реальности, в частности признаки (предметов, действий) и обстоятельства (ср.: *близко* и *ближе*, *рано* и *раньше*), обладают свойством иметь разные меры присутствия.

Автор этих строк наблюдал употребление даже таких средств выражения степеней сравнения, как *глагольные словоформы*, в речи болгар для выражения сравнительной и превосходной степеней *действий*: *по обичам* «больше люблю», *най обичам* «больше всего люблю».

Как и категория степеней сравнения прилагательных, эта категория имеет исключительно аналитические формы с показателями *daha* и *en*. Игнорирование ее во многих грамматиках тюркских языков можно объяснять лишь глубоко укоренившейся в тюркском языкознании традицией видеть формы исключительно в тех случаях, в которых они имеют синтетические (т. е. аффиксальные) показатели.

Сравнительная степень: *Daha önce hiç böyle bir şey yapmamıştı halbuki.* (EŞ A, 58) «Однако он ничего подобного не делал **раньше**»; *Oğlumuz evden daha erken çıkmağa başladı.* (Информант) «Наш сын стал выходить из дома **раньше**».

Превосходная степень: 1) *En öndeki çocuk kapıyı itti. Koca kapı hemen açıldı.* (VÖ МААК I, 10) «Мальчик, который шел впереди всех, толкнул дверь. Огромная дверь тут же открылась»; 2) *En öndeki çocuk, siyah kapıya vardı. Kapıyı itti. Kapı açılmadı.* (VÖ МААК I, 10) «Мальчик, который был впереди всех, подошел к черной двери. Толкнул дверь. Дверь не открылась»; 3) *Çocuklar yerden doğrulmaya çalışırken, en gerideki arkadaşlarının bu durumuna kahkahalarla gülüyordu.* (VÖ МААК I, 12) «В то время когда дети пытались подняться с земли, тот, что был позади всех, громко смеялся над ними».

3. ЛЕКЕМООБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ

Едва ли можно с уверенностью утверждать, что вопрос о лексеμοобразовании наречий в современном турецком языкознании убедительно и окончательно решен.

Многие наречия представляют собой образования, возникшие в результате лексикализации древних или современных падежных форм, деепричастий, и, конечно же, некоторые из них едва ли полностью утвердились в классе наречий. Таковы, например, *başbaşa* «наедине», *üstüste* «один поверх другого, один за другим», *durmadan* «непрерывно, постоянно», *durmaksızın* «непрерывно, постоянно». Имеются также лексикализовавшиеся служебные словосочетания (словоформа существительного с послелогом): *sıra+sı+yla* «по порядку»: *Sırasıyla söyle bakalım.* (НВ АВВ, 38) «Скажи-ка (все, как было) **по порядку**».

Наречие или словоформа исходного падежа? В частности, одной из проблем современной грамматики турецкого языка является различение продуктивных и непродуктивных, адвербиализовавшихся

(ставших наречиями) словоформ с аффиксом исходного падежа. Последние представляют значения, отражающие свойства действий. Высокая употребительность и повторяемость в турецкой речи обстоятельственных слов в форме, совпадающей с формой исходного падежа, нередко имеющая место семантическая отдаленность таких образований от значения последнего позволяют думать, что многие из них представляют собой наречные лексемы, являющиеся продуктами лексикализации падежных словоформ. Вот некоторые примеры:

Ağırdan «медленно»: Bahar hiç bu kadar **ağırdan** almamıştı gelişini. (EŞ A, 103) «Весна никогда еще не наступала так **медленно**».

Aniden «вдруг, внезапно»: 1) Gel gelelim göl hazır değildir böyle **aniden** dalgalanmaya. (EŞ A, 11) «А если речь идет об озере, то оно не готово так **внезапно** разволноваться»; 2) Sanki tam ortalarında nicedir fokur fokur kaynayan bir kazan vardı da **aniden** kapağı kalkmış, içindeki tüm buhar ve basınç dışarı taşmıştı. (EŞ A, 55) «Как будто как раз посредине (комнаты) долго находился бурно кипящий котел, и вот **вдруг** его крышка поднялась, и весь пар вырвался наружу».

Ardından «вслед за этим»: **Ardından**, ağır çizmelerin altında elini ezdi, çığnedi. (EŞ A, 53) «**Вслед за этим** он зажал его руку тяжелыми сапогами и раздавил ее».

Baştan «сначала»: 1) Kayığı seyre öyle dalmıştım ki kayık gelip burnunun üstüne **baştan** kara etti. (НВ АBB, 8) «Я так увлекся рассматриванием лодки, что она **сначала** пришвартовалась к моему носу»; 2) Artık hayata **yenî baştan** başlayacak çağ çoktan geçti. (НВ АBB, 25) «Время **заново** начинать жизнь давно уже прошло».

Çoktan «давно»: 1) ...rakıyı **çoktan** bıraktım (НВ АBB, 18) «Я **давно** уже перестал употреблять раки»; 2) Amcamı neden dolayı **çoktan** beri görmediğimi, onun ne kadar uzun bir sefere çıktığını, oyuncak kayığının niçin ortadan kaybolduğunu, babamın da hangi sebep yüzünden denizci olmamı istemediğini **hep birden** anladım. (НВ АBB, 24) «Я понял **все сразу**: почему я **давно** не видел дядю, в какой долгий рейс он отправился, почему исчез мой игрушечный корабль и по какой причине отец не хотел, чтобы я стал моряком»; 3) Ninem **çoktan** öldü. (НН SB, 10) «Моя бабушка **давно** умерла».

Hep birden «все сразу»: Değerli kurt kardeşlerim, sevgili türdeşlerim! **Hep birden** "Kurtlar hepsinden üstündür!" diye bağırmanızı öneriyorum. (AN ADS, 25) «Дорогие братья волки, милые единоплеменники! Я предлагаю, чтобы мы все разом кричали: "Волки превыше всех!"» (см. также пример 2 под словом **Çoktan** «давно»).

Erkenden «рано утром, спозаранку»: 1) Dedeyle torun, sabah **erken-den** işe koyuldular. (AN ADS, 53) «Дед и внук **рано** поутру принялись

за работу»; 2) Rabia **erkenden** sokak kıyafetiyle salona indi. (HE SB, 183) «Рано утром Рабия, официально одетая, спустилась в зал».

Eski(sin)den «давно, издавна, прежде»: Yoksa yeni sandığınız şey yine eskisinden kılık değiştirmiş eski olur. O zaman her şey eskisinden de kötüye gider. (AN ADS, 76) «Или вещь, которую вы считаете новой, опять-таки оказывается старой (вещью), давно изменившей свой внешний вид. В таком случае каждая вещь давно уже никуда не годится».

Gerçekten «действительно, на самом деле»: 1) **Gerçekten** bu denizcilerin on parmağında on çeşit marifet oluyor. (HB ABB, 12) «В самом деле, в десяти пальцах этих моряков бывают десятки способностей»; 2) **Bu gerçekten** olabilir mi? (VÖ MAKA2, 30) «Разве это может быть на самом деле?».

Gönülden «искренне, от всего сердца»: Ve her yemekten sonra David **gönülden** bir "Eline sağlık" derdi muhakkak. (EŞ A, 58) «И после каждой еды Дэвид обязательно от всего сердца говорил: "Здоровье твоим рукам"».

İçten «искренне»: Söyledikleriyle içten ilgilendiğimi görünce, kaşlarını çatıklığı hazla çözüldü. (HB ABB, 33) «Как только он увидел, что я искренне интересуюсь всем тем, что он говорил, он обрадовался и расправил брови».

Kendi+liğ+in+den «сам собой, сам по себе»: 1) ...kulağına takılı küpe **kendiliğinden** düştü. (OP MM, 11) «...вставленная в ее ухо сережка... сама по себе упала»; 2) **kendiliğinden** doğma yazı (Информант) «автохтонная (самостоятельно родившаяся) письменность».

Önceden «заранее»: (HB ABB, 11,12) Şunu **önceden** söyleyene benim sevgili efendim. (VÖ MAKA2, 29) «Вам следовало бы сказать это заранее, мой дорогой господин».

Toptan «все сразу, полностью, оптом»: 1) Ara ara iştahım **toptan** kesilir, günlerce bir lokma yiyemem. (EŞ A, 60) «Время от времени у меня совсем пропадает аппетит, по несколько дней не могу есть ни крошки»; 2) **Bu pil toptan** mı, parakende mi satılır? (Информант) «Эти батарейки продаются оптом или в розницу?».

Аффиксальное лексемообразование наречий. Наиболее вероятным аффиксальным способом образования наречий от существительных и прилагательных является использование показателей -CA и -lAyIn.

Первый не следует смешивать с показателем экватива (уподобительного падежа):

Dikkatli+ce «внимательно»: Hemen cevherin yanına gittiler. **Dikkatlice** baktılar. Cevher azıcık küçülmüştü. (VÖ MAAK I, 21) «Они тотчас подбежали к драгоценному камню. Внимательно посмотрели. Камень немного уменьшился».

Gerek+in+ce «при необходимости, когда надо»: Büyüklerin sofrasında içki içen, etrafını eğlendiren, güldüren Tevfik'ler... Fakat onlar hep birer soytarı... Kışına tekme atılan, **gerekince** yüzüne tükürülen maskara! (HE SB, 1989, 127) «Такие, как Тевфик, это люди, которые пьют вино за одним столом со знатью, развлекают и смешат окружающих... Но каждый из них всегда представляет собой шута... Посмешище, которому дают пинка под зад, а когда надо — плюют в лицо!».

Gizli+ce «тайно»: 1) ...geceleri **gizlice** karısıyla birlikte dört saat dolabı çevirirlermiş. (HB ABB, 28) «... (по слухам) по ночам вместе с женой они **тайно** вращали водяное колесо»; 2) ...Padişahımın nakkaşlarımдан biri... **gizlice** bana gelirdi. (OP BAK, 34) «...один из художников моего падишаха... **тайно** приходил ко мне».

Güvensiz+ce «неуверенно», **istemsiz+ce** «невольно, неохотно»: **İstemsizce, güvensizce** irkildiyse de, sağ elini elime alıp avucunu açtığımda bana karşı koymadı. (EŞ A, 53) «Хотя он **нехотя, вопреки своей воле** вздрогнул, он не противился мне, когда я взял его руку в свою и раскрыл его ладонь».

Hafif+çe «слегка, легонько»: 1) ...başını **hafifçe** ondan yana eğmiş... (MCA A, 7) «...слегка наклонил голову в ее сторону...»; 2) ..sol kulağın **hafifçe** ısırılmışım... ki, kulağına takılı küpe uzunca bir an sanki havada durdu ve sonra da kendiliğinden düştü. (OP MM, 11) «...я **легонько** укусил ее левое ухо, отчего вставленная в ухо сережка как будто зависла на какое-то мгновение в воздухе, а затем сама по себе упала»; 3) Rabia **hafifçe** içerledi. (HE SB, 187) «Рабия **слегка** рассердилась».

Hızlı+ca «быстро»: Bir an yatağa yaklaşır, karısının üstünü örtecek gibi olduysa da fikrini değiştirerek **hızlıca** banyoya yöneldi. (EŞ A, 88) «Хотя в какое-то мгновение он как будто вознамерился подойти к постели и укрыть жену, но, передумав, **быстро** направился в ванную комнату».

Rahat+ça «спокойно, удобно»: 1) Her şeyden önce, onları **rahatça** üyebilmemiz için, koyunları biraraya toplamamız gerekir. (AN ADS, 26) «Прежде всего, для того чтобы мы [волки] могли **спокойно** пожирать овец, их надо согнать в одно место»; 2) Şimdi **rahatça** yürüyordlardı. (VÖ MAAK I, 9) «Теперь они продвигались **совсем свободно**».

Saf+ça «покорно, кротко»: "Sen Rüşumât'ta çalıştın mı?" Davut Bey **safça**: "Hayır, çalışmadım" dedi ve göğüs geçirdi. (MCA A, 9) «"Ты работал в Таможенном управлении?" "Нет, не работал", — **кротко** сказал Давут Бей и вздохнул».

Sakin+ce «спокойно»: Derviş odadaki herkesi tek tek selâmlayıp, gösterilen yere **sakince** oturdu. (EŞ A, 72) «Дервиш поприветствовал каждого, кто был в комнате, и **спокойно** сел на указанное ему место».

Sessiz+ce «беззвучно»: Sanki deniz **sessizce** kopup gelmiş, dükkânı yarı yerine kadar doldurarak ölü dalgalarıyla kabarıp iniyordu. (HB ABB, 24)

«Как будто бы море беззвучно срывалось со своего места, подкрадывалось и то поднималось, то опускалось мертвыми волнами, заполняя лавку до половины».

Sorun+suz+ca «бесп проблемно»: Dosyaı sorunsuzca aldım! (Информант) «Я получила файл без проблем».

Titiz+ce «тщательно, придирчиво, аккуратно»: Bu yolculardan biri, varurun nereye geldiğini anlamak istercesine gözlüklerinden üstünden sağ yana, sol yana baktıktan sonra, okuduğu gazeteyi titizce dörde katlayıp sol cebine yerleştirdi. (MCA A, 10) «Один из этих пассажиров, как будто желая понять, куда приплыл пароход, поглядев поверх очков направо, налево, аккуратно сложил четверо газету, которую он читал, и положил ее в левый карман».

Usul+ca «тихонько»: “Kırk kuraldan ilkidir halbuki” dedim usulca. (EŞ A, 51) «“Это, однако, первое из сорока правил”, — проговорил я тихо».

Yalnız+ca «сам по себе, только»: ...marka yalnızca malları almaya yaramaz, markayla şan, şeref, namus gibi şeyleri de satın alabilirsiniz. (VÖ MAKA2, 30) «Сама по себе марка годится не только для покупки товаров, посредством марки вы можете покупать также такие вещи, как известность, честь, совесть».

Yavaş+ça «слегка»: ...onu arkadan yavaşça sarmış... sol kulağını hafifçe ısırılmışım ki, kulağına takılı küpe uzunca bir an sanki havada durdu ve sonra da kendiliğinden düştü. (OP MM, 11) «...я слегка обнял ее сзади... логонько укусил ее левое ухо, отчего вставленная в ухо сережка как будто зависла на какое-то мгновение в воздухе и затем сама по себе упала».

Yeter+in+ce «достаточно»: Konya'dan uzaklaşırsam, yeterince uzağa kaçarsam, zihnimi burğu gibi delen bu hatıradan kurtulurum diye ummuştum. (EŞ A, 39) «Я надеялся, что если я удалюсь из Коньи, убегу достаточно далеко, то избавлюсь от этих воспоминаний, сверлящих мой мозг, как сверло».

Приведем примеры образований с аффиксом **-İAyiñ**:

Akşam+İeyiñ «вечером»: Gündüzün ortalık günlük güneşlikken, akşamİeyiñ Milas'ın ün salmış ayazı bastı. (HB ABB, 18) «В то время как днем погода была солнечная, вечером ударил знаменитый мороз Миласа».

Önce+İeyiñ «сначала»: Önceİeyiñ, karşıdaki koca Stanköy Adası'nı görmez oldum. (HB ABB, 31) «Сначала я перестал видеть крупный остров Станкёй, что напротив».

Şafak+İeyiñ «на заре»: Ertesi gün şafakİeyiñ vardiyası geldi mi gider uyandırırđım. (HB ABB, 20) «На следующий день, на заре, когда наступало время его вахты, я шел, будил его».

Kimi+İeyiñ «иногда»: 1) Kimiİeyiñ de çalkalaya çalkalaya sanımı çıkarır. (AN ADS, 21) «Иногда (вода) так раскачивает, что всю мою душу

вытряхивает»; 2) **Kimileyin**, uçurtma uçurmak için çok yaşlı olduğunu bu yaştan sonra uçurtmanın arkasından koşacak gücü olmadığını söylerdi. Kimi zaman da, artık kentte uçurtma uçuracak geniş alan kalmadığını anlattı. (AN AD 51) «Иногда он говорил о том, что слишком стар, чтобы запускать змея, и что отныне у него нет силы бежать за змеем. А иногда толковал, что в городе не осталось просторных мест, пригодных для запуска змеев».

Составные наречия. Речь идет об устойчивых словосочетаниях, каждое из которых воспроизводится в речи целиком и функционирует как неразложимое слово. Это обстоятельство позволяет полагать, что в языковой системе они занимают место цельных лексем. Об этом же свидетельствует и их орфографическая неустойчивость: они пишутся как раздельно, так и слитно.

Ard arda / art arda «друг за другом»: **Ard arda dizilmiş** (RNG YD, 6) «Расположенные друг за другом».

Ardı sıra «вслед за...»: **Danacıların Hanife de ardı sıra.** (HB ABB, 43) «А вслед за теми, кто ухаживает за телятами, (шла) Ханифе».

Baştan başa «из конца в конец»: **Deniz baştan başa masmavi bir gülüş-tü.** (HB ABB, 22) «Все море (целиком) было сплошной голубой улыбкой».

Bir (~ tek) başıma, bir (~ tek) başına, bir (~ tek) ... başımıza «я... один, мы одни, одиноко, в одиночку»: 1) ...Çoban olarak **bir başıma** gezerken duyduğum sessizliği hatırladım. (HB ABB, 45) «Я вспомнил ту тишину, которая была, когда я в одиночку пас овец»; 2) ...ben vaktimi bahçede **bir başıma**... geçirdim. (EŞ A, 101) «...я одиноко... проводил время в саду»; 3) Şu hayatta **tek başına** inzivada kalarak, sadece kendi yankısını duyarak, **Hakikat'i keşfedemezsin.** (EŞ A, 101) «Ты не можешь познать Истину, если ты в этой жизни остаешься в одиночестве, прислушиваясь только к ее отголоскам».

Boylu boyuna «во всю длину»: **Boylu boyuna uzanmış** (RNG YD, 6) «Растянулся во весь рост».

Çığlık çığlığa «громко и продолжительно (кричащий)»: «Ya ne demeye **çığlık çığlığa**ydın o zaman?» diye üsteleli hancı. «Çünkü öteki âleme uzandım da geldim...» (EŞ A, 49) «Ну и чего ради ты тогда раскричался?» — продолжал настаивать ханщик. — «Потому что я прогулялся до загробного мира и вернулся...».

Gel zaman git zaman «Однажды, когда-то, долго ли, коротко ли»: **Gel zaman git zaman,** o ülkede işler bozulmaya başladı. (AN ADS, 34–35) «Долго ли, коротко ли, дела в той стране стали портиться».

Göz göre «воочию»: **Bir genç kızın göz göre mahvolmasına vicdanı razı olamaz.** (RNG YD, 15) «Его совесть не может примириться с тем, что юная девушка погибла прямо (у него) на глазах».

İçten içe «изнутри»: Dışarıdaki dünyaya karşı kendini savunacak içsel kudreti kalmamıştı. İçten içe kuruyan bir bitki misaliydi hancı ashında. (EŞ A, 53) «У него не осталось душевных сил защищать себя от внешнего мира. По сути дела ханщик был подобен растению, которое гниет изнутри».

İlk başta «сначала»: İlk başta zor seçiliyordu gelen resim, sanki bir tül perdenin ardından izler gibiydim her şeyi. (EŞ A, 53) «Сначала трудно было различить появляющееся изображение, как будто я наблюдал за всем из-за тюлевой занавески».

Kendi kendime «сам по себе»: Sıkıntı çekme, ben kendi kendime yürüm' derdi. (НВ АBB, 19) «Он говорил мне: "Не беспокойся, я и сам по себе (смогу) идти"».

O gün bugündür «с тех пор по сей день»: İhtiyar adam, Lemanın o gün bugündür ne adını anıyor, ne yüzüne bakıyordu. (RNG YD, 13) «С тех пор по сей день старик не вспоминал имени Леман и не смотрел ей в лицо».

Sıcağı sıcağına «тотчас, находясь под свежим впечатлением»: Ali Rıza Bey, sıcağı sıcağına Muzafferle görüşmezse cesaretini kaybetmekten korkuyordu. (RNG YD, 15-16) «Али Рыза Бей опасался, что если он не встретится с Музаффером, пока не угас его гнев, то утратит свою смелость».

Tıka basa «досыта»: Hepsi tıka basa doydular. (VÖ МААК, 18) «Все наелись досыта».

Var gücüyle «изо всех сил»: Var gücüyle karşılık verdiyse de hancının yumruklarına, çok sürmedi, o da yere devrildi. (EŞ A, 52) «Хотя он изо всех сил отвечал на кулачные удары ханщика, через короткое время он тоже был сбит с ног».

Yan yana «рядом, бок о бок, в ряд»: Efendi yan yana sandalyesini Rabi'a'ya biraz daha yaklaştırdı. (HE SB, 188) «Господин пододвинул свой стул, стоявший рядом, ближе к стулу Рабии».

Yanı başında «рядом (с ним)»: Demir Ağa, yanı başında gemici Karamanoğlu'na: Nesi var? Diye sordu. (НВ АBB, 10) «Демир Ага спросил у стоявшего рядом с ним матроса Караманоглу: "Что с ним?"».

Удвоение — одна из обстоятельственных форм или одно из лексеμοобразовательных средств наречий:

Ara ara «временами»: Ara ara iştahım toptan kesilir, günlerce bir lokta uyuşem. (EŞ A, 60) «Временами у меня совершенно исчезает аппетит, по несколько дней не могу съесть ни крошки».

Garip garip «странно»: Hepsi başını salladı, cücenin yüzüne garip garip baktılar. (HE SB, 1989, 129) «Все качали головами и очень странно смотрели в лицо карлика».

Hafif hafif «едва-едва, едва заметно»: Kaşlarının arasındaki çizgi hafif hafif belirdi. (HE SB, 1989, 187) «Между ее бровями едва заметно появилась складка».

İçin için «тайком, скрытно»: için için devam eden... bir didişme (HE SB, 1989 31) «скрытно продолжавшийся раздор».

Sıkı sıkı «крепко-накрепко»: Ve dört gün Paşa'nın odasına koşan Rabia kapıyı sıkı sıkı kapalı buldu. (HE SB, 130) «И четыре дня подряд прибегавшая Рабия находила дверь наглухо закрытой».

IV. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Числительное (имя числительное) — лексема, означающая какое-либо конкретное количество (bir «один», iki «два», üç «три», dört «четыре», beş «пять» и т. д.). В соответствии с обсуждавшимся выше принципом «нет аффикса, нет и категории» в настоящей работе принята точка зрения, согласно которой неаффиговые количественные числительные в турецком языке не функционируют в какой-либо словоизменительной форме: 1) Fakat üç evlek kıraç tarla, dört kuru duvar eve on iki liradan fazla veren olmadı. (HB ABB, 45) «Но за пустующее поле на три борозды, за дом — четыре иссохших стены — никто не давал больше двенадцати лир»; 2) Kör Halit on iki buçuk liranın iki buçuğunu borca alıkoymuştu. (HB ABB, 46) «Кёр Халит удержал из двенадцати с половиной лир одну лиру в качестве долга»; 3) Aradan bir ay mı, iki ay mı geçti ne, Kör Halit, han müşterilerinin atlarını, eşeklerini ayda bir mecide, ahıra bağlamakta olan çocuğa yol verdi. (HB ABB, 47) «Прошло два-три месяца, Кёр Халит уволил парня, который раз в месяц привязывал у мечети или у конюшни лошадей, ослов, принадлежащих посетителям».

Числительные объединяются в самостоятельный лексико-грамматический класс на семантической основе — родством, однородностью значений, которые сводятся к общему для всех единиц инварианту — классифицирующему значению конкретной количественности и характеризуются обусловленными этим значением коммуникативными, словообразовательными и формообразовательными особенностями.

Ведущим способом лексемообразования числительных является сложение основ типа yirmi beş (20 + 5) «двадцать пять»; они используются как атрибутивно (otuz yıl «тридцать лет»), так и субстантивно в формах категории принадлежности (см. об этом ниже).

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Категория количественной соотнесенности. Коммуникативное предназначение числительных — выражать как конкретное количество предметов, так и (посредством соответствующих форм) разного

рода количественные соотносительности считааемых объектов. Средством грамматического преобразования облика нумеральных слов является агглютинация. Иными словами, механизм словоизменения числительных принципиально ничем не отличается от словоизменения других знаменательных частей речи.

Последнее обстоятельство позволяет полагать, что, говоря о числительных агглютинативного языка, нет необходимости распределять их по разрядам, а, признавая их группировки грамматическими формами, нужно трактовать совокупность этих форм как *морфологическую категорию количественной соотносительности объектов*.

Числительные в формах категории принадлежности. В формах категории принадлежности (например, *ûç+ümüz* «мы втроем, трое из нас»; *iki+miz* «мы оба, мы вдвоем»; *ûç+ünüz* «вас трое, вы втроем»; *dörd+ü ~ dört+leri* «их четверо, вчетвером» и т. д.) числительные функционируют как средства выражения собирательного («мы втроем») и выделительного («трое из нас») смыслов: 1) *Arkalarında ayak sesi duyunca ikisi birden döndü.* (HE SB, 185) «Услышав за своей спиной шаги, оба одновременно обернулись»; 2) *İkisi de bir süre göz göze sustular.* (HB ABB, 20) «Оба некоторое время молчали, глядя друг на друга»; 3) *Haydi Yunus peygamber, Nuh peygamber neyse. Hiç olmazsa birisi balık karnında, öteki de bütün hayvanlarla, arkın içinde denizcilik etmişlerdi.* (HB ABB, 49) «Ну ладно бы уж пророк Юнус и пророк Ной. Как бы то ни было, один из них в животе рыбы, другой вместе со всеми тварями скитались по морям»; 4) *İkisi yaşadı...* (HB ABB, 42) «Двое из них выжили...».

Порядковая форма числительных. Порядковая форма с морфемой *-(I)ncı* имеет значение, которое сигнализирует о номерном месте предмета в предметном ряду (*altı+ncı* «шестой», *yedi+nci* «седьмой», *sekiz+inci* «восьмой» и т. д.): 1) *Dörd+üncü günün akşamı, Kôr Halit yanıma geldi.* (HB ABB, 45) «На четвертый день вечером Кёр Халит пришел ко мне»; 2) *Allah rahmet eylesin, bizim zavallı karı dört çocuk doğurmuştu. İki+si yaşadı, beş+inci+sin+i doğuracaktı.* (HB ABB, 42) «Наша бедная жена, да простит ее Аллах, родила четверых детей. Двое из них выжили, ей предстояло родить пятого»; 3) *Yastık ettiğim taş a iki+nci kez baş koymadım...* (EŞ A, 62) «Я не клал дважды (букв. «во второй раз») голову на (один и тот же) камень, послуживший мне подушкой...».

Разделительная форма числительных. В значении разделительной формы с морфемой *-(ş)Ar* отражена распределенность объектов по множествам в том или ином конкретном количестве (*dokuz+ar* «по девять», *on+ar* «по десять», *on iki+şer* «по двенадцать» и т. д.): 1) *Topal Murat bu çingirak işini öyle bir duygu fazlalığıyla anlattı ki, sözleri söz değil, sanki bir+er gönül parçalarıydı.* (HB ABB, 47) «Топал Мурат рассказал эту

историю с колокольчиком с таким обилием чувств, что каждое его слово было будто не словом, а частицей сердца»; 2) Çocuklar birer, ikişer evlerine gittiler. (AN ADS, 88) «Дети по одному, по два уходили домой»; 3) Rakım, Tevfik'in Kadıköy'ünde oturan eski arkadaşlarını bir+er bir+er yokladı. (HE SB, 129) «Ракым провела всех по одному проживающих в Кадыкёйе старых друзей: Тевфика»; 4) Öbür üç duvarda her biri ayrı renkte kapılar vardı. Saydılar: Yan duvarlarda üç+er kapı, arka duvarda dört kapı vardı. (VÖ MAAKI, 25) «В других трех стенах были двери, каждая из которых была выкрашена в иной цвет. Они посчитали: в боковых стенах было по три двери, в задней стене было четыре двери».

Нижеследующие примеры свидетельствуют о том, что прилагательные с количественным значением (типа «одиночный», «единственный», «последний») способны принимать словоизменительные формы числительных: 1) Derken sayım vergisi bastı, davalarını tek+er tek+er sattım. (HB ABB, 41–42) «Неожиданно обложили (нас) налогами, я продал животных одного за другим»; 2) Bildiğim adları, Çakır Fatma'nın fisildediği adlarla tamamlayarak, selamete son+uncu peygambere vardım. (HB ABB, 48) «Дополняя имена пророков, которые я знал, теми, что мне шептала Чакыр Фатма, я благополучно добрался до последнего пророка».

Как было показано, имеющие служебный характер притяжательное, порядковое и разделительное значения форм никак не затрагивают, не изменяют основных, автосемантических значений числительных, что позволяет признавать названную категорию словоизменительной, а практикуемый тюркологами перенос на тюркскую языковую почву индоевропейстического представления о «разрядах» числительных считать необоснованным.

Поскольку дроби выражаются исключительно лексическими способами (например: üçte bir или bir bölü üç (= $\frac{1}{3}$), dörtte üç или üç bölü dört (= $\frac{3}{4}$)), они не могут рассматриваться как морфологические средства.

V. МЕСТОИМЕНА

Местоимения объединяются в лексико-грамматический класс на основе специализации (точнее, специализированности) каждой из этих лексем для выполнения одной из частных коммуникативных функций: опосредованного представления в речи именных «частеречных» значений (предметов, признаков, обстоятельств и количеств) особым способом, именуемым грамматистами «указательностью».

Именно эта особая соотношенность с перечисленными именными значениями знаменательных лексем, которая в каждом отдельном случае может трактоваться как соответствующее классифицирующее значение, является, по нашему мнению, тем глубинным фактором, тем ведущим признаком, который, во-первых, объединяет все местоимения в самостоятельный лексико-грамматический класс, во-вторых, делает необходимым признать (вопреки сложившейся традиции) первостепенным классификационным признаком каждого разряда *соотношенность составляющих его единиц с тем или иным классом имен*, или, иными словами, наличие у них соответствующего именного классифицирующего значения.

1. ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ТУРЕЦКИХ МЕСТОИМЕНИЙ

Сказанное в предыдущем абзаце означает, что сначала следует выделять в качестве самых крупных следующие разряды местоимений:

- предметные (субстантивные);
- качественные («призначные», адъективные);
- обстоятельственные (адвербиальные);
- количественные (нумеральные).

Традиционное же деление местоимений на личные, указательные, вопросительные, неопределенные и т. п. обнаруживается в той или иной мере внутри каждого из названных разрядов.

2. ПРЕДМЕТНЫЕ (СУБСТАНТИВНЫЕ) МЕСТОИМЕНА

Личные местоимения (1-е и 2-е лицо ед. и мн. числа):

Ben «я»: 1) *Oysa ben+i cennete sokan melek, Murat Dayı idi. Ben+a arasına, “Çeşmeden kahvenin su küpüne su taşıyiver, o zaman körün gözüne girersin” derdi.* (НВ АBB, 35) «Однако ангелом, который ввел меня в рай, был Дядя Мурат. Иногда он мне говорил: “Ты приноси-ка из колодца воду в кофейник, тогда тебя разглядит и полюбит даже слепой”»; 2) *Aksi şeytana bak ki bu sıralarda ben+im param yok.* (НВ АBB, 44) «И как назло сейчас у меня денег нет»; 3) *Vana öğretilen bu sultanları ve peygamberleri ben neyleyecektim? Bunlar benim akranım değillerdi.* (НВ АBB, 49). «Что мне было делать со всеми этими султанами и пророками, которые мне преподавали? Они не были моими сверстниками».

Sen «ты»: 1) *“Sen ne dersin? Alış sağ mı, yoksa boğuldu mu? Haniden beri ondan haber yok”.* (НВ АBB, 41) «Ты что скажешь? Алиш жив или утонул? Давно уже от него нет вестей»; 2) *Hancı ardımdan bağırđı: “Daha dur bakalım, sen+le işim bitmedi”.* (ЕŞ А, 53) «Ханщик прокричал мне

вслед: "Подожди-ка, наш с тобой разговор еще не закончен"; 3) *Vay sen misin öyle diyen?* (НВ АBB, 48) «Да тебе ли такое говорить?».

Biz «мы»: 1) *Aman ağzından o lafi yeller alsın... Biz+im küçük bey hiç öyle laf konuşur mu?* (HE SB, 29) «Помилуй бог, не произноси тех слов... Разве наш маленький господин может говорить такое?»; 2) **Biz+im sokaktakilerin bazılarının** ne kadar fakara olduklarını bilerseniz, pek harikulâde bulmazsınız, efendim. (HE SB, 187); 3) «Если бы вы знали, господин, как бедны некоторые из тех, кто живет на нашей улице, вы бы не нашли (их жизнь) очень уж приятной»; 4) **Biz çocuklar yaşlı başlıların** arasında oturmaktan korkardık. (НВ АBB, 35) «Мы, дети, боялись сидеть среди взрослых».

Siz «вы»: 1) *Ben de siz+in gibi, rayların döşeli olduğu yolların dışında neler olduğunu çok merak ediyorum.* (AN ADS, 19) «Я тоже, как и вы, хочу знать, что находится за пределами путей, по которым проложены рельсы»; 2) *Sizi çok iyi anlıyorum. Ama neden ben siz+den daha şanslı oluyor muşum, açıklar mısınız?* (AN ADS, 20) «Я вас очень хорошо понимаю. Но могли бы вы объяснить, чем я более счастлив, чем вы?»; 3) *Hepiniz yanlışsunuz. Sizin bastığınız yer sert, sizler sağlam yere basıyorsunuz.* (AN ADS, 21) «Вы все ошибаетесь. Земля, на которую вы ступаете, твердая, вы ступаете на надежное место».

Указательные местоимения, функционирующие только в 3-м лице:

Bu «он, она, оно, тот, этот, эта, это, этот»: 1) *Kasım Efendi bir gün Nusret Ağa'ya, vaktiyle memur olmadığına çok fena ettiğini anlattı: "İnsanı kolundan tutup sokağa atmazlar. Emekliliği, şu+su, bu+su vardır"* (НВ АBB, 31) «Однажды Касым Эфенди объяснил Нусрету Аге, что он очень плохо поступил, не став в свое время чиновником: "Не выбрасывают тебя на улицу. Есть пенсия, то да се"; 2) *İşte bun+u duyduktan sonra...* (НВ АBB, 37) «И вот после того, как узнал об этом...».

Şu «вот этот, вот эта, вот это, вот эти, вот тот, вот та, вот то, вот те»: 1) *"Emekliliği, şu+su, bu+su vardır"* (НВ АBB, 31) У них есть пенсия, то да се»; 2) *Şunu bana uzatabilir misin?* (Информант) «Ты можешь подать мне вот то?»; 3) *Şuna bak, şuna!* (Информант) «Ты только вот на него посмотри! [Что он вытворяет!]».

O «он, она, оно, тот»: 1) *İşte o, bu adamın Kristof Kolomb olduğunu ve Amerika'yı keşfettiğini söylerdi.* (НВ АBB, 37) «Это вот он говорил, что этот человек Христофор Колумб и что он открыл Америку»; 2) *On+a öfkeyle saldıranlara öfkelenirdim.* (НВ АBB, 37) «Я сердился на тех, кто набрасывался на него с гневом»; 3) *Kapıdan çıkıyordu, on+cağız+a gözlerim takılakaldı.* (НВ АBB, 46) «Он выходил в дверь, мои глаза замерли».

на нем» (личное местоимение в уменьшительной форме); 4) ...genç köşe yazarına telefon etmiş ve ona... Proust'tan ve Albertine'den... hiçbir zaman söz etmemesini yalvararak istemiş. (OP KK, 175) «...он позвонил молодому журналисту и с мольбой попросил его никогда не заводить речь о Прусте и Альбертине».

Bunlar «эти, они»: 1) **Bun+lar** benim akranım değillerdi. (НВ АBB, 49) «Они не были моими ровесниками»; 2) “Peki neden **bunlara** dönüşmüyor, **bunların** eline gelmiyor?” (VÖ MAKA2, 51) «Хорошо, почему он к ним не возвращается, почему им не удастся его схватить?» 3) Kelebek bütün **bunları** gördü. (VÖ MAKA2, 66) «Бабочка все это видела».

Onlar «они»: 1) **Onlara** dönüp bakmadan topallaya topallaya ahıra çekildi. (НВ АBB, 41) «Не поворачиваясь и не глядя на них, он, прихрамывая, удалился в конюшню»; 2) **Onları** da hep rüzgâr mı kopardı? (OV NHH, 20) «Их тоже все время срывал ветер?»; 3) **Onlar** yokken Носа elbiseleri toplayıp bir güzel ateşe atmış. (OV NHH, 49) «Пока их не было, Ходжа собрал их вещи и как ни в чем не бывало побросал их в огонь».

Вопросительные: kim(ler), ne(ler):

Kim(ler) «кто (они)»: 1) ...onu dinleyen **kim+di**? (НВ АBB, 34) «...но кто его слушал?»; 2) Fakat durabilen **kim**? (НВ АBB, 35) «Но кому разрешалось оставаться (в кофейне со взрослыми)?»; 3) “Anladım. Peki **kim+dir** bu kişi?” (EŞ A, 43) «Я понял. Хорошо, кто этот человек?»; 4) İşte bu cansıkıcı yaşama, **kim+ler+i** düzen diyorlar. (AN ADS, 19) «И вот эту скучную жизнь некоторые из них называют порядком».

Ne(ler) «что (это за вещи)»: 1) “Öyle ise **ne+n+i** tanıyacaklar?” (MCA A, 9) «В таком случае что они в тебе могут узнать?» (местоимение в формах принадлежности 2-го лица и винительного падежа); 2) Kasım Efendinin **ne** dediğini işitseydi bile Nusret Ağa muhakkak itiraz etmeksizin inanırdı. (НВ АBB, 27) «Если бы даже Нусрет Ага и услышал, что сказал Касым-эфенди, он непременно поверил бы в это без возражений»; 3) Ah paşa'nın bu şüphesini eğer Sabiha Hanım paylaşıp olursa **neler neler** yaracaktı. (HE ŞB, 130) «Ах, если бы это подозрение не разделяла бы Сабиха Ханым, чего бы она (Рабиа) только ни наделала»; 4) Ben de sizin gibi, rayların döşeli olduğu yolların dışında **ne+ler** olduğunu çok merak ediyorum. (AN ADS, 19) «Я тоже, как и вы, хочу знать, что находится за пределами путей, по которым проложены рельсы»; 5) Babanız **ne+ci** idi? Dedim. (KMM, 1960,89) «Кем был ваш отец?».

Неопределенные/отрицательные. Субстантивные местоимения, о которых идет речь, можно именовать просто неопределенными, поскольку в качестве «отрицательных» они могут трактоваться только

в составе отрицательных высказываний, как в приводимом ниже примере: *Bir şeyciği yoktur*. «Ничего у него нет / ничего с ним не случилось».

Такое двойственное, утвердительно-отрицательное функционирование неопределенных местоимений имеет типологическое значение, поскольку: 1) подобное свойство имеет, например, французское неопределенное местоимение *personne* «никто, некого» (*Personne ne connaît cela* «Никто этого не знает»; *On n'a personne à demander ici* «Здесь некого спросить»); его ближайший родственник — существительное *personne* имеет положительные значения типа «личность, лицо» и т. п.; 2) в отличие от русского языка в высказываниях на многих языках мира используется только одно, как правило лексическое, средство отрицания (англ. never, нем. niemals, фр. jamais), а в турецком — морфологическое — отрицательный статус чаще всего сказуемого (как в приводимых ниже примерах).

Лишь местоимения, употребляемые с усилительной частицей *hiç* (*hiçbir şey* «совсем ничего», *hiçbiri* «никто»), можно бы было признавать отрицательными. Однако для этого необходима полная уверенность в лексикализованности таких образований. Но именно этой-то уверенности пока еще нет, во-первых, по причине неустойчивости современной турецкой орфографии, во-вторых, ввиду того, что и другие местоимения часто сопровождаются этой усилительной частицей.

(**Hiç**) **Biri** «некто, кто-то, никто»: 1) *Ruhuna eş biri için dua ettin ya, sana bir yoldaş verilecek*. (EŞ A, 65) «Ты ведь молился за кого-то, равного тебе по духу, тебе будет ниспослан товарищ»; 2) *Bir ses var. Galiba biri geldi*. (Информант) «Слышно голос. Кто-то пришел».

Hiçbiri «никто»: 1) *Pazardan başka günler hiçbir evde kalamazdı*. (AN ADS, 85) «Днем, кроме воскресенья, дома никто не мог оставаться»; 2) *Her bir yanı aradılar, ama yabancı çocuklardan hiçbirisini bulamadılar*. (VÖ МААК1, 61) «Они искали повсюду, но ни одного из чужих детей найти не смогли».

Bir şey «что-то, ничто»: 1) *Adeta birbirine gizli bir şeyler söyleyen iki çocuk gibiydiler*. (HE SB, 188) «Они были похожи на двух детей, которые как будто сообщают друг другу что-то секретное»; 2) «*Bir şeyciği yoktur. Kara haber tez gelir, şimdi gürbüz bir denizci olmuştur*». (HB ABB, 35) «Ничегошеньки с ним не случилось. Дурная весть приходит быстро. Теперь он уже здоровый, крепкий моряк»; 3) *Ama yapılacak bir şey yoktu*. (VÖ МАКА2, 20) «Но ничего нельзя было поделат».

Hiçbir şey «совсем ничего»: *Yoktu, yiyecek hiçbir şey yoktu*. (VÖ МААК1, 64) «Не было, совсем не было ничего съестного».

Kimse «кто-либо, кто-нибудь, никто»: 1) *Ne kimse+ler+e muhtacım, ne kimse+ye buyuran*. (EŞ A, 62) «Ни нужды в ком-либо у меня нет,

ни повеления кем-либо»; 2) **Kimse+yi kimse+ye üstün tutmadım.** (EŞ A, 63) «Я никого не признавал превосходящим кого-либо»; 3) **İnayetinle nasip ettiğin ilmi doğru kimse+ye teslim etmek isterim.** (EŞ A, 64) «Науку, которую ты мне милостиво ниспослал, я хочу передать кому-нибудь, кто идет правильным путем»; 4) **Artık bizden başka kimse mal alıp satamayacak.** (VÖ MAKA2, 25) «Теперь уже никто кроме нас не сможет покупать и продавать товары».

Ötesi berisi «то-се, там-сям»: **Ötesi berisi çentilmiş masa...** (НВ АBB, 27) «порезанный, оцарапанный в некоторых местах стол».

Субстантивные обобщающие:

Her+imiz, her+iniz, her+si «все мы, все вы, все они»: 1) **Fakat çok geçmeden denizcilikte her+imiz+i geride bıraktı.** (НВ АBB, 19) «Однако не прошло много времени, как он оставил всех нас позади себя в матросских делах»; 2) **Her+imiz işlerimizin başına koştuk.** (НВ АBB, 23) «Мы все поспешили по своим местам (на корабле)»; 3) **Hepsi orada soyunmuş dökmüş.** (OV ННН, 49) «Там все совсем разделись»; 4) **Hepsini yutacak ben değil miyim?** (OV ННН, 45) «Не мне ли предстояло проглотить все это?».

Top «все»: 1) **Top+umuz da göz kulak olduk.** (НВ АBB, 22) «Все мы обратились в зрение и слух»; 2) **Top+umuz+dan hayır gelmez.** (Информант) «От всех вас никакого толка».

Пространственные указательные:

Bura(sı) «это место»: 1) **Yolumuzun bura+sın+da Cenevizlilerin şatosu kararmış, ortasında bir Selçuk kulesi ağarmıştı.** (НВ АBB, 17) «В этом месте нашего пути возникал темный силуэт замка генуэзцев, там — светлая сельджукская башня»; 2) «**Ben buranın yabancıyım, ağam?**» (OV ННН, 83) «Для здешних мест я чужак, господин мой»; 3) **Ustam hocam idiye, işte burası da dersanemdi.** (НВ АBB, 36) «Если и был у меня свой мастер-учитель, то это место было моей классной комнатой»; 4) **Kör Halite söyle buraya geliversin...** (НВ АBB, 42) «Скажи Кёр Халиту, пусть-ка быстро идет сюда...».

Ora(sı) «то место»: 1) **Şayet ruhu ora+dan cennete giderse.** (HE SB, 25) «Если ее душа оттуда отправится в рай»; 2) **Ora+da kavalını çalardı, boş durmazdı.** (НВ АBB, 19) «Там он играл на своем кавале, время не терял»; 3) **Oralarını merak ediyorum.** (AN ADS, 19) «Меня влечет в те места».

Şura «вот это, вот то место»: **Eşegi, nah ta şura+cığ+a, bu ahıra bağlamıştım.** (НВ АBB, 42) «Осла я привязал вот туточки, прямо к этой коныушне» (употреблена форма категории субъективной оценки).

Beri «ближайшая сторона, сюда»; Öte «поодаль; та, другая сторона; место по ту сторону чего-либо»: 1) **...topallaya topallaya öteyi beriyi**

araştırırken bile sözünü kesmez... (НВ АBB, 33) «...даже когда он, прихрамывая, разыскивает что-нибудь там и сям, не прекращает говорить...»; 2) "Evet! Biraz fazlaca esiyordu; / Beni öteye beriye savurdu..." (OV NHH, 20) «Да, он дул довольно сильно; / Швырял меня туда-сюда...»; 3) ...size cam gibi imişsiniz de ötenizde bir ufka bakıyorlarmış gibi bakarlar... (НВ АBB, 35) «...смотрят на вас так, как будто вы стеклянный, а они смотрят за горизонт за вами...»; 4) Baksanıza, öteleri aydınlık. (AN ADS, 8) «Взгляните-ка, вот в тех местах светло».

Пространственное вопросительное:

Nere(si) «какое место»: 1) **Nere+si burası?** (Общеупотребительное высказывание) «Что это за место?»; 2) Sabiha Hanım bunu nere+den öğrenmişti? (HE SB, 27) «Откуда Сабиха Ханым узнала об этом?»; 3) **Nere+ye gidiyorsun, anlat ne oluyor?** (VÖ МААК II, 10) «Куда ты идешь? Расскажи, что происходит».

Разделительно-выделительные:

Biri(si) «один из...»: 1) "Çok yoruldu," dedi birisi. (VÖ МААК1, 20) «Я очень устал», — сказал один из них»; 2) "...Bizi bekliyor," dedi çocuklardan biri. (VÖ МААК1, 69) «...Он ждет нас», — сказал один из них»; 3) **Birisi** kuş gibi öttü. (VÖ МААК1, 101) «Один из них пропел».

Her biri(si) «каждый из них»: 1) **Her birisi** bir kapıyı açık tutarak, geldikleri gibi odaları geçtiler. (VÖ МААК1, 18, 20) «Притом что каждый из них держал одну из дверей, они прошли через все комнаты так же, как и пришли»; 2) **Her birisi** bir yana sıvıştı. (VÖ МААК1, 56) «Каждый куда-то ускользнул»; 3) "Şimdi bundan sonrasını öğrenmek isterseniz, **her biriniz** bu masalı dokuz çocuğa anlatacaksınız". (VÖ МААК1, 68) «Теперь, если вы хотите узнать, что было дальше, каждый из вас будет рассказывать эту сказку девяти мальчикам».

Herkes «каждый»: 1) **Herkesin** hayatına niye bu kadar karışyorsun? (EŞ A, 57) «Почему ты так вмешиваешься в жизнь каждого?»; 2) **Herkes** kaçtı. (VÖ МААК1, 56) «Все убежали»; 3) **Herkes** sustu, o konuşmasını sürdürdü. (VÖ МААК1, 67) «Все умолкли, он продолжал говорить».

Her şey «всё»: 1) **Her şey** karmakarışık. (VÖ МААК1, 9) «Всё в полном беспорядке»; 2) **Her şey**, ama **her şey** sonsuz bir biçimde hareket ediyordu. (VÖ МААК1, 18) «Всё, абсолютно всё безостановочно двигалось»; 3) **Ve her şey** yazılır oldu. (VÖ МАКА2, 20) «И всё начали записывать».

Предметно-относительные. Речь идет о субстантивных местоимениях, используемых для передачи разнообразных предметных взаимосвязей:

Bir(i)biri (в формах принадлежности и пространственных падежей) «друг друга», «друг другу», «друг от друга» и т. п.: 1) Daha büyük, daha hızlı ve yakışıklı bir kayak edinebilmek, daha önce kaptan olmak için **bir+bir+leri+yle** âdeta yarışa çıkıyorlardı. (НВ АBB, 17) «Они как будто пускались в соревнования друг с другом, чтобы приобрести лодку побольше, более быструю, более красивую, чтобы пораньше стать капитаном»; 2) Sabahtan beri **bir+bir+in+e** kapı komşusu olmuş... iklimlerden geçmiştik. (НВ АBB, 17) «С утра мы пересекли соседствующие друг с другом... климатические зоны»; 3) Babamın benzi attı ve **bir+bir+i** arkasına birkaç kadeh yuvarladı. (НВ АBB, 19) «Отец побледнел и опрокинул несколько рюмок **подряд**»; 4) **Bir+bir+imiz+e** sarılı, yuvarlandık. (НВ АBB, 23) «Мы покатались (по палубе), вцепившись **друг в друга**».

Выделительные местоимения в сфере субстантивного использования:

Kendi «сам»: 1) **Kendi+niz+e** iyi bakın! (Употребительное пожелание добра) «Берегите себя!»; 2) Büyüklerim sinirlenirdi, bilirdim. Onları üzdüğüm için **kendi+m+i** suçlu hissedirdim. (ЕŞ А, 62) «Мои старшие нервничали, я это знал. Я чувствовал себя виноватым в том, что я их огорчал»; 3) Ve on torbacı bir araya geldiler. Ve **kendi+ler+in+e** izin belgesini sağlayan arkadaşlarını kutladılar. (VÖ МАКА2, 25) «После этого собрались десять коробейников. И поздравили своих товарищей, которые и себе обеспечили разрешительные документы».

Öz «сам»: Kelimelerimi tartarak sonlandırdım: “İstersen yine kuzu olabilirsin. Zira hâlâ içinde var. Yitirmeden **öz+ün+ü**”. (ЕŞ А, 55) «Взвешивая свои слова, я заключил: “Если захочешь, снова можешь стать ягненком. Он в тебе все еще живет. Прежде чем ты утратишь **суть самого себя**”».

Özkendi «сам»: Kimi bakanların **öz+kendi+leri** gericidirler. (AN ВТА, 57) «Некоторые министры **сами** являются реакционерами».

3. КАЧЕСТВЕННЫЕ (АДЪЕКТИВНЫЕ, ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ) МЕСТОИМЕНИЯ

Указательные в сфере атрибутивного использования:

Bu «этот, эта, это, эти»: 1) **bu** çingirak lafı (НВ АBB, 35) «**это** слово “колокольчик”»; 2) **Bu** resmi kalede mahpus bir deniz subayı yapmış. (НВ АBB, 36) «**Этот** рисунок нарисовал посаженный в крепость морской офицер»; 3) “**Bu** kapı açılmıyor,” dedi arkadaşlarına. (VÖ МААК1, 15) «“**Эта** дверь не открывается”, — сказал он своим товарищам».

Şu «вот этот, вот эта, вот это, вот эти»: 1) ...**şu** kaplama aralığı han kapısı gibi açılmış... (НВ АBB, 50) «...**вот эта** щель в обшивке увеличилась».

и стала похожа на открытую настежь дверь караван-сарая...»; 2) Genç sinek, yaşlı sineklere şu yanıtı verdi (AN ADS, 8) «**Вот такой** ответ дала молодая муха пожилым мухам».

О «тот, та, то, те»: 1) O resim bir gemicinin yaptığı bir gemi resmiydi. (HB ABB, 36) «**Тот** рисунок был изображением корабля, которое нарисовал какой-то моряк»; 2) O zamanlar... (OP KK, 12) «**В те** времена...»; 3) O yıllarda mikroplar ünlüydü, ilaçlar değil. (OP KK, 12) «**В те** годы о микробах знали, а о лекарствах нет».

Böyle «так, такой, такого рода»: 1) Hayat, saray duvarları arasında hep böyle solgun mu? Bunlar hep yalancıkdan yaşamak oyunu mu oynuyorlar? (HE SB, 188) «Жизнь среди дворцовых стен **все такая же** бесцветная? Они **все так же** лицемерно играют в игру жизни?»; 2) Böyle bakmasının belki daha derin bir sebebi vardı. (HB ABB, 28) «**Быть может**, была еще более глубокая причина того, что он **так** смотрел»; 3) Ben böyle sorunca tedirgin oldular. (EŞ A, 43) «Когда я **так** спросил, они рассердились».

Öyle «такой (же), так»: 1) Liman suyu pis oluyor, gemilerin altları çürüyor, pislenip midyeleniyor. İnsanın içi de öyle oluyor. (HB ABB, 19) «Водa в порту становится грязной, днища кораблей гниют, покрываются грязью и мидиями. И человек изнутри становится **таким же**»; 2) Öyle bir sükûta daldılar ki: düşündüklerimi iştecekler diye korktum. (HB ABB, 24) «Они погрузились в **такое** молчание, что я испугался, не слышат ли они того, о чем я думаю»; 3) ...işte Nusret Ağa da tıpkı öyle bakardı. (HB ABB, 28) «...и вот Нусрет Ага смотрел **точь-в-точь так же**»; 4) ...öyle gergin ortam vardı ki... (EŞ A, 55); «Была **такая** напряженная обстановка, что...»; 5) Öyle ya da böyle tüm bunları kanıksamıştı artık Ella. (EŞ A, 58) «**Так или иначе**, Элла свыклась со всем этим»; 6) Sen de öylesin. (EŞ A, 61) «И ты **такой же**».

Şöyle «вот такой, вот так»: 1) Ustam; “Hah şöyle!” diye kösele-ye can ve gönülden yeni bir çivi mihlardı. (HB ABB, 34) «Мой мастер произносил: “**Вот именно так**”, — и с удовлетворением вгонял новый гвоздь в подошву»; 2) Kahve duvarında asılı resimler sağdan sola şöyleydiler... (HB ABB, 35) «Висевшие на стене кофейни рисунки были справа налево **такowymi**...»; 3) Dedesi, gündüzün nasıl olduğunu şöyle anlattı... (AN ADS, 112) «Дедушка изложил **следующим образом**, как наступает ночь...».

Başka «другой»: 1) Başka sinekler de, o genç sineğe, camı delemeyeceğini anlatmaya çalıştılar. (AN ADS, 9) «И **другие** мухи пытались объяснить той молодой мухе, что она не сможет пробить стекло»; 2) Bu sırada bir başka görevli geldi. (VÖ MAKA2, 26) «В это время пришел **другой** чиновник»; 3) Başka+sın+a okut bunu sen. (OV NHH, 15) «**Попроси** кого-нибудь **другого** прочесть это».

Качественные вопросительные:

Hangi «какой, который»: 1) Amcamı neden dolayı çoktan beri görmediğimi, onun ne kadar uzun bir sefere çıktığını, oyuncak kayığımın niçin ortadan kaybolduğunu, babamın da **hangi** sebep yüzünden denizci olmamı istemediğini hep birden anladım. (HB ABB, 24) «Я понял все сразу: почему я так долго не видел моего дядю, в какой долгий рейс он отправился, почему исчез мой игрушечный корабль и по какой причине отец не хотел, чтобы я стал моряком»; 2) Başkan geldi: “**Hangi+si+ymiş?**” dedi (VÖ MAAK1, 22) «Пришел главный: “Который из них?” — спросил он».

Nasıl «какой, как, что за»: 1) “**Nasıl** çıkarmasın? Kötü oldum” dedi. (HB ABB, 31) «Да как же ему не перестать считать меня (напарником)? Я же ослеп»; 2) Bu arada çocuklar, **nasıl** bir ev istediklerini aralarında konuştular. (VÖ MAAK1, 24) «В это время ребята обсуждали между собой, **какой** дом они хотят»; 3) Ama öteki âleme yarıttığım keşifleri **nasıl** durduracağımı bilmiyordum. (EŞ A, 62) «Но я не знал, как мне прекратить прозрения в потусторонний мир».

Ne «какой, как»: 1) ...ne derin bir içten gelen bir tutku (HE SB, 130) «...какая глубокая, искренняя страсть»; 2) Ne bitmez, ne çetin bir kış oldu. (EŞ A, 103) «Какая бесконечно долгая, **какая** суровая была зима»; 3) Günlerden bir gün, ırmakta yüzerlerken bir rüzgâr çıktı. Ama ne rüzgâr. (VÖ MAAK1, 22) «Однажды, когда они купались в реке, поднялся ветер. Да **какой** ветер!»; 4) Saray kızları ne güzel elbiseler giyiyorlardı. (VÖ MAAK2, 25) «**Какие** красивые одежды надевали придворные девушки!».

Качественные обобщающие:

Bütün «весь, вся, всё, все»: 1) **Bütün** peygamberleri tabanlarımda saydı. (HB ABB, 49) «Он перечислил всех пророков, (ударяя) по моим ступням»; 2) **Bütün** gövdesi ezilmiş, derisi parçalanıp delinmişti. (AN ADS, 12) «**Всё** его тело сплющилось, его кожа разорвалась на куски»; 3) Öyleyse aslan, **bütün** hayvanların kralıdır. (AN ADS, 57) «Таким образом, лев — царь **всех** зверей».

О способности этого местоимения использоваться и субстантивно свидетельствует пример: “Belki ben de kendi kurallar **bütünü**mü oluşturup, kâğıda dökmeliyim” diye mırıldandı. (EŞ A, 67) «“Может быть, и мне следует сформулировать **всю** **свою** (мою) массу правил и записать их”, — пробормотала она».

Tüm «весь, вся, всё, все»: 1) Öyle ya da böyle **tüm** bunları kanıksamıştı artık Ella. (EŞ A, 58) «Так или иначе, Элла свыклась со **всем** этим»; 2) Size masalı anlatan o çocuk, masalın **tümünü** biliyor mu? (VÖ MAAK1, 68) «Тот мальчик, который рассказал тебе сказку, знает ли ее **всю** до конца?».

Разделительно-выделительное:

Her «разный, всякий»: 1) İş adamları, zararlarını karşılamak için her çeşit eşyanın fiyatlarını yükselttiler. (SS Rg, 235) «Бизнесмены, чтобы возместить свои потери, подняли цены на самые разные вещи»; 2) Her iki yanına oturdular, kaldım ortalarında. (EŞ A, 42) «Оба сели рядом со мной, я оказался между ними»; 3) Bu kadarını her bir insan dile getirebilir. (Информант) «Все это может выразить всякий»; Gün gelir, her bir kuruşun hesabı mutlaka sorulur. (Информант) «Придет день, надо будет отвечать за каждый куруш».

Неопределенные:

Bazı/Kimi «некоторый»: 1) ...Nusret Ağa'nın gözlerinde bazı yaşlı beygirlerde rastlanan bakış vardı. (НВ АBB, 28) «...у Нусрета Аги был взгляд, который встречается у некоторых немолодых лошадей»; 2) Sonra, kimi zaman ayışığında, kimi zaman kör karanlıkta, küçük bir deftere ben gördüklerimi yazmaya çalışırdım. (OP BK, 23) «Впоследствии, иногда при лунном свете, иногда в кромешной тьме я пытался записывать все, что видел»; 3) ...deneylerimizi tartışırken, ben ayakta durur, kimi zaman da sinirli sinirli odada bir aşağı bir yukarı yürürdüm. (OP BK, 23) «...когда мы обсуждали наши эксперименты, я стоял, иногда нервно шагал туда-сюда».

Hiçbir «никакой»: 1) Sabah benzerimin evine giderken ona öğretililecek hiçbir şeyimin olmadığını düşünüyordum. (OP BK, 23) «Когда я утром шел в дом моего двойника, я размышлял о том, что у меня не было ничего, чему можно бы было его обучить»; 2) Hiçbir yolcu bu yokuşu çıkamaz. (Информант) «Ни один турист не может подняться на этот склон»; 3) Hiçbir sevgi vatan sevgisinden üstün değildir. (Информант) «Нет более возвышенной любви, чем любовь к отечеству».

Выделительные местоимения в сфере адъективного использования:

Kendi «свой, собственный»: 1) Belki ben de kendi kurallar bütünüümü oluşturur, kâğıda dökmeliyim... (EŞ A, 67) «Может быть, и мне следует сформулировать всю свою массу правил и записать их...»; 2) Nihayet kendi dünyasıyla başbaşa kalmıştı. (Информант) «Наконец, он остался один на один со своим собственным миром».

Öz «свой, собственный»: 1) Öz babanla bugün böyle konuşuyorsan... kim bilir büyüyünce düşmanlarınla nasıl konuşacaksın. (EŞ A, 61) «Если ты сегодня так разговариваешь с собственным отцом, кто знает, как ты будешь разговаривать со своими врагами, когда вырастешь»; 2) Benim için öz evladımдан farksızsınız. (Информант) «Для меня вы то же самое, что и мой собственный ребенок».

4. ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ (АДВЕРБИАЛЬНЫЕ) МЕСТОИМЕНИЯ

Обстоятельные указательные:

Böylece «так, таким образом»: 1) İşte böylece horozbinanın ölüsü, ki-reçli kayanın içine kalıbı çıkmış gibi işlenip kalmıştı. (AN ADS, 38) «И вот таким образом труп морской собачки остался в известковой скале, как будто его форма вдавилась в скалу»; 2) Bu konuşma da böylece bit-ti... Sonra ikisi de gözlerini Davut Bey'e dikip böylece kaldılar. (MCA A, 9) «Этот разговор так и закончился... После этого оба так и продолжали сидеть, уставившись в Давут Бейя».

Böylesine «так, подобно, в такой степени, настолько»: 1) Davut Bey' in Kâzım Bey. olmadığına inanmamışlar mıydı, yoksa benzerliğin böylesine hayran mı kalmışlardı, orası kesin olarak söylenemez. (MCA A, 9) «Или, может быть, они не поверили в то, что Давут Бей не Кязым Бей, или же были поражены столь большим сходством (двух людей). Этого нельзя утверждать с уверенностью»; 2) Şimdiyse kocası ilk kez böylesine aymaz davranıyordu. (EŞ A, 58) «А сейчас ее муж впервые вел себя так бесцеремонно».

Öylece «так, таким образом»: 1) Yatakta öylece uzanıp akan suyun sesini dinledi. (EŞ A, 89) «Вот так, растянувшись в постели, она слушала звук льющейся воды»; 2) Bunları duyunca öylece kalakaldık. (Информант) «Услышав все это, мы так вот и замерли (от удивления)».

Öylesine «до такой степени, настолько, так»: 1) Ben zaten onu öylesine severdim ki onu ya göklerin, ya denizin koynunda doğmuş sanırdım. (HB ABB, 26) «Я, собственно говоря, так его любил, что думал, что он родился или на небесах, или в пучине морской»; 2) Er ya da geç buluşmak vardı kaderimizde. Onu bulduğumda o derin, ela gözlerin neden öylesine mahzun baktığını öğrenecektim ve tabii bir de hazan mevsiminde bir gece yarısı nasıl öldürüleceğimi. (EŞ A, 65) «Нам было предначертано судьбой рано или поздно встретиться. При встрече мне предстояло уз-нать, почему так грустно смотрят те глубоко посаженные карие глаза, и, конечно же, то, как я буду убит в какую-нибудь осеннюю полночь».

Обстоятельные вопросительные:

Niye/Neve «почему, по какой причине»: 1) “Öyleyse yüzün niye yeli kesilmiş yelken gibi sarkıp duruyor” diye sordu. (HB ABB, 11) «В таком случае почему у тебя лицо обвисло, как парус в безветрие?»; 2) Neve gelmiş? Diye sordular. (AN ADS, 66) «“Почему он пришел?” — спросили они»; 3) O zaman niye devleti kızdırıp Almanya'ya kaçtın? (OP K, 106) «В таком случае почему ты в ущерб нашей стране уехал в Германию?».

Neden «почему, по какой причине»: 1) “Ortak” derken Paşa'nın göz-leri neden birdenbire karısının gözlerinden kaçmıştı. (HE SB, 1989, 130)

«Почему при упоминании слова “напарник” Паша вдруг отвел глаза от взгляда своей жены?»; 2) “Наси Аға seni **neden** ortaklıktan çıkardı?” diye sordu. (НВ АБВ, 23) «“Почему Хаджи Ага лишил тебя права быть напарником?” — спросил он»; 3) Bizler gibi sıradan bir insan olduğunu **neden** bir türlü kabullenmezsin? (ЕŞ А, 61) «Почему ты не принимаешь простых людей, таких как мы?».

Niçin «почему»: 1) ...oyuncak kayığının **niçin** ortadan kaybolduğunu... birden anladım. (НВ АБВ, 24) «Я вдруг понял... почему исчез мой игрушечный корабль»; 2) Ne **için** yaşıyoruz ve acıyı boşu boşuna **neden** çekiyoruz. (ОР К, 106) «Ради чего мы живем и почему мы впустую претерпеваем столько бед?».

Ne diye «чего ради»: Yıkılacağını bile bile **ne diye** yapıyorsunuz öyleyse. (AN ADS, 67) «В таком случае если вы прекрасно знаете, что они будут разрушены, то **чего ради** вы их строите?».

Neden+se «почему-то»: 1) Bu sevgiden mi, yoksa beygirlerе karşı duyduğu yakınlıktan mı; **her neden+se**, Nusret Ağa'nın gözlerinde bazı yaşlı beygirlerde rastlanan bakış vardı. (НВ АБВ, 28) «Из-за этой любви или из-за расположения, которое он испытывал к коням, у Нусрета Аги **почему-то** был взгляд, который встречается у некоторых немолодых лошадей»; 2) Ses etmedim. Her zaman böyledir zaten. Müşteriler benimle el sıkışmazdan evvel, **neden+se** tutup izahata girişirler. (ЕŞ А, 43) «Я не проронил ни слова. Ведь так бывает всегда. Прежде чем поздороваться со мной за руку, клиенты **почему-то** вдруг пускаются в объяснения»; 3) **Nedense** yazdıklarımı bir tek size beğendiremedim. (Информант) «**Почему-то** только от вас я не смог добиться одобрения всего, что я написал».

Обстоятельственные неопределенные:

Bazen «иногда»: 1) **Bazen** da dışarı çıkıp evin çevresini dolaşıyorlar, her yana adımlar atıp işaretler koyuyorlardı. (VÖ МААКІ, 27) «А **иногда** они выходили наружу, ходили вокруг дома, обмеряли все места шагами, расставляли вешки»; 2) **Bazen** sesinin tonu yüreğime dokunuyor. (Информант) «**Иногда** она говорит таким тоном, что это меня задевает».

Bir gün «однажды»: 1) Kasım Efendi **bir gün** Nusret Ağa'ya, vaktiyle memur olmadığına çok fena ettiğini anlattı. (НВ АБВ, 31) «**Однажды** Касым Эфенди объяснил Нусрету Аге, что тот очень плохо поступил, не став в свое время чиновником»; 2) **Bir gün** Kör Halit'in kahvesindeydim. (НВ АБВ, 41) «**Однажды** я находился в кофейне Кёр Халита»; 3) Çocuklar **bir gün** cevher getirmeye gitmediler. (VÖ МААКІ, 27) «**Однажды** дети не пошли за драгоценным камнем».

Kimi zaman «иногда»: **Kimi zaman** saatlerce susuyorlar, **kimi zaman** bir şey bulmuş gibi havalara sığrayıp neşeli neşeli konuşuyorlardı. (VÖ

М.А.А.К.И., 27) «Иногда они часами молчали, иногда, словно обнаружив что-то, высоко подпрыгивая, весело разговаривали».

5. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ (НУМЕРАЛЬНЫЕ) МЕСТОИМЕНИЯ

Количественные указательные:

Bunca «столько»: 1) “Sen bunca yıldır kendini çobanlığa verdin, hiç çobandan denizci olur mu?” derdik. (НВ АВВ, 19) «Мы говорили ему: “Ты столько лет был пастухом. Разве пастух может стать моряком?”»; 2) **Bunca zaman sizi görmedim. Ne çok özlemişim.** (Информант) «Я столько времени вас не видел. Как я соскучился!».

Bu kadar, o kadar, şu kadar «столь, в такой степени»: 1) Herkesin hayatına niye **bu kadar** karışyorsun? (EŞ A, 57) «Почему ты так часто вмешиваешься в жизнь всех?»; 2) Çocuk, **bu kadar** güzel bir şey görmemişti... (VÖ MA I, 18) «Дети не видели ничего столь красивого»; 3) **Karı o kadar** ağır di ki... (Информант) «Дверь была такая тяжелая!».

Количественные вопросительные:

Kaç «сколько»: 1) **Kaç kez** bizzat öğrendim bu şaşmaz kaideyi. (EŞ A, 60-61) «Сколько раз я лично узнавал это непреложное правило»; 2) **Sınav kaç kişi** girmiş? (Информант) «Сколько человек явились на экзамен?»; 3) “**Kaç** aldınız aynaları?” diye sordu masalı anlatan çocuk. (VÖ MAKA2, 40) «**По какой цене** вы купили зеркала?» — спросил мальчик, который рассказывал сказку».

Ne kadar «сколько»: 1) **Ne kadar uzun** olursa olsun (HE SB, 32) «Каким бы длинным он ни был»; 2) “**Ne kadar güzel**” (VÖ MAAKI, 12) «Как красиво!»; 3) **Hem ben kime ne kadar mal** verilecek nerden bileyim? (VÖ MAKA2, 21) «К тому же откуда мне знать, сколько товара, кому отпустить?».

Пример, содержащий указательные и вопросительные количественные местоимения **bu kadar, şu kadar «столько»:** Mesela, yirmi **şu kadar** sene, **şu kadar** ay ve gün evvel **ne kadar** maaşla, **nerede** ve **ne memurlukta** bulunduğunu, **daire arkadaşlarının kimler** olduğunu ve **nereye** becaуış edildiklerini hep hatırlar ve bilirdi. (НВ АВВ, 27) «Он всегда, например, помнил и знал, с зарплатой какой величины и где, в какой должности он был двадцать и столько-то лет, столько-то месяцев и дней тому назад, кто были его товарищи по работе и куда они были переведены».

Ne denli «насколько»: **Belli zamanlarda** hep belirli işleri yapmanın **ne denli** cansıkıcı olduğunu kimse biz tirenler kadar bilemez. (AN ADS, 19) «Никто в такой же мере, как мы, поезда, не знает, насколько скучно

бывает в определенные времена все время выполнять одну и ту же работу».

Her ne denli, her ne kadar «какой бы ни...»: Kurtlar da yırtıcı hayvanlarsa da, aslan, kaplan, pars **denli** güçlü değildiler. (AN ADS, 24) «Какими бы хищными зверями ни были волки, они не были такими же мощными, как львы, тигры и леопарды».

Nice «сколько»: 1) Nice kez ihtar ettik ama bir kulağından girdi, diğerinden çıktı. (EŞ A, 43) «Сколько раз предупреждали, однако в [букв. «через» одно ухо влетало, из другого [через другое] вылетало»; 2) ...**ni**-cedir fokur fokur kaynayan bir kazan (EŞ A, 55) «...котел, который бурно кипит вот уже много времени».

Количественные неопределенные:

Biraz «немного, немножко»: Yaşlı kurt bilgin, sözünün burasında **biraz+cık** durdu. (AN ADS, 25) «Пожилой волк-мудрец в этом месте своей речи **немного** помолчал».

Birçok «многие, довольно много»: 1) ...duvarlardaki küçük büyük yüklü **birçok** tabloları alâkasız gözlerle seyrederek uzun müddet dolaştım. (SA KMM, 68) «...я долго бродил, рассматривая без всякого интереса **довольно большое количество** развешанных по стенам мелких и крупных полотен»; 2) **Birçok** insan sokakta birbirlerini, "Aganta!" diye selamlıyorlardı. (HB ABB, 41) «**Многие** на улице приветствовали друг друга словом "Аганта!"».

Birkaç «несколько»: 1) **Birkaç** gün sonra babam: "Boş gezenin boş kalfası olarak ortada gezmek olmaz" dedi. (HB ABB, 26); «Спустя **несколько** дней отец сказал: "Нельзя шляться где попало, как слуга-бездельник бродяги-бездельника"; 2) Meydandan geçen **birkaç** kişi birdenbire, "Aganta!" diye bağırıldılar. (HB ABB, 41) «**Несколько** человек, проходящих по площади, вдруг закричали: "Аганта!"»; 3) Evi sattıktan **birkaç** gün sonra ahıra bir gemici uğradı... (HB ABB, 46) «Через **несколько** дней после продажи дома в конюшню заглянул моряк...»; 4) **Birkaç** çocuk daha onun yardımına gittiler. (VÖ MA I, 15) «Еще **несколько** мальчишек бросились ему на помощь».

VI. ПРЕДИКАТИВЫ

Немногочисленные в тюркских языках лексемы (например, тур. **gerek** «надо, нужен», **lâzım** «надо, необходимо», **var** «есть, имеется», **yok** «нет, не имеется») объединяются в самостоятельный лексико-грамматический класс свойственной каждой из них определенной

коммуникативной специализацией — выражать в речи содержание предиката суждения. Вследствие этого коммуникативного предназначения предикативы в тех тюркских языках, в которых процесс их специализации завершен, выступают в высказываниях почти исключительно в функции синтаксического (= лексического) предиката или сказуемого (в одной из форм именной категории сказуемости, т. е. в одной из именных финитных форм). В тюркском языкознании впервые выделены в особый лексический класс на материале азербайджанского языка Джумшудом Ахмедовым.⁴²

Примеры: 1) Babam: "Kalk oğlum, yolcu yolunda gerek!" dedi. (НВ АВВ, 17) «Вставай, сынок, — сказал отец, — путник нужен на своем пути»; 2) Onlarda ancak zamanın, gelmiş geçmiş şeylere verebileceği bir azamet ve güzellik var+di. (НВ АВВ, 17) «В них были те величие и красота, которые вещам, прожившим [свой срок на земле], может дать только время»; 3) Çamlıca'da bizim köşke yakın bir bakkal dükkânı var+di. (НВ SB, 188) «На Чамлыдже недалеко от нашего особняка была лавка бакалейщика»; 4) Evde insan yok+tu karasinekler var+di. (AN ADS, 8) «В доме людей не было, были осенние мухи»; 5) Ne var, ne yok? (Общепотребительная формула приветствия) «Что нового?» (букв. «Что есть, чего нет?»).

Иное употребление предикативов (в функции определения или дополнения) встречается в архаичных устойчивых словосочетаниях: Var gücüyle (EŞ A, 52) «изо всех сил»; Var kuvvetiyle «изо всех сил»; Yok devenin başı «чепуха, глупость»; Yok pahasına «за бесценок»; Hiç yok+tan kavga çıkardı «Устроил ссору без причины» (Информанты) и т. п.

VII. ОБЩЕИМЕННЫЕ КАТЕГОРИИ

1. ИМЕННАЯ КАТЕГОРИЯ ВТОРИЧНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (ВТОРИЧНОГО ГИПОСТАЗИРОВАНИЯ) «ФОРМА -KI»

Категория, о которой идет речь, представляет собой морфологический инструмент, чье функционирование может быть продемонстрировано следующим примером: турецкая лексема *yağın* представляет собой наречие со значением «завтра», а образованная от нее словоформа *yağın+ki* передает смысл «завтрашний», т. е. выражает признак. Можно было бы решить, что речь идет о лексемообразовательной

⁴² Ахмедов Дж. Предикативы в современном азербайджанском языке. Автореф. дис. ... к. филол. н. Л., 1970.

операции, т. е. об образовании прилагательного от наречия, но такие же операции совершаются и в исключительно словоизменительной области в случаях, когда невозможно допускать словообразовательного характера операции: $oda+m+da$ «в моей комнате» (обстоятельство) > $oda+m+da+ki$ «находящийся в моей комнате» (признак).

Значение лексемы *yağın* с диахронической точки зрения является результатом гипостазирования, т. е. в данном случае представления соответствующего явления реальности как *обстоятельства*. Под *гипостазированием* понимается способность человеческого сознания воспринимать посредством языка какое-либо явление реальной действительности в образе одного из частеречных классифицирующих значений (предмета, признака, обстоятельства или действия) и использовать его в качестве самостоятельной семантической языковой единицы, т. е. семантемы (значения).⁴³ Иными словами, имя существительное гипостазирует воспринимаемое индивидом явление как предмет (например, *дождь*), прилагательное — как признак (*дождливый*), большинство наречий — как обстоятельство (*дождливо, пасмурно*), глагол представляет явление как действие (ср.: русск. *моросить*, англ. *It is raining*, нем. *Es regnet*, фр. *Il pleut* «Идет дождь»). Если признавать значение наречия *yağın* «завтра» продуктом первичного гипостазирования, то операцию преобразования семантики и получения значения, которое представляется словоформой $yağın+ki$ («завтрашний»), оправданно трактовать как *вторичное* гипостазирование. То же самое справедливо, разумеется, и в отношении примера $oda+m+da > oda+m+da+ki$ и всех им подобных. В целом именная категория вторичного гипостазирования функционирует как *морфологическое средство выражения результатов мыслительных (семантических) операций представления обстоятельств места, времени или притяжательно-го отношения* ($baba+m+ın$ «отцов, отца» > $baba+m+ın+ki$ «отцовский») в образе признака или предмета: *Benim kitabımı al, senin+kin+i bana ver.* (Информант) «Возьми мою книгу, дай мне твою».

Примеры: 1) *Burun uzun ve tilki+nin+ki gibi.* (HE SB, 14) «Нос длинный, такой, как лисий»; 2) *Birinden dükkân, ev ve arka+sın+da+ki bostanımı bahçe kaldı.* (HE SB, 17) «От одного из них остались: лавка, дом и находящийся за ним сад, похожий на огород»; 3) *zaman+ın+da+ki bütün yaştları gibi* (HE SB, 17) «как все ее ровесники, которые жили в ее время»; 4) *...çevresindeki hava hiç de ahret havası değildi!* (HE SB, 26) «...атмосфера, которая царила вокруг нее, совсем не была атмосферой загробного мира!»; 5) *Ancak kara+da+ki+ler kana kana çıkıracak vakit*

⁴³ Leisi E. Der Wortinhalt: Seine Struktur im Deutschen und Englischen. 2 Aufl. Heidelberg, 1961. S. 23–25.

bulurlar. (НВ АBB, 23) «Только у тех, кто находится на берегу, есть время вдоволь наплакаться»; 6) Her insanın etrafında farklı renklerden bir hâle olur. **Bu adam+ın+ki** boza yakın, ölgün bir maviydi. (EŞ A, 53) «Вокруг (головы) каждого человека бывает нимб различных цветов. (Нимб) этого человека был почти серый, мертвяще синий».

Лексикализация. Словоформы именной категории вторичного гипостазирования способны подвергаться лексикализации. Признаком лексикализованности образования, во-первых, может быть повышенная частотность употребления (см. ниже примеры с местоимением *öteki* «тот, другой», прилагательным *dünkü* «вчерашний»); во-вторых, поскольку в продуктивных словоформах аффикс *-ki* не подчиняется гармонии гласных, таковым может быть и сингармонический облик лексемы (*dünkü*); в-третьих, завершение словоформы в речи аффиксом принадлежности 3-го лица (следующим за аффиксом *-ki*) может свидетельствовать по меньшей мере об окказиональной лексикализации (субстантивации или адъективизации): 1) *Öteki babamın koluna girdi. Onu dükkânın dibine çekti.* (НВ АBB, 18) «Тот, другой взял моего отца под руку. Увел его внутрь лавки»; 2) *Çocuk bunun, tam dünkü cevherin büyüklüğünde olduğunu, bakar bakmaz anladı.* (VÖ МААКІ, 19) «Мальчик с первого взгляда понял, что этот драгоценный камень той же величины, что и вчерашний»; 3) *Ama umudum var, dedi, benim+ki+si bir umut... Dışarıyı aydınlık kaldıkça bende bu umut sönmez.* (AN ADS, 10) «Но у меня есть надежда, все, что у меня есть, это только надежда... Пока снаружи светло, эта надежда во мне не погаснет».

2. ИМЕННАЯ КАТЕГОРИЯ СКАЗУЕМОСТИ

Под именной категорией сказуемости понимается совокупность финитных форм, в которых лексемы именных классов (т. е. существительные, прилагательные, наречия, числительные, местоимения и предикативы) выступают в высказываниях в функции сказуемого.⁴⁴ «Отенок в слове, показывающий, что слово соответствует не представлению только, а целой мысли, называется в синтаксисе сказуемостью. Сказуемость — это грамматическая категория, и притом важнейшая из категорий, так как в ней тесно сплетаются речь с мыслью».⁴⁵ Выделение частных категорий в составе именной категории сказуемости связано с тем, что они обладают разными категориальными значениями.

⁴⁴ Севортян Э. В. Категория сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология / отв. ред. Н. А. Баскаков. М., 1956. С. 16–21.

⁴⁵ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938. С. 172.

Категория индикатива именной категории сказуемости конструируется двумя финитными формами, значение которых сигнализирует о прямом соответствии содержания высказывания объективной реальности соответственно в настоящем или прошедшем времени. Ввиду наличия у последних механизма формоизменения (спряжения), т. е. представления субъекта суждения одним из значений лица, каждая из них (по аналогии с рассмотренной выше субстантивной категорией принадлежности) может трактоваться как одна из частных категорий общей категории сказуемости.

Форма настоящего времени состоит из основы и личного аффикса сказуемости. В речи она представлена словоформами типа: *öğrenci+yim, öğrenci+sin, öğrenci+(dir), öğrenci+yiz, öğrenci+siniz, öğrenci+(dir)(ler)* («я учащийся», «ты учащийся» и т. д.): 1) *O zamandan beri gezgin abdal+ım. Yeryüzünde ebedi sürgünde+yim.* (EŞ A, 62) «С тех пор я странствующий дервиш. Пребываю в вечной ссылке на земле»; 2) «*Sen de öyle+sin*». (EŞ A, 61) «И ты такой же»; 3) *Yaşı ve sosyal durumu uysun uymasın her hoşuna gidenle dost+tur.* (HE SB, 25) «Она друг каждого; кто ей нравится, независимо от возраста и социального положения»; 4) *Dikkat! Sadece kirli bardak için+dir.* (Надпись в столовой) «Внимание! (Стол предназначен) только для грязных чашек».

В отрицательной форме используется служебный показатель именного отрицания *değil*: 1) *Arkadaşlar, "Süleyman, bu rüzgâr değil bizi, ökü-zün boynuzlarını bile başından uçuracak..." dediler.* (HB ABB, 23) «Товарищи сказали: "Сулейман, это ветер, который не только нас унесет, но и сорвет с быка его рога..."»; 2) *Ağzı var dili yok dervişlerden değil+im.* (EŞ A, 62) «Я не из тех дервишей, у кого есть рот, но нет языка»; 3) *Çalınan ve kaybolan eşyalardan ArmoniPark sorumlu değil+dir.* (Надпись в подземном гараже торгового центра) «АрмониПарк не ответствен за украденные и потерянные вещи».

Форма прошедшего времени (с морфемой *idi* + личные формоизменяемые морфемы) представляется в речи словоформами типа: *öğrenci idim ~ öğrenci+ydim, öğrenci idin ~ öğrenci+ydin, öğrenci idi ~ öğrenci+ydi, öğrenci idik ~ öğrenci+ydik, öğrenci idiniz ~ öğrenci+ydiniz, öğrenci idi(ler) ~ öğrenci+ydi(ler)* («я был учащимся», «ты был учащимся» и т. д.): 1) *Yedi yaşında adamakıllı ev işi gören bir kız+dı.* (HE SB, 22) «В семь лет она была девочкой, которая как следует справлялась с домашними делами»; 2) *Ben o zaman çocuk+tum...* (HB ABB, 17) «В то время я был ребенком...»; 3) *Fakat dükkânın yegâne cazibesi gümrük ambarına benzemesi değil+di.* (HB ABB, 27) «Однако единственной привлекательной особенностью лавки было ее сходство с таможенным амбаром»; 4) *Yüzünü benden yana çevirmişse de sözü kamu+ya+ydı.* (EŞ A,

52) «Хотя его лицо было обращено ко мне, его речь (предназначалась) всем»; 5) *Takriben on yaş+ın+da+ydım.* (EŞ A, 61) «Мне было приблизительно десять лет».

Форма индирективности (опосредованности) именной категории сказуемости, значение которой сигнализирует о том, что говорящий в прошлом или настоящем получил передаваемую информацию опосредованно, т. е. или от какого-либо лица типа «говорят, как я слышал» (нарративный, пересказывательный смысл), или отталкиваясь от факта, дающего основание для умозаключения о том, что событие имело место, типа «судя по тому, что» (инференциальный смысл), имеет морфему **(i)mış** и формоизменительные личные морфемы 1-й категории (*öğrenci imiş+im ~ öğrenciymiş+im, öğrenci imiş+sin, öğrenci imiş+ø, öğrenci imiş+iz, öğrenci imiş+siniz, öğrenci imiş+ler* «говорят/оказывается, я учащийся, говорят/оказывается, ты учащийся» и т. д.): 1) *İnsanların içinde vicdan denilen bir şey var+mış, arada bir sancırmış.* (НВ АBB, 10) «**Говорят, есть** в человеке что-то, что называют совестью. Время от времени оно болит»; 2) *Babası Ermeni, annesi beyaz Rus, ya da Gürcü+ümüş.* (VT BGTB 23) «**По слухам** его отец армянин, мать из белых русских или грузинка»; 3) «*Sayın gelircibaşı, torbacılardan biri geldi. Size söyleyecek çok önemli bir şeyi var+mış,*» dedi. (VÖ МАКА2, 26) «Он сказал: «Уважаемый начальник, пришел один из коробейников. **По его словам** у него есть что-то очень важное, что он должен сказать тебе»; 4) *Ben hasta+umış+ım.* [Слова человека, вышедшего из кабинета врача] «**Оказывается, врач** сказал, что я болен».

Форма условности именной категории сказуемости (с морфемой **ise** + личные формоизменительные морфемы) имеет значение, которое сигнализирует о том, что выражаемое финитной словоформой суждение мыслится как условие какого-либо другого события (*öğrenci ise+m ~ öğrenciyse+m, öğrenci ise+n, öğrenci ise+ø, öğrenci ise+k, öğrenci ise+niz, öğrenci ise+ler* «если я учащийся, если ты учащийся» и т. д.): 1) *Şayet Allah burada+yşa (< burada ise) ve başımıza türlü türlü felaket gelirken paramağın dahi kimıldatmıyorsa, bu nice Rab'dır, söylesene?* (EŞ A, 51) «**Если Аллах пребывает** здесь и даже пальцем не пошевелит, когда на нашу голову обрушиваются разные несчастья, то, скажи, каков же это Господь?»; 2) *Benimleyseniz (< benim ile+iseniz), siz de ummana dalın.* (EŞ A, 61) «**Если вы со мной,** тоже погрузайтесь в океан».

Форма «утвердительной» модальности именной категории сказуемости имеет морфему **-Dir**, алломорфы которой располагаются в словоформах после показателей лица. Имеет модальное значение, которое позволяет передавать в речи широкий спектр предположительных смыслов: 1) *Biz aslında hikâyede anlattığımdan da birbirimize yakın+dır...*

(ОР К, 110) «По сути дела, мы, **может быть**, даже более близки друг другу, чем я это пишу в моем рассказе...»; 2) AŞK'ın hiçbir sifata ve tamlamaya ihtiyacı yoktur. Başlı başına bir dünyadır aşk. Ya tam **orta+sın+da+sın+dır**, merkezinde, ya da **dış+ın+da+sın+dır**, hasretinde. (EŞ A, 9) «Любовь не нуждается в эпитетах. Любовь — это самостоятельный, цельный мир. Или ты, **может стать**, посреди него, в центре его, или же ты, **быть может**, вне его (пребываешь) в тоске и печали».

3. ИМЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ФОРМЫ В ФУНКЦИИ ПРЕДИКАТА

Речь идет о двух употребительных образованиях, которые весьма напоминают формы именной сказуемости и часто выполняют функцию синтаксического предиката. С точки зрения реализуемой в настоящей работе концепции от сказуемых они отличаются тем, что в морфологическом отношении не могут признаваться финитными формами. Было бы непоследовательно считать их сказуемыми.

Обстоятельственная форма предиката — форма с показателем -(i)ken (значение «когда»): 1) ...sıçan berber iken, ben on beş yaşında iken... (слова из сказки)⁴⁶ «...когда крыса была брадобреем, а мне было пятнадцать лет...»; 2) Babamın sesi beni dalmış olduğum düşüncelerden çekip çıkardı: “**Seferdeyken**” diyordu “insan gece gündüz dümende bir insan görmeye alışır. **Limandayken** dümeni yapayalnız görünce, hele iğnecikleri üzerinde sağa sola kayarken ‘cılık!’ edişini duyunca, insana acı bir gariplik gelir. Limanda **demirliyken** kayığa ayak basamıyorum”. (НВ АBB, 24-25) «Голос отца оторвал меня от мыслей, в которые я погрузился. “**Когда мы в походе**, — говорил он, — привыкаешь к тому, что и днем, и ночью за штурвалом есть человек. А когда мы в порту, увидя, что за штурвалом никого нет, особенно когда испытываешь озноб, чувствуя, что по тебе мурашки бегают, испытываешь странные горькие чувства. Когда мы в порту на якоре, я не в состоянии (даже) ступить на корабль”».

Обстоятельственная форма предиката с показателем (değil) imiş+ø gibi (значение «как будто»): 1) Sonra bu soruyu soran o **değilmiş** de, uzaktan gelip dükkânın içine giriveren bir **yabancı+ymış gibi** şaşaladı, durdu... (НВ АBB, 25) «Затем как будто не он задавал этот вопрос, как будто был чужаком, который неожиданно зашел в лавку и удивленно замер...»; 2) ...size cam **gibi imiş+siniz** de ötenizde bir ufka **bakıyorlarmış gibi** bakarlar... (НВ АBB, 35) «...смотрят на вас так, как будто вы стеклянный, а они смотрят (сквозь вас) в сторону горизонта вдали...»; 3) Kar baba, sanki **canlı+ymış gibi** dimdik, dipdiri duruyordu. (AN ADS, 88) «Снежная баба, словно живая, стояла прямая, неподвижная».

⁴⁶ Джикия С. Турецкая хрестоматия. 2-е изд., доп. Тбилиси, 1971. С. 19.

VIII. ГЛАГОЛ

1. ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ ГЛАГОЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ

Глагол — это лексема, означающая действие, т. е. любое явление реального или воображаемого мира, которое носители данного языка воспринимают как действие. Следовательно, любое явление, коль скоро оно означает глаголом, представляется как действие. Глаголы объединены в один лексико-грамматический класс той родственностью, однородностью значений, которая многими исследователями именуется классифицирующим значением процессуальности. Расхожее мнение, согласно которому глагол означает действие или состояние, игнорирует интерпретационную природу классифицирующих значений и является следствием подмены содержания языкового значения представлением из области наивной физики исследователя. «В категории глаголов, — писал Л. В. Щерба, — основным значением, конечно, является только действие, а вовсе не состояние, как говорилось в старых грамматиках».⁴⁷

Глагольное словоизменение понимается в настоящей работе как языковой механизм такого оперативного грамматического преобразования знаменательных или служебных глагольных слов (в речи), которое преследует цель сопряжения лексических (знаменательных или служебных) смыслов со служебными, не нарушает тождества слова самому себе и находит речевое воплощение в построении глагольных словоформ. В турецком языке словоизменительные операции преследуют содержательно-коммуникативные цели: 1) передачи информации о связях (залоговые формы, финитные формы) или о второстепенных свойствах (формы категории аспектуальности) тех действий в реальном или воображаемом мире, которые называются исходными глагольными основами; 2) вторичной репрезентации, т. е. представления действия в именных образах предмета (*gel+me* «приход, прихождение»), признака (*gel+en* «приходящий») или обстоятельства (*gel+erek* «приходя»).

В отличие от глагольного словоизменения глагольное лексеобразование трактуется как совокупность средств порождения глагольных лексем внутри языковой системы (а не в речи), в значениях которых отражены и закреплены какие-либо действия, процессы, имеющие место во внешнем мире.

---

⁴⁷ Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. С. 91.

В соответствии со сформулированным содержанием понятий «глагол» и «глагольное словоизменение» под *словоизменительной глагольной формой* оправданно понимать минимальную структурную единицу словоизменительного механизма языка, представляющую собой абстракцию, на основании которой производится порождение конкретной разновидности глагольных словоформ (речевых образований) с целью (если отвлечься от случаев вторичной репрезентации (вторичного гипостазирования); см. об этом ниже) передачи информации о связях или второстепенных свойствах действий, называемых исходными основами. Логично полагать, что в формах отражены и закреплены программы, совокупности правил, модели, по которым строятся глагольные словоформы в речи.

Глагольная (словоизменительная) категория в таком случае должна трактоваться как более крупная структурная морфологическая единица, т. е. совокупность форм, функционирующих или как средства передачи информации о связях или о второстепенных (несущественных) свойствах действий, или как средства вторичной репрезентации действий в образах предметов, признаков или обстоятельств.

2. ПРОДУКТИВНОЕ ЛЕКСЕМООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛА

Как было отмечено выше, в настоящей работе глагольное лексеобразование трактуется как совокупность средств порождения глагольных лексем, в значениях которых отражены и закреплены какие-либо действия, процессы, имеющие место во внешнем, объективном мире.

Морфема -la (по-видимому, наиболее производительное глаголообразующее средство): bağ+la+mak «связывать», baş+la+mak «начинать», bek+le+mek «ожидать», çaba+la+mak «стараться», uka+la+mak «хватать».

Морфема -IAn: 1) “İnsan kadın kısmı için **dert+Ien+ir** mi?” (НВ АВВ, 10) «Разве можно **переживать** из-за женщин?»; 2) Nihayet iki dağların arasında sıkışan ova, Karakaya Boğazı denilen yerde **boğaz+Ian+dı**. (НВ АВВ, 15) «Наконец, зажатая между двумя горами долина в месте, которое называют Каракая Богазы, **превратилась в узкий проход**»; 3) ... birbirine **yas+Ian+mış** barakamsı evler... (НВ АВВ, 18) «**прислонившиеся друг к другу** похожие на бараки дома».

Морфема -Iaş: 1) Fakat Rabia gülmedi. Hatta kaşlarının arasındaki çizgi **derinleşti**. (НВ SB, 1989, 187) «Но Рабия не улыбнулась. Бороздка между ее бровями стала даже **глубже**»; 2) Babamın sesi **donuk+Iaş+tı**. (НВ АВВ, 24) «Голос отца **стал слабее**»; 3) Bu sıcak hamur gittikçe soğuyarak **sert+leş+miş, kaya+Iaş+mıştı**. (AN ADS, 38) «Это горячее тесто постепенно затвердевало, становилось твердым, как камень».

2.1. Лексемообразование глагола путем лексикализации

1) Ellerini deliğe soktu, ışığa daldırdı. Işık ellerinin arasında maddeye dö-nüştü. (VÖ MAAKI, 19) «Он сунул руку в отверстие, погрузил ее в свет. Свет между его руками превратился в твердый предмет» (глагол — лексикализовавшаяся форма взаимного залога); 2) Gene denedi ama başka cevher oluşmadı. (VÖ MAAKI, 19) «Он снова сделал попытку, но драгоценный камень не образовался».

2.2. Непродуктивное лексемообразование

Глаголы с морфемой **-(İ)ştİr**, имеющие в своем значении сему «уча-щательного» акционсарта, «интенсифицирующую» значение производящей основы:⁴⁸ 1) Vicdan sızısının da ilacını buldum. Rakıyı verip **ver+iştir+dim**, kara dünya günlük, güneşlik oldu. (НВ АBB, 11) «Я нашел и лекарство от угрызений совести. Утощал раки, пускался в разговоры, неприветливый мир стал светлым, солнечным»; 2) “Ne var, ne oldu?” Diye sordum. “Neden **çek+iştir+iyorsun** kolumu?” (EŞ A, 49) «Что происходит, что случилось? — спросил я, — что ты вцепился в мою руку?»; глагол sıkıştırmak «запихивать, втискивать», в значении которого, как представляется, отсутствует вышеназванная аспектуальная сема: Am-camın beline sardığı denizci kuşağı bana sonsuzluk kadar uzun geldi. An-nemden iplik iğne, babamın eski donundan da bir parça bez aldı. Onları, tabakası, çam çubuğu ve denizci bıçağını... kuşağının önüne **sık+iştir+dı**. (НВ АBB, 9) «Матросский кушак, которым опоясался дядя, показался мне бесконечно длинным. У матери он взял нитки, иголки, кусок ткани от старых брюк отца. Все это, табакерку, сосновую палку и матросский нож... он засунул за кушак спереди».

Форма **-(A)ğ** означает изменение по признаку, называемому производящей основой: Yolumuzun burasında Cenevizlilerin şatosu **kara+r+mış**, ortasında bir Selçuk kulesi **ağ+ar+mıştı**. (НВ АBB, 17) «Тут на нашем пути возникал темный силуэт замка генуэзцев, там — светлая сельджукская башня».

2.3. Словосложение

Словосложение — продуктивный и употребительный способ глагольного лексемообразования, посредством которого создаются составные лексические единицы, носители значений, или отражающих усложненные ситуации, или содержащих дополнительные акционсартовые

⁴⁸ Ср.: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 209 (§ 415).

характеристики действия: 1) ...bizim koca kayak gözle kaş arasında yapıp çatıldı. (НВ АBB, 12) «...наша большая лодка была изготовлена в один миг»; 2) Geri döndüklerinde telesekreterin kırmızı ışığının yanıp söndüğünü gördü. (EŞ A, 107) «Когда они вернулись, она увидела, что красный огонек телефона мигает»; 3) Marniş sürekli koruyup kollamana gerek yok. (EŞ A, 107) «Мамочка, не надо постоянно оберегать меня»; 4) Her iki kutup arasında gidip geliyorum: Ya çok müdahaleci oluyorum, ya tamamen edilgen. Ya sevdiklerimin hayatına fazla karışıyorum, ya da olan biten karşısında seyirci kalıyorum. (EŞ A, 109) «Я все время спую между двумя полюсами, то становлюсь агрессивной, то совершенно пассивной. Или более, чем надо, вмешиваюсь в жизнь любимых мной людей, или же остаюсь (безучастным) наблюдателем перед происходящими событиями».

3. СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ГЛАГОЛА

3.1. Категория залога

Учение о категории залога в тюркских языках находится на стадии разработки. Одни авторы рассматривают залоговые формы или показатели как «деривативные» (словообразовательные) средства,⁴⁹ другие — как «лексико-грамматические»,⁵⁰ третьи — как словоизменительные.⁵¹ При этом, как правило, мнения высказываются декларативно, т. е. без достаточного теоретического обоснования. Исключение составляет оригинальная попытка С. Н. Иванова обосновать «лексико-грамматическую» природу категории залога в староузбекском языке: «Ее лексическая, словообразовательная сущность проявляется в том, что аффиксы производных основ образуют новые по сравнению с исходными основами лексические единицы, характеризующиеся новыми объектными связями... Ее грамматическая, словоизменительная сущность заключается в том, что те же аффиксы выражают характеристику субъекта действия, которое обозначено исходной глагольной основой: одна и та же лексическая единица (исходная основа) получает

⁴⁹ См., напр.: *Deny J. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli)*. Paris, 1921. § 570–595. P. 362–380 (Ж. Дени включает в число залоговых образований также и формы отрицания и невозможности).

⁵⁰ *Иванов С. Н.* Родословное древо Абу-л-Гази-Хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969. С. 117–134.

⁵¹ Библиографию и анализ существующих точек зрения см. в: *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962. С. 448–544; *Благова Г. Ф.* Заметки о взаимно-совместном залогe // Советская тюркология. 1976. № 6. С. 46–47.

различную грамматическую модификацию в связи с различной квалификацией субъекта действия». ⁵² В этом утверждении обращает на себя внимание то обстоятельство, что связь словообразовательной природы залоговых форм с появлением новых объектных отношений и с различной квалификацией субъекта действия принята как аксиома.

В настоящей работе предпринимается попытка обосновать точку зрения, согласно которой факты тюркских языков свидетельствуют о том, что *залоговые формы представляют собой морфологические средства передачи той или иной разновидности отношений между действиями и связанными с ними предметами*. В категорию залога формы объединяются на основе родственности, однородности своих охарактеризованных нами значений.

3.1.1. Проблема основного залога

Как было показано выше, в разделах о субстантивных категориях множественности и склонения, с функциональной точки зрения в названных категориях не удается обнаружить компонент с нулевым показателем, т. е. соответственно форму единичности и форму именительного («основного») падежа, которые имели бы служебные значения, характерные для категорий числа и склонения. В обоих случаях приходилось констатировать реализацию одного из фундаментальных принципов устройства агглютинативных языков: нет аффикса — нет и формы с нулевым показателем, а значит, не задействована и соответствующая категория.

Этот же принцип релевантен и в отношении «основного», или действительного, залога, иллюзорное представление о наличии которого в тюркских языках также является следствием приписывания последним свойств флективных индоевропейских языков. Правда, и здесь следует воздать должное проницательности О. Н. Бётлингк, в якутской грамматике которого исследуются залого (*genera verbi*): возвратный (*reflexiva*), страдательный (*passiva*), понудительный (*causativa*), взаимно-совместный (*cooperativa* и *reciproca*), — но действительный залог даже не упоминается. ⁵³

В индоевропейском языкознании, опирающемся на строй флективных языков, обычным считается следующее представление: «В залоговые системы каждого языка обычно входит морфологически исходная форма активного (действительного, основного) залога (актива), когда субъект действия, например, в рус. яз., выступает в им. п. и занимает

⁵² Иванов С. Н. Родословное древо... С. 133.

⁵³ Böhlingk O. Über die Sprache der Jakuten. SPb., 1951. § 692–707. S. 268–271.

позицию подлежащего, а объект действия выступает в вин. п. и занимает позицию прямого дополнения ("рабочие строят дом"). Выделяются также морфологически производные формы з[алога]...». ⁵⁴

В отношении же агглютинативных языков справедливо иное представление: то, что с точки зрения закрепленной в языковой системе картины мира является само собой разумеющимся, не нуждается в специальном выражении. Поскольку агентивная связь действия и предмета признается обычной, нормальной, само собой разумеющейся, нет и необходимости в языковых средствах сигнализации о ней. Это означает, что сама по себе глагольная основа без залогового показателя индифферентна к характеру отношений между действием и связанным с ним предметом. Иными словами, она лишена какого-либо значения, которое сигнализировало бы о какой-либо разновидности таких отношений.

Автору настоящей работы уже приходилось констатировать, что лексемы и служебные морфемы в тюркских языках характеризуются «относительной функциональной автономностью». ⁵⁵ В этом отношении морфемы ничем не отличаются от служебных лексем (послелогов, союзов, многих частиц и т. п.). Присущая им относительная необлигаторность (необязательность) и употребление показателей одной и той же категории (в данном случае залоговых) друг с другом в одной и той же словоформе (Mektup yaz+dır+ıl+dı. «Письмо было написано по воле [кого-либо]») имеют следствием неопозитивный характер отношений между составляющими категорию формами. ⁵⁶ Отсутствие материального показателя у слова в речи отнюдь не замещается значимым отсутствием, и, следовательно, неаффигованная основа не обладает соответствующим служебным значением и не имеет отношения к категории, конституируемой рядом форм с родственными, однородными значениями. При этом каждая форма имеет собственную морфему, реализуемую в речи в виде аффикса.

Если бы в тюркских языках был действительный залог, то он, очевидно, имел бы агентивное значение, т. е. означал бы активное отношение между действием и предметом и сигнализировал бы о том, что предмет есть агенс, производитель действия.

Наиболее убедительно об отсутствии сформулированного значения у лишенной залогового аффикса глагольной основы свидетель-

---

⁵⁴ Храковский В. С. Залог // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 160–161.

⁵⁵ Гузев В. Г., Насилов Д. М. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология. 1981. № 3. С. 32.

⁵⁶ Ср. аналогичное рассуждение в работе: Еловков Д. И., Касевич В. Б. Некоторые проблемы лингвистики в свете материала языков Юго-Восточной Азии. С. 76.

ствует функционирование глагольных субстантивно-адъективных форм (в турецком языке с морфемами -Dik, -(y)AcAk), традиционно смешиваемых грамматистами с причастиями (см. раздел «Категория номинализации действия (категория вторичного гипостазирования)»). Эти весьма употребительные и имеющиеся во всех тюркских языках глагольные средства при атрибутивном использовании (точнее, выступая в речи в функции приименного определения) без залоговых аффиксов не несут никакой информации о характере взаимоотношения представляемого как признак действия и предмета — носителя признака, оставляют это взаимоотношение без выражения. Об этом «оставляемом без выражения» (Эдуард Сепир) смысле слушающий должен догадываться при восприятии, декодировании высказывания, опираясь на контекст, на свое фоновое знание, на логику взаимоотношений элементов реальности и т. п.

Примеры: 1) *Göç+tük yurdun kadri kon+duk yurtta bilinir.* (Устар. посл.) «Ценность страны, откуда переселились, познается в стране, куда обосновались»⁵⁷ (смыслы «откуда» и «где» не выражены в турецком тексте); 2) *Söyle+yecek bir şey+im yok.* (NH YGŞK, 484) «Мне нечего сказать» (букв.: «У меня нет чего-либо, что можно бы было сказать»); 3) *...bir damla iç+ecek su bulamadan...* (EChGSA, 271) «...не будучи в состоянии найти хоть каплю воды для питья...» (выделенные конструкции двух последних примеров оставляют без выражения «страдательные» смыслы); 4) *Durup kendimizi topl+uacak vakt+imiz yoktu.* (EChGSA, 274) «У нас не было времени, чтобы остановиться и собраться с силами» (время характеризуется как такое, которого достаточно для остановки и отдыха бойцов); 5) *Bulmuşlar para isti+yecek adamı!* (YY SH, 44) «Нашли, у кого просить деньги!» (определяемое называет объект (человека), у которого можно требовать деньги).

Приведенные примеры призваны продемонстрировать отсутствие у «чистых» глагольных основ, т. е. основ, не имеющих залоговых показателей, каких-либо «залоговых» значений, их неспособность выполнять функцию знака, сигнализирующего о характере взаимоотношений действия и предмета, поскольку этот характер попросту никак не выражен. А это обстоятельство свидетельствует и об отсутствии в турецком языке действительного (основного) залога.

Сказанное не означает, что в турецком языке вообще отсутствуют средства эксплицитной сигнализации об активном, агентивном взаимоотношении действия и предмета. Агентивная сема, тождественная

⁵⁷ Айляров Ш. С. Развернутые члены предложения в современном турецком языке. М., 1974. С. 123; Aksoy Ö. A. Atasözlere ve Deyimler Sözlüğü. I. Atasözlere Sözlüğü. İstanbul, 1997. S. 288 ([N] 1266).

значению отсутствующего действительного залога, без труда обнаруживается в составе сложных значений собственно причастий, т. е. форм, имеющих морфемы $-(y)An$, $-mİş$ и $-(A)r/-mAz$ (см. подраздел «Категория причастий (адъективных форм глагола)» в разделе «Категория номинализации действия (категория вторичного гипостазирования)»). Однако это обстоятельство лишь подчеркивает *отсутствие* в сфере турецкого словоизменения *специальной морфологической структурной единицы* с агентивным значением, которая была бы компонентом категории залога.

3.1.2. Форма взаимно-совместного залога

Коммуникативно-функциональные свойства формы взаимно-совместного залога, имеющей служебную морфему $-(İ)ş$, являют собой прекрасную иллюстрацию необходимости разграничения понятий «значение» и «смысл» (см. об этом выше).

В грамматиках тюркских языков обыкновенно утверждается, что взаимно-совместный (или просто «взаимный») залог имеет два «значения»: «взаимно-возвратное» (...derhal **kucakla+ş+tık, öp+üş+tük**. (R. Halid. İst. bir yüzü) «...мы тотчас **обнялись, поцеловались**»; “Vay Süleyman!” Vay Fehmi diye **kucaklaştılar**. (НВ АВВ, 18) «Они **обнялись**, восклицая: “А, Сулейман!” “А Фехми!”») и «взаимно-невозвратное» (Onu gören çocuklar oyunlarını bıraktılar. **Vağır+ş+arak kaç+ış+tılar**. (S. Derviş. Karanlıkta ayak sesi) «Дети, увидевшие ее, оставляли свои игры. **С криком (все вместе) разбегались**»⁵⁸).

Анализ передаваемых словоформами взаимно-совместного залога в турецкой речи смыслов убеждает в том, что во всех случаях функционирования продуктивных образований присутствует общая семантика — сигнализация о том, что называемое исходной основой действие связано не с одним, а с множеством производителей, т. е. каким-либо количеством более одного. Именно этот семантический инвариант, как представляется, и является *значением* этой формы. В его содержании едва ли отражены все остальные, более конкретные отношения действия с предметами или предметов-производителей между собой (включая, разумеется, упомянутые выше). Последние представляются (чаще всего окказиональными) *смыслами*, которые могут или эксплицитно выражаться, или не быть выраженными и воспринимаются (оказываются полученными) слушающим в результате декодирования высказывания на основании какого-либо фонового знания. При

⁵⁸ См., напр.: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 192 (§ 366–372).

таком подходе залоговая форма предстает как *однозначная, но много-
смысловая*.

В свете сказанного форма взаимного залога как *языковая единица* может быть определена как словоизменительная форма, посредством которой производится оперативно-грамматическое (морфологическое) преобразование глагольного слова в речи с целью передачи информации о том, что действие связано с каким-либо множеством производителей. Ее значение представляет собой абстракцию, в которой отражено и закреплено наличие у действия более одного производителя. При этом сформулированное значение формы чаще всего передает две разновидности конкретных *смыслов* — совместности и взаимности.

Совместность: 1) Baktılar, balıklar suda takla atarak *oyna+ş+ıyorlar*. (VÖ MAAK I, 6) «Посмотрели: рыбы, кувыркаясь в воде, *играют [друг с другом]*»; 2) Çocuklar çimenlerde *koş+uş+tular*. (VÖ MAAK I, 6) «Дети [*все вместе*] побегали по лужайкам»; 3) Ve aynacı ustasının kapısı, ayna almak için *bekle+ş+en* çocuklarla doldu. (VÖ MAAK II, 48) «И вход [в мастерскую] зеркальщика наполнился детьми, которые [*все вместе*] ждали, чтобы купить зеркало»; 4) Ağaçlarda yüzlerce kuş, *öt+üş+erek* kuş şarkıları söylüyordu. (VÖ MAAK I, 6) «Сотни птиц на деревьях, *распевая дружно, пели птичьи песни*».

Взаимность: 1) Seyirciler birbiriyle çabucak ahbar olur, bildikler *şakala+ş+ır*. (NH YGŞK, 397) «Зрители быстро становятся друзьями, знакомые *обмениваются шутками*»; 2) Arslanlarla kaplanlar *boğ+uş+acak* birbiriyle. (NH YGŞK, 400) «Тигры и львы *сцепятся друг с другом*»; 3) Çocuklar da el ele *tut+uş+arak* dans ettiler. (VÖ MAAK I, 6) «И дети, *взявшись за руки, стали танцевать*».

Следует обратить внимание на то, что приобретение переходным глаголом значения взаимного залога не затрагивает его способности быть дополняемым при прямом дополнении: 1) İsmaille el sık+ı~~ş~~+tık. (NH YGŞK, 458) «Мы с Исмаилом *пожали друг другу руки*»; 2) [İsmet] Paşa ile bu *görüşleri payla+ş+ıyorduk*. (газ. «Cumhuriyet». 14.04.1975. S. 2) «[Мы оба,] [Исмет] Паша и я, *разделяли эти взгляды*»; 3) Sayın yolcularımız, *dilek, öneri ve şikayetlerinizi* lütfen bizlerle *paylaşın!* (Письменное обращение к пассажирам на пристани Üsküdar) «Дорогие наши пассажиры, пожалуйста, *делитесь с нами вашими пожеланиями, предложениями и жалобами*».

Расхожее мнение, согласно которому форма взаимно-совместного залога в турецком языке менее употребительна, чем другие залоговые формы, едва ли имеет под собой серьезное основание. Вместе с тем эта турецкая форма не столь активна, как взаимный залог в некоторых

других (скажем, в кыпчакских и карлукских) тюркских языках, где она соперничает с глагольной финитной формой 3-го лица множественного числа и сужает зону функционирования последней.⁵⁹

Приобретение переходным глаголом значения взаимного залога не затрагивает его способности быть дополняемым при прямом дополнении: 1) İsmaille el sık+ıř+tık. (NH YGŞK, 458) «Мы с Исмаилом **пожали друг другу руки**»; 2) Ekmeđi bđl+üř+erek yediler. (Информант) «Они съели хлеб, **поделив его между собой**»; 3) Sayın yolcularımız, dilek, öneri ve řikayetlerinizi lütfen bizlerle **paylaşın!** (Письменное обращение к пассажирам на пристани Üsküdar) «Дорогие наши пассажиры, пожалуйста, **делитесь с нами вашими пожеланиями, предложениями и жалобами**».

3.1.3. Форма понудительного залога

Это глагольная форма с продуктивными морфемами -Dİr и -T,⁶⁰ находящимися друг с другом в отношении дополнительного распределения. Ее значение сигнализирует о том, что между действием и связанным с ним предметом имеется такое отношение, при котором предмет побуждается к совершению действия, о котором идет речь (возможна иная трактовка: глагольная форма, значение которой сигнализирует о том, что действие связано с другим действием, которое грамматисты условно называют побуждением, т. е. значение глагольной основы дополняется служебным значением «побуждать»). *Сема побуждение* способна передавать широкий спектр *смыслов* от принуждения до попустительства, например: 1) действие, называемое основой, скажем, *уу-* «спать», в глагольной форме понудительного залога *ууу+t-* сигнализирует о том, что действие связано с предметом, побуждаемым к совершению этого действия; 2) значение основы посредством залоговой формы сопрягается со значением «побуждать», так что словоформа понудительного залога *ууу+t-* представляет значение «побуждать спать, усыплять, убаюкивать».

В тех случаях, когда выражается переходное действие, затрагивающее какой-либо объект, например *mektup yazmak* «написать письмо», и преследуется цель назвать побуждаемый к действию объект (например, *kardeşim* «мой брат»), последний выражается существительным в дательном падеже: 1) *Kardeşim+e mektup yaz+dır+dim*. (Хрестоматийный пример) «Я **побудил** моего брата написать письмо»; 2) *Anne*

⁵⁹ Там же. С. 189.

⁶⁰ Заслуга разграничения продуктивных и непродуктивных показателей понудительного залога («каузатива») в турецком языке принадлежит Жану Дени: *Deny J. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli)*. P. 368–371, § 577–581.

çocuğ+un+a bir elma ye+dir+di. (Хрестоматийный пример) «Мать заставила ребенка съесть яблоко»; 3) Buna beni inan+dir+abilir misin? (VÖ MAKA2, 28) «Ты можешь убедить (“заставить поверить”) меня в этом?».

Однако если переходность глагола не реализуется, оказывается не задействованной, то объект передается субстантивной словоформой винительного падежа: Anne çocuğ+un+u ye+dir+di. (Хрестоматийный пример) «Мать накормила своего ребенка».

Примеры употребления формы с морфемой -Dir: 1) Bana sakatlığımı unut+tur+arak deli deli rüyalar gör+dür+dün, seni ömrümün sonuna kadar unutamam, ama olmayacak şeylere beni inan+dir+maya kalkma... (SA BÖ I, 20) «Ты, заставив меня забыть о моей инвалидности, стал причиной того, что мне снились бурные сны, я не смогу забыть тебя до конца жизни, но не заставляй меня верить в невозможное...»; 2) ...aygıntıları öğrenmek istemem onu şüphelen+dir+iyormuş. (OP BK, 71) «[Он утверждал, что] мое желание узнавать подробности вызывало у него подозрение»; 3) ...çakşırı yırtık yalınayak, başkibak oğlanlar kırık taşlar arasında su birikintileri çevresinde çömelmiş, kâğıttan kayık yüz+dür+ür+ler. (HE SB, 13) «...наголо стриженные, босые мальчишки в разодранных шароварах, усевшись на корточки вокруг лужи среди надробленных камней, пускают в плавание бумажные кораблики»; 4) Beni cezalan+dir+acakmış. (OP BK, 71) «[По его словам] он собирается меня наказать».

Примеры употребления залоговой формы с морфемой -T: 1) ...kanı eri+t+en siyah gözlerin sıcaklığı (HE SB, 17) «...жар черных глаз, который разжижал кровь»; 2) Tefvik'in kızı on bir yaşında hıfzını dinle+t+ti ve İstanbul'un en küçük, fakat latif üsluplu ve en yanık sesli hafızı olarak tanındı. (HE SB, 24) «Дочь Тевфика в одиннадцать лет привлекла [«побудила»] людей слушать ее чтение Корана наизусть и была признана самым маленьким, но обладающим приятной манерой исполнения и самым страстным голосом хафизом [знатоком Корана]; 3) Tefvik'i bir sandalyeye otur+t+tular, eline sigara verdiler. (HE SB, 126) «Тевфика усадили на стул, дали ему сигарету»; 4) Dün akşam Rabi'a'nın sesi iki hanımı bayıl+t+ti. (HE SB, 189) «Вчера вечером голос Рабии довел до обморока двух дам»; 5) ...iri damlalar zeytin ağaçlarının siyah yapraklarını garip tıprıtlarla oyna+t+iyordu. (SA BÖ I, 21) «...крупные (дождевые) капли со странным звуком трепали черные листья оливковых деревьев»; 6) Filistin bu kadar hiç acı+t+mamıştı! «Палестина никогда еще не причиняла такую боль» (Надпись на уличном рекламном щите в районе Бейлербеи, Стамбул, реакция на вторжение израильских войск в Газу в январе 2009 г.).

В турецкой речи нередко встречаются словоформы с двумя аффиксами — -Dİr и -T. Это явление чаще всего объясняется тем, что часть словоформы, включающей первый показатель, воспринимается носителями языка как самостоятельное слово (т. е. как образование, подвергнувшее лексикализации): 1) *Öldür+t+mek istedikleri insan...* (EŞ A, 43) «...человек, которого они хотят **заказать убить**»; 2) *Her birlikte kızarmış koyuna saldırdılar. Elleri, ağızları yan yana, etleri kopar+t+ır yediler.* (VÖ МААК I, 18) «Все вместе набросились на зажаренную овцу. Обжигая руки, губы, **отрывали** мясо и ели»; 3) *Bunlar deliğe girip cevher çıkar+t+mıyorlar. Ama birer kulübeleri var.* (VÖ МАКА 2, 22) «Эти [ребята] не спускаются в шахту и не **добывают** драгоценные камни. Однако у каждого есть по жилищу».

В отдельных случаях подобные образования можно трактовать как проявление стремления подчеркнуть смысл побуждения, заставляя: *Siz, insanın işlevini eşeğe, eşeğin işlevini de insana **yar+tır+t+ma**ya kalktınız.* (AN ADS, 35) «Вы **взялись заставлять** осла **выполнять** функцию человека, а человека **принялись заставлять** делать то, что делает осел».

Непродуктивные основы понудительного залога. В турецком языке имеются глагольные лексемы, в составе которых легко обнаруживаются морфемы понудительного залога, утратившие продуктивность. Такие лексемы присутствуют в словарях, и их количество ограничено настолько, что они могут быть представлены небольшими списками. Речь идет о следующих показателях:

-IR+: *art+ır-* «увеличивать», *aş+ır-* «переправлять», *bat+ır-* «топить, губить», *bit+ır-* «заканчивать», *doğ+ır-* «рожать», *doyu+ır-* «насыщать», *duyu+ır-* «давать чувствовать, сообщать», *düş+ür-* «ронять», *geç+ır-* «проводить», *göç+ür-* (наряду с *göç+er-*) «переселять, передавать», *iç+ır-* «поить», *kaç+ır-* «уводить, умыкать», *riş+ır-* «варить», *sız+ır-* (наряду с *sız+dır-*) «позволить сочиться», *şiş+ır-* «надувать», *taş+ır-* «позволить переливаться через край», *uç+ır-* «пускать в полет», *üş+ür-* «собирать толпу», *yat+ır-* «укладывать», *yit+ır-* «терять»;

-AR+: *çök+er-* «заставить стать на колени», *çık+ar-* «вынимать», *gid+er-* «устранять», *göç+er-* (наряду с *göç+ür-*) «переселять, передавать», *kop+ar-* «отрывать», *on+ar-* «исправлять, ремонтировать»;

-IT+: *ak+it-* «позволить течь, проливать», *az+it-* «переходить границы, сбивать с пути», *çarp+it-* «искривлять», *kok+ut-* «наполнять запахом, дать протухнуть», *kork+ut-* «пугать», *sark+it-* «спускать, свешивать», *sars+it-* «сотрясать», *ürk+üt-* «тревожить, приводить в трепет» (имеется глагол *dağ+it=* «распространять; рассеивать», исходная основа которого в современном языке отсутствует, но имеется генетически родственные глаголы *dağ+ıl=* *dağ+ın=* «распространяться, рассеивать».

ся», которые чисто внешне представляют собой формы соответственно страдательного и возвратного залогов).

Примеры употребления глаголов с непродуктивными аффиксами пассивного залога: 1) Üç gün üç gece sürecektir hediye şölenini kaçırmayın! (Реклама) «Не упустите торжество с вручением подарков, которое продлится три дня и три ночи!»; 2) ...bu küçük kız, hayatının ilk yıllarını... böyle bir çevrede geçirdi. (HE SB, 23) «...маленькая девочка провела первые годы своей жизни... в таком окружении»; 3) kendinden geçiren bir musiki (HE SB, 23) «музыка, доводящая до самозабвения»; 4) Özelliklerini düzeltmek değil, aksine daha belirli bir şekilde meydana çıkar+t+mak istiyordu. (HE SB, 1989, 37). «Он (Селим Паша) хотел не исправлять особенности ее (исполнения), а, наоборот, еще более ярко выставлять их напоказ».

3.1.4. Форма страдательного залога

Это глагольная форма, использующая морфемы -Il, -(I)n, -nIl; она имеет два значения:

1) *собственно-страдательное значение*, представляющее собой образ, абстракцию такого отношения между действием и предметом, при котором предмет мыслится как объект прямого воздействия. Это содержание значения отчетливо выявляется при сравнении высказываний типа Tavşan ye+n+iyor. «Едят зайчатину» с высказываниями, в которых глагольная словоформа не содержит залогового показателя: Tavşan otüyor. «Заяц ест траву»: 1) Fakat ben, sizin tarafınızdan bu kadar sev+il+mek istemiyorum. (RNG Ç. 270) «Однако я не хочу быть любимой вами в такой степени»; 2) Öteberi otomobilin arkasına yerleştir+il+di. (MCA A, 13) «Всякая всячина была помещена в багажник автомобиля»; 3) Yalnız onun senaryosunu yazdığı filmler ya çevr+il+mez, ya da oynat+il+mazdı. (MCA A, 16) «Только фильмы, к которым он писал сценарии, или не снимались, или не поступали в прокат»; 4) Kahve üstüne kahve ısmarla+n+ıyor (HE SB, 29) «Заказывают одно кофе за другим»;

2) *отвлеченно-агентное (неопределенно-личное) значение* — представление об отвлеченном, неопределенном или обобщенном производителе, нечто вроде «каждый (человек), кто совершает действие»: 1) İnşaat sahasıdır. Gir+il+mez. (Объявление у входа на стройплощадку в Стамбуле) «Строительная площадка. Вход запрещен» (букв.: «Сюда не входят»); 2) Dışardan bak+ıl+dığında bu konakta hâlâ otur+ul+duğuna inan+ıl+amazdı. (MCA A, 21) «Если кто-либо смотрел бы снаружи, не мог бы поверить, что в этом особняке все еще живут»; 3) Bunun tersini düşünenlere hain ve koyun dışmanı gözüyle bak+ıl+ıyordu. (AN ADS, 29) «К тем, кто думал противное, относились как к врагам овец».

В турецкой речи встречаются словоформы (от глагольных основ на гласную), в которых совмещены оба показателя страдательного залога в виде аффикса *-nîl*. Это явление может быть истолковано и как проявление тенденции формального отграничения страдательного залога от возвратного (см. об этом ниже), и как прием, посредством которого достигается употребление обоих значений — собственно-страдательного и отвлеченно-агентивного: 1) Yağmur altında bekle+*nîl*+mez. (Информант) «Нельзя ждать под дождем»; 2) Kılık değiştirip halkın arasına katılan padişah halkla konuşurken, kendisi için çok kötü söyle+*nîl*+diğini, duuyormuş. (AN ADS, 71) «Когда, переодевшись, падишах смешивался с народом, он слышал, что о нем говорят очень дурные слова»; 3) Cennet ve cehennem de+*nîl*+en yerler (HE SB, 22) «... места, которые называют раем и адом»; 4) Toy başladı. Ye+*nîl*+di içildi, sofralar kaldırıldı. (YK BBE, 195) «Пир начался. Ели, пили, убирали со стола».

Встречаются случаи разноместной реализации собственно страдательного (1) и отвлеченно агентивного (2) значений: Ve görevliler ve muhafızlar saraydan **çıkartıldı** (1). Muhafızlara yeni barakalar, görevlilere de yeni evler **uyılmaya başlandı** (2). (VÖ MAKA2,19) «И чиновники, и охранники были удалены (1) из дворца. Охранникам начали (2) строить новые бараки, а чиновникам — новые дома».

Турецкий страдательный залог характеризуется чрезвычайной производительностью (употребительностью). И весьма часто в высказываниях оказываются представленными оба его значения — как собственно-страдательное, так и отвлеченно-агентивное: 1) Garaj kapısıdır. Park **uyılmaz**. (Надпись на щите у ворот гаража в Стамбуле) «Ворота гаража. Оставлять машины **запрещается**» (букв. «Не паркуют»); 2) ...tütün ve tütün mamullerinin **kullanılması yasaktır**. (Объявление в учреждении) «**Запрещено употребление** табака и табачных изделий»; 3) Vozuk para **talep edilmemesi rica olunur**. (Надпись у билетной кассы на пристани Üsküdar) «**Просьба не требовать размена денег**» (словоформа talep edilmemesi представляет собственно страдательное значение и выражает буквальный смысл «нетребование», а словорма rica olunur реализует отвлеченно-агентивное значение, которое обеспечивает передачу безличного смысла «просят»); 4) Resim dersi **verilir**. (Объявление) «**Предлагаются уроки рисования**»; 5) Yük ve eşya **taşınır**. (Объявление) «**Осуществляется перевозка грузов и [домашних] вещей**»; 6) Tekkeler **yıkılmalı**, temelleri yedi arşın **kazılmalı**, çıkan toprak denize **dökülmeli** ki ancak oralarda namaz **kılınabilsin**. (OP BAK, 19) «Все текке (обитатели дервишей) **должны быть разрушены**, их фундаменты **должны быть выкопаны** на семь аршинов (вглубь земли), освободившаяся земля

должна быть высыпана в море, чтобы только (тогда) можно было совершать там намаз».

В тех случаях, когда коммуникант выражает производителя действия (посредством послелога *tarafından* или уподобительного падежа (эквивалента) с морфемой *-sA*), отвлеченно-агентивное значение, естественно, отстраняется, задействованным оказывается только собственно-страдательное значение: 1) *Bu bina, Demirören Gayrimenkul tarafından yapılmaktadır.* (Объявление перед стройплощадкой) «Это здание строится [фирмой] “Демирорен”, [занимающейся] недвижимостью»; 2) *TRT haber merkezince hazırlanan haberlerimizi dinlediniz.* (Диктор радио) «Вы прослушали наши новости, подготовленные отделом новостей Турецкого радио и телевидения».

3.1.5. Форма возвратного залога

Это глагольная форма с морфемой *-(I)n*, значение которой сигнализирует о том, что между действующим и его производителем помимо агентивной имеется какая-либо иная (дополнительная) связь. Сформулированное значение способно передавать в качестве смыслов прямо-возвратное, косвенно-возвратное взаимоотношение действия и его производителя, а также иную связь, к которой термин «возвратный» может оказываться попросту неприменимым: *Varlığımın bir parçası kabulendim bu durumu.* (EŞ A, 40) «Для себя я принял это состояние как (неотъемлемую) часть моего естества».

Примеры передачи прямо-возвратных смыслов: 1) *Soy+un+urken ceketimin cebinden yere bir gazete düştü.* (SA KMM, 48) «Когда я раздевался, из кармана моего пиджака выпала газета»; 2) [*Kadın*] *mevsimine göre giy+in+mişti...* (MCA A, 7) «[Женщина] оделась по сезону»; 3) *...kendilerinin Horasan menşeli olduklarını öğ+ün+erek dile getirdiler.* (ZK M, 35) «...хвастаясь, утверждали, что они родом из Хорасана»; 4) *Veysel Hoca, iki kişinin koluna tut+un+arak zor yürüyordu.* (AN ADS, 120) «Вейсель ходжа, с трудом передвигался, держась за руки двух человек».

Примеры передачи косвенно-возвратных смыслов: 1) *Bahçedeki bütün yemiş ağaçları, çiçekli giysilerini giy+in+diler.* (AN ADS, 48) «Все фруктовые деревья в саду надели на себя свои одежды из цветов»; 2) *Kadın olsam bu genci yanıma yaklaştırmam», diye içinden söyle+n+iyordu.* (HE SB, 185) «“Будь я женщиной, не позволила бы этому молодому человеку приблизиться ко мне”, — говорил он про себя»; 3) *Sözde özne — Edilgen eylemin özne görevini yükle+n+miş nesnesi: Ev onarıldı...* (VH DTS, 86) «Подлежащее в речи — это прямое дополнение страдательного глагола, которое приняло на себя функцию

подлежащего: «Дом подвергся ремонту»»; 4) Bu yıl Türk dili derslerini her ben üstle+n+dim. (Информант) «В этом году все время я брал на себя уроки турецкого языка»; 4) Orasını tersane ed+in+dim. (НВ АBB, 12) «Там я устроил себе судоверфь»; 5) “Bu gazete hakkında ne fikir ed+in+diniz?” (SS Rg, 215) «Какое мнение об этой газете сложилось у вас?».

Примеры передачи прочих возвратных смыслов: 1) Veba şehirde kurnaz bir şeytan gibi değil, amaçsız bir serseri gibi geziniyordu. (OP BK, 103) «Чума разгуливала [себе] по городу, не как хитрый дьявол, а как бесцельно шатающийся бродяга»; 2) Nosa hatırlamaktan iyice bıktınca, bir süre evin içinde aşağı yukarı gez+in+di. (OP BK, 25) «Ходжа, изрядно устав вспоминать, некоторое время прогуливался по дому туда-сюда».

3.1.6. Проблема медиального залога

Обсуждение проблемы медиального залога в первую очередь предполагает экспликацию понятия «медиальный залог». Это тем более необходимо, что в литературе по этому вопросу используются разные термины («средний», «средне-возвратный», «общевозвратный» залог или глагол); а в трактовке означаемого ими понятия царит значительная разнобой. В результате изучения представленных в литературе точек зрения автор настоящей работы пришел к следующему заключению: речь прежде всего должна идти не о медиальном залоге или медиальных глаголах, а о медиальной семантике, т. е. о соответствующих значениях или смысле.

В настоящей работе под медиальной семантикой понимается следующее мыслительное содержание: 1) причастный к действию предмет воспринимается как его производитель; 2) действие толкуется как непереходное; 3) само действие воспринято как изменение во внутреннем или внешнем состоянии предмета (нечто вроде русского «Дом (сам по себе) обрушился»).⁶¹

Изучение материала убеждает в том, что значениями со сформулированными признаками обладают как некоторые производные основы (doğ- «рождаться», düş- «падать», kalk- «подниматься»), так и многие глаголы, совпадающие по морфемному составу со словоформами страдательного (atıl- «бросаться», ayrıл- «разделяться», boğul- «задыхаться», boşan- «пустеть, отделяться», bozul- «портиться», eğil- «наклоняться», vurul- «влюбляться»; уorul- «уставать» и т. п.), возвратного (çirpin- «трепетать, дрожать», dövün- «убиваться, горевать», göğün-

⁶¹ См., напр.: Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). С. 253–258, 267–290; Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 188.

«появляться», kalkın- «подниматься», sevin- «радоваться») и взаимного (sıkış- «сжиматься», tutuş- «воспламениться», yatış- «успокаиваться») залогов.

Примеры с производными основами: 1) Doğmadık çocuğa don (kaftan) biçilmez. (ÖAA ADS I, 244) «Еще не родившемуся ребенку одежду не кроют» (Посл.); 2) Düşmez kalkmaz bir Allah. (ÖAA ADS I, 254) «Только у Аллаха не бывает взлетов и падений» (Посл.).

Примеры с основами лексикализовавшихся глаголов, совпадающими со словоформами страдательного залога: 1) Satışma hemen kesildi... (HE SB, 34) «Перебранка тотчас же прекратилась...»; 2) Günden güne sağlığımız bozuluyordu. (EChGSA, 273) «Наше здоровье с каждым днем ухудшалось»; 3) ...o anda yanındaki kadın atılmış ve daha yüksek sesle: "Benzettiniz efendim", demişti (MCA A, 9) «...в тот же миг женщина, сидевшая рядом с ним, бросилась вперед и громким голосом проговорила: "Вы обознались, господин"»; 4) ...ondan da yorulmağa başladım. (RNG Ç, 119) «...и от этого я начала уставать»; 5) Hancının dudakları çarpık bir tebessümle kıvrıldı. (EŞ A, 51) «Губы ханщика изогнулись в скверной улыбке».

Примеры с основами, совпадающими со словоформами возвратного залога: 1) Bütün gün boyunca görünmedi. (EChGSA, 256) «[Противник] не показывался в течение целого дня»; 2) Neriman... ayaklarının ucuna basarak kalkınıyor. (RNG Ç, 32) «Нериман... приподнимается на цыпочках»; 3) [Hacı Kalfa] Ellerini birbirine vurarak dövünmeğe başladı. (RNG Ç, 127) «[Хаджи Калфа] начал убиваться, всплескивая руками».

Примеры с основами, совпадающими со словоформами взаимного залога: 1) Ben onu kaçırmamak için, yanına sanki midye imişim gibi yapışmışım. (HB ABB, 9) «Чтобы не дать ему уйти, я прилип к нему, как будто я был мидией»; 2) Neriman'ın yüreği sıkıştı. (NH YGŞK, 516) «У Нериман сжалось сердце»; 3) Öfkeli bir insanın bu kadar çabuk yatıştığını ömrümde ilk defa görüyordum. (RNG Ç, 10) «Я впервые в жизни видела, чтобы разгневанный человек так быстро успокаивался».

Непосредственное отношение к теме имеют также глаголы с лексеμοобразовательными аффиксами -IAn и -IAş: havalanmak «взлетать», güzelleşmek «становиться красивым, хорошеть».

Таким образом, как свидетельствуют факты, имеются: 1) производные медиальные глаголы; 2) медиальные глаголы, являющиеся лексикализовавшимися словоформами страдательного, возвратного и взаимного залогов. Эти факты не дают основания говорить о наличии в турецком языке медиального залога, но позволяют думать, что образования с медиальным значением представляют собой один из путей лексикализации перечисленных залоговых словоформ.

Пример употребления аффиксов разных залогов (понудительного и страдательного) в одной словоформе: Soğuklar çok arttığı için okullar bir hafta kara+tt+ıl+mıştı. (AN ADS, 85) «Поскольку холода значительно усилились, школы на неделю были закрыты».

3.2. Категория статуса

Автор настоящей работы еще в 1990 г. присоединился ко мнению П. И. Кузнецова о том, что утвердившийся к тому времени в тюркском языкознании термин «аспект» не должен использоваться для означения глагольных отрицательных форм, форм возможности и невозможности.⁶² Как и принято в теории грамматики, этот термин употребляется автором в разделе «Категория аспектуальности», объединяющем формы с собственно видовым и акцинсартовым («акциональным») значениями.

За неимением лучшего терминологического решения для означения форм и категории, о которых здесь идет речь, предпочтение было отдано термину Бенджамина Уорфа «статус». Последний в изложении Р. О. Якобсона туманно характеризуется как «определяющий логическую природу события». На материале нивхского языка Б. Уорф различает *утвердительный, предположительный, отрицательный, вопросительный и отрицательно-вопросительный* статусы, которые представлены в языке соответствующими глагольными формами. Р. О. Якобсон считает, что в английском языке имеется «заверительный» (assertive) статус, который выражается посредством сочетаний с вспомогательным глаголом *do* в утвердительных высказываниях.⁶³

Как будет показано в разделе «Глагольная категория сказуемости», морфологические средства выражения предположительной и утвердительной («заверительной») семантики имеются и в турецком языке, в числе финитных форм. Однако в контексте турецкой глагольной словоизменительной системы их более оправданно трактовать как средства выражения модальных смыслов. По-видимому, справедливо полагать, что исследователю необходимо руководствоваться «логикой» самой языковой системы, т. е. тем, какая значимость языкового средства продиктована этой системой, к какому ряду форм оно естественно принадлежит.

⁶² Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол. С. 56. — Автор опирался на работу: Кузнецов П. И. Система функциональных форм глагола в современном турецком языке. Автореф. дис. ... д. филол. н. М., 1983. С. 4.

⁶³ Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. Сб. статей / сост. О. Г. Ревзина. М., 1972. С. 100.

Ввиду бесспорной туманности приведенной трактовки содержания понятия «статус», а также отсутствия в современном языкознании четкого содержания понятия «модальность» использование автором настоящей работы термина «статус» вместо традиционного тюркологического термина «аспект» можно рассматривать лишь как удобное (может быть, паллиативное) в терминологическом отношении, но насколько не продвигающее вопрос в концептуальном аспекте.

Пока приходится согласиться как с Н. К. Дмитриевым,⁶⁴ так и с Б. Уорфом в том, что в состав категории статуса входят *формы отрицания, невозможности и возможности*. На турецком материале это соответственно формы с морфемами: -mA (уар+ma+dim «я не делал»), -(y)AmA (уар+ama+dim «я не мог делать»), -(y)Abil (уар+abil+dim «я смог сделать»). В пользу объединения этих трех форм в одну категорию свидетельствует как их общая позиция в составе глагольной словоформы (сближение с точки зрения грамматики порядков или «ранговых классов»),⁶⁵ так и «цепное» соотношение их значений («не» — «не мочь» — «мочь»). Структура категории «алгебраически» может быть представлена как **a — ab — b** (уар+ma+mak «не делать» — уар+ama+mak «не мочь делать» — уар+abil+mek «мочь делать»).

Примеры функционирования отрицательной формы: 1) Ben ku-zuyla hiç оуна+mi+yör+düm. (НВ АBB, 12) «Я совсем не играл с ягненок»; 2) Hemen boşanmasını teklif ediyorlardı, fakat boşasa da boşamasa da, Emine bir daha dükkâna dön+me+yecekti. (HE SB, 20) «Они предлагали безотлагательный развод, но Эмине независимо от того, разведется она или нет, намеревалась никогда больше не возвращаться в лавку»; 3) Kız, cehennemden korktu, fakat imamın kesinlikle tanımladığı cenneti de pek çekici bul+ma+dı. (HE SB, 23) «Девочка испугалась ада, но и рай, который ей внушительно расписал имам, она не нашла очень уж привлекательным».

Надпись на табличке в стамбульском кафе: Sigara iç+me+diğ+iniz için teşekkür ederiz. «Благодарим за то, что вы не курите».

Примеры функционирования формы невозможности: 1) Emine Tefik'ten gözlerini bir türlü al+amı+yordu. (HE SB, 20) «Эмине была не в силах отвести глаза от Тувфика»; 2) Bir millet sanattan ve sanankârdan mahrumsa tam bir hayata malik ol+ama+z. (Kemal Atatürk) «Если нация лишена искусства и деятелей искусства, она не может быть хозяином настоящей жизни»; 3) karısının unut+ama+yasağ+ı bir tek acı olay (HE SB, 29) «лишь одно неприятное событие, которое его жена не

⁶⁴ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948. С. 135.

⁶⁵ Кузнецов П. И. Система функциональных форм глагола в современном турецком языке. С. 3-4.

сможет (впоследствии) забыть»; 4) Apartmana aittir. Yabancı araçlar park **уар+а+maz.** (Надпись на щите у жилого дома в Стамбуле) «(Площадка) принадлежит жилому дому. Ставить машины нельзя».

Примеры функционирования формы возможности: 1) Dikkat! Araç **çık+abil+ir.** (Надпись на щите у выезда с территории научно-исследовательского института) «Внимание! Может выезжать транспортное средство»; 2) Bu ünlü olaydan sonra anasının ve büyükbabasının **şikâyet ed+ebil+eceği** bir yaramazlık yapmadı. (HE SB, 23) «После этого известного происшествия она не совершала шалости, на которую могли бы жаловаться мать и дед»; 3) Pratik kafasıyla Dede'nin yumuşaklığını konakta tatbik etmek, evin intizamını **boz+abil+eceği+in+i** biliyordu. (HE SB, 26) «Она сознавала своим практичным умом, что, если найти применение мягкости Дервиша в особняке, это могло нарушить привычный уклад жизни дома»; 4) Otuz yılı aşkın müşterek hayatlarından karısının unutamayacağı bir tek acı olay vardır. O da hayli makul bir sebebe **bağla+n+abil+ir.** (HE SB, 29) «За всю их совместную жизнь в течение более тридцати лет было лишь одно неприятное событие, которое его жена не сможет (впоследствии) забыть. Но и оно может быть объяснено вполне приемлемой причиной».

Двойное отрицание I (-mAdAn ... dura+mamak, ed+ememek, geç+ememek): 1) Hayalindeki görüntüye **gülümse+meden edemedi.** (EŞ A, 59) «Она не могла не улыбнуться видению, возникшему в ее воображении»; 2) Bu vesileyle harp yıllarındaki bir hatıramı buraya **yaz+madan geç+eme+yeceğim.** (SS Rg, 262) «В связи с этим я не могу не привести здесь одно мое воспоминание, относящееся к годам войны»; 3) İnsan sevdiklerinin iyiliğini istediği için onlara **müdahale et+meden duramıyor,** ama bunun bir faydasını da görmüyor aslında. (EŞ A, 81) «Поскольку человек желает блага тем, кого он любит, не может не вмешиваться в их дела, но по сути дела не находит в этом пользы».

Двойное отрицание II (-mAmAzlık etmemek/ edememek): 1) Oyuncu kadınlar bohçalarını gönderdiler mi **gel+memezlik edemezler,** çok ayıptır. (O. Kemal. Oyuncu kadın) «Если танцовщицы послали свои свертки, они уже не могут не прийти, уже очень стыдно [не танцевать]»; 2) Sabahleyin erkenden git, dedi. Fakat Hoca Sinan'dan kızı o şekilde iste ki, **ver+memezlik edemesin.** (AG, 21) «Рано утром отправляйся, — сказала она. — Но проси девушку у Ходжи Синана так, чтобы он не мог не отдать ее»; 3) Güzel bir kadın gördüm mü, **bak+mamazlık edemem.** (Информант) «Стоит мне увидеть красивую женщину, не могу не засмотреться на нее».

Аналитические формы отрицания с показателем değil. Характерное для именного предиката употребление показателя değil с от-

рицательным значением в составе глагольных финитных словоформ, с одной стороны, подчеркивает отыменное происхождение большинства глагольных финитных форм, с другой — выполняет по меньшей мере три функции:

а) *позволяет строить высказывания с двойным отрицанием*: 1) *Hayat ne garipti! Sinekli Bakkal semtinin sokaklarına benze+miyor değildi.* (HE SB, 183) «Какая странная жизнь! **Нельзя** сказать, что она не похожа (на жизнь) улиц квартала Синекли Баккал»; 2) *Saçını göstermenin ne kadar günah addediliğini bilmez değildi.* (HE SB, 185) «**Нельзя** сказать, что он не знал, каким (большим) грехом считается показывать свои волосы»;

б) *выступает как средство усиления отрицания, придавая ему категоричность*: 1) *Su yitip gitmiş, buralardan bir yerden akıyor değil, su kurumuş, yerin altına çekilmiş.* (YK BBE, 62) «Вода окончательно исчезла, в этих местах **совершенно нигде не течет**, вода высохла, ушла под землю»; 2) *Fakat ben kendi hesabıma bu işe pek de şaşıyor değilim.* (RNG MT, 9) «Но я со своей стороны **совсем не удивляюсь** этому»; 3) *Gözünün şehvetten başka bir şey görmediğini düşünüyor da değilim.* (OP BAK, 205) «**Я вовсе и не думаю**, что его ничто не влечет, кроме похоти»; 4) *Böyle olmakla beraber İstanbul'a yerleşmeğe gene de yüzdeyüz karar vermiş değilim.* (RNG MT, 87) «Хотя дела и обстояли таким образом, я опять-таки [тогда еще] **вовсе не принял решение** обосноваться в Стамбуле»; 5) *Şimdi sana, içinde yaşadığımız dünyanın, doğrudan doğruya seni alâkadar eden meselelerinden hiç birini açacak değilim.* (PS Y, 157) «**Сейчас я вовсе не собираюсь растолковывать** тебе какую-либо из непосредственно интересующих тебя проблем мира, в котором мы живем»;

в) *способно вступать во взаимодействие с вопросительной частицей **mi** в составе именного сказуемого*, передавая при этом смысл типа «не вы ли являетесь таким-то»: «Rüsumat Nezaretinden Kâzım Bey **değil mi + siniz?**» (MCA A, 9) «**Вы не Кязым Бей** из Управления таможен?».

3.3. Категория аспектуальности

В турецком языке категория аспектуальности представляет собой совокупность так называемых перифрастических и аналитических глагольных форм, имеющих как акционсартовые значения (способы действия), представляющие собой отражения, абстрактные образы и, соответственно, средства передачи информации о свойствах действий (например, *начинаться, заканчиваться, протекать быстро или медленно, осуществляться однократно или многократно* и т. п.), так и видовые (аспектные) значения, т. е. закрепленные за теми или иными глагольными формами типовые образы, в которых носители данного

языка имеют возможность представлять действие при осуществлении актов коммуникации.⁶⁶ Существует точка зрения о родстве, близости и даже генетической преемственности акционсартовых и видовых значений.⁶⁷ В собственно формальном отношении «перифрастическими» называют формы, которые имеют структуру: глагольное имя + глагол *olmak*, реже *bulunmak* и др.; «аналитическими» тюркологическая традиция именуется сложновербальные формы, которые имеют чаще всего структуру: деепричастие смыслового глагола + глагол-модификатор (т. е. носитель какого-либо служебного значения). Общим названием этих образований являются термины «сложновербальные», «поливербальные» формы или конструкции.

Ниже будет показано, что лишь две сложновербальные формы могут быть истолкованы как носители видовых значений. Более отчетливо видовые значения, точнее компоненты таковых, обнаруживаются у ряда глагольных форм категории времени изъявительного наклонения (см. раздел «Глагольная категория сказуемости»). Л. Юхансон, посвятивший поиску видовых «идей» в семантике турецких временных форм специальную монографию,⁶⁸ называет следующие видовые семы, означаемые им терминами: интрагерминальность (что может быть переведено как внутрипредельность), прегнантность (= меткость, выразительность, четкость) и постгерминальность (можно перевести как «послепредельность»)⁶⁹.

Понятие «интрагерминальность» трактуется как «перспектива *intra terminos*, т. е. как субъективный (аспектуальный) способ восприятия события, который оставляет вне поля зрения его внешние границы (*terminus initialis* и *terminus finalis*)».⁷⁰

Содержание понятия «прегнантность» заключено в следующей формулировке: «Эту концентрированную полноту [события]⁷¹ в “поле

---

⁶⁶ Ср.: *Вопросы глагольного вида*. Сборник / отв. ред. Ю. С. Маслов. М., 1962; *Теория функциональной грамматики*. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1987; *Маслов Ю. С. Избранные труды*. Аспектология и общее языкознание. М., 2004. С. 23–616.

⁶⁷ *Вопросы глагольного вида*. С. 10, 39, 62.

⁶⁸ *Johanson L. Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkei-türkischen Aspektsystems*. Uppsala, 1971.

⁶⁹ Краткое разъяснение терминов, употребляемых в немецком тексте Л. Юхансоном, см. в: *Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков* (Глагол). Л., 1981. С. 71.

⁷⁰ *Johanson L. Aspekt im Türkischen*. S. 101.

⁷¹ Слова в квадратных скобках не имеют соответствующих эквивалентов в немецком тексте, принадлежат автору настоящей работы и предлагаются читателю с целью облегчить ему толкование переводимой формулировки.

зрения” следует понимать как максимальную акциональную детерминацию [определенность?].⁷² Насколько можно понять, эта не совсем четкая формулировка отражает ту видовую семантику, которая в русском языкознании означает термином «конкретность» и которая недвусмысленно разъяснена в следующих словах А. А. Потебни: «Славянские глаголы могут означать действие или во время самого его совершения — конкретно (Я пишу теперь. Я писал, когда он вошел), или как возможность его, способность, привычку к нему (Я недурно пишу. Пишу... по вечерам) — отвлеченно».⁷³

Понятие «посттерминальность» поясняется как опосредованное восприятие события, при котором внимание направлено на такую точку, в которой уже пройден «критический» предел выражаемого действия.⁷⁴

1. *Форма -(A)r ol-* — одна из двух «перифрастических» форм с акционсартовым фазовым значением, которое сигнализирует о начале постоянно совершаемого или длительного действия (инцептивное, инхоативное, ингрессивное, начинательное, дуративно-инцептивное значение): 1) Yaşı on altıyı bulmuş, gitgide konuşmayı daha az sever olmuştu. «Он достиг шестнадцатилетнего возраста и постепенно начал любить говорить все меньше и меньше» (S. Ali. Kuyucaklı Yusuf); 2) Çünkü Fikret Adil lokanta sahibiyile anlaşmış, buraya haftada bir yazarları, ressamları, tiyatro sanatçılarını toplar olmuştur. (S. Birsal. Ah Beyoğlu Vah Beyoğlu) «Поскольку Фикрет Адиль договорился с владельцем ресторана, он начал собирать здесь один раз в неделю писателей, художников, актеров»; 3) Ve her şey yazılır oldu. Bütün buyruklar yazılı olarak verilir oldu. (VÖ MAKAK2, 20) «И всё начали записывать. Все приказы стали отдаваться в письменном виде».

2. *Форма -mAz ol-* — одна из двух «перифрастических» форм с акционсартовым фазовым значением; это значение является прекратительным (цессативным, дуративно-цессативным), т. е. сигнализирующим о прекращении длительно совершавшегося действия: 1) Gözlerinden su gibi inen yaşlardan, yanını göremez olmuştu. (HE SB, 132) «Из-за слез, которые текли градом из ее глаз, она потеряла способность видеть что-либо рядом с собой»; 2) Fakat zamanla alışmış, bu bakışlara pek aldırış etmez olmuşum. (RNG MT, 19) «Со временем я привык к этим взглядам и перестал обращать внимание на них»; 3) Akşama doğru, hiçbir

⁷² Ibid. S. 134.

⁷³ Цит. по: Бондарко А. В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 230 (см. также: Там же. С. 226–233).

⁷⁴ Johanson L. Aspekt im Türkischen. S. 71.

şey satılamaz oldu. (VÖ MAKA2, 32) «К вечеру уже ничто не могло продаваться».

3. *Форма -mîş ol- / -mîş bulun-* — одна из двух сложновербальных форм, значения которых, по-видимому, являются видовыми; рассматриваемая форма предположительно имеет значение послепредельного (посттерминального) вида, которое весьма близко к значению совершенного вида русского языка (содержание последнего, по удачному выражению А. В. Бондарко, составляет «неделимая целостность действия»):⁷⁵ 1) *Ulusunu, halkını, insanı ve bütün dünyayı sevmiş olmanın ağır bedelini ödeyen insanların ne ilkiyim, ne de sonuncusu.* (AN, BTA, 21) «Я не первый и не последний из людей, кто тяжело расплачивается за то, что полюбил свою нацию, свой народ, человека, весь мир»; 2) *Hacı İlhani Efendi sevincinden ellerini oğuşturuyor, her yerde kızın Tevfik'ten çok kendine çekmiş olduğunu iftiharla anlatıyordu.* (HE SB, 24) «Хаджи Ильхами Эфенди потирал руки от счастья, повсюду с гордостью рассказывал, что девочка вышла больше в него самого, чем в Тевфика».

4. *Формы -makta ol- / -makta bulun- и -(ı)yor ol- / -(ı)yor bulun-* — тоже, по-видимому, являются видовыми; их значение может трактоваться как внутривидовое (интратерминальное), т. е. такое, которое сигнализирует о том, что действие, называемое исходной основой, представляется в процессе осуществления безотносительно к начальному и конечному его пределам; в лингвистике такое значение называют также дуративным, курсивным, прогрессивным и т. д.: 1) *Ne konuşmakta olduğumuz yine farkında değildim.* (Информант) «Я снова не замечал, о чем мы говорили»; 2) *Bir roman yazmakta olduğunu söylüyorlar.* (Информант) «Говорят, что он пишет роман»; 3) *Süleyman... kurulmakta olan çadırlara baktı.* (YK BBE) «Сулейман... посмотрел на устанавливаемые юрты»; 4) *Haykırmakta olan karımı kendime çektim ve çocukların gözyaşlarıyla yaklaşıyor olmasına aldırmadan yanağından aşkla öptüm.* (OP BAK) «Я привлек к себе все еще продолжающую плакать жену и поцеловал ее в щеку, не обращая внимания на детей, которые приближались к нам со слезами на глазах»; 5) *Bir yerde de eski bir Yunan harabesinin, asırların rüyasına dalgın, güneşte uyumakta olduğunu görmüştük.* (HB ABB, 17) «А в одном месте мы видели, как спят под солнцем погружившиеся в вековой сон древние греческие руины».

5. *Акционсартовая форма -(y)A dur-*, выражающая просьбу продолжать действовать, пока говорящий будет отвлечен другим действием: 1) *Padişahı öldürme hazırlıkları süredursun padişah da ülkenin*

⁷⁵ Бондарко А. В. Универсальные и неуниверсальные функции в грамматике // Универсалии и их место в типологических исследованиях. Тезисы докладов / отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1971. С. 7-9.

en usta heykelcisine kendisinin mumdan bir heykelini yaptırdı. (AN ADS, 75) «Подготовка к убийству падишаха **шла своим ходом**, а падишах приказал самому крупному в стране скульптору изготовить из воска его собственную скульптуру»; 2) Siz **gidedurun**. Ben size yetişirim. (Информант) «Вы **продолжайте идти**, а я вас догоню»; 3) Siz **hazırlanadurun**, ben çantaı alıp geleyim. (Информант) «Вы **пока готовьтесь**, а я схожу и принесу сумку».

В следующем примере выделенная словоформа, как представляется, сигнализирует об актуальности (внутрипредельности, интратерминальности) действия: İşte o zaman ve oracıkta... kocasının bir başka kadını nasıl öptüğünü **düşüneduran** Ella'nın kafasında bir şalter attı. (EŞ A, 93) «Именно тогда и именно там... в голове Эллы, которая **размышляла** о том, как ее муж целует какую-нибудь другую женщину, включился какой-то переключатель».

6. *Акционсарттовая форма* **-(y)Ip dur-**, сигнализирующая о длительности или многократной повторяемости действия: 1) Ne **tartışıp duruyorsunuz**, hepiniz aynı şeyi söylüyorsunuz. (NH, R, 455) «Что вы **все время спорите**? Вы все говорите одно и то же»; 2) Sevincinden **ziplayıp duruyordu**. (VÖ, MA II, 43) «Он **все время прыгал от радости**»; 3) Bu çete jandarmalarla boyuna **çarşıp duruyor**. (SA KY, 89) «Этот отряд **постоянно сражается с жандармами**».

Родственные модели с финитными формами **-Dı durdu, -Ar durur**: 1) Sabah, akşam kafamı lüzumsuz şeylere **doldurdular, durdular**. (HE SB, 188) «И днем, и вечером **постоянно забивали** мне голову ненужными вещами»; 2) Her sizin neler konuştuğunuzu **sordu durdu**. (Информант) «Он **все время спрашивал**, о чем вы говорили»; 3) «Karını münasip bir şekilde toprağa veremedin diye kendini **suçlar durursun**». (EŞ A, 54) «Ты **постоянно винишь** себя в том, что ты не предал твою жену земле подобающим образом»; 4) Bak, dünyanın dört bir yanından yolcular gelir bu handa kalmaya. Birkaç kadehten sonra hepsi aynı hikâyeleri **anlatır durur**. (EŞ A, 50) «Послушай, со всех сторон света сюда прибывают путники, чтобы остановиться в этом хане. Выпив несколько бокалов, все **постоянно рассказывают** одни и те же истории».

7. *Акционсарттовая форма* **-(y)A/- (y)Ip gel-** сигнализирует о диахронической протяженности действия из прошлого в настоящее: 1) Ozanlar yarı kutsal kişiler diye **görülegelmişti** yüzyıllardır. (BK GKB, 143–144) «Народные сказители на протяжении многих веков и **поныне почитались** почти святыми»; 2) Yazı dili de dilin en gerçek aynası olduğu için onda bir dilin asırlar içinde **akıp gelen** yapısını görmek mümkündür. (ME TDB, 12) «Поскольку и письменный язык является самым настоящим отражением языка, в нем (на его примере) можно проследивать

формирующуюся на протяжении веков структуру (языка вообще)»; 3) *Denizinde de, karasında da hayat insanın üzerine bin bir musibet yağdıran bir belalar kazalar yığılıydı. Bu neden böyle oluyordu, aklım ermiyordu. Amma, bu böyle olagelmiş ve böyle de olagidiyordu.* (НВ АBB 2007, 48) «И на море, и на суше жизнь была средоточием бед, катастроф, обрушивающим на человека тысячи козней. Я не мог взять в толк, почему это было так. Но это было так (испокон веков) и продолжалось таким же образом».

Лексема *çıkagelmek* «внезапно появиться», по-видимому, представляет собой изолированное образование и уже утратила связь с продуктивными формами категории аспектуальности: *Aradan uzunca bir zaman geçti ve torbacı elinde yazılı bir izin belgesiyle çıkageldi.* (VÖ МАКА2, 41) «Прошло довольно много времени, и сумочник внезапно появился с письменным разрешением в руках».

8. *Акционсарттовая форма -(y)İp gidiyor*, характеризующая действие как длительное и продолжающее протекать: 1) *Bir nebat gibi, şikâyetsiz, şuursuz, iradesiz, yaşayıp gidiyordum.* (SA, КММ, 186) «Я, как растение, продолжал себе жить безвольно, ни на что не жалуясь, ничего не сознавая»; 2) *Alçak bahçe duvarları uzanıp gidiyordu.* (OP, CBO, 147) «Низкие садовые ограды простирались вдаль»; 3) *Amma, bu böyle olagelmiş ve böyle de olagidiyordu.* (НВ, АBB, 201) «Но это так издавна повелось и все так же продолжалось».

Разновидностью этой формы является, по-видимому, форма *-(A)r gider* с тем же значением (смысловой глагол и глагол-модификатор выступают в форме настоящего-будущего времени): *...bu tür konuşmalardan sonra da, benzetenlerle benzemeyenler arasında bakışmalar sürer gider.* (МСА А, 9) «...после разговоров такого рода обозначившиеся и те, кого приняли за других, еще долго продолжают переглядываться» (см. также следующий пункт).

9. *Акционсарттовые формы -(y)İp gitti / -DI gitti / -(A)r gider* имеют значение бесповоротной завершенности действия: 1) *Kafanı kullansana. Cevherlerin bütünleştiğini bizden başka kimse bilmiyor. Yirmi marka verip, on çocuğun cevherini alırsak, bu kez de günde kırk marka kazanırız. İşte bunun bir yolunu bulmalıyız. Bulabilirsek zengin olduk gitti demektir.* (VÖ МАКА2, 47) «Ты пораскинь мозгами. Никто кроме нас не знает, что драгоценные камни снова становятся целыми. Если мы уплатим двадцать марок и купим камни десяти ребят, то и в этот раз заработаем сорок марок за один день. Вот и надо найти способ, как это сделать. Придумаем — значит, мы окончательно разбогатели»; 2) *Unutup gittiğimi zannettiğim bu hâaturaların, bundan sonra beni hiç bırakmayacaklarını biliyorum.* (S. Ali. КММ) «Я знаю, что воспоминания об этих событиях,

которые, как мне казалось, я совершенно забыл, с этого момента ни в коем случае не оставят меня в покое»; 3) İyiликler unutulur gider, kötülükler hatırlanır. (Информант) «Добрые дела совершенно забываются, а плохие не выходят из памяти».

10. *Акционсартовая форма -тауА gör-* сигнализирует о том, что событие становится причиной другого какого-либо события, которое следует за первым как его следствие: 1) Ya bir de yağmur çiselemeye görsün, o zaman bizim yüreklerimizde kıyamet kopardı. (YK, SS, 43) «А вот если вдруг начинал моросить дождь, в наших душах разражалась буря»; 2) Bu demir kazığın tepesine bir karga konmaya görsün. Çocukların taşlarına hedef olur. (AN, GK, 14) «Стоит на этот железный кол усесться какой-нибудь вороне, она становится для ребят мишенью»; 3) Bir taş nehre düşmeyegörsün, pek anlaşılmas etkisi. Hafiften aralanır, dalgaların suyun yüzeyi. Belli belirsiz bir tıp sesi çıkar; duyulmaz bile akıntının ortasında, kaybolur uğultuda. (EŞ A, 11) «Если вдруг камень упадет в реку, не очень-то заметно его воздействие (на воду). Поверхность воды слегка раскрывается, на ней появляются волны. Раздается едва слышимый звук бух; его даже не слышно из-за течения, он пропадает в шуме (воды)».

11. *Акционсартовая форма -(y)A / -(y)İp / kal (примеры 1, 2), -(A)r kalır (пример 3, 4), -mİş kalmış (примеры 5, 6), -DI kaldı (примеры 6, 7)* сигнализирует о наступлении состояния скованности, неподвижности, «оцепенения» (П. И. Кузнецов): 1) Yolcuların hayretten donakaldıkları manzara bizi çok düşündürdü. «Зрелище, которое заставило пассажиров застыть от изумления, дало нам повод крепко призадуматься». (Ш. С. Айляров. 1974. С. 207); 2) Birini öldürdüğün zaman, muhakkak ki ondan bir şeyler bulaşır sana: Bir resim, bir koku, bir nefes... Bir ah, bir lanet, bir ses... "Maktulun bedduası" derim ben buna. Bedenine yarışır kalır. (EŞ A, 39) «Если ты убил человека, наверняка что-нибудь от него остается у тебя: какой-нибудь рисунок, запах, дыхание... Вскрик, проклятие, звук... Я называю это "Проклятием убитого". Навсегда прилипает к твоему телу, да так и остается»; 3) İhtiyar kadın ölür kalırsa cenaze töreni en çok iki gün sürer. (Информант) «Если старушка умрет, похороны продлятся не более двух дней»; 4) Bekçi çekildi gitti. Fakat çocuğun gözleri pencereye takılmış kalmıştı. (HE, SB, 57) «Сторож удалился. Однако глаза ребенка, как прикованные, продолжали смотреть на окно»; 5) Sözlerini bitirmeden uyudu kaldı çocuk. (VÖ MAAK I, 18) «Мальчик погрузился в сон, не в силах завершить свои слова»; 6) Yüzünde kırbaç yarası olan bir adam sızmış kalmıştı masada. (EŞ A, 42) «Какой-то человек, на лице которого (виднелась) рана от удара хлыстом, сидел за столом, глубоко погружившись в дрему»; 7) Üç gencin gözleri çocuğun yüzüne,

fakat Peregrini'nin gözleri kız hafıza **daldı kaldı**. (HE, SB, 51) «Глаза трех юношей (смотрели) на лицо ребенка, а глаза Перегрини [прямо-таки] **застыли** на юной чтице Корана».

12. Акционсартовая форма -(y)A kou- имеет, по-видимому, значение, сигнализирующее о *длительности действия*, называемого исходной основой: 1) Beygirler şimdi ateş pahasına; beygir alıncaya kadar sen dolabı **döndürekou**, demiş. (НВ АBB, 31) «Лошади сейчас очень дорогие; ты **продолжай крутить** чигирь сам, пока я не куплю себе мерина»; 2) Ama basak, dizin biraz aşağısından sanki benim değilmiş gibi **sarkakoudu**. (НВ АBB, 32) «Однако нога начиная с места чуть ниже колена **продолжала висеть**, словно была чужая»; 3) Onu bir ot uğununun üzerine **oturakomuş** buldum. (НВ АBB, 41) «Я обнаружил его **присевшим** на куче сена».

13. Акционсартовая форма -(y)Adur-. Значение этой формы сигнализирует о том, что действие характеризуется как *продолжающееся*.⁷⁶ 1) Bu iki olay başka başka nedenlerle, esasen kafes arkasından, kapı aralığından **devam ededuran** Emine — Tevfik ilişkisini körükleđi. «Эти два события по совсем другим причинам распалили отношения между Эмине и Тевфиком, которые **продолжали осуществляться** в основном втайне, сквозь замочную скважину»; 2) Bir masalı hatırlatıyorsun. / Bulutlar tabaka tabaka dursun, / Güneş ağaçlardan **sarkadursun**, / Geceden yıldızlar **bakadursun**, / Bembeyaz gemiler **kalkadursun**, / İki göz iki çeşme **akadursun...** (AMD, стихотворение «Masal») «Ты напоминаешь сказку: На небе слоистые облака. С деревьев **свешиваются** лучи солнца. Из ночи **смотрят** звезды. В море уходят белые пароходы. Из двух глаз потоками **льются** слезы»; 3) Ama adını kesinlikle **bilmeyedursun**, kuşun sesi geldi mi, adam anlardı ki denize dönmenin çağı erişmiştir. (BK, GKB, 32) «Но пусть (никто) **по-прежнему не знает**, как она называется. Раз послышался крик этой птицы, люди понимали: пришло время **возвращаться** в море».

14. Акционсартовая форма -(y)I ver- имеет «моментальное» значение, сигнализирующее (в качестве смыслов) о *внезапности, быстроте или легкости протекания действия*: 1) İlk Ramazanda imamın iki senede kazanamadığı parayı **kazanıverdi**. (HE SB, 24) «В первый же праздник Рамадан она **вдруг заработала** такие деньги, которые имам не мог заработать за два года»; 2) Şu bavulu al da yukarı çıkarıver. (Информант) «**Возьми-ка** вот этот чемодан да **занеси** его наверх»; 3) Kan başıma **çıkıverdi**. (S. Ali. Çilli) «**Вдруг** кровь мне **ударил** в голову»; 4) Kimisi

⁷⁶ Автор приносит читателю извинение за иное толкование рассматриваемой формы в работе: Гузев В. Г., Дениз-Йылмаз О. Опыт построения понятийного аппарата теории турецкой грамматики. Учеб. пособие на турецком языке. СПб., 2004. С. 41.

tutulverdiği bir kıza aklını, fikrini, düşüncesini ve bütün saatlerini bağışlayacak. (Ш. С. Айляров. 1974. С. 207) «Кое-кто из них отдаст девушке, в которую он неожиданно влюбился, свой ум, свои помыслы, свои думы и все свое время»; 5) Bu kadar büyük bir saadetin böyle kolayca gelineceği beklenemezdi. (S. Ali. КММ) «Нельзя было и предположить, что такое большое счастье придет вдруг так легко».

15. *Акционсарттовая форма* - (y)Ayaz- имеет значение сослагательной модальности, т. е. сигнализирует о том, что действие могло совершиться, но не совершилось: 1) Orda bir gün düşeyazmıştım. (Информант) «Я там однажды чуть не упал»; 2) Balık önce boğulayazmış, debelenmiş, sonunda havaya da almış. (BK, GKB, 102) «Сначала рыба чуть не задохнулась, подергалась, в конце концов привыкла и к воздуху».

3.4. Категория номинализации действия (категория вторичного гипостазирования)⁷⁷

Категория номинализации действия — это многочленная категория с иерархической структурой, являющаяся наглядным примером вторичного гипостазирования.⁷⁸ Она представляет собой обширную совокупность глагольных форм, означающих действия, оперативно представляемые или как предмет (либо в образе предмета, «определенные» действия),⁷⁹ или как признак («опризначенные» действия), или как обстоятельство (действие, представляемое в функции обстоятельства). Поскольку действие представляется в образах предметов, признаков и обстоятельств, являющихся классифицирующими грамматическими значениями именных лексико-грамматических классов, имеются основания называть все три семантические преобразования номинализацией действия. Словоизменительную природу глагольных имен доказывают следующие факты: 1) они всегда сохраняют неизменным значение действия;⁸⁰ 2) сохраняют управление глагольной основы;

⁷⁷ В тюркском языкознании существует традиция трактовать именные формы глагола исключительно с точки зрения их синтаксических функций. См., напр.: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 251–252, 437–488.

⁷⁸ Подробнее см.: Дениз-Иылмаз О. Категория номинализации действия в тюркском языке. СПб., 2006.

⁷⁹ См.: Пешиковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. С. 141. — Ср. также: Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). С. 101–104, 221, 308.

⁸⁰ Ср. замечание Л. В. Щербы о том, что инфинитив, причастие, деепричастие и личные формы глагола «имеют общее значение действия»: Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. С. 93.

3) способны выступать в продуктивных залоговых формах и формах статуса (в частности, в форме глагольного отрицания с морфемой *-mA*); 4) способны иметь временные семы;⁸¹ 5) в формах глагольных имен способны функционировать самые разные аналитические глагольные образования. Турецкая глагольная категория номинализации действия является общей категорией, включающей четыре частные категории (субкатегории): имен действия (масдаров), причастий, субстантивно-адъективных форм и обстоятельственных форм глагола (деепричастий).

3.4.1. Категория имен действия (масдаров, субстантивных форм глагола)

Категория имен действия (масдаров, субстантивных форм глагола) представляет собой совокупность глагольных форм с морфемами *-mAК*, *-mA*, *mAsI*, *-(y)Iş*, *-mİşIik*, *-(A)rIik* / *-mAzIik*, *(y)AsI*, объединенных общим значением «опредмеченного» действия, т. е. действия, представляемого как предмет, и лишенных каких-либо темпоральных значений. Они в разной мере подвержены морфологическим изменениям. Их коммуникативное предназначение — функционировать в речи в составе конструкций в качестве их способных к распространению субстантивных компонентов (подлежащих, предикатов, дополнений и т. д.).

Функционирование формы -mAК. Едва ли можно обнаружить различия в значениях форм с аффиксами *-mAК* и *-mA*. Кроме того, их функционирование позволяет говорить о том, что они находятся в отношении близком к дополнительному распределению, поскольку форма *-mAК* морфологически ограничено подвергается словоизменительным операциям, а форма *-mA* весьма часто получает показатели категорий принадлежности и склонения.

Первая форма довольно часто ошибочно трактуется грамматистами как инфинитив, чему противоречит хотя бы то обстоятельство, что она, пусть и ограниченно, способна выступать в падежных формах (кроме формы родительного падежа). Одной из причин ее восприятия как неопределенной формы глагола вполне может быть ее использование лексикографами в качестве словарной формы. Последнее обстоятельство не может служить серьезным доводом, поскольку словарные формы глаголов совершенно условны, и лексикографы, работающие на материале других языков, в этой же функции используют одну из глагольных личных форм (в арабском — это форма 3-го лица

⁸¹ Ср.: Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. С. 159–160.

единственного числа прошедшего времени, в болгарском — форма 1-го лица единственного числа настоящего времени).⁸² 1) Yaşa+mak — çalış+mak+tır. (Погов.) «Жить — значит работать» (в функции подлежащего и предиката); 2) Mutluluk, Yeni yılı birlikte karşıla+mak+tır. (Реклама) «Счастье — (это) совместная встреча Нового года» (в функции предиката); 3) Bir taşla iki kuş vur+mak istiyorlardı. (SS Rg, 186) «Они хотели одним камнем убить двух птиц»; 4) Zümrüt yüzüklü beyaz bir el ör+ül+mek için Rabi'a'ya uzandı. (HE SB, 1989, 27) «Рука с изумрудом на пальце протянулась к Рабии для поцелуя (букв. «чтобы быть поцелованной», косвенное дополнение)»; 5) Ama öteki âleme yarıtığım keşifleri nasıl durduracağımı bilmiyordum. Hoş, işin aklı, bilseydim bile durdurmak istemezdim ki. (EŞ A, 62) «Но я не знал, как мне прекратить мои проникновения в потусторонний мир. И надо признать, суть дела была в том, что, даже если бы я знал, мне не хотелось их прекращать».

Функционирование формы -mA. В функции компонентов конструкций форма -mA, как было сказано, чаще всего выступает в формах категорий принадлежности и склонения. Значение лица аффикса принадлежности представляет производителя называемого глагольной основой действия во всех случаях, кроме тех, когда глагол функционирует в форме страдательного залога.⁸³ 1) Her türlü sıkıntısına rağmen, Eminesiz hayat düşün+ül+me+si güç bir şeydi. (HE SB, 1989, 21) «Несмотря на все огорчения ему было трудно представить себе жизнь без Эмине» (в функции подлежащего); 2) Sarı mısır püsküllerinin ateşte büzülüp yan+ma+sı, mavi boncukların beyaz bezden ayrıl+ma+sı, ona gerçekten bir çocuk yanıyormuş hissini verdi. (HE SB, 23) «То, как съезжаясь горели в огне желтые кукурузные волокна, как голубые бусинки отделялись от белой материи, породило в ней чувство, как будто на самом деле горел ребенок» (в функции подлежащего); 3) Emine'yi bunların hepsinden çok kızdıran şey, belki koca+sın+ın kafasında «para» diye bir değer ol+ma+ma+sı+ydı. (HE SB, 18) «Из всего этого больше всего Эминэ сердило то, что в голове ее мужа, вероятно, не существовала ценность, которая имеет название “деньги”» (в функции сказуемого); 4) İyilik görme+nin yolu, iyilik uarmak+tan geçer. (Реклама) «Путь к совершению добра [букв. “путь совершения добра”] проходит через

⁸² См., напр.: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 466–470.

⁸³ Ср.: Телицин Н. Н. 1) Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол / под ред. В. Г. Гусева. СПб., 2011. С. 179–230; 2) Субъект действия при глагольных именах в древнеуйгурском языке // Вестник СПбГУ. 2007. Сер. 2. Вып. 1. № 2. С. 90–93.

творение добра» (в форме родительного падежа); 5) *Ve öyle şeyler çalıyordu ki adaşım, onları anlat+ma+ya bizim kullandığımız kelimelerin takati yoktur.* (SA BÖ I, 22) «И такие вещи исполнял, что, тезка, у слов, которые мы употребляем, нет силы описать их» (в функции косвенного дополнения); 6) *Vaşımı aç+ama+ma+nın nedeni, konsantre olup başı açık halimi gözümün önüne getir+eme+me+m+dir.* (OP K, 125) «Причина того, что я не могу не покрывать голову, заключается в том, что я, (даже) сосредоточившись, не могу себе представить, как я выгляжу с непокрытой головой» (в функции определения и сказуемого в 1-м лице ед. числа).

Необходимо подчеркнуть, что в функции прямого дополнения с глаголами с волеизъявительными значениями («хотеть, просить» и т. д.) преобладает употребление масдара -*ma* в форме принадлежности (реже используется субстантивно-адъективная форма -*DİK*, о которой речь идет ниже): 1) *Hemen boş+n+ma+sın+ı teklif ediyorlardı, fakat boşasa da boşamasa da, Emine bir daha dükkâna dönmeyecekti.* (HE SB, 20) «Предлагали, чтобы они тотчас же развелись, однако, даст он развод или нет, Эмине не собиралась больше появляться в лавке» (в функции прямого дополнения); 2) *Kimseyi gör+me+sin+e müsaade etmiyorlar.* (HE SB, 131) «Ему не разрешают никого видеть»; 3) *Sirkimde eşekler+in de olma+sın+ı istiyorum.* (AN ADS, 32) «Я хочу, чтобы в моем цирке были также ослы»; 4) *Eşeg+in sirkte nasıl bir gösteri yap+ma+sın+ı istiyorsun?* (AN ADS, 32) «И какой номер ты хочешь, чтобы его исполнял осел?».

Имя действия -*mA* способно функционировать также в виде неаффиксированной словоформы и с аффиксами падежей: 1) *Önce bilmediği bir dilde bu kadar uzun ezberleme ona biraz güç geldi.* (HE SB, 24) «Сначала такая долгая зубрежка на незнакомом ей языке казалась ей немножко трудной»; 2) *Yalnız anasız kalan Mihri'yi yanına alıp, kendi çocuğu gibi büyütmeyi teklif etti.* (HE SB, 30) «Она предложила только взять к себе оставшуюся без матери Михри и взрастить ее как своего собственного ребенка»; 3) *...markanın satın alma gücü sınırsızdır.* (VÖ MAKA2, 30) «...покупательная способность марки безгранична».

О масдарной форме -*mA*. Едва ли можно сомневаться в том, что аффикс -*mA* возник вследствие свойственной тюркским языкам аффиксальной фузии, которая была подмечена еще О. Н. Бётлингком, В. В. Радловым и привлекала внимание многих исследователей не только агглютинативных, но и флективных языков.⁸⁴ В. В. Радлов называл ее гиперагглютинацией, сплавлением, а В. А. Богородицкий —

⁸⁴ Кононов А. Н. О фузии в тюркских языках // Структура и история тюркских языков / отв. ред. Э. В. Севротян, Н. З. Гаджиева, Г. И. Донидзе. М., 1971. С. 108–120.

опрошением, имеющим в аффиксальной сфере следствием образование либо сложных, либо цельных неразложимых формантов. Как убеждает материал, морфема *-sİ* в составе этого показателя утрачивает свое исконное значение обладателя, представляемого 3-м лицом: 1) *Bir de ne göreyim? Randa maçosu sepetle+mesin+e salinan bir pala gibi Davut'un çene ve boynuna vurunca kafasını uçurdu.* (НВ АBB, 23) «И вдруг я увидел: кормовая мачта, как сабля, пущенная сметать все живое, ударив в подбородок и в шею Давута, снесла ему голову»; 2) *Hepsi uyudular. Dünya dön+mesin+i sürdürdü. Çocuklar uyudular.* (VÖ МААК I, 18). «Все спали. Земля продолжала вращаться. Дети спали»; 3) *Bu durumda en iyisi dert edecek bir şey yokmuş gibi yap+ması, meseleyi burada noktala+ması+ydı.* (ЕŞ А, 78) «Самое лучшее в этой ситуации было сделать вид, что ничего серьезного не произошло, и на этом закрыть вопрос».

Примеры функционирования масдара -(y)İş. Масдар *-(y)İş*, как представляется, семантически отличается от других имен действия тем, что в его значении более силен компонент опредмеченности действия. Эта его особенность проявляется в более сильной склонности к субстантивации (т. е. в наличии в турецком языке большого количества существительных типа *giriş* «вход», *çıkış* «выход» и т. п.): 1) *Onun çal+ış+ında, bir ateş yığını etrafında haykıran ateşe tapanların, yahut batmakta olan bir gemiye çarpan dalgaların feryadı ve inle+yiş+i vardı.* (SA BÖ I, 18) «В его игре [на кларнете] слышались вопли и стелание то ли огнепоклонников, орущих вокруг костра, то ли волн, ударяющихся о тонущий корабль»; 2) *Hele yatak çarşaflarını sigara külüne bulayıp yatakta sigara iç+iş+i, Emine'yi zıvanadan çıkarıyordu.* (HE SB, 18) «Особенно Эмине выводило из себя то, что он курил в постели, пачкая пеплом постельное белье»; 3) *Evliliklerinin ruhuna aykırıydı davran+ış+ı.* (ЕŞ А, 58) «Его поведение противоречило духу их брака».

Пример употребления двух различных масдаров в функции подлежащего: *Sirklerde aslanların çemberlerden geçmesi, kaplanların fıçı üstünde yürümesi, fillerin iki ayakları üstüne kalkışı, ayıların birbirlerinin çıkışları, eşeklerin insan gibi konuşmaları, artık alışılmış gösterilerdi.* (AN ADS, 34) «Прыжки львов сквозь обручи, хождение тигров на бочках, вставание слонов на две ноги, возня медведей друг с другом, беседы ослов подобно людям были в цирке привычными номерами».

Усложненные масдары. В турецкой литературе встречаются, хотя и довольно редко, масдары, образуемые путем присоединения показателя *-İK* к масдарной (с показателем *-mAk*) или причастной (с показателями *-mİş* или *-(A)r/-mAz*) основам.

Естественно ожидать, что некоторые образования такого рода подвергаются лексикализации, пополняя словарь турецкой лексики.

Словоформы с показателем -mAklIK: 1) Bunları yaz+maklıg+ım belki günün birinde beni mahvedecektir. (NH YE, 69) «То, что я пишу все это, возможно, когда-нибудь меня погубит»; 2) ...Ankaradan, Basın Genel Müdürlüğünden gelen bir telefonla, benim bu nazik devrede tartışmalara devam et+me+mekdiğ+im, iki ay müddetle gazeteye yazı yaz+ma+maklıg+ım, bildirildi. (SS Rg, 240) «...из Анкары, из Главного управления по печати поступила телефонограмма, что мне в этот деликатный период не следует продолжать дискуссии, что в течение двух месяцев я не должна писать статьи в газету»; 3) Ortaklık şirketin kurulmasından önce benim gazeteye yazı yaz+ma+maklıg+ım+ı şart koşmuşlardı. (SS Rg, 165) «Прежде чем было создано общество на принципах соучастия, мне поставили условие не писать статьи в газету»; 4) Fakat mademki, yazı yaz+ma+mak+lıg+ım+ı istiyorsunuz, yazmayacağım. (SS Rg, 221) «Но раз вы хотите, чтобы я не писала статьи, не буду писать».

Словоформы с показателем -mİşIK: 1) Bir kısmı kesilmiş, bir kısmı yanmış, bir kısmı ayakta kalmış ağaçlar, bir ıssızlık, bir terk ed+il+mişlik duygusu uyandırıyor. (ECG SA, 201) «Деревья, часть которых была срублена, часть — сожжена, часть — сохранилась, порождали чувство безлюдности, заброшенности»; 2) Babam da film yönetmeni olduğundan, birçok senaryo oku+muşluğ+um vardı, ama hiç birisi Sürü'nünkiyle mukayese edilemezdi. (MD YGA, 11) «Поскольку и мой отец был кинорежиссером, мне доводилось читать некоторые сценарии, однако ни один из них не шел ни в какое сравнение с теми, что были написаны Сюрю»; 3) Bu kadın Berlin'lidir çünkü. / Roter Wedding / Grusst Euch Genossen / Haltet die Feuste bereit / Kızıl Weeding / Selam Yoldaşlar / Hazır Tutun Yumrukları / demesini işit+me+mişlik olur mu? (F YK, 66) «...эта женщина была берлинкой. Можно ли допустить, что ей не доводилось слышать (слова и призывы:) Красный Веддинг,⁸⁵ Привет товарищи, Держите кулаки наготове?».

Словоформы с показателем -mAzIK: 1) Onu da aşırılığından, çarpıcı erotizminden ve geleceği umursa+mazlıg+ın+dan sevdim. (Kent, 9) «Он (спектакль) понравился мне своим чрезвычайным напряжением, неприкрытым эротизмом и пренебрежением к будущему»; 2) Hayatın kutsallığı, özgürlüğün vazgeç+il+mezliğ+i anlatılmalıdır tiyatrodada. (Kent, 10) «В театре надо говорить о том, что жизнь священна, что нельзя отказываться от свободы»; 3) Yalnızlık, güvensizlik ve inan+ıl+mazlık içinde bocalayan çağımızın insanı için tiyatronun dost bir sığınak olduğuna inanıyoruz. (Kent, 11) «Мы верим, что для людей нашего времени,

⁸⁵ Веддинг — район Берлина, известный выступлениями рабочих, отстаивавших свои интересы.

пребывающих в одиночестве, безнадежности и в **неверии**, театр является дружественным прибежищем»; 4) Aralagındaki **anlaş+mazlık+lar+ın** bir sebebi de buydu. (SS Rg, 228) «Одной из причин их разногласий была эта».

В составе выделенных словоформ присутствуют показатели отрицательного статуса и страдательного залога; это позволяет допускать, что подобные образования имеют словоизменительную, а не лексемообразовательную природу.

Лексикализовавшийся масдар: Hitler, Sovyetler Birliğine **saldırmazlık** anlaşması teklif ettiği zaman, Sovyetlere karşı harp açmaktan vazgeçmiş değildi. (SS Rg, 198) «Когда Гитлер предлагал Советскому Союзу договор о **ненападении**, он вовсе не отказывался от плана развязать войну против Советов».

3.4.2. Категория причастий (адъективных форм глагола)

Категория причастий (адъективных форм глагола) — совокупность глагольных именных форм с морфемами **-(y)An**, **-mİş** и **-(A)ğ/-mAz**, объединенных общим значением «окачественного действия» (термин В. В. Виноградова),⁸⁶ т. е. действия, представляемого как признак, и имеющих темпоральные семы, соотношенные с настоящим периодом ориентации (см. ниже, раздел «Субкатегория изъявительного наклонения (субкатегория времени индикатива)»). Причастные словоформы в речи — это средства оперативного представления действия, называемого основой глагола, в образе признака. Значение признака семантически и функционально роднит причастия с именами прилагательными. Они и выступают в синтаксических функциях прилагательных, прежде всего в качестве приименного определения и именного предиката. Одной из особенностей турецких причастий является наличие в составе их значений *агентивной семы*, сигнализирующей о том, что предмет, носитель признака, есть производитель действия, представляемого в виде признака.

Форма с морфемой -(y)An — наиболее употребительное причастие, характеризующее действия в темпоральном отношении как небудущие (т. е. как настоящие или прошедшие): 1) **uyu+yan** çocuk «спящий/спавший ребенок»; 2) **bekle+yen** Atmaca (SA BÖ I, 20) «ожидавший Атмаджа» (это словосочетание в контексте см. в примере 1 в следующем абзаце); 3) **koş+an** değirmencinin kızı (SA BÖ I, 20) «бегущая дочь мельника» (это словосочетание в контексте также см. в примере 1 в следующем абзаце); 4) **Bütün bunların arkasında tiyatro dekorunu andır+an** beyaz,

⁸⁶ Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). С. 221.

uzun, ince minare. (HE SB, 13) «Позади всего этого — белый, высокий, тонкий минарет, **напоминающий** театральные декорации»; 5) Paşa, her büyüklüğüne **inan+an** erkek gibi kendisine benzer bir erkek evlât istemişti. (HE SB, 29) «Как и любой **верящий** в свое высокое положение мужчина, паша́ хотел, чтобы его ребенок был мальчиком, **похожим** на него самого».

Форма с морфемой -miş представляет в образе признака не действие, называемое основой глагола, а результат этого действия (как если бы по-русски было сказано «автомобиль, выкрашенный в черный цвет» или «прибывший поезд»), что дает основание сомневаться в правоте утверждения, что эта форма «выражает прошедшее время». ⁸⁷ Данная форма является продуктивной и производительной. В составе ее значения также имеется сема агентивности: *uykuya dal+miş çocuk* «уснувший ребенок»: 1) *Bütün gece, büyük çınarın altında kollarını açarak sabırsızca **bekle+yen** Atmaca'yı ve dudaklarının kenarında geniş bir sevinç, soluk yanaklarında **görül+me+miş** bir pembelikle ona doğru **koş+an** değirmencinin kızını gördüm.* (SA BÖ I, 20) «Всю ночь мне снились Атмаджа, который с распростертыми объятьями нетерпеливо ждал под большой чинарой, и дочь мельника, которая бежала к нему с широкой улыбкой на губах, с **невиданным** пламенем на бледных щеках»; 2) *Petrol lambasının sağ ışığında havayı **bürü+müş** bir sigara dumanı tabakası gördü.* (HE SB, 19) «В желтом свете керосиновой лампы она увидела слой дыма от сигарет, покрывший весь воздух»; 3) *taş kesilmiş yürekleri* (EŞ A, 54) «окаменевшие сердца» (воинов Чингисхана).

Форма с морфемой -(A)r/-mAz означает действие, представляемое как постоянный, обычный признак предмета (*yan+ar dağ* «вулкан (гора, способная полыхать)», *çal+ar saat* «будильник (часы, способные звенеть)»: 1) *Saza, söze düşkün, başına bir sürü dalkavuk **topla+r**, dalkavuklardan **çarçabuk bık+ar**, bir dalda **dur+ma+yan** bir kadın!* (HE SB, 24). «[Это была] женщина, **которая** любила вечера с музыкой, **собирала** у себя целую толпу прихлебательниц, очень быстро **начала** тяготиться ими, была неусидчивой»; 2) *Dede kendi halinde, **az söyler** ve çok perhizkâr bir şekilde **yaşar** bir adam olduğu için, onunla pek sık konuşmazdı.* (HE SB, 26) «Поскольку дервиш был человеком, который жил независимо, вел **немногословный** и строго **умеренный образ жизни**, она много могла общаться с ним очень часто»; 3) *tahammül edil+mez bir acı* (SA BÖ I, 23) «**невыносимая боль**»; 4) *şüphe götür+mez kesinlik* (HE SB, 22) «**не допускающая сомнений категоричность**»; 5) *Çekil+ir azap değildir*

⁸⁷ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 472.

ama ben alıştım sayarım. (EŞ A, 40) «Это не такая мука, которую можно выносить, но, полагаю, я к ней привык».

3.4.3. Категория субстантивно-адъективных форм глагола

Категория субстантивно-адъективных форм глагола — совокупность трех именных форм (с морфемами -DİK, -(y)AcAkK, -(y)AsI), традиционно именуемых причастиями и смешиваемых с последними. Субстантивно-адъективные формы (> «сафы») способны подобно масдарам означать опредмеченное действие и подобно причастиям — действие, представляемое в образе признака. Первое значение роднит их с именами действия, второе — с причастиями.

Отличия субстантивно-адъективных форм от масдаров и причастий. В сфере субстантивного употребления субстантивно-адъективных форм от масдаров их отличает наличие в их значениях темпоральных сем, ориентированных на настоящий период ориентации (см. раздел «Глагольная категория сказуемости»): форма -DİK характеризует действие как небудущее (т. е. как прошедшее или настоящее; например: Sen gel+diğ+imiz+i biliyorsun. «Ты знаешь, что мы приехали/приезжаем»), форма -(y)AcAk — как будущее (Sen gel+eceğ+imiz+i biliyorsun. «Ты знаешь, что мы приедем»).

В сфере же адъективного использования они отличаются от причастий отсутствием агентивной семы, которая сигнализировала бы о том, что предмет, носитель признака, есть производитель называемого глагольной основой действия. Будет точнее сказать, что субстантивно-адъективная форма лишена не только агентивного, но и какого-либо иного «залогового» значения, т. е. не способна сигнализировать о характере отношений предмета, обладателя признака, и действия, представляемого как признак. Следовательно, такая информация остается в речи невыраженной: Oku+uacak kitap / oda / vakit / sebep / hal / öğrenci и т. п. «Книга, предназначенная для чтения / комната, в которой читают / время для чтения / причина, по которой читают / состояние, в котором читают / студент, который читает» (перевод передает смыслы, извлекаемые из приведенных определительных конструкций, но эти смыслы оставлены без выражения).

Архаичное использование субстантивно-адъективных форм.

Ниже приводятся архаичные высказывания, которые демонстрируют использование сафов в некотором противоречии с нормами и правилами функционирования таких форм в современном турецком языке. Однако эти примеры помогают глубже понять главные функциональные особенности глагольных форм, о которых идет речь: 1) Göç+tük yurdun kadri kon+duk yurtta bilinir. (Устар. посл.) «Ценность страны,

откуда переселились, познается в стране, в которой обосновались»; 2) *Sat+ıl+dık üç kuruşa, borçla+n+dık uçan kuşa.* (AN ADS, 72) «Того, что продали, — на три куруша, а того, что задолжали, — всем на свете» (букв. «летающим птицам»).

В первом примере словоформы с аффиксом -DİK употреблены адъективно, т. е. для выражения действия, представляемого как признак. При этом оставлены без выражения следующие компоненты передаваемого смысла: 1) указание на производителя действия; 2) отношения между действиями, представляемыми как признак, и предметами, которым приписывается признак («страны, откуда переселились» и «страна, в которой обосновались»); 3) временная характеристика действия (в пределах «прошедшее — настоящее»).

Второй пример представляет собой архаичную поговорку. Словоформы с аффиксом -DİK употреблены в нем *субстантивно*, т. е. для выражения действия, представляемого как предмет, а перечисленные выше компоненты передаваемого смысла также оставлены без выражения с той однако разницей, что в глагольных словоформах присутствуют аффиксы страдательного залога, которые в данном случае представляют неопределенно-личное значение, сигнализирующее, хотя и весьма туманно, о предполагаемости производителей называемых действий.

Наличие у каждой субстантивно-адъективной словоформы в речи двух предназначений (выражать действие, представляемое как (1) признак или как (2) предмет), а также, следовательно, наличие у соответствующих форм в языковой системе значений (действия, представляемого как признак и как «опредмеченное» действие) объединяет их в категорию. Названные особенности этих форм отличают их от масдаров и причастий и являются убедительным свидетельством того, что означение их традиционным термином «причастие» попросту ошибочно. Как было показано, в настоящей работе они именно по этой причине именуются субстантивно-адъективными формами, сокращенно — сафами. Эта терминология опирается на имеющийся в отечественной тюркологии прецедент названия масдаров и причастий соответственно субстантивными и «атрибутивными» (адъективными) формами глагола.⁸⁸

Описанная особенность сафов оставлять при их адъективном использовании характер взаимоотношений предмета и действия невыраженным не означает, что коммуниканты не располагают средствами

⁸⁸ Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков (структура слова и механизм агглютинации). М., 1979. С. 204–246.

эксплицитно выражать эту информацию. При наличии необходимости говорящему на помощь приходят залоговые формы, как, например, в следующем высказывании: "Pek merak ed+il+ecek yerler değil. Billhassa sokak hem pistir, hem gürültülüdür". (HE SB, 187) «(Это) такие места, которыми едва ли уж стоит интересоваться. В особенности улицы, и грязные, и шумные» (в примере использована форма страдательного залога с обоими значениями — собственно-страдательным и отвлеченно-агентивным).

Отличительную черту ряда огузских языков составляет способность сафов при употреблении в речи в функции определения принимать аффикс принадлежности для выражения производителя действия: **oku+duğ+um** kitap «книга, которую я читаю», **otur+acağ+ımız ev** «дом, в котором мы будем жить».

Функционирование формы -DİK

Субстантивное использование формы -DİK в функции подлежащего: 1) Memleketini ve dinini terk etmiş ol+duğ+u söylenirdi. (HE SB, 38) «Поговаривали, что он оставил и свою родину, и свою веру»; 2) ...kulaktan kulağa Selim Paşa'nın İstanbul'un en korkunç, en zalim siması ol+duğ+u söyleniyor. (HE SB, 1989, 130) «...из уст в уста передают, что Селим Паша — самая страшная, самая жестокая личность в Стамбуле»; 3) **Ve bazen haftalarca, aylarca seviş+me+dik+leri** olurdu. (EŞ A, 91) «И иногда случалось то, что они неделями, месяцами не занимались любовью».

Субстантивное использование формы -DİK в функции дополнения: 1) Değirmencinin köye indiği günler kapının yanındaki taş sedirde beraber **otur+duğ+un+u** ve tırnaklarını, parçalamak ister gibi, iki tarafındaki sert kayada **gez+dir+diğ+in+i** görünce, bu işin böyle gitmeyeceğini anladım... (SA BÖ I, 19) «Наблюдая, как он в те дни, когда мельник уезжал в город, сидел вместе (с ней) на каменной тумбе у двери и проводил ногтями по жестким камням, что были по обе стороны от него, как будто хотел раскрошить их, я понял, что дело так (далее) не пойдет»; 2) **Onun**, Emine'nin kızı **ol+duğ+un+u** taniyince biraz hayret etti. (HE SB, 26) «Когда она узнала, что она (Рабия) дочь Эмине, она немного удивилась»; 3) Otururken entarisini **kaldır+ma+dığ+ın+ı** hatırladı. (HE SB, 27) «Она вспомнила, что, садясь, она забыла приподнять свое энтари»; 4) Şairin eserlerini **beğen+diğ+iniz+e** çok sevindim. (Информант) «Я очень рада, что вам понравились произведения поэта».

О предметном использовании субстантивно-адъективных форм. Под предметным использованием в настоящей работе понимается тот речевой прием, который нередко именуется в литературе

окказиональной субстантивацией. Имеется в виду, что в отличие от субстантивного использования, о котором речь шла выше и под которым понимается выражение говорящим *опредмеченного действия*, предметное использование преследует цель указывать не на действие, а на *предмет*, являющийся объектом называемого действия. Например, турецкое высказывание *Senin oku+duğ+un+u biliyorum* в первом случае переводится «Я знаю, что **ты читаешь**», во втором — «Я знаю, **что** [т. е. какую именно книгу или газету] ты читаешь».

Примеры предметного использования сафа: 1) “*Ara+diğ+ın+ı bulabilirdin mi peki?*” diye sordum. (EŞ A, 72) «Ну, хорошо, ты смог найти **то, что искал?**» — спросил я»; 2) *Ama olmaz ki sayın gelircibaşım. Size **ver+il+ecek+ler** verildi.* (VÖ MAK2, 29) «Но нельзя же, уважаемый начальник. **То, что должно было быть дано**, вам было дано».

Адъективное использование формы -DİK в функции определения. В функции определения саф -Dik чаще всего выступает в форме принадлежности. Значение лица аффикса принадлежности представляет производителя называемого глагольной основой действия во всех случаях, кроме тех, когда глагол функционирует в форме страдательного залога (*otur+duğ+umuz* ev «дом, в котором мы живем»):⁸⁹ 1) *Bu dar arka sokak **bulun+duğ+u** semtin adını almıştır. Sinekli Bakkal.* (HE SB, 13) «Эта узкая задняя улочка ведет свое название от квартала, в котором она находится: Синекли Баккал»; 2) *Önünde **dur+duk+ları** odaya dalıvermişti.* (HE SB, 130) «Он поспешил исчезнуть в комнате, перед которой они стояли»; 3) *Ekmeklerine katık bile **bul+ama+dık+ları** günler vardır.* (HE SB, 187) «Бывают дни, когда им даже нечего намазать на свою краюху хлеба».

Реже эта форма способна выступать вне категории принадлежности *в функции определения в отрицательном статусе (-mA+DİK)*: 1) *İşit+il+me+dik* bir vaka (название романа Хюсеина Рахми) «Неслышанное происшествие»; 2) *Bir daha imamın kapısında görür[se], kadınlara dert yandığını işitirse, vücudunda **kır+ma+dık kemik** bırakmıyacaktı.* (HE SB, 1989, 21) «Если он еще раз увидит (Тевфика) у двери имама, услышит, что он делится с женщинами своими бедами, то не оставит у него ни одной не сломанной кости»; 3) *Günlerden bir gün hiç **umul+ma+dık** bir olay oldu.* (AN ADS, 120) «Однажды случилось совершенно неожиданное событие»; 4) *Jeannette yaşından **beklen+me+dik** bir olgunlukla,* “Unutalım

⁸⁹ Ср.: *Телицин Н. Н.* 1) Способы выражения субъекта действия при глагольных именах в древнеугорском языке // Востокведение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Международная научная конференция. 4–6 апреля 2006 г. Тезисы докладов. СПб., 2006. С. 129–130; 2) Субъект действия при глагольных именах в древнеугорском языке. С. 90–93.

gitsin, olur mu?" dedi. "Her ailede olur bunlar". (EŞ A, 108) «Жаннетт сказала с неожиданной для ее возраста зрелостью: "Давай об этом забудем, и все. Хорошо? В каждой семье случаются такие вещи"».

Функционирование формы -(y)AcAK

Субстантивное использование формы -(y)AcAK. В сфере субстантивного использования форма -(y)AcAK употребляется преимущественно в формах категории принадлежности: 1) Ne уар+асағ+ım+ı, bu halin beni nereye götür+есеғ+in+i sorma... (SA BÖ I, 20) «Не спрашивай, что я буду делать, куда меня все это заведет...»; 2) ...Emine ile aralarını bulmaya çalıř+асағ+ın+ı söyledi... (HE SB, 21) «...она сказала, что постарается наладить их отношения с Эмине...»; 3) Ded'e nin, inandıđı Allah'ın hoşgörüsü işine geliyor, fakat Dede'nin sıkı hayatını уаша+уама+уасағ+ın+ı da biliyordu. (HE SB, 26) «Ее устраивала снисходительность Аллаха, в которую верил дервиш, но она сознавала также и то, что не сможет вести тот строгий образ жизни, который он вел»; 4) "Nacet yok, söyle+уecek+ler+iniz+i biliyorum". (RNG YD, 20) «Нет необходимости, я знаю все, что вы скажете».

Пример субстантивного использования формы -(y)AcAK без аффиксов принадлежности: Herkesin benim gördüklerimi gördüğünü düşünce kadar da saftım. (EŞ A, 61) «Я был и настолько наивен, что думал, что и другие видят все то же, что и я».

Примеры передачи смысла «не знать, что делать» посредством устоявшегося сочетания формы -(y)AcAğ+ın+ı и глагола bil+(e)+me+mek в сфере субстантивного использования: 1) Ben sizsiz уаша+уама+уасағ+ım+ı anladım, sizinle evlenmek istiyorum. (HE SB, 201) «Я понял, что не смогу жить без вас, я хочу жениться на вас»; 2) Ama öteki âleme уarıtıđım keşifleri nasıl dur+dur+асағ+ım+ı bilmezdim ki. (EŞ A, 62) «Но я ведь не знал, как мне прекратить мои проникновения в потусторонний мир»; 3) Ne уарасаđını bilemeden kaşlarını çatarak şişeye baktı. (EŞ A, 80) «Не зная, что делать, она, нахмутив брови, посмотрела на бутылку».

Адъективное использование формы -(y)AcAK в формах категории принадлежности. При адъективном использовании форма -(y)AcAK функционирует преимущественно с аффиксами принадлежности: 1) ...karı+sin+ın+nin unut+ама+уасағ+ı bir tek acı olay vardır (HE SB, 1989, 29) «...есть лишь одно неприятное событие, которое его жена не сможет забыть»; 2) sizden iste+уеceғ+im şey (RNG Ç. S, 212) «то, о чем я вас попрошу»; 3) Mezarlık, hep+imiz+in gid+есеғ+ı yerdir. (Информант) «Кладбище — это место, куда мы все отправимся».

Адъективное употребление словоформ -(y)AcAK без аффиксов принадлежности. Приводимые примеры демонстрируют способность

формы $-(y)AsAk$ использоваться адъективно без аффиксов принадлежности в тех случаях, когда информация о производителе действия оставляется без выражения.

Примеры разговорных высказываний: 1) *Böyle gül+ecek ne var?* (Информант) «Что здесь такого, чтобы так смеяться»; 2) *Bekle+yecek yer.* (Информант) «Место, где можно ждать»; 3) *Bekle+yecek yer+im.* (Информант) «Место, где я буду (или могу) ждать» (аффикс принадлежности в составе определяемого); 4) *Yük taşı+uacak eşek.* (Информант) «Осел, который повезет грузы».

Примеры из литературы: 1) *Ona, Tefvik, âdeta kanı helâl bir kâfir, başı ez+il+ecek bir yıldan başka bir şey değildi.* (HE SB, 21) «Для него Тевфик был как будто не чем иным, как неверным (немусульманином), с происхождением которого дозволено мириться, змеей, голову которой следовало бы раздавить»; 2) *Resmî Selim Paşadan nefret eden halk onun özel hayatı hakkında söyle+yecek bir şey bulamazlar.* (HE SB, 29) «Люди, которые ненавидят официального Селима Пашу, не могут обнаружить ничего, что можно бы было сказать о его личной жизни»; 3) *İşler gittikçe sarpa sarmıştı adaşım, Atmaca'nın hali beni korkutuyordu. Fakat yar+ıl+acak hiç bir şey yoktu.* (SA BÖ I, 20) «Дела, тезка, постепенно приняли дурной оборот. Состояние Ахмаджи меня пугало. Однако решительно ничего нельзя было подделать»; 4) *Ancak karadakilere kana kana hıçkır+acak vakit bulurlar.* (HB ABB, 23) «Только у тех, кто на берегу, есть время вдоволь наплакаться»; 5) *Hancı şöyle bir süzdü önümdekileri. "Bana bak bunları öde+yecek para+n var mı?" diye sordu tepeden bakarak.* (EŞ A, 50) «Ханщик [с сомнением] осмотрел все, что стояло передо мной [на столе]. «Послушай, — сказал он, — у тебя есть деньги, чтобы все это оплатить?»».

Редкое использование средств категории принадлежности и глагольных имен для выражения смыслов «иметь» и «не иметь»: *Ne güzel şeydir tarife+si ol+mak... Tarife+si ol+an+lar bizim acımızı anlayamazlar. Bütün yaşamımda hiç tarife+m ol+ma+dı. Bundan sonra da ol+acağı yok...* (AN ADS, 17) «Как хорошо иметь расписание... Те, у кого есть расписание, не могут понять наше страдание. В течение всей моей жизни у меня не было расписания. Да и впоследствии не будет...».

Архаичная субстантивно-адъективная форма $-(y)AsI$. Форма $-(y)AsI$ в турецкой речи встречается довольно редко. В прошлом, в языке староанатолийско-тюркских письменных памятников (XIII–XV вв.), она функционировала как чрезвычайно употребительная форма, имевшая временное значение будущего действия.⁹⁰ В современном языке она практически полностью вытеснена формой $-(y)AsAk$.

⁹⁰ Гузев В. Г. Староосманский язык. М., 1979. С. 70.

Примеры субстантивного употребления формы $-(y)AsI$: 1) *Gördün mü derviş efendi, dövüş+esi+m yok+tu ama dövüştüm. Ya ne yapsaydım? Bu insan azmanlarına mı bıraksaydım meydanı?* (EŞ A, 52) «Ты видел, господин дервиш, у меня не было желания драться, но пришлось драться. Ну а что мне было делать? Неужели я должен был уступить поле брани головорезам?» (выделенная служебная конструкция характеризует действие как будущее в прошлом); 2) *Doğrusu şu anda Ella'nın hiçbir şeyi haıra yor+ası yoktu.* (EŞ A, 80) «По правде говоря, в этот момент у Эллы не было желания истолковывать что-либо к добру»; 3) *Neва o kadar sıcak ki insanın soyun+ası geliyor.* (Информант) «Погода такая жаркая, что хочется раздеться».

Примеры адъективного употребления формы $-(y)AsI$:⁹¹ 1) *Ya şu yıkıl+ası çirkin apartmanlar!* (VT, BGTB 18) «Ах, эти некрасивые многоэтажные дома, чтоб им развалиться!»; 2) *Kız, soyka kal+ası!* (YK OD, 5) Девчонка, оставаться тебе бестолковой!; 3) *Senin gibi bir oğlum olsa gene neysem ne, Allah bana boyu devril+esi bir sümüklü Hasancık verdi ki, vermese daha iyi ederdi.* (YK OD, 10) «Если бы у меня был такой сын, как ты, куда ни шло. Аллах мне подарил сопливого Хасанчика, которому надо бы околеть, лучше бы не дарил».

В настоящее время форма $-(y)AsI$ употребляется чаще всего в устойчивых словосочетаниях типа *Kahr ol+ası* «Будь он проклят!».

Проблема разграничения зон функционирования масдаров и сафов в функции дополнения. Проблема разграничения зон функционирования масдаров и сафов в турецком языкознании пока разработана слабо. Сейчас мы можем с уверенностью формулировать довольно мало правил.

1) Самый простой случай — устоявшееся управление глаголом, выступающим в функции дополняемого, которое диктует выбор и глагольного имени, и падежной формы: 1) *Bunu yar+ma+ya da çalışmıştı.* (OP Kk, 307) «Он тоже попытался делать это»; 2) «...ama her zamanki gibi senin Celâl amcan olaylara yalnızca başarıya her kes inan+ma+ya başlayınca katıldı» (OP Kk, 314) «...но, как это бывает всегда, твой дядя Джеляль принял участие в событиях, только когда все начали верить в успех»; 3) «...başka şeyler düşün+me+ye karar vererek, pencereden dışarı baktı. (OP CBvO, 21) «...решив думать о другом, он посмотрел в окно».

2) Если дополняемое выражает *волеизъявление* («Хочу, чтобы ты пришел»), в функции дополнения используется масдар, который может выступать в винительном падеже и в форме принадлежности: 1) *Sonra [Paşa] birşeyler anlat+ma+sın+ı, kendisini eğlendir+me+sin+i dileyen bir*

⁹¹ Приводимые примеры подарены коллегами.

bakışla Cevdet Bey'e baktı... (OP CBvO, 52) «Затем Паша посмотрел на Джевдет Бея взглядом, выражавшим желание, чтобы тот рассказывал что-нибудь, забавлял его»; 2) Ama şunu bil+me+nizi de isterim. (OP BAK, 34) «Но я хочу, чтобы вы знали следующее»; 3) İçimden bir ses her şeyi bırakıp git+me+m+i söylüyordu. (OP BAK, 397) «Какой-то голос во мне повелевал, чтобы я бросил все и ушел».

3) Если в функции дополняемого используется глагол, означающий *владение информацией* («знать») или *получение, сообщение таковой* («узнавать, понимать, рассказывать и т. п.»), функцию дополнения выполняет глагол в субстантивно-адъективной форме (-DİK или -(y)AcAk): 1) Sonra sayfalar arasından sanki bir şeytan geçti de, resimde kötülüğün, çoğu zaman, akıllılık ol+duğ+un+u hissettik. (OP BAK, 376) «Затем как будто бы сквозь страницы пробежал какой-то дьявол, мы почувствовали, что в рисунке есть что-то дурное, а в большей мере какое-то благоразумие»; 2) Ne kadar dürüstçe konuş+tuğ+um+u anlıyor muydu? (OP BAK, 409) «Понимал ли он, насколько правдиво я говорил?»; 3) Gözünün üstümüzde ol+duğ+un+u bildirmeye gelmiş olacaktı. (EŞ A, 70) «Он, вероятно, пришел для того, чтобы дать понять, что он не спускает с нас глаз».

Однако допустимо, что изложенное функциональное разграничение масдаров и сафов по признакам «волеизъявление» — «знание, узнавание» сложилось относительно недавно и едва ли строго соблюдается. На эти мысли наводят следующие примеры:

1) из романа писательницы Халиде Эдиб-Адывар (1882–1964) «Sinekli Bakkal» («Убогая лавка»): Belli ki söylediğini kimsenin işit+tiğ+in+i istemiyordu. (HE SB, 188) «Было ясно, что он не хотел, чтобы кто-либо слышал, о чем он говорил» (в функции прямого дополнения употреблена словоформа глагола işitmek «слышать» с аффиксом субстантивно-адъективной формы -DİK перед дополняемым, представляющим значение «хотеть»);

2) из романа Орхана Памука (род. в 1952 г.) «Benim Adım Kırmızı» («Мое имя — Красный»): ...Kara, bu konulardan söz aç+ma+u... çok ayıp bir şey olarak görüyor. (OP BAK, 34) «Кара считает, что заводить разговор на эти темы — очень постыдное дело» (дополняемое называет действие «считать», в составе словоформы глагола в функции дополнения, передающего смысл «заводить», употреблен аффикс имени действия -mA).

3.4.4. Категория деепричастий (адвербиальных, обстоятельственных форм глагола)

Понятие «деепричастие», как и многие другие единицы категориального аппарата современной теоретической лингвистики, сформировалось на материале индоевропейских (преимущественно флективных,

точнее, славянских) языков, в которых соответствующие ему морфологические средства или отсутствуют, или представлены довольно бедно. Все те языковые средства, которые можно было бы принять за деепричастия, например в немецком, английском или французском языках, вполне могут быть истолкованы как причастия, употребляемые в обстоятельственной функции. «Ни в древнегреческом, ни в готском, ни в старославянском не было морфологической категории деепричастий», — пишет А. В. Исаченко.⁹² Добавим, что не было этой категории и в латинском языке.⁹³

В доступных автору этих строк индоевропейских языках граница между причастиями и деепричастиями или отсутствует (например, в английском), или является в том или ином отношении спорной (в немецком, французском). Иными словами, в названных языках имеются глагольно-именные формы, которые, во-первых, наряду с субстантивными и/или адъективными (определятельными) функциями способны выполнять и обстоятельственную функцию, во-вторых, морфологически трудно отличимы от имен действия и/или причастий. Только мнение исследователя решает, трактовать ли конкретное образование как одну многофункциональную форму или как омонимичные формы *nomina actionis*, т. е. имени действия («герундия»), причастия (или даже прилагательного) или как деепричастия (тоже представляемого термином «герундий»). Примером может послужить интерпретация Джоном Лайонзом английской глагольной формы, которую неудачно принято именовать «герундием».⁹⁴

По словам Джона Лайонза, «в традиционной грамматике проводится различие между “причастием” и “герундием”. В той мере, в какой

---

⁹² Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960. С. 519.

⁹³ По-видимому, только одно латинское языковое средство может быть истолковано как деепричастие — это супин, имеющий своим значением цель. См. об этом: Козаржевский А. Ч. Учебник латинского языка. М., 1981. С. 60–61 и др. (в качестве примера приведено высказывание *Veni tibi gratulatum* «Я пришел тебя поздравить»).

⁹⁴ Автор настоящей работы считает термин «герундий» неудачным, поскольку: 1) он заимствован из латинской грамматики, в которой он представлял особое понятие — «отглагольное прилагательное, обозначающее испытываемое действие или необходимость этого действия... Пример: *liber legendus* “книга, которую нужно прочесть...”» (Козаржевский А. Ч. Учебник латинского языка. С. 107); 2) термин употребляется исследователями теории грамматики для означения не менее трех разных упоминаемых выше понятий и, следовательно, трех разных языковых инструментов, что противоречит общепризнанному в науке стремлению к однозначности и четкости терминологических единиц.

это разграничение действительно для английского языка, оно может быть сформулировано следующим образом: (а) Причастие — это слово [sic!], производное от глагола и употребляемое как прилагательное. (б) Герундий — слово, производное от глагола и употребляемое как существительное». Далее, по его мнению, различие между обоими понятиями проясняет сопоставление приведенных Ноамом Хомским примеров: (1) *Flying planes are dangerous*. «Летающие самолеты опасны»; (2) *Flying planes is dangerous*. «Летать [букв. “летание”] на самолетах опасно».⁹⁵

Приведенные слова Дж. Лайонза можно понять так, что «традиционная грамматика» вообще не обращает внимания на обстоятельственное функционирование английской глагольной формы с названием «герундий». Иначе следовало бы говорить о различии не только между причастием и «герундием», но и еще деепричастием, а также привести еще пример (3) типа: (When) *Flying planes I feel sick* «Летая на самолетах, я чувствую себя больным». Ср. также: *The teacher being ill the lesson was put off*. (Информант) «Поскольку учитель был болен, урок был отменен». В этих примерах словоформа с суффиксом *-ing* недвусмысленно употреблена для представления действия как обстоятельства.

«Герундий» во французском языке, понимаемый как «неличная форма, выражающая второстепенное действие, подчиненное действию, выраженному в сказуемом»⁹⁶ (т. е. деепричастие), является с некоторыми оговорками морфологическим омонимом причастия (*participe présent*): *Jean a vu Marie en sortant de l'école*. (пример В. Г. Гака) «Выходя из школы, Жан увидел Мари». Заметим, что автор «Теоретической грамматики французского языка» воспользовался наиболее употребительной индоевропейской трактовкой понятия «деепричастие», которая нам понадобится несколькими строками ниже.

Причастие I (причастие настоящее, *das Partizip der Gegenwart*) в немецком языке употребляется не только в определительной (*Ich sehe den lesenden Schüler*. «Я вижу читающего школьника»), но и в обстоятельственной функции (*Sie sprach zögernd*. «Она говорила, замедляя свою речь» (оба примера — В. Г. Адмони)).⁹⁷

На славянском материале, в частности болгарского и тем более русского языков, это морфологическое средство убедительно выделяется как особая форма или категория. Для него и существует введенный

⁹⁵ Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978. С. 264–265.

⁹⁶ Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1979. С. 239 и др.

⁹⁷ Адмони В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка. Строй современного немецкого языка. М., 1986. С. 163–164.

еще Мелетием Смотрицким в XVI–XVII вв. термин «деепричастие». Этот удачный термин имеет ясную мотивировку, отражающую сопричастность наблюдаемых в речи деепричастных словоформ, называющих какое-либо действие, действию, называемому какой-либо другой глагольной словоформой. Современный языковед мог бы сказать, что первое действие уточняет второе.

В болгарском языке имеется только одна деепричастная форма с суффиксом -йки (употребляется только с глаголами несовершенного вида), например: 1) Тича+йки към топката, той беше спънат и падна. «Когда он бежал к мячу, ему подставили ножку, и он упал»; 2) Чете+йки поемата, пред нас изгъква образът на смирения духовник.⁹⁸ «Когда мы читаем эту поэму, перед нашим взором возникает образ смиренного священника»; 3) Една крава, иде+йки от Слатина или Горубляне, минаваше край царския дворец. (Элин Пелин) «Одна корова, шагая из Слатины или Горубляне, проходила мимо царского дворца».⁹⁹

В современном литературном русском языке продуктивными признаются две деепричастные формы: с суффиксом -а, -я (придя, крича, разгуливая и т. п.) и с суффиксом -в(ши) (открыв, спугнув, вытянувшись и т. д.). Хотя в литературе легко можно встретить и другие формы, например: Итак, домой пришед, Евгений страхнул шинель, разделся, лег. (А. С. Пушкин. «Медный всадник»).

В. В. Виноградов трактует русские деепричастия как «гибридную наречно-глагольную категорию», тяготеющую к наречиям.¹⁰⁰ Говоря о первой из упомянутых форм, он пишет: «Лишь залоговые и видовые значения, лишь особенности глагольного управления противодействуют превращению этой формы деепричастия... в наречие, с которым ее роднит функция качественно-действенного отношения к глаголу».¹⁰¹

Ничто не мешает тюркологу присоединиться к изложенной позиции В. В. Виноградова, в которой отчетливо выражены сущностные свойства деепричастия: 1) быть адвербиальной формой глагола, т. е. означать действие, воспринятое коммуникантом как обстоятельство, при котором совершается другое, «уточняемое» (Г. П. Мельников) действие; 2) способность при необходимости лексикализировываться и пополнять класс наречных лексем.

Итак, первый важный вывод: под деепричастием в первую очередь следует понимать глагольную форму, означающую действие, воспринимаемое как обстоятельство.

⁹⁸ Андрейчин Л. Основна българска граматика. София, 1978. С. 103.

⁹⁹ Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М., 1981. С. 282–283.

¹⁰⁰ Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). С. 308.

¹⁰¹ Там же. С. 309.

Турецкая категория деепричастий (обстоятельственных, адвербиальных форм глагола) конституируется многочисленными (более 60) глагольными формами и представляет собой частную категорию в составе общей категории номинализации действия.¹⁰² Они лишены агентивного значения, а некоторые из них имеют временные значения (как, например, приводимая ниже форма *-mAzdAn evvel* «прежде чем»), однако эти значения не соотносены с настоящим периодом ориентации, а передают разного рода временные отношения между обстоятельством и уточняемым действием, т. е. носят таксисный характер.

Представляется рациональным в настоящем разделе ограничиться минимальным количеством примеров, достаточным для иллюстрации морфологического анализа категории деепричастий. Более обширный материал приводится ниже, в разделе «Функциональный синтаксис».¹⁰³

Форма *-(y)Ip* (наиболее общее обстоятельственное значение): 1) *Oğaya gidip ne yaparsaksın?* (Информант) «Что ты сделаешь, отправившись туда?»; 2) *Rüzgâr esmeye başladı. Kalk+ıp iki sigara içimi ötedeki kahveye vardık.* (НВ АБВ, 16) «Поднялся ветер. Встав [со своих мест], мы отправились в кофейню, что находилась недалеко»; 3) *...dedi ve çık+ıp gitti.* (VÖ МАКА2, 30) (букв.) «...сказал он и, выйдя вон, удалился».

Форма *-(y)ArAk* (делая что-либо): *Sonunu getiremedi. Birden döndü, hıçkır+arak yatağa kapandı.* (VT, 13) «(Нермин) не смогла договорить. Неожиданно повернулась, рыдая уткнулась в постель».

Форма *-(y)A ... (y)A* (интенсивно или многократно совершая что-либо): 1) *Sarsıl+a sarsıl+a ağlıyordu.* (VT, 13) «Она плакала, сотрясаясь от рыданий»; 2) *Böyle konuş+a düşün+e sekerek, çiftçi evlerine vardık.* (НВ АБВ, 15) «Вот так, переговариваясь, обмениваясь мыслями, мы вприпрыжку дошли до хозяйственных построек».

Форма *-(y)Inca* («когда, как только, после того как»): 1) *Babam kahvesini iç+ince deniz kıyısından ayrıldık.* (НВ АБВ, 15) «После того как отец выпил свой кофе, мы ушли с берега моря»; 2) *Bu sözleri duyu+unca ince bir sızı hissettim kalbimde.* (EŞ A, 50) «Услышав эти слова, я почувствовал легкую ноющую боль в сердце».

Форма *-mAdAn* (не делая чего-либо, «прежде чем»): 1) *Bana sor+madan Muzaffer bir daha sorgu yapmasın.* (HE SB, 128) «Пусть

¹⁰² Ср. Черемисина М. И. Деепричастия как класс форм глагола в языках разных систем // Черемисина М. И. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1977. С. 326–328.

¹⁰³ Наиболее подробные сведения о турецких деепричастиях см. в: Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. С. 90–196; Yüce N. Gerundien im Türkischen. Eine morphologische und syntaktische Untersuchung. Istanbul, 1999.

Музаффер больше не проводит допросов, **не спросив меня**»); 2) *Eve gir+meden (önce) şarkamı çıkardım.* (Информант) «**Прежде чем войти** в дом, я снял шапку».

Форма -mAzdAn evvel («прежде чем»): *Yüzünden kan çekil+mezden, gözleri yuvalarından fırla+mazdan, ağzı bir dem çekip kapan+mazdan evvel* çıkardığı o ses, tuzğa düşmüş bir kurdun uluması gibi, hançerlenmiş bir insanın elvedası. (EŞ A, 39) «Тот звук, который он издал, **прежде чем** кровь схлынула с его лица, глаза **выкатились** из глазниц, а рот **открылся и закрылся**, был прощальным криком заколотого человека, похожим на вой попавшего в капкан волка».

Форма -DİkAn sonra («после того как»): *Paşa her kes çık+tıktan sonra* karısının odasında biraz daha kaldı. (HE SB, 35) «**После того как все вышли**, паша еще побыл немного в комнате своей жены».

Обстоятельственные финитные формы. В тюркских языках, в том числе, разумеется, и в турецкой языковой системе, имеются финитные формы с обстоятельственными значениями, передающие посредством соответствующих словоформ в речи разного рода обстоятельственные смыслы. Трудно сомневаться в том, что эти финитные формы тоже представляют собой те языковые средства, которые традиционно именуется деепричастиями. И если это так, то перед нами факты, которые противоречат прочно утвердившейся в индоевропейском языкознании традиции трактовать деепричастия как *нефинитные* формы глагола. Приводимый ниже материал дает основание сомневаться в непогрешимости этой традиции и полагать, что финитность или нефинитность обстоятельственных форм глагола не имеет отношения к их сущностным значениям и функциям. Последние же, как представляется, заключаются в том, что значения деепричастных форм сигнализируют об адвербиализованности действия, т. е. о том, что ему приписывается роль обстоятельства, и, следовательно, в речи соответствующие словоформы также выражают действия, представляемые коммуникантами как обстоятельства.

Спрягаемая форма -Dİ mİ «стоит (только)...»: 1) *Fakat pençeleri bir sanığın kulak tozuna indi mi, değil yalnız sağır, herifi kör edebilirdi.* (HE SB, 126) «**Только стоило** его лапам коснуться ушей какого-нибудь заключенного, человек мог не только оглохнуть, но и ослепнуть»; 2) *Avluuya girdiniz mi ev sahibi karşınıza çıkar.* (Информант) «**Стоит вам войти** во двор, как навстречу вам выходит хозяин дома».

Спрягаемая форма -Dİ ... -(y)AlI «с тех пор как»: 1) *Kendini bil+di bil+eli durgun bir göl gibiydi Ella Rubinstein'in hayatı.* (EŞ A, 11) «**С тех пор как** Элла Рубинштейн себя помнит, ее жизнь была похожа на спокойное озеро»; 2) *Bir cefam var idi bin oldu/ Akti gözüm yaşı sel oldu /*

Yaz baharım döndü kış oldu / Sen benden **git+tin gid+eli**. (Народная песня) «С тех пор как ты ушла от меня, одно мое страдание стало тысячью мук, мои слезы полились рекой, лето превратилось в зиму».

Форма -(I)yor mI «всякий раз, когда»: Akşam olmu+yor mu, en çok ona sigara götüremediğime üzülüyorum. (SF BE, 201) «**Всякий раз, когда** наступает вечер, я больше всего переживаю по поводу того, что не могу занести ему сигарету».

Форма -(A)r ... -m(A)z «как только»: 1) ...bir ayak sesi **duy+ar duy+maz**, her kes birden susuyor. (HE SB, 24) «...**заслышав** какие-нибудь шаги, все разом умолкают»; 2) Beyaz kapı açıl+ır açıl+maz aynı anda siyah kapı da kolayca açıldı. (VÖ MAAK I, 10) «**Как только** открылась белая дверь, в тот же момент легко открылась и черная дверь».

Форма -yormuş gibi «как будто»: 1) Başsız gövde göğsüme düştü. Beni **okşuyormuş gibi** parmaklarını bir sıkıyor, bir açıyordu. (HB ABB, 23) «Обезглавленное тело упало мне на грудь. Он то сжимал, то разжимал пальцы, **как будто ласкал меня**»; 2) ...size cam gibi imişsiniz de **ötenizde bir ufka bakıyorlarmış gibi** bakarlar... (HB ABB, 35) «...**смотрят на вас так, как будто вы стеклянный, а они смотрят на горизонт далеко позади вас...**».

Форма -(y)AcAkmış gibi «как будто»: 1) Cigarasını bir çekişte baştan başa **içecekmiş gibi** çekti. (HB ABB, 25) «Он затянулся так, **как будто хотел выкурить** сигарету всю целиком одной затяжкой»; 2) Ancak yarım saatlik yol almışlardı ki, kapkara bulutlar üstlerine çöktü. Sanki kara bulutlar başlarına **değecekmiş gibiydi**. (AN ADS, 122) «Только не успели они пройти и полчаса, как над ними появились черные-пречерные тучи. Черные тучи **как будто вот-вот коснутся их голов**».

Все сказанное выше о деепричастии, а также приведенный материал дают основание в итоге отказаться от некоторых утвердившихся в теоретической лингвистике представлений о сущностных свойствах деепричастий. В частности, от трактовки деепричастия как *нефинитной или неличной формы, выражающей второстепенное действие, подчиненное действию, называемому другой глагольной словоформой*. На приведенных примерах было показано, что ничто не мешает деепричастию быть не только финитной формой, т. е. средством выражения смысла в виде суждения, но и личной формой, т. е. обладать формоизменительным механизмом представления участника ситуации (в данном случае — субъекта, предмета мысли) значением лица.

Утверждение о второстепенности и даже подчиненности действия, называемого глагольной основой, вполне могло возникнуть как отражение *атрибутивного* характера обстоятельственных конструкций, в которых уточняемый компонент (определяемое, дополняемое или обстоятельственное уточняемое) признается главным, ведущим, а уточняющий

компонент (определение, дополнение, обстоятельство) — второстепенным. Иными словами, второстепенность действия, называемого деепричастной словоформой, как и любое синтаксическое обстоятельство, не может считаться специфической особенностью деепричастий. Последняя, как справедливо отметила М. И. Черемисина, заключается в том, что деепричастная форма «выражает определенный характер отношения обозначаемого действия к другому (главному) действию». ¹⁰¹ И существенно важно то, что любое действие, сопутствующее другому, является обстоятельством последнего.

Что касается мнения, согласно которому деепричастная словоформа в составе высказывания называется «*действие, подчиненное действию, выраженному в сказуемом*», то его приходится признать попросту недоразумением, опирающимся на наиболее часто встречающиеся случаи, поскольку ничто, кроме стиля или нормы, не мешает строить конструкции, в которых в функции главного компонента употребляется, скажем, причастие (**посмеиваясь, прогуливающийся человек*). Это подтверждается последней строкой из следующего отрывка из «Евгения Онегина»: «Разврат, бывало, хладнокровный / Наукой славился любовной, / Сам о себе везде трубя / **И наслаждаясь не любя**» (гл. 4, строфа VII). В выделенной обстоятельственной конструкции и уточняемое (главное), и уточняющее (подчиненное) действия называются деепричастными словоформами.

Носитель агглютинативного языка, каким является турецкий, нормально употребляет в речи уточняемые (главные) компоненты обстоятельственных конструкций не только в функции предиката или сказуемого, но и в функциях других членов предложения, например, дополнения: Çayı hafifçe üfleterek soğutuşunu... seyrettim. (OP MM, 28) «Я наблюдал, как она, легонько дую на чай, [осуществляла] охлаждение чая» (Искусственность перевода допущена в целях облегчения понимания структуры турецкого высказывания, в котором использована словоформа *имени действия*); определения: 1) Çayı hafifçe üfleterek soğutan kırım. (Модификация — замена *имени действия причастием* — предыдущего примера произведена стамбульским коллегой Хюсеином Даллы) «Моя жена, **остужающая чай, выдыхая на него воздух**»; 2) ...bizim masada suratları asık, **didişerek birbirleriyle konuşan** Berrin ile Osman'dan başka kimse yoktu. (OP MM, 155) «...за нашим столом не было никого, кроме Беррин и Османа с мрачными физиономиями, **которые разговаривали, [постоянно] переругиваясь**».

¹⁰¹ Черемисина М. И. Деепричастия как класс форм глагола в языках разных систем. С. 335.

В свете высказанных соображений содержание понятия «деепричастие», по мнению автора настоящей работы, могло бы иметь следующую формулировку: деепричастие — это адвербиальная, «наречно-глагольная» (В. В. Виноградов) и, следовательно, именная глагольная нефинитная или финитная форма, означающая действие, которому приписывается роль обстоятельства, что делает его средством построения в речи обстоятельственных конструкций, в составе которых деепричастная глагольная словоформа выступает в функции зависимого члена, обстоятельственного уточнения (и выражает действие-обстоятельство), а в функции ведущего члена выступает глагольная словоформа, называемая уточняемое действие, с которым действие-обстоятельство может иметь самые разные отношения (временные, причинно-следственные, отношения сопутствия и т. п.).

3.5. Глагольная категория сказуемости

Глагольная категория сказуемости, подобно любой многочленной категории, представляет собой совокупность *финитных* форм, в которых глаголы-слова выступают в высказываниях в функции сказуемого.¹⁰⁵ С коммуникативно-функциональной точки зрения финитная форма — это морфологическое средство выражения суждений, а в семантическом плане оправданно допускать наличие у финитных форм грамматического значения, являющегося обобщенным образом суждения, моделью, по которой формируется субъектно-предикатная структура смысла.

«Оттенок в слове, показывающий, что слово соответствует не представлению только, а целой мысли, называется в синтаксисе сказуемостью. Сказуемость — это грамматическая категория, и притом важная из категорий, так как в ней тесно сплетаются речь с мыслью».¹⁰⁶

3.5.1. Понятия «наклонение» и «модальность»

Выделение субкатегорий, входящих в состав глагольной категории сказуемости, связано с наличием у них собственных категориальных значений. Наиболее крупными из них являются *наклонения* — *глагольные категории, конституируемые формами, значения которых имеют то или иное модальное содержание и служат для выражения модальностей*.¹⁰⁷

¹⁰⁵ Ср.: Севортян Э. В. Категория сказуемости. С. 16–21.

¹⁰⁶ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. С. 172.

¹⁰⁷ Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 2. С. 470.

В современном теоретическом языкознании едва ли существует трактовка понятия «модальность», которая признавалась бы достаточно убедительной. Пока можно лишь констатировать, что модальность трактуется и как «понятийная категория»,¹⁰⁸ как функционально-семантическая категория, и как разновидность языковых значений (семантем) и смыслов, т. е. внеязыковой семантики.

Трактовка модальности как «понятийной категории» может означать, с одной стороны, что в какой-то мере эта категория принадлежит самой науке о языке, находится в составе ее понятийного аппарата, с другой — что она является одним из мыслительных или эмоциональных средств, участвующих в порождении и восприятии высказываний, а также сопровождающих, характеризующих передаваемые смыслы. В обоих случаях приходится трактовать модальность как экстра- или паралингвистическое средство.

Туманная трактовка модальности как функционально-семантической категории игнорирует вопрос о ее носителях.¹⁰⁹ (Читатель вправе недоумевать, категорией чего является модальность: языковой системы, мышления (какого-либо мыслительного содержания) или передаваемого в актах коммуникации смысла?) Это обстоятельство делает обсуждение приведенной формулировки бесперспективным.

Как справедливо заметил Г. В. Колшанский, модальности относятся к числу обязательных признаков законченного высказывания.¹¹⁰ В лингвистической литературе модальными признаются, как правило, или языковые семантические единицы — лексические или грамматические значения (семантемы), включая отдельные семы, — или же соответствующие смыслы (как следствие реализации вышеназванных семантических единиц),¹¹¹ характеризующие речевые единицы (в первую очередь единицы высказываний). Своим содержанием эти семантемы и смыслы способны сигнализировать об отношении содержания высказывания к действительности, устанавливаемом коммуникантом, например: *изъявительная* модальность сигнализирует о прямом соответствии содержания высказывания объективной реальности, *согласительная* — о несоответствии содержания высказывания объективной реальности, *«субъективная»*, т. е. опосредованная модальность («незвиденциальность», «незасвидетельствованность») сигнализирует о том, что говорящий не был свидетелем события, а сообщает о нем

¹⁰⁸ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2007. С. 237–238.

¹⁰⁹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 303–304.

¹¹⁰ Колшанский Г. В. Логика и структура языка. М., 1965. С. 93–94.

¹¹¹ Там же; Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984. С. 5–169.

или с чьих-то слов, или как о знании, полученном путем умозаключения.

Модальность трактуется так же, как та или иная разновидность «субъективной квалификации сообщаемого».¹¹² Иными словами, это «те значения, которые указывают на степень достоверности (курсив мой. — В. Г.) с точки зрения говорящего, содержания предложения и в этом смысле могут быть определены как разновидности субъективной модальности».¹¹³ Эти слова В. З. Панфилова можно понять так, что модальными в данном случае признаются лексические или грамматические средства сигнализации обо всем, что представляется в речи словами типа «вероятно», «возможно», «наверное», «может быть», «как будто (бы)», «наверняка» и т. п. Конкретным содержанием модального значения или смысла могут быть также предположение, допущение вероятности, уверенность в реальности сообщаемого события и т. п.¹¹⁴

Можно констатировать, что в *изъявительной, сослагательной* и *опосредованной* модальностях, а также в субъективной квалификации сообщаемого (субъективная оценка разной меры достоверности содержания высказывания) имеется семантический инвариант — это устанавливаемый коммуникантом характер соотношения содержания высказывания и действительности.

Трудно сомневаться и в том, что содержанием модальности следует признавать *эмоциональное состояние индивида (стыдится, сердиться, быть возбужденным, счастливым, испытывать желание, сомнение)*.¹¹⁵ Следовательно, модальность может заключаться также в экспликации волеизъявления субъекта (приказа, желания, просьбы, обязанности, чувства долга).

Во всех вариантах, разновидностях, проявлениях источником модальности всегда оказывается субъект, его субъективное эмоциональное *состояние* или *действие* (желание, предположение, допущение вероятности чего-либо, уверенность или сомнение в реальности сообщаемого события, сознание проблематичности чего-либо и т. п.).¹¹⁶ Близки по своей семантике к названным модальным состояниям немецкие «модальные глаголы»: dürfen «сметь», können «мочь», mögen «желать», müssen «быть должным (делать что-либо)», sollen «быть обязанным (делать что-либо)», wollen «хотеть». Едва ли можно сомневаться в том, что

¹¹² Лингвистический энциклопедический словарь. С. 303–304.

¹¹³ Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971. С. 186.

¹¹⁴ Ср.: Бенвенист Э. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика. С. 214.

¹¹⁵ Ср.: Там же.

¹¹⁶ Ср.: Там же.

модальность может заключаться также в экспликации *волеизъявления* субъекта (*приказа, желания, просьбы*). Поэтому едва ли состоятельны попытки отрицать модальную природу императива путем противопоставления коммуникативной и аппеллятивной функций.¹¹⁷ Эти понятия не только не могут противопоставляться, а наоборот: первое покрывает второе — аппеллятивная операция не может попросту состояться, если не происходит коммуникация.

Поскольку во всех своих разновидностях модальность так или иначе указывает на субъект и в этом смысле *бывает только субъективной*, едва ли оправданно говорить о существовании «объективной модальности», понимаемой как «модальность, указывающая на характер связей, отражаемых в содержании высказывания».¹¹⁸ В первую очередь речь идет о ставшем традиционным в грамматиках многих языков «условном наклонении», имеющем своим значением «условную модальность».

По мнению автора настоящей работы, если какое-либо действие воспринимается как условие другого действия, то речь идет об отношении элементов объективной реальности, а само условие представляет собой разновидность *обстоятельств*. Это подтверждают факты неродственных языков, свидетельствующие об онтологической близости тех реалий, которые в русском языке называются условием и обстоятельством. Восприятие события и как условия, и как обстоятельства можно видеть, например, в семантике и в функционировании немецкого союза *wenn* «когда, если»: 1) *Wenn er das Zimmer betrat, standen alle Schüler auf.* «Когда он входил в комнату, все ученики вставали»; 2) *Wenn (falls) Du Zeit hast, könnten wir hinausgehen.* «Если (в случае если) у тебя есть время, мы могли бы выйти [прогулку]». В современном узбекском языке наблюдается широко распространенное употребление словоформ условного наклонения для передачи временных отношений: 1) *Соатга қарасам, кино бошланадиган вақт булибди* (Соатга қараган пайтимда...). «Когда я посмотрел на часы, наступило время показа фильма»; 2) *Ойнадан қарасам (қараган вақтимда), у келаётган экан.*¹¹⁹ «Когда я посмотрел (в то время, когда я посмотрел) через стекло, он шел в нашу сторону».

Таким образом, в настоящей работе *содержанием понятия* «модальность» признаются: языковое значение (семантема) или передаваемый

¹¹⁷ Володин А. П., Храковский В. С. Об основаниях выделения грамматических категорий: время и наклонение // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка / отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1977. С. 52–53.

¹¹⁸ Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. С. 191.

¹¹⁹ Современный узбекский язык. Лексикология. Фонетика, графика и орфография. Морфология / ред. Ф. Камалов. Ташкент, 1957. С. 421–422.

посредством речевых единиц смысл, сигнализирующие, во-первых: 1) об отношении содержания высказывания к действительности, устанавливаемом коммуникантом; 2) об опосредованном получении коммуникантом знания, информации, передаваемой в качестве смысла (либо пересказывательно, *нарративно*, т. е. посредством узнавания от какого-либо лица, либо *инференциально*, т. е. путем умозаключения на основании восприятия какого-либо факта); во-вторых: 1) об экспликации волеизъявления субъекта (приказ, желание, просьба, обязанность, предположение и т. п.); 2) о субъективном состоянии (желание, воля, предположение); 3) о субъективном отношении коммуниканта к сообщаемому событию.

3.5.2. Наклонения и формы модальностей в турецком языке

Инвариант родственных семантем разных модальных форм и является категориальным фактором, конституирующим каждую конкретную категорию в ряду наклонений.

В турецком языке глагольные формы с модальными значениями составляют категории следующих *наклонений*: 1) изъявительное (индикатив); 2) повелительное (императив); 3) желательное (оптатив); 4) условное (кондиционал < англ. conditional, нем. Konditionlis, фр. conditionell); 5) долженствовательное (дебитив).¹²⁰ Кроме того, как будет показано ниже, есть основание разрабатывать гипотезу о наличии в турецком языке двух сослагательных наклонений — конъюнктива и повелительно-желательного наклонения («субжонктива»).

Носителями модальных значений являются также «*модальные формы глаголов*», представляемые в речи образованиями, в которых модальный показатель располагается после темпорального: 1) утвердительная модальность; 2) условная модальность; 3) модальность опосредованности, индирективности («субъективная модальность»);¹²¹

В настоящей работе в разделе «Вторичные морфологические средства выражения модальностей» помимо перечисленных «модальных форм» приводится трактовка некоторых лексико-суффиксальных и аналитических форм, способных быть полезными для уточнения содержания понятия «модальность».

---

¹²⁰ Приводимые термины представляют одну из устоявшихся терминологических традиций в тюркском языкознании. См., напр.: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 566.

¹²¹ Там же.

3.5.3. Категория изъявительного наклонения (субкатегория времени индикатива)

Категория изъявительного наклонения, сигнализирующая о полном соответствии содержания высказывания объективной реальности, в соответствии с исконным принципом тюркских языков не выражать в речи того, что с точки зрения тюркской картины мира само собой разумеется, не имеет специальной морфемы изъявительного наклонения. Она конституируется всей системой временных форм, которые служат «для простого констатирования, утверждения или отрицания действия в настоящем, прошедшем и будущем»,¹²² и таким образом эта подсистема выделяется как наклонение по отношению к другим наклонениям.

1) Принципы истолкования категории времени¹²³

Традиционная концепция *глагольной категории времени* обычно описывает формы, в значениях которых образы действий вступают в хронологические отношения и, как правило, характеризуются попросту как «настоящие», «прошедшие» и «будущие» времена. Нередко их именуют «простыми» или «сложными временными формами».

Согласно наиболее распространенной точке зрения «категория времени вообще обозначает не просто время деятельности предмета, а отношение времени деятельности его ко времени речи»,¹²⁴ «или факту сообщения».¹²⁵

Ранее автору настоящей работы уже приходилось выражать сомнение в правомерности положения о том, что в глагольных временных формах действие, называемое глагольной основой, соотносится с *моментом речи*.¹²⁶ Подобные сомнения высказывались и другими авторами. Сомнения в правомерности этого положения высказывались неоднократно: как пишет, например, Н. А. Сыромятников, «момент речи мог бы быть единственным критерием лишь для языков с тремя временами — настоящим, прошедшим и будущим. А для тех языков, в которых времен больше... таким критерием является временное отношение между теми действиями, о которых идет речь».¹²⁷ Н. А. Сыромятников

¹²² Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). С. 462.

¹²³ Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол. С. 66–71.

¹²⁴ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. С. 106.

¹²⁵ Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. Сб. статей / сост. О. Г. Ревзина. М., 1972. С. 100.

¹²⁶ Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол. С. 66–71.

¹²⁷ Сыромятников Н. А. Система времен в новояпонском языке. М., 1971. С. 17.

цитирует позицию Н. С. Поспелова, по мнению которого «ориентировка» принципов истолкования языковой категории времени на момент речи порочна с точки зрения общей теории языка,¹²⁸ с чем автор настоящей работы не может не согласиться.

Точкой или периодом ориентации, с которыми хронологически соотносятся образы действий, не может быть «момент речи», поскольку: 1) он представляет собой внеязыковое событие, происходящее в реальной действительности, что не согласуется со способностью коммуникантов прибегать к транспозитивному употреблению временных форм; 2) будучи материальным явлением, не может входить в содержание языковых значений, являющихся абстрактными образами; 3) он может лишь учитываться говорящим при выработке стратегии высказывания, в том числе при выборе той или иной временной формы, но не может в силу своей объективности, «экстралингвистичности» быть центром системы идеальных единиц, которыми являются языковые значения.

Количество обычно анализируемых грамматистами временных форм, конституирующих категорию времени турецкого языка, находится в пределах 19 единиц (в действительности их гораздо больше). Если бы значения этих форм имели лишь темпоральное содержание, которое наличествует у каждой из них и объединяет их в один ряд, то теоретически турецкий язык располагал бы только девятью временными формами (три периода ориентации с соотносимыми с ними формами). Однако содержание значения некоторых форм является сложным, поскольку содержит не только темпоральные, но и аспектуальные, модальные или интервальные смы (например, не просто будущее, а ближайшее будущее). Это обстоятельство находит подтверждение как в диахронии, точнее, в происхождении временных форм, так и в соотношении форм, наблюдаемом на синхронном срезе, в современном состоянии языка.

Подавляющее большинство временных форм (настоящее-будущее, простое прошедшее, перфект) восходит к именным формам глагола (см. выше раздел «Категория номинализации действия»). Другие — к сложновербальным формам с аспектуальными значениями (настоящее I, возможно также настоящее длительное, перфект).¹²⁹

Согласно излагаемой в настоящей работе концепции¹³⁰ функциональное предназначение временных форм состоит в том, чтобы

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л., 1981. С. 69–96; Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. 2-е изд., испр. и доп. М., 1986. С. 148, 153–200.

¹³⁰ Подробнее см.: Гусев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол. С. 66–71.

выражать в качестве смыслов соотношение (совпадение по времени, предшествование или следование за...) действий с какими-либо событиями, с которыми говорящий ассоциирует имеющийся в значении каждой формы в качестве его компонента (семь) абстрактный, обобщенный образ *периода ориентации*. Вполне допустимо, что прежде всего таким периодом ориентации является настоящий период, представляющий собой вместе с тем и исходную точку всей системы. Иными словами, в качестве настоящего момента или периода ориентации, с которым непосредственно или опосредованно хронологически соотносятся образы действий и который является исходной точкой всей системы, мыслится оязыковленный обобщенный, абстрактный образ, сформировавшийся в результате отражения и обобщения реальных настоящих моментов, способный быть, по выражению Э. Бенвениста, «моментом вечного настоящего»¹³¹ и способный ассоциироваться в сознании с любым (настоящим, прошлым или будущим) конкретным моментом реального времени.

В качестве альтернативной гипотезы можно допускать, что настоящий период ориентации в современном языке используется в функции ориентира не только настоящей, но и других — прошедшей и будущей — подсистем. Этот подвижный внутриязыковой временной ориентир, который можно попросту именовать «периодом временной ориентации», предположительно способен использоваться в составе значения каждой временной формы, входящей в систему (категорию) или подсистему (частную категорию) времени. Однако в дальнейшем изложении во имя четкости и однозначности позиции автор опирается на представление о трех — настоящем, прошлом и будущем — периодах ориентации.

Морфологическое устройство категории времени индикатива турецкого языка свидетельствует о том, что она состоит из трех подсистем. Первичная — это система настоящего времени. Она конституируется восемью формами, значения которых соотносятся с настоящим периодом ориентации (совпадение, предшествование, следование), т. е. периодом, соотношенным с настоящими событиями: *Şu anda mektup yazıyorum*. «В настоящий момент я пишу письмо» (выделенная словоформа сигнализирует об ориентированности события на настоящий период).

Легко себе представить, что для передачи событий прошлого необходима соотношенность и периода ориентации с прошлыми событиями. В таком случае включается вторичная система, содержащая формы, маркированные аналитическим показателем (i)di, которые соотносятся с периодом ориентации, соотношенным с прошлыми событиями. Если речь,

¹³¹ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 297.

например, идет о действии, совпадающем с периодом ориентации, то сказанное можно иллюстрировать следующим высказыванием: *Dün saat dokuzda uyuyordum*. «Вчера, в девять часов я (уже) спал» (выделенная словоформа маркирует прошлый период ориентации).

Для передачи информации о будущих действиях язык использует оязыковленный период ориентации как имеющий место в будущем. Как будет показано ниже, структурной морфологической особенностью будущих «времен» является их аналитическая структура: *Bir yıl sonra Moskova'da Alarko şirketinde çalışıyor olacağım*. (Из частного письма) «Через год (в это время) я буду работать в Москве, в фирме Аларко» (выделенная аналитическая словоформа свидетельствует о хронологическом совпадении действия с периодом ориентации, предполагаемым как будущий).

Традиционный подход трактует формы, в значениях которых образы действий хронологически соотнесены с «оязыковленными» абстракциями прошлого и будущего периодов, просто как «прошедшие» и «будущие» времена, именуя их нередко «сложными временными формами». Однако такая трактовка форм соответствующих подсистем категории времени, как представляется, игнорирует подлинное, функциональное (коммуникативное) предназначение подобных морфологических средств. Необходимо отдавать себе отчет в том, что какая-либо форма вторичной ориентации сигнализирует о том или ином соотношении с прошлым периодом ориентации, но сам этот ориентир соотнесен с настоящим периодом как предшествующий ему. То же самое справедливо и в отношении будущего периода ориентации: значение временной формы сигнализирует, скажем, о совпадении действия с этим ориентиром, но сам ориентир позволяет воспринимать это действие как будущее.

ii) Структура и состав глагольной категории времени

1) Формы первичной ориентации

а) Настоящее I время (настоящее время данного момента)¹³²

Функциональное предназначение. Настоящее I время — одна из наиболее употребительных временных форм настоящего времени, сигнализирующих о том, что действие совпадает с настоящим периодом ориентации. Она функционирует в самых разных речевых стилях без ограничений. Не имеет аспектуальных компонентов значения, т. е. способно передавать как конкретные (актуальные), реально

¹³² Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 223.

осуществляющиеся («здесь и сейчас») действия типа «Он сейчас спит», так и действия, неактуальные, не связанные с конкретными ситуациями, типа «Я часто езжу на велосипеде».¹³³ В сфере передачи настоящих неконкретных действий чаще всего выступает как синоним «настоящего-будущего времени». Его значение отличается от значения последнего отсутствием как аспектуальных сем, так и сем, сигнализирующих о следовании действия за настоящим периодом ориентации, иными словами, неспособностью выражать (при прямом употреблении) будущие действия.

Формообразование и формоизменение (спряжение). «Настоящее I время» представляет собой финитную форму, в функции формообразующего показателя которой выступает аффикс *-(I)uog*. Формоизменение осуществляется личными аффиксами I-го типа: *yaz+ıuog+um*, *yaz+ıuog+sun*, *yaz+ıuog+ø*, *yaz+ıuog+uz*, *yaz+ıuog+sunuz*, *yaz+ıuog+lar* «я пишу, ты пишешь, он пишет, мы пишем и т. д.»

Отрицательный статус получает показатель *-mA* перед формообразующим аффиксом: *yaz+mi+ıuog+um* «не пишу», *yaz+mi+ıuog+sun* «не пишешь» и т. п. Ударение при этом помещается перед безударным отрицательным аффиксом (о замене алломорфов *-ma/-me* алломорфами *-mi/-mı/-mu/-mü* см. следующий абзац).

Турецкие орфографические правила отражают фонетические явления, сопровождающие построение словоформ: широкие конечные гласные глагольных основ и аффикса отрицания ([a], [e]) перед аффиксом *-(ı)uog* чередуются с соответствующими узкими: [a] > [ı], [e] > [i]: *başlamak* «начинать, начинаться» — *başlıyor* «начинает, начинается», *işlemek* «работать» — *işliyor* «работает». Если исходному широкому гласному основы предшествует слог с губной гласной ([o], [ö], [u], [ü]), то конечные широкие переходят в губные узкие: [a] > [u], [e] > [ü]: *susamak* «жаждать, хотеть пить» — *susuıuog* «хочет пить», *söylemek* «говорить» — *söylüıuog* «говорит». То же явление наблюдается и в словоформах отрицательного статуса: *bulmak* «находить» — *bul+ma+mak* «не находить» — *bul+mu+ıuog* «не находит». Изложенное фонетическое явление наблюдается и в словоформах статуса невозможности с показателем *-(y)ama/-(y)eme*: *gid+emi+ıuog+um* «я не могу идти», *konuş+amı+ıuog+um* «я не могу говорить». Вопросительная словоформа включает в себя еще и частицу с узкими гласными (*mi*, *mı*, *mu*, *mü*), которая подчиняется гармонии гласных и располагается в словоформе

¹³³ Ларс Юхансон производит глубокий анализ функциональных свойств этой формы, полемизируя при этом с Эрвином Кошмидером: *Johanson L. Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems. Uppsala, 1971. S. 82-87.*

перед личными аффиксами, отделяя их на письме от остальной части словоформы: *yaz+mi+yor mi+yum?* «Разве я не пишу?», *yaz+mi+yor mi+sun?* «Разве ты не пишешь?» и т. д.

Примеры: 1) О *kaytar+iyor, biz ise onun yerine çalışmak zorundayız.* (Информант) «Он уклоняется, а мы тут работаем за него»; 2) *Yunan orduları yürü+yor Ankara üstüne...* (NH, YGŞK, 404) «Греческие войска идут на Анкару...»; 3) *Beni bir iş için Trabzon'a çağır+iyor+lar.* (NH YGŞK, 406) «Меня по какому-то делу **вызывают** в Трабзон»; 4) *Maafih, fena bir şey mi yar+iyor+um? Kimsenin malına, hayatına, ırzına mı dokun+uyor+um?* (RNG YD) «Кроме того, разве я **совершаю** что-нибудь плохое? Разве я **покушаюсь** на чью-либо собственность, жизнь или честь?»; 5) «Yoksa vaktiyle Müslümanın da sonradan mı gâvur oldun? Tevekkeli bizim dilimizi böyle konuşmuyorsun». (HE SB, 83) «Или ты когда-то был мусульманином, потом стал неверным? Неспроста ты так (хорошо) говоришь на нашем языке».

б) Форма «настоящего-будущего времени»¹³⁴

Ставшее общепринятым в тюркском языкознании название этой древнейшей временной категории отражает способность ее значения сигнализировать как о темпоральном совпадении действия с настоящим периодом ориентации, так и о его следовании за ним. Это обстоятельство позволяет трактовать темпоральное содержание значения настоящего-будущего как непредшествование действия настоящему периоду ориентации. В состав значения этой временной формы входит также аспектуальная сема, сигнализирующая о неконкретности действия, т. е. о том, что действие совершается не здесь и не сейчас. Сочетание названных двух сем — темпоральной и аспектуальной — обуславливает коммуникативные свойства этой временной формы, т. е. способность передавать перечисляемые ниже узуальные, а также окказиональные смыслы.

Из сказанного следует, что в прагматическом отношении настоящее-будущее отличается от настоящего I способностью передавать в качестве смыслов только неконкретные (неактуальные) и будущие действия (т. е. следующие за настоящим периодом), а также функционированием в составе ряда устойчивых словосочетаний (см. об этом ниже).

Коммуникативное предназначение (передача узуальных смыслов)

I. Настоящее-будущее способно сигнализировать о том, что действие субъективно воспринято говорящим как настоящее, но не связанное с какой-либо конкретной ситуацией:

¹³⁴ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 225.

а) действие мыслится как *естественное по своей природе, как проявление свойства предмета или события*, о котором идет речь (пример 1), или как *вневременное закономерное явление* (пример 2): 1) Güneş doğudan **doğ+ar**, batıdan **bat+ar**. (Информант) «Солнце **восходит** на востоке, **заходит** на западе»; 2) Farklı kültürler saygı gördüğü zaman bölünmenin değil bütünleşmenin sebebi **ol+ur+lar**. (раз. Vatan. 03. Ocak. 2009) «Когда различные культуры пользуются уважением, они **становятся** причиной не сепаратизма, а единения»;

б) подчеркивается обычный характер неконкретного действия: 1) “Ama ben sarayları hiç **sev+mem**. Adından bile **ürk+er+im**”. (HE SB, 1989, 166) «Но я совсем **не люблю** дворцы. Мне **бывает страшно** даже при их упоминании»; 2) Dedikodu en çok bıkıp attığı dalkavuklardan **çık+ar**. Fakat bunların hiç birisi Sabiha Hanım’i **üz+mez**. Kahkahası sürekli, neşesi mikrop gibi yakınlarına **geç+er**. (HE SB, 24-25) «Сплетни чаще всего **исходят** от прихлебательниц, которые ей надоели и которых она прогнала. Но ни одна из них (этих сплетен) не тревожит ее. Ее смех, ее веселость все время заражают близких ей людей»;

в) действие совершается в силу сложившихся привычек, условий или традиции, установленного порядка и т. п.: 1) “Çayı çok **sev+er+im**, dedi Günsel. Hele sigarayla...” (VT BGTB, 85) «Я очень **люблю** чай, — сказала Гюнсель, — особенно с сигаретой (в руке)»; 2) Sabahları erken **kalk+ar[ım]**, akşamları erken **yat+ar+ım**. (Информант) «По утрам я рано **встаю**, а по вечерам рано **ложусь** (спать)»; 3) ...arsız bir tabiatım var... ne görsem **içim çek+er...** yiyecek **gör+ür+üm, iste+r+im; elbise gör+ür+üm, iste+r+im...** fazla olarak bunlara başkaları kadar kendimde de hak **bul+ur+um...** (RNG YD, 5) «...у меня бесстыдная натура... что бы я ни увидел, **меня к этому тянет...** увижу съестное — **хочу, увижу** одежду — **хочу...** более того, **обнаруживаю** у себя **чувство, что я заслуживаю** всего этого в той же мере, что и другие»;

г) в разговорной речи широко используется для выражения вежливых просьб и других разного рода побуждений коммуниканта П (собеседника) к действию: 1) **Gel+ir misiniz?** «**Подойдите, пожалуйста!**»; 2) **Şu parayı şoföre uzat+ır mısınız?** (Информант) «**Передайте, пожалуйста, вот эту плату шоферу!**» (так вас могут попросить в стамбульском автобусе); полицейский может вам сказать: 3) «**Pasaportunuzu ver+ir misiniz?**» «**Дайте, пожалуйста, ваш паспорт!**»; 4) **Kaleminizi ver+ir misiniz?** «**Вы не дадите вашу ручку?**»;

д) широко используется в устойчивых словосочетаниях (в частности, в формулах вежливости, в пословицах и поговорках, многие из которых сохранились с прошлых веков): 1) **Teşekkür ed+er+im!** «**Благодарю!**»; 2) **Rica ed+er+iz!** «**Просим! Пожалуйста!**»; 3) **İki sözü**

doğru dürüst bir araya getir+emez. (Фраз.) «Он и двух слов связать не может»; 4) Aralarından su siz+maz. (Фраз.) «Их водой не разольешь»; 5) Fazla nezaket riyaya gir+er. (Посл.) «Излишняя вежливость переходит в лицемерие».

II. Форма способна также сигнализировать, что речь идет о будущем действии, особенно часто в разного рода обещаниях типа: 1) Fazla oyalan+mam, iki gün sonra dön+er+im. (Информант) «Я долго не задержусь, вернусь через два дня»; 2) “Beni bir iş için Trabzon’a çağırıyorlar”, dedi. “Fırsattır, siz de gelin. Ordan hep beraber Rusya’ya geçip Bolşevikliği yerinde, iyice öğren+ir+iz”. (NH, YGŞK, 406) «Меня по какому-то делу вызывают в Трабзон, — сказал он. — Удобный случай! Вы тоже приезжайте. Оттуда мы все вместе перейдем в Россию и хорошенько познакомимся с большевизмом там, где он и есть»; 3) Namazdan sonra şu koltuğa uzanır[ım] kestirim. (HE SB, 128) «После намаза растянусь в этом кресле, вздремну»; 4) Paşa’ı kızdırma, Rabia, gene gel+ir+iz... Haydi yavrum... diye kızı götürmeye çalışıyordu. (HE SB, 132) «Он пытался увести девушку со словами: “Не серди Пащу, Рабия, мы снова придем... Пошли, доченька...”».

Формообразование и формоизменение:

1) все глагольные основы, оканчивающиеся на гласную, получают алломорф -r, например: ye+r, de+r, bekle+r, oku+r, uyu+r;

2) односложные основы на согласную (кроме 15 основ, которые следует специально заучить) присоединяют алломорфы -ar/-er: bak+ar, yar+ar, gir+er, sev+er, çiz+er;

3) все многосложные основы на согласную образуют форму настоящего-будущего времени посредством алломорфов с узкими гласными -ır/-ir/-ur/-ür;

4) 15 односложных основ, получающих также алломорфы с узкими гласными:

al+ır	gel+ir	san+ır
bil+ir	gör+ür	var+ır
bul+ur	kal+ır	ver+ir
den+ir	ol+ur	vur+ur
dur+ur	öl+ür	yen+ir

Формоизменение (спряжение) производится посредством присоединения к временной основе личных аффиксов 1-го типа (спрягается глагол almak «брать»):

al+ır+ım	al+ır+ız
al+ır+sın	al+ır+sınız
al+ır+ø	al+ır+lar

Спряжение словоформ отрицательного статуса не соответствует правилам агглютинирующего строя. Некогда наблюдавшиеся в турецкой речи (приводимые в скобках) словоформы, состоявшие из однозначных морфов, следующих за основой, в результате процессов фонетической деформации (прослеживается фонематический переход: /r/ > /z/ > /y/ > /ø/ и слияние фондов: ma+r+ım > mam), явившейся проявлением флективизации, формируются ныне из синхронно неразложимых многозначных суффиксов:

al+mam (< al+ma+r+ım)	al+ma+yız (< al+ma+r+ız)
al+maz+sin (< al+ma+r+sin)	al+maz+siniz (< al+ma+r+siniz)
al+maz+ø (< al+ma+r+ø)	al+maz+ø+lar (< al+ma+r+ø+lar)

Древняя структура словоформы отрицательного статуса сохраняется в родственном туркменском языке (спрягается глагол bar «идти»):¹³⁵

Men bar+ma+r+yn	Biz bar+ma+r+ys
Sen bar+ma+r+syň	Siz bar+ma+r+syňyz
Ol bar+ma+z	Olar bar+ma+z+lar

Спряжение отрицательно-вопросительных форм (смысл типа «разве я не беру?») в меньшей мере подверглось диахроническим процессам флективизации:

almaz mıym?	almaz mıyız?
almaz mısın?	almaz mısınız?
almaz mı?	almazlar mı?

в) Настоящее длительное

Третья относительно молодая временная форма «настоящего времени» с морфемой -mAktA с точки зрения сигнализации о том, что действие характеризуется как совпадающее с настоящим периодом, синонимична с формами -(1)uog и -(A)г. Насколько можно понять, грамматистам пока не удастся окончательно уловить различия между этими тремя «настоящими временами», тем более что их функционирование продолжает эволюционировать. Форма -mAktA все более утверждается как средство официально-бюрократического или научного стиля, стала модной. Наиболее часто употребляется в форме 3-го лица.

¹³⁵ Грунина Э. А. Туркменский язык. М., 2005. С. 100.

По-видимому, правы те грамматисты, которые допускают, что изначально (в прошлом) эта форма имела в составе своего значения аспектуальные семы конкретности и продолжительности (точнее, интратерминальности, т. е. нахождения в процессе совершения) действия.¹³⁶

Механизм образования словоформ. Форма имеет прозрачный морфологический состав: имя действия -mAК в форме местного падежа + личные аффиксы 1-й группы (пример спряжения — глагол «писать» в отрицательном статусе: «я не пишу» и т. д.): yaz+ma+mak+ta+yım, yazmakta+sin, yazmakta+dir, yazmakta+yız, yazmakta+sınız, yazmakta+dırlar.

Примеры: 1) Yorucu ve zahmetli bir yolculuktan sonra odamda **dinlen+mekte+yım**. (Информант) «Я отдыхаю в своей комнате после утомительного и трудного путешествия»; 2) Sayın Yolcularımız, uçağımıza hoş geldiniz! Bugünkü uçuş ekibimiz, İstanbul Atatürk Hava Limanı için uçuş süremizi 55 dakika, uçuş yüksekliğimizi yaklaşık olarak 9000 metre olarak **ver+mekte+dırler**. Uçuş sırasında sigara **iç+il+me+mekte+dir**. Uçuşunuzun iyi ve rahat geçmesini dileriz. Teşekkür ederiz! (Объявление на борту пассажирского самолета, выполняющего рейс из Софии в Стамбул) «Уважаемые пассажиры, добро пожаловать (на борт) нашего самолета! Сегодняшний летный экипаж **сообщает**, что длительность нашего полета до стамбульского аэропорта им. Ататюрка — 55 минут, высота полета — 9000 метров. В течение (всего) полета (на борту) **не курят**. Желаем, чтобы ваш полет прошел хорошо и спокойно. Благодарим (за внимание)!»; 3) Aradığınız numara **kullan+ıl+ma+makta+dir**. (Сообщение оператора компании мобильной связи) «Номер, который вы набрали, **не используется**»; 4) Hitit dilinde bu hatt kökünden doğmuş sözlerin çoğu (bütünü değil) yakın anlamları **içer+mekte+dir**. (AU, 61) «Большинство слов хеттского языка (не все), производных от корня хатт, **содержат** близкие значения» (стиль научного сочинения); 4) Yunan yazarlarının değişik yapıtlarından toplanan yirmi otuz Frig sözüne bakılarak bu dilin Hind-Avrupa dillerinden olduğu **söylen+mekte+dir**. (AU, 65) «На основании (анализа) 20–30 фригийских слов, собранных из разных сочинений греческих авторов, **утверждают**, что этот язык был индоевропейским» (стиль научного сочинения); 5) 38 yaşındaki Zeliha Hanım, 4 çocuğu ve gözlerini kaybeden kocası için örgü öreerek hayata **diren+mekte**. (Türkiye Gazetesi. 03 Haziran 2008) «38-летняя Зелиха Ханым борется за жизнь своих четверых детей и потерявшего зрение мужа, (зарабатывая) вязанием»; 6) Otopark Okul Aile Birliği tarafından

¹³⁶ Johanson L. Aspekt im Türkischen. S. 111, 134, 139–142.

işlet+il+mekte+dir. (Надпись на щите у въезда на автомобильную стоянку в Стамбуле) «Автомобильная стоянка эксплуатируется школьным союзом родителей».

г) Форма с морфемой -mAdA

С настоящим длительным не следует смешивать темпоральную форму с морфемой -mAdA, которая чаще всего попросту игнорируется грамматистами. По свидетельству З. Коркмаз, эта форма употребляется редко и, насколько можно понять, признается ею синонимом формы с морфемой -mAktA.¹³⁷

Анализ функционирования этой формы в речи позволяет высказать следующие предположения: 1) в отличие от формы -mAktA она не принадлежит к числу средств официально-бюрократического или научного стиля; 2) в составе значения этой формы имеется сема, подчеркивающая пребывание производителя действия в процессе или в *состоянии*, при котором он совершает называемое основой действие. Подтверждением второго предположения может послужить тот факт, что о пребывании компьютера в режиме ожидания сообщает надпись **bekle+mede** «в состоянии ожидания». Ср. также: 1) *Dünya sonsuz bir çeşitlilikte, sonsuz bir kaynaş+mada.* (Yaşar Kemal, Ölmez Otu)¹³⁸ «Мир во всем своем многообразии находится в состоянии бесконечного кипения»; 2) *Bu adam öldürülecek olursa, sizler onunla çekiş+mede+siniz, hemen sizin üstünüze atarlar, sonra da kıyamet kopar.* (Y. Kemal, İnce Memed-4) «Если вдруг кто-нибудь вздумает убить этого человека, (а) вы с ним в состоянии вражды, тотчас же (вину) повесят на вас, а потом беды не оберешься»; 3) *Koca Halil iki büklüm ama, elleri sonsuz bir uğunmada.* (Yaşar Kemal, Ölmez Otu) «Коджа Халиль согнут в три погибели, но руки его постоянно в беспокойном движении»; 4) *Karanlıktan dem alan birkaç hayvan geziyordu ortalıkta; baykuş, yarasa, kurt, kimi ötmekte, kimi ulumada...* (EŞ A, 47) «Поблизости шныряло несколько зверюшек, которых привлекала тьма: совы, летучие мыши, волки. Одни из них издавали приятные звуки, другие выли».

д) Прошедшее простое («прошедшее категорическое»)

Прошедшее простое — одна из тех наиболее употребительных временных форм изъявительного наклонения, значения которых

¹³⁷ Korkmaz Z. Türkiye Türkçesi Grameri (Şekil Bilgisi). Ankara, 2003. S. 621–623.

¹³⁸ Отсутствие в адресе примера номера страницы в данном случае означает, что пример почерпнут из произведения, размещенного в Интернете.

сигнализируют о предшествовании действия настоящему периоду. Это общетюркская форма, т. е. она имеется во всех тюркских языках. Она больше известна под названием «прошедшее категорическое время». Принято считать, что эта форма имеет наиболее простое значение — только то упомянутое темпоральное (временное), которое не содержит каких-либо иных (аспектуальных, модальных или интервальных) компонентов (сем): 1) ...gitmem gerektiğini anladım. (OP YH 44) «...я понял, что мне надо уходить»; 2) Aralarında 6 polisin de bulunduğu 17 kişi yaralandı. (газ.) «Было ранено 17 человек, среди которых находились 7 полицейских».

Необходимо подчеркнуть, что по причине отсутствия у формы прошедшего простого каких-либо аспектуальных сем ее никак не следует сопоставлять с совершенным и несовершенным видом в русском языке, о чем свидетельствует и высказывание «я много размышлял» в составе приводимого ниже примера 3:

1) ...gitmem gerektiğini **anla+dim**. (OP YH 44) «...я **понял**, что мне надо уходить»; 2) Aralarında 6 polisin de bulunduğu 17 kişi **yaralan+dı**. (газ.) «**Было ранено** 17 человек, среди которых находились 7 полицейских»; 3) Venedik'ten Napoli'ye gidiyorduk, Türk gemileri yolumuzu **kes+ti**. Biz topu topu üç gemiydik, onların ise sisin içinden çıkan kadirgalarının arkası gelmiyordu bir türlü. Gemimizde bir anda korku ve telaş **başla+dı**; çoğunluğu Türk ve Mağripli olan kürekçilerimiz sevinç çığlıkları atıyordu; **sinirlerimiz bozul+du**. Gemimiz burnunu öteki iki gemi gibi, karaya, batıya **çevir+di**, ama öteki gemiler gibi **hızlanama+dık** biz... Sonraları, bütün hayatımın kaptanın bu korkaklığı yüzünden değiştiğini çok **düşün+düm**. (OP BK, 11) «Мы шли из Венеции в Неаполь, турецкие корабли **преградили** нам путь. У нас в общей сложности было три корабля, а их галерам, выплывавшим из тумана, совсем не видно было конца. На нашем корабле мгновенно **начались** страх и паника; наши гребцы, которые в большинстве своем были турками и выходцами из Магриба, издавали радостные крики; мы пали духом. Наш корабль, подобно остальным кораблям, разворачивался носом то к суше, то на запад, но, как и другие корабли, **мы не смогли набрать скорость**... Впоследствии я много **размышлял** о том, что моя жизнь изменилась из-за этой трусости капитана» (приведенный отрывок демонстрирует упомянутую индифферентность значения прошедшего простого к видовым и модальным характеристикам называемого основой действия).

Формообразующим показателем этой структурной морфологической единицы является показатель -DI+, который в речи представлен алломорфами: -dı+/-di+/-du+/-dü+/-tı+/-ti+/-tu+/-tü+.

регулируется действием нёбной и губной гармоний гласных, а также гармонией согласных (одним словом — сингармонизмом, т. е. взаимодействием гласных и согласных звуков речи в пределах словоформы).

Формоизменение простого прошедшего «времени» осуществляется с помощью так называемых личных аффиксов 2-й группы, частично совпадающих с аффиксами субстантивной категории принадлежности (приводится формоизменение прошедшего простого «времени» на примере спряжения глагола *dönmek* «возвращаться»): *dön+dü+m*, *dön+dü+n*, *dön+dü+ø*, *dön+dük*, *dön+dü+nüz*, *dön+dü+ler* (я вернулся, ты вернулся и т. д.).

Реализация алломорфов морфемы -DI+: *al+dım* «я взял», *gel+din* «ты пришел», *sor+du* «он спросил», *gög+dük* «мы видели», *çık+tınız* «вы вышли», *kes+tiler* «они резали», *konuş+tum* «я говорил», *ör+tün* «ты поцеловал».

е) Перфект

Речь идет о категории, которая в 3-м лице имеет морфемы *-mİşİr* и *-mİşİrdİr*, а в 1-м и 2-м лицах является омонимом прошедшего опосредованного (см. следующий раздел), т. е. имеет морфемы *-mİşİm*, *-mİşİn*, *-mİşİz*, *-mİşİnİz*. Многие авторы, справедливо выделяя форму «**прошедшего субъективного**» (= прошедшего опосредованного), смешивали эти формы, принимая перфект за форму «утвердительной модальности прошедшего «времени» с морфемой *-miş*», имеющую сложную цепочку морфем: *-mİşİmİr*, *-mİşİndİr* и т. д. Распутать клубок ошибочных толкований этих трех (!) форм впервые удалось Н. К. Дмитриеву, точка зрения которого принята и используется в настоящем сочинении.¹³⁹

Перфект относится к числу самых употребительных в языках мира временных форм. Исследователи нередко акцентируют внимание на способности перфекта выражать какую-либо конкретную разновидность связи действия с настоящим, например: «...видо-временная форма глагола, обозначающая состояние в настоящем как результат предшествующего действия».¹⁴⁰ Весьма удачной представляется формулировка Э. Бенвениста: «Перфект — это такая форма, в которой понятие состояния, соединенное с понятием обладания, отнесено

¹³⁹ Дмитриев Н. К. К вопросу о значении османской глагольной формы на -мыш // Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962. С. 181–186.

¹⁴⁰ Маслов Ю. С. Перфект // Лингвистический энциклопедический словарь. С. 372. — Ср. также: Поливанов Е. Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991. С. 406.

к действующему лицу; в перфекте действующее лицо предстает как обладатель осуществленного действия».¹⁴¹

Трактовку перфекта с опорой на тюркский материал предлагает С. Н. Иванов: «...всё действие отнесено в прошлое и обозревается с позиций настоящего».¹⁴²

В результате истолкования приведенных определений перфекта в контексте понятий и положений, принятых в настоящей работе, «предшествующий план» трактуется как имеющаяся в составе значения формы сема предшествования периоду ориентации, а «последующий» — как сема, которая сигнализирует о самом периоде ориентации. Последний, как было сказано, может быть настоящим, прошлым (у формы перфекта в прошлом) или будущим (у формы перфекта в будущем). Что же касается иных разновидностей соотношений действия и периода ориентации, то, как представляется, они вполне могут быть смыслами, т. е. семантикой, которая не входит в содержание значения перфекта.

Турецкие формы перфекта помимо сформулированной темпоральной семы имеют еще и видовую сему послепредельности (посттерминальности), по причине чего перфект сигнализирует не только о предшествовании действия своему периоду ориентации, но и о том, что действие истолковано говорящим как свершившееся в прошлом целостное событие (Hakiki Trabzon tereyağı gel+miştir. (Объявление в продуктовой лавке) «[В продажу] поступило настоящее трапезундское масло»). Из этого следует, что перфект является одной из *видовременных* форм глагола. Судя по имеющемуся материалу, в современной турецкой речи наиболее часто используется в форме 3-го лица.

Примеры: 1) Nazlanıyorum filân ama, aslında da evlenmeye gönüllü-yüm hani... Ne var ki beni beğenecek kariyi, affedersiniz, kadını bulmaktan umudumu kes+miş+im. (AN, DB, 71) «Кокетничаю и тому подобное, но по сути дела мне тоже по сердцу жениться... Однако я (окончательно) утратил надежду найти бабу, простите, женщину, которой бы я понравился»; 2) Babam yüzüme baktı, "Pişmiş istakoza dön+müş+sün" dedi. (НВ АВВ, 16) «Отец взглянул мне в лицо и сказал: "Ты превратился в жареного омара"»; 3) Vay ananı avradını çocuk, bana misafir demiyor! Böyle bir itoğlu it dünyaya gel+me+miş+tir. (YK ВВЕ, 178) «Ах, что б тебя, парень не называет меня гостем! Такой сукин сын еще не родился на земле»; 4) Hatta onu uzaktan gören başka kadınların kocamın yakışıklı olduğunu söylediklerini de işittiğim ol+muş+tur. (OP ВАК, 466) «Мне

¹⁴¹ Бенвенист Э. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке. С. 217.

¹⁴² Иванов С. Н. Очерки по синтаксису узбекского языка: форма на -ган и ее производные. Л., 1959. С. 25.

доводилось слышать, что даже видевшие его издалека другие женщины тоже говорили, что мой муж красив»; 5) *Uzun bir sessizlik ol+muş+tur diye düşündüm.* (OP BK, 39) «Я решил, что наступило продолжительное молчание»; 6) *Gurbetten gel+miş+im, yorgunum hancı! Şuraya bir yatak ser yavaş yavaş.* (Bekir Sıtkı Erdoğan) «Пришел я с чужбины, устал я, ханщик! Не торопись, постели вот здесь (мне) постель»; 7) *Hakikaten kurt olmuşsun, görüyorum.* (EŞ A, 53) «Ты на самом деле превратился в волка. Я это вижу».

Специалисты особенно ценят случаи употребления перфекта в первых двух лицах, которые помогают глубже осознавать коммуникативное предназначение омонимичных форм (перфекта и прошедшего опосредованного) (примеры 1, 6, 7).

Следующий пример заслуживает внимания в том отношении, что в нем словоформы 1-го лица прошедшего опосредованного «времени» (1-е сказуемое) и перфекта (2-е и 3-е сказуемые) являются однородными компонентами высказывания: *Naim Efendi: "Burada doğ+muş+um, burada yaşa+mış+im, ihtiyarla+mış+ım! Nasıl bırakır giderim?"* diyordu. (YKK KK, 174) «Наим Эфенди говорил: "Я здесь родился, здесь прожил жизнь, состарился. Как (я могу) покинуть (это место и) уехать?"».

Аналитические формы перфекта. Чрезвычайно употребительные в турецкой речи аналитические («перифрастические») формы со значением перфекта представляют собой весьма удобные языковые средства. В их значениях закреплены конкретные разновидности связи свершившегося действия и «последующего временного плана» (см. выше определение перфекта Ю. С. Масловым), т. е. (в концептуальном контексте данной работы) настоящего периода ориентации. Представляется, что аналитические формы имеют такие значения, которые выполняют функцию детализованного выражения узуальных смыслов, «оставляемых» синтетической (аффиксальной) формой перфекта без выражения: 1) *Kalbin olduğu yerde duruyor ve sen onu filana veya filana veriyorsun... Göğsünü yararak o eti oradan çıkarır ve sevgilinin önüne atarsan o zaman kalbini vermiş olursun.* (SA BÖ I, 14) «Твое сердце находится на своем месте, а ты отдаешь его то одной, то другой... Если ты, распоров свою грудь, извлечешь оттуда тот кусок мяса и бросишь его к ногам своей возлюбленной, вот тогда ты (действительно) отдал [букв.: становишься отдавшим] ей твое сердце» (подчеркивается связь свершившегося прошедшего действия с обычной ситуацией, закономерно возникающей в пределах настоящего периода); 2) *Lord Acton şöyle demişti: Politik ve etnik sınırların çakıştığı yerde toplumun ilerlemesi durur. Farklı ırkları tatmin etmekte yetersiz kalan bir devlet kendi kendini mahkûm etmiş olur.* (gaz. Vatan. 03. Ocak. 2009) «Лорд Эктон сказал следующее:

“Там, где сталкиваются политические и этнические границы, прогресс общества замирает. Государство, которому недостает (опыта), чтобы удовлетворять (запросы) разных рас, **оказывается приговорившим самого себя**” (подчеркивается связь свершившегося прошедшего действия с обычной неконкретной ситуацией, закономерно возникающей в пределах настоящего периода); 3) Sigara içilmeyen alana **girmiş bulunmaktasınız**. (Объявление у входа на территорию учебного заведения в Стамбуле) «Вы вошли и находитесь на территории, на которой не курят» (форма подчеркивает связь предмета, действующего в пределах настоящего периода, с уже свершившимся прошедшим действием).

ж) Прошедшее опосредованное (индирективное)

«В различных языках на базе значения перфекта нередко развивается модальное значение неочевидности действия». ¹⁴³ Этот процесс не обошел стороной и турецкий язык, в котором имеется весьма употребительная форма «прошедшего-субъективного», или «прошедшего-неочевидного», ¹⁴⁴ или «заглазного времени», которая формально почти омоморфна перфекту: формальное различие кроется в сфере формоизменения и состоит только в том, что в 3-м лице перфект имеет морфемы *-miştir* и *-mişlerdir*, а прошедшее опосредованное — *-miş* и *-mişler*. Автор настоящей работы в свете новейших исследований предпочитает называть эту временную форму прошедшим индирективным (опосредованным). Содержание значения прошедшего опосредованного сводится к следующему: говорящий не был свидетелем события, не уверен в достоверности сообщаемого и узнал о нем опосредованно, косвенным путем. ¹⁴⁵

Аналогичные морфологические средства ряда языков, трактуемые как явление, которое именуется еще и (не)эвиденциальностью, (не)-засвидетельствованностью, стали предметом дискуссий не только в лингвистической литературе, но и в залах научных конференций. ¹⁴⁶ В тюркском теоретическом языкознании таким морфологическим средствам посвящены: статья Л. Юхансона в составе сборника статей зарубежных авторов из разных стран, ¹⁴⁷ а также две статьи в общей

¹⁴³ Серебrenников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974. С. 206.

¹⁴⁴ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 231–233. § 467–468.

¹⁴⁵ Ср.: Самойлович А. Н. Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка. М., 2002. С. 83.

¹⁴⁶ *Evidentials. Turkic, Iranian and Neighbouring Languages*. Berlin; New York, 2000.

¹⁴⁷ *Johanson L. Turkic indirectives // Ibid.* P. 61–87.

сложности шести отечественных тюркологов, написанные на материале алтайского, татарского, шорского и узбекского языков с привлечением древнетюркского материала.¹⁴⁸ Анализ этих работ привел автора настоящих строк к следующему выводу: 1) форма прошедшего опосредованного имеет *одно* значение, которое вполне могло бы именоваться значением или *опосредованности*, или *незасвидетельствованности*, ибо оба понятия, означаемые этими терминами, полностью, хотя и в разных ракурсах, отражают взаимоотношение коммуниканта I (говорящего) и сообщаемого события; 2) с позиции разграничения понятий «значение» и «смысл» традиционно констатируемые «значения» этой формы — *пересказывательное (репортивное)* и («внезапного») *умозаключения (инференциальное)* — поддаются трактовке как узуальные смыслы, обслуживаемые одним названным значением; 3) вызывает сомнение утверждение Л. Юхансона о способности обсуждаемых языковых средств сигнализировать о непосредственном восприятии коммуникантом события (*перцептивное* использование), поскольку перцептивное употребление языкового средства ничем не может отличаться от *индикативного*, а трактовка случаев перцептивного использования средств с показателем *-miş*, на которые ссылается Л. Юхансон, неубедительна ввиду игнорирования (а) последовательности событий (он сел = он сидит), (б) различия понятий «значение» и «смысл», и такие случаи легко поддаются истолкованию как получение знания путем *умозаключения (инференциальный смысл)*.¹⁴⁹

Выражение ссылки на получение сведений от постороннего источника (пересказывательный смысл): 1) *Sözde Bursa'da gizli örgüt kur+muş+um, yasadışı işler çevir+miş+im de, onlar da bunu ancak bir yıl sonra çak+miş+lar.* (AN, GK, 40) «Будто бы я организовал в Бурсе тайную организацию, занимался незаконными делами, а они только через год догадались об этом»; 2) «Bir değil, iki kişi kaybet+miş+sin» diye düzelttim. «Karın ilk çocuğunuza hamileymiş o zamanlar». (RNG, MT, 32) «Ты, как я слышал, потерял не одного, а двух человек, — поправил я его. — Ведь твоя жена в то время ожидала первого ребенка»; 3) *Ellerine kırk paralık bir düdüük, bir kırık bebek versen dünyayı ver + miş +*

¹⁴⁸ Исхакова Х. Ф., Насилов Д. М., Невская И. А., Шенцова И. В. Эвиденциальность в тюркских языках // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сб. статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 2007. С. 469–518; Скрибник Е. К., Озонова А. А. Средства выражения засвидетельственности и миративности в алтайском языке // Там же. С. 519–551.

¹⁴⁹ Гузев В. Г. О тюркских языковых средствах опосредованного сообщения о событии // Востоковедение. Филологические исследования. Вып. 26. СПб., 2005. С. 25–44.

sin gibi bayram ederlerdi. (RNG, YD, 27) «Если бы ты дал бы им [детям] дешевенькую дудку, сломанную куклу, они бы радовались так, будто ты им подарил весь мир»; 4) Bu kız bir gün odasında oturup nakış işlerken, akşam üstü pencereden bir kuş içeri gir+miş, buna de+miş ki... (Сказка «Muradına Eren Kız»)¹⁵⁰ «[Сказывают, что] когда однажды эта девушка сидела в своей комнате и вышивала, под вечер в окно влетела птица и сказала ей»; 5) Evvel zamanda bir padişah varmış, bunun dünyaya hiç çocuğu gel+me+miş. (Сказка «Şehzade ile Derviş Kızı») «Жил-был в прежние времена падишах, у него не появилось на свет ни одного ребенка».

Выражение умозаключения (инференциальный смысл): 1) Yerler ıslak olduğuna göre gece yağmur yağ+miş. (Информант) «Судя по тому, что земля влажная, вчера вечером прошел дождь»; 2) Sorumu yanlış anla+miş+sınız. (Информант) «[Судя по тому, что вы говорите,] вы неверно поняли мой вопрос»; 3) Şemsiyemi otobüste unut+muş+um! (Информант) «Оказывается, я забыла зонтик в автобусе!».

Сигнализация о воображаемом характере события. Турецкая исследовательница О. Дениз-Йылмаз обнаружила у глагольных финитных форм с аффиксом -miş способность сигнализировать о том, что действие мыслится как воображаемое типа «представь себе, вообрази, что», например: 1) İş yerine haber vermeden şehir dışına git+miş+sin, ama aksi gibi orada seni tanıyan biriyle karşılaşmışsın. (Информант) «[Представь себе, что] ты отправился за город, не сообщив об этом на службу, и как назло сталкиваешься там с кем-нибудь, кто тебя знает» (выделено О. Дениз-Йылмаз);¹⁵¹ 2) Hastayım diye işe git+me+miş+sin, ama aksi gibi gezerken müdürle karşılaş+miş+sın! (Информант) «[Представь себе, что] ты не пошел на работу, назвавшись больным, но, как назло, прогуливаясь, сталкиваешься с начальником».

и) Будущее простое («будущее категорическое»)¹⁵²

Форма будущего простого с морфемой -(y)AcAK и формоизменительными личными показателями 1-го типа имеет значение, сигнализирующее о том, что действие, называемое исходной глагольной основой, следует за настоящим периодом ориентации: 1) “Her halde ilk günlerde ‘bunu geçeceğiz’ diye diret+me+yecek+sin”. (SF BE, 22) «Наверное, ты не будешь настаивать, чтобы мы в первые дни играли это

¹⁵⁰ Материал из сказок см.: Джикия С. Турецкая хрестоматия.

¹⁵¹ Дениз-Йылмаз О. О специфическом предположительном значении глагольных форм прошедшего-субъективного времени и субъективной модальности в современном турецком языке // Востоковедение. Филологические исследования. Вып. 24. СПб., 2004. С. 34–35.

¹⁵² Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 234.

[этот спектакль]»; 2) “Bugün babanı göremezsin, kızım. İzin çıkınca ben sana haber yollarım.” Bol yeldirmenin içindeki dal vücut biraz daha uzar gibi oldu, ince çene yukarı kalktı: “Ben mutlak bugün **gör+eceğ+im**”. (HE SB, 131–132) «“Сегодня, моя девочка, ты не сможешь увидеть своего отца. Когда будет разрешение, я тебя извещу”. Тонкая фигурка, скрываемая просторной накидкой, как будто стала вытягиваться еще больше, она вскинула тонкий подбородок: “Я обязательно **уввижу** [его] сегодня”».

Во многих языках форма будущего времени используется для выражения в качестве узуального смысла повеления. Турецкий язык не является исключением в этом отношении: 1) “Cumartesi akşamı Mevlit Kandili, misafirim var, gece gel, Kur’an **oku+yacak+sın**... Seni yemekten önce aldırırım”. (HE SB, 31) «В субботу вечером (отмечается праздник) Рождение Пророка. У меня будут гости. Вечером приходи, **будешь читать** Коран. Распоряжусь, чтобы тебя забрали перед застольем»; 2) «“Kim görüştürdü sizi onunla?” “Adını bilmediğim bir imam hatip lisesi öğrencisi,” dedi Ka. “Şimdi onu da teşhis etmeye çalışın,” dedi yuvarlak yüzlü istihbaratçı. “İyice bakın, hücre kapılarının üzerindeki gözletleme penceresinden **bak+acak+sınız**. Korkmayın, sizi tanımazlar”. (OP K, 179–180) «“Кто устроил Вам встречу с ним?” — “Студент духовного лица, имени которого я не знаю,” — сказал Ка. “Сейчас постарайтесь опознать и его, — сказал круглолицый контрразведчик. — Будьте внимательны, **смотрите** через глазки в дверях камер. Не бойтесь, они вас не узнают”».

Модальное использование формы -(y)AcAk. Едва ли оправданно поддерживать укоренившееся в турецком языкознании мнение о том, что рассматриваемая временная форма имеет в своем значении еще и сему *категоричности, обязательности*. Речевая практика автора настоящей работы, как и его информантов, свидетельствует о том, что форма настоящего-будущего (см. о нем выше) сигнализирует о будущем характере действия с большей категоричностью, чем форма с морфемой -(y)AcAk.

Приведенных выше примеров достаточно для утверждения, что временная форма, о которой идет речь, способна не только реализовывать в речи сформулированное выше темпоральное значение, т. е. сигнализировать о следовании действия за настоящим периодом ориентации, но и выражать в качестве *узуальных смыслов желание, побуждение, долженствование* и т. п.,¹⁵³ что, как известно, свойственно формам будущего времени и многих других языков, включая русский.

Речевой материал убеждает в том, что значение формы имеет в своем составе помимо темпоральной семы еще и *модальную сему*

¹⁵³ Там же. С. 234–236.

предположения, вероятности: 1) Şurada, sağ cebimde bir anahtar olacak [= olmalı], onu al da, benim masanın üst gözünü aç. (SA KMM, 50) «Вот здесь у меня в правом кармане должен быть ключ, возьми его и отомкни верхний ящик моего стола»; 2) Sette oturanların aşağıya görebilmesi için olacak, tepemizde lamba yanmıyordu. (BK GKB, 55) «Должно быть, для того чтобы те, кто сидел на верхней площадке, могли смотреть вниз, лампочка над нами не горела».

к) Ближайшее будущее время

Значение формы -mAk üzere+dir имеет по меньшей мере две семы: темпоральную, которая сигнализирует о том, что действие следует за периодом ориентации, и акционсартовую интервальную, сигнализирующую о том, что действие совершается через краткий промежуток времени после периода ориентации: 1) Seniha ile (...) Mebusu Necip Bey arasındaki münasebet yarın resmî bir şekil almak üzeredir. Hattâ, zannedirim, çarşambaya nikâh merasimi oluyor. (YKK KK, 190) «Отношения между Сенихой и депутатом [чего-то] Неджипом Беем [в ближайшее время, т. е.] завтра приобретут официальный характер. Даже, как я полагаю, в среду состоится церемония бракосочетания»; 2) Haydi, çıkalım mı? Bir dakika, işimi bitirmek üzereyim. (Информант) «Ну что, выходим? Минутку! Я уже заканчиваю работу»; 3) “Nerdesiniz?” — “Gelmek üzereyiz!” (Разговор по мобильному телефону) «Вы где?» — «Мы уже вот-вот приедем!».

2) Формы вторичной ориентации

Анализ функционирования турецких временных форм привел автора настоящей работы к гипотезе, согласно которой временной фрагмент турецкой картины мира включает представление о том, что действие может темпорально соотноситься не только с настоящим периодом ориентации, но и двумя другими — прошедшим и будущим. Предполагается, что с каждым из этих периодов ориентации соотносятся соответственно формы *вторичной* и *третичной* темпоральных подсистем. Вторичная подсистема имеет в составе своих значений абстракцию, обобщенный образ, отвлеченный от реальных прошлых моментов, сему, представляющую собой грамматизованный абстрактный *прошлый период ориентации*. Эта подсистема имеет формальный признак — аналитическую морфему -(i)di. Эта морфема, выступая в речи в качестве показателя временных словоформ подсистемы первичной ориентации с личными показателями 2-й группы, способна, сливаясь с временными основами, формировать единую словоформу.

Тюркская грамматическая традиция обычно именуется такие темпоральные формы сложными, хотя такое чисто терминологическое истолкование едва ли продуктивно.

Вторичные и третичные (т. е. группирующиеся относительно будущего периода ориентации) подсистемы «времен» имеют многие языки. Самый доступный пример — система времен английского языка, в котором формы перфекта и continuous tense функционируют, легко ассоциируясь, с точки зрения автора настоящей работы, с первичным (настоящим), вторичным (прошлым) и с третичным (будущим) периодами ориентации: I am thinking. «Я думаю» (нахожусь в процессе думания); I was thinking. «Я думал» (находился в процессе обдумывания); I will be thinking. «Я буду думать» (буду находиться в процессе обдумывания). Представляется, что подобную структуру имен мог иметь в виду Ю. С. Маслов, формулируя понятие перфекта: «Перфектом можно назвать только такие глагольные формы... в значении которых совмещены два временных плана, предшествующий и последующий, причем между двумя ситуациями, относящимися к этим двум планам, существует та или иная связь. Обычно одна из ситуаций оказывается в семантическом содержании формы основной, а другая — побочной, иногда лишь бледно намеченной».¹⁵⁴ Обращает на себя внимание тот факт, что Ю. С. Маслов не упоминает традиционную точку отсчета временных значений — момент речи.

Подсистема вторичной ориентации имеет почти ту же структуру с теми же темпоральными соотношениями со своим периодом ориентации и почти тот же состав компонентов, что и первичная подсистема. О некоторых различиях между первичной и вторичной подсистемами речь пойдет в соответствующих подразделах.

а) Определенный имперфект

(настоящее данного момента в прошлом)

Временная финитная форма — ближайшая родственница настоящего I. Ее функциональное предназначение — сигнализировать не только о том, что называемое исходной основой действие представляется как прошедшее, но и о том, что оно: 1) хронологически совпадает с прошлым периодом ориентации и вместе с последним предшествует настоящему периоду; 2) воспринято в процессе его осуществления безотносительно к его начальному и конечному пределам; 3) мыслится как реально, действительно имевшее место. Абстрактный образ прошлого периода ориентации, естественно, ассоциируется в представлении

¹⁵⁴ Маслов Ю. С. Избранные труды. С. 54.

говорящего с образом какого-либо реального события, и передаваемое действие истолковывается как совпадающее по времени с этим событием, одновременное с ним, как, например, в высказывании: *Dün şu anda ben artık uyuyordum.* (Информант) «Вчера в это время я уже спал». Сказанное означает, что значение формы определенного имперфекта помимо темпоральной семы совпадения с периодом ориентации имеет также две видовые семы — внутрипредельности (интратерминальности) и насыщенности действия (прегнантности).¹⁵⁵ Сема интратерминальности отчетливо проявляет себя при переводе турецких высказываний со сказуемым в форме определенного имперфекта: попытки перевести эту форму славянским совершенным видом имеют следствием неадекватный перевод (см. примеры ниже).

Темпоральную разницу между настоящим I и определенным имперфектом можно продемонстрировать следующим примером: *Çocuklarınızı okutsun diye köyünüze öğretmen gönderiyoruz. Sizlerin de onları korumanızı düşünüyorduk.* (раз.) «Мы посылаем в вашу деревню преподавателей, чтобы они учили ваших детей. А от вас мы ожидали, что вы будете их беречь».

Определенный имперфект формально отличается от настоящего I только показателем *-(i)di*, т. е. имеет сложный формообразующий показатель *-(I)yor idi*, который чаще всего функционирует в слитном состоянии: *-(I)yor idi > -(I)yordu*. Формоизменение осуществляется личными аффиксами 2-го типа: *yaz+ıyor+dum, yaz+ıyor+dun, yaz+ıyor+du + ø, yaz+ıyor+duk, yaz+ıyor+dunuz, yaz+ıyor+(lar+dı)* «я, ты, он, она писал(а), мы, вы, они писали» и т. д. Форма 3-го лица мн. числа не имеет obligatory характера и подчиняется сложным правилам функционирования.

Отрицательный статус получает показатель *-mA (> -mi/-mi/-mu/-mü)* перед формообразующим аффиксом: *yáz+mi+ıyor+dum, yáz+mi+ıyor+dun* и т. п. Ударение при этом помещается перед аффиксом отрицания.

Примеры: 1) *Venedik'ten Napoli'ye gidiyorduk, Türk gemileri yolumuza kesti. Biz topu topu üç gemiydik, onların ise sisin içinden çıkan kadirgalarının arkası gelmiyordu bir türlü. Gemimizde bir anda korku ve telâş başladı; çoğunluğu Türk ve Mağripli olan kürekçilerimiz sevinç çığlıkları atıyordu; sınırlarımız bozuldu.* (ОР ВК, 11) «Мы шли из Венеции в Неаполь, турецкие корабли преградили нам путь. У нас в общей сложности было три корабля, а их галерам, выплывавшим из тумана, совсем не видно было конца. Нашим кораблем мгновенно овладели страх

¹⁵⁵ Ср.: Johanson L. Aspekt im Türkischen. S. 104–110, 118–142.

и паника; наши гребцы, которые в большинстве своем были турками и выходцами из Магриба, издавали радостные крики; мы пали духом»; 2) Gece aygılmadan önce Hoca'nın Haliçe bakan evine dönüyor ve sonuçlar üzerine uzun uzun konuşuyorduk. (OP BK, 23) «Вечером, прежде чем расстаться, мы возвращались в дом Ходжи, окна которого выходили на Золотой Рог, и подолгу разговаривали о полученных результатах»; 3) Geçenlerde bir gece yine onların evindeydik. Biz çocuklar bir odadaydık. Metin'le Nurten'e kitapтан masal okuyordum. (AN ŞÇH, 147) «Недавно мы снова были вечером в их доме. Мы, дети, были в одной комнате. Я читал сказки Метину и Нуртен»; 4) Günsel, gülümsüyerek ağır ağır anlatıyordu. Kenan'a o gece, lokantada okuduğu dizeler kadar etkili geliyordu söyledikleri... Soluğu kesilmiş gibi dinliyordu. (VT BGTB, 88) «Гюнсель рассказывала не торопясь, с улыбкой. Все, что она говорила, производило на Кенана такое же сильное впечатление, как стихотворные строки, которые она читала в ресторане... Он слушал, затаив дыхание»; 5) Ben böyle çıkışınca ister istemez yelkenleri suya indiriyorlardı. (RNG YD, 5) «Когда я делал им такие замечания, они волей-неволей затихали».

б) Неопределенный имперфект (настоящее-будущее в прошлом)

Временная финитная форма с морфемой -(A)rdı/-mAzdı — ближайшая родственница настоящего-будущего. Это одна из общепотребительных временных форм, значение которой включает следующие семы: 1) темпоральную (действие совпадает с прошлым периодом ориентации); 2) видовую интрагерминальную (действие представляется в его осуществлении безотносительно к его началу и концу); 3) видовую, сигнализирующую о том, что действие не связано с какой-либо конкретной ситуацией, т. е. оно имело место, но не в какой-либо конкретный момент (содержание последней семы противоположно содержанию видовой семы прегнантности, см. выше раздел «Категория аспектуальности»)¹⁵⁶

Коммуникативное предназначение, т. е. способность передавать следующие узуальные смыслы:

а) неконкретность действия, т. е. сигнализацию о том, что прошлое действие вообще имело место, но не в какой-либо конкретный момент: 1) O yılların Sait'ini isterseniz bize bir kez de Celâl Silay anlatsın: "Gece yarısını portakal soyardık. Yarısına kadar ısırırdık. Suları damlardı. Sonra o bir şarkı tuttururdu. Makamına uyardım. Ben bir şarkı tuttururdum, makamına uyardı: Dındır dındırı dındır dın... Akşamları severdi, akşamları severdim. Beyoğlu'nda gezerdi, Beyoğlu'nda gezerdim. Yanında boş bir adam

¹⁵⁶ Cp.: Ibid.

arardı. Yanımda boş bir adam arardım. Konuşmak istemezdi, konuşmak istemezdim. Büyük lâflardan hoşlanmazdı, büyük lâflardan hoşlanmazdım. Küfredilecek bir herif arardı, küfredilecek herifitim”. (SB ABVB, 148) «Пусть, если хотите, о Саиде тех лет нам хоть раз расскажет Джелаль Сылай: “По ночам, в полночь, мы очищали апельсин. Сгрызали его до половины. Обильно капал его сок. Затем он начинал петь какую-нибудь песню. Я подпевал. Я подхватывал какую-нибудь песню, он подпевал. Тарарам, тарарам, тарарам, там. Он любил вечера, я любил вечера. Он гулял в Бейоглу, я гулял в Бейоглу. Он хотел, чтобы с ним был незанятый человек. Я хотел, чтобы со мной был незанятый человек. Ему не хотелось разговаривать, мне не хотелось разговаривать. Он не любил высокопарных речей. Я не любил высокопарных речей. Он искал, кого бы обругать. Я был тем, кого можно было обругать”»; 2) Temizdi, hamarattı, titizdi, mahalle çocuklarıyla oynamaya tenezzül etmezdi. Suratsızdı, gülmezdi, imamın inancının biricik timsali gibiydi. (HE SB, 15) «Она была чистоплотной, работающей, педантичной, не снисходила до игры с мальчишками квартала. Была неприветливой, не улыбалась, была как бы единственным олицетворением веры имама»; 3) O senin insana nüfuz edişin gözbebeklerinden başlardı. Orada sen açardın, gönlüm tökezirdi bakışlarında. Şiirler tutuşturup bende, sonra da hicranı yağardın. Gül zamanlardı ki, onlarda sen açardın. (Adnan Durmaz. Ben Gidersem Ay Sendeler [опубликована в интернете], 14) «То твое воздействие на человека зарождалось в твоих зрачках. Там ты раскрывалась, моя душа терялась в твоих глазах. Ты разжигала во мне поэтическое настроение, а потом обрушивала на меня (слова) о расставании. Ведь то были дни цветения роз, в те дни расцветала и ты»;

б) характеристику действия как имевшего место в прошлом, естественного по своей природе, как проявления свойства предмета, о котором идет речь: 1) Güneş çok erken doğar[dı], geç te batardı. (Информант) «Солнце вставало очень рано и садилось поздно»; 2) Kışın hava arasına pek soğuk olurdu. (Информант) «Зимой погода временами бывала очень холодной»;

в) характеристику действия как совершившегося в силу сложившихся условий или традиции, установленного порядка и т. п.: 1) Arasına anam soğuktan, kardeşlerim yemekten şikâyet ederlerdi. Ben, omuz silker[dim]: “Ne yapalım, bu terazi bu kadarı çekiyor...” derdim. (RNG YD, 5) «Порой моя мать жаловалась на холод, а братья — на еду. Я пожимал плечами и говорил: “Что поделаешь, эти весы отвешивают столько”» (выражены интрагерминальность и неоднократность действия); 2) ...ben ayakta durur[dum], kimî zaman da sinirli sinirli odada bir aşığı bir yukarı yürürdüm. (OP BK, 23) «...я стоял на ногах, а иногда нервно ходил

по комнате туда-сюда» (выражены интрагерминальность, некоторая протяженность и неоднократность действия); 3) Babam kötülüğün, düşmanlığın ya da düpedüz sıkıcı olanın çevresinden sessizce dolanırken, an-nem bu tehlikelere karşı bizi uyarır[dı], yasaklar koyar[dı], kaşlarını çatarak hayatın karanlık yanlarına karşı önlemler alırdı. (OP I, 23) «В то время как мой отец молча обходил стороной все, что было дурным, враждебным или же прямо-таки гнетущим, мать предостерегала нас от этих опасностей, устанавливала запреты, хмурия брови, принимала меры против темных сторон жизни»;

г) сигнализацию о том, что действие совершалось в течение какого-либо продолжительного времени в прошлом: 1) O yıllarda ilk tahsilimi görürdüm. (Информант) «В те годы я получал начальное образование»; “Rakım çok içer mi?” — “Tevfik varken içerdi. Şimdi nerede? Sigara bile içmiyor”. (HE SB, 1989, 166) «Ракым много пьет?» — «Когда был Тевфик, пил. Сейчас куда там. Даже не курит» (пример свидетельствует о семантическом родстве употребленных временных форм).

Следующий отрывок, в котором формы определенного и неопределенного имперфекта (см. о них ниже) выступают в одном контексте, свидетельствует о том, что имеется коммуникативная зона, в пределах которой обе временные формы функционируют как синонимы: Atmaca hiç kimseyle konuşmuyor[du], düğünlere gitmiyor[du], zeytinlerin altında tek başına çalışıyordu. Ama geceleri çınarın altında adamakıllı coşar[dı], gözlerini kıza diker[di], üfler[di], üflerdi... (SA BÖ I, 18) «Атмаджа совсем ни с кем не разговаривал, не ходил на свадьбы, один играл (на кларнете) под оливковыми деревьями. Но по ночам под чинарой им овладевало сильное волнение, он пристально смотрел на девушку, играл, играл...».

Формообразование: неопределенный имперфект формально отличается от настоящего-будущего показателем *idi*, т. е. имеет сложный формообразующий показатель $-(A)r\ idi$, который чаще всего функционирует в слитном состоянии: $-(A)r\ idi > -(A)r\ di$.

Формоизменение осуществляется личными аффиксами 2-го типа: $yaz+(A)r+dım$, $yaz+(A)r+dın$, $yaz+(A)r+dı0$, $yaz+(A)r+dık$, $yaz+(A)r+dınız$, $yaz+(A)r+(lağ+dı)$ «я, ты, он, она писал(а), мы, вы, они писали» и т. д. Форма 3-го лица мн. числа не имеет облигаторного характера и подчиняется сложным правилам функционирования.

в) Прошедшее длительное (настоящее длительное в прошлом)

Временная форма со сложной морфемой $-mAktAydı$ ($< -mAkta\ idi$) — ближайшая родственница настоящего длительного (см. о нем

выше). Как и последняя, она характерна для официально-бюрократической и научной речи. Наиболее часто употребляется в форме 3-го лица.

Коммуникативное предназначение: чаще всего передает прошедшее действия, характеризующиеся некоторой продолжительностью. По-видимому, прав Л. Юхансон, который полагает, что эта форма имеет в составе своего значения акционсартовые семы актуальности, прегнантности и продолжительности действия.¹⁵⁷ Действие характеризуется как находившееся в процессе совершения: 1) *Izmir kurtulmuştu. Fakat korkunç bir geçim sıkıntısı geçiriyordu. Bizim piyasada rakiplerin sayısı günden güne çoğalmaktaydı.* (RNG MT, 76) «Измир был освобожден. Однако испытывал ужасные продовольственные затруднения. Количество конкурентов на нашем рынке изо дня в день возрастало»; 2) *Söylenenler doğruysa Amazonlar (kadınlar) savaşıllığı, ev işleri yanında erkek işlerini de başarıyla yürütmekteydiler.* (AU, 55–56) «Если то, что говорят, соответствует действительности, амазонки помимо домашних дел успешно выполняли и воинские, мужские обязанности»; 3) *Gençler, padişahı kötülemektedirler.* (AN ADS, 73) «Юноши продолжали ругать падишаха».

г) Перфект в прошлом

В следующих примерах описываются события, совершающиеся в рамках каких-либо реальных временных периодов в прошлом, ассоциируемых с грамматическим периодом ориентации. Действия, происходящие в пределах конкретного прошлого периода, передаются глаголами в формах определенного имперфекта и прошедшего длительного. *Действия героев, трактуемые писателем как предшествующие этим действиям, передаются глагольными словоформами перфекта в прошлом.* Словоформа прошедшего категорического свидетельствует о том, что коммуникант I соотносит темпоральное значение (образ передаваемого действия) с *настоящим* периодом ориентации.

1) *Eyvah bana ki meselenin çok geç farkına vardım. Ben anladığım zaman alev saçığı sarmıştı...* (SA BÖ I, 18) «Вот уж беда, что я слишком поздно заметил это дело. Когда я все понял, пожар [к тому времени] уже охватил карниз...»; 2) *Kenan da dinliyordu, fakat aklının yarısından çoğu Günsel'e takılıydı. Bir iki, göz göze gelecek kadar yürekli buldu kendini. Konuşmalarla içine daldığı dünya dışındaki her şeyle ilgisini yitirmişti bu gözler. Belli ki kız, konuşmaları sadece dinlemiyor[du], bütün boyutlarıyla yaşıyordu. Benciliğinden tedirginlik duymaya başlamıştı Kenan da... Bir iki daha baktı Günsel'e, sonra konuya döndü yavaş yavaş... Biraz çaba harcadı*

¹⁵⁷ Ibid.

önce, bir süre sonra Kenan için de artık Baba'nın tutkuyla üzerinde durduğu toplum sorunlarının dışındaki her şey önemini yitirmişti. (VT BGTB, 101) «Кенан тоже слушал, но в основном он неотрывно смотрел на Пюнсель. Один-два раза он осмелился встретиться с ней глазами. В пылу разговора эти глаза утратили интерес ко всему, что было за пределами того мира, в который она погрузилась. Было ясно, что девушка не просто слушала беседу, а переживала ее всем своим существом. Кенана уже начала раздражать ее высокая самооценка... Он еще раз-два бросил взгляд на Пюнсель, потом постепенно снова стал вникать в суть разговора... Сначала ему пришлось употребить некоторое усилие, [но] через какой-то промежуток времени все, что не относилось к социальным проблемам, о которых говорил Бабá, уже утратило свое значение и для Кенана»; 3) Sanki bir başkasının hırsının ve aklının güzğârına kapılmıştım, ama güzeldi bu. (OP BAK, 188) «Как будто мной овладел вихрь желаний и мыслей другого человека, но это было прекрасно».

д) Независимое употребление

При независимом использовании, т. е. в тех случаях, когда речь идет о функционировании словоформ, содержащих показатель перфекта в прошлом, в составе *простых* высказываний, не имеющих словоформ других «времен», словоформа обсуждаемого «времени» сигнализирует о том, что (1) действие происходило раньше описываемых прошлых событий (примеры 1–2), либо о том, что (2) действие происходило в отдаленном прошлом (примеры 3–5): 1) “Çok geçerim, ama hiç oturmamıştım buraya, dedi, güzel yermiş”. (VT BGTB, 86) «Много хожу по заведениям, но сюда ни разу не заходил, — сказал он, — оказывается, отличное место»; 2) Tanpınar, yıllar sonra yazdığı bir yazıda “Biz acı mütareke senelerinde mazideki eserlerimize nasıl sarılmıştık!” diye hatırlar. (OP İ 236–237) «Танпынар вспоминает в одной из своих статей, написанных годами позже: “Как же мы в горькие годы перемирия **вцепились** в (литературные) произведения из нашего прошлого!”»; 3) Hâsılı, kısa bir zaman için zerzevatı çiçeğe benzeten bahar beni de insana **benzetmişti**. (RNG MT, 11–12) «Короче говоря, весна, благодаря которой зелень, овощи воспринимаются как цветы, **сделала так, что и я стал походить** на человека»; 4) Namaz surelerini bu kadar çabuk ezberleyen bir hafız henüz **görmemişti**. (HE SB, 23) «Он никогда еще не видел хафыза (знатока Корана), который столь быстро заучивал бы молитвенные сурь»; 5) Lord Acton şöyle **demmişti**... (газ.) «Лорд Эктон (некогда) сказал следующее...».

е) Аналитические формы перфекта в прошлом

Аналитические формы перфекта в прошлом представляют собой весьма удобные морфологические средства передачи конкретных разновидностей связи какого-либо реального события в прошлом и предшествовавшего ему действия. Для этого оказываются сопряженными два носителя разных аспектуальных смыслов — посттерминального (послепредельного, совершенного) и интратерминального (внутрипредельного). Представляется, что, как и в первичной подсистеме временных форм, аналитические формы вторичной системы выполняют функцию детализованного выражения тех узуальных смыслов, для выражения которых синтетическая форма перфекта оказывается недостаточной:

1) Ağacın yapraklarından biri böylece kopup gitmiş oluyordu. (RNG YD, 61) «Вот так окончательно отрывался и пропадавал один из [множества] листьев дерева» (действие изображается как состоявшее из множества свершавшихся до подразумеваемого реального прошлого периода событий и как продолжавшееся в течение какого-то времени в пределах этого же периода);

2) ...IX–XIII. yüzyıllar arası Selçuklular dönemi, son 30–40 yıl içinde yapılan değerli araştırmalara rağmen yine de karanlık kalmış ve Anadolu Türkçesi'nin başlangıcı XIII. yüzyıl sonlarından daha geriye götürülememiş bulunuyordu. (ZK M, 12) «Сельджукский период между IX и XIII веками вопреки ценным исследованиям, выполненным в течение последних 30–40 лет, снова остался неясным, и начало анатолийско-тюркского языка не оказалось продвинутым (в глубь истории) дальше конца XIII века» (выражена статическая характеристика результата действия, свершившегося прежде подразумеваемого прошлого периода);

3) Çalışmamızın beş yıl süreceğini nereden bilebilirdik; durmalar yeniden başlamalar ile ancak geçen yıl bitmiş oldu. (F. Öngören. Önsöz // Orhan Kemal. İstanbul. Çizgiler, 9) «Откуда мы могли знать, что наша работа продлится пять лет; с перерывами, начинаясь несколько раз заново, она завершилась только в прошлом году» (передана динамика достижения действием своего полного завершения);

4) Rabi'a'yı öteki çocuklardan ayıran şey, imamın etkisine bu kadar erken girmiş olmasıydı. (HE SB, 22) «От остальных детей Рабию отличало то, что она так рано подпала под влияние имама» (передана динамика достижения действием своего полного завершения).

5) Ya sular!.. Bir hafta, on gün musluklardan su akmadığı çok oluyor. (AN ADS, 72) «А вода! Часто бывает, что неделю, десять дней из кранов не идет вода».

ж) *Давнопрошедшее неопределенное («Давнопрошедшее I время»)*¹⁵⁸

Как свидетельствует практика использования формы давно-прошедшего неопределенного в современной турецкой речи, она выполняет особую функцию — характеризовать действие как изолированное событие неопределенного прошлого; это дает основание полагать, что ее значение едва ли сохраняет какую-либо связь со своим (прошлым) периодом ориентации и что ее связь со вторичной подсистемой временных форм носит скорее формальный (маркер -DI+ -(i) di), чем содержательный характер:

1) Dur, dur, iyi iklimi getiridin, vakit bulup da **konuşmadımdı**, dün Mısır'dan mektup aldım, hanı eski ikinci kâtip Hayrullah Bey vardır, ondan bizim kızlara talipler zuhur etmiş. (RHK S, 76) «Постой, хорошо, что ты напомнил, я никак не мог найти момент поговорить. Вчера я получил из Египта письмо. Наверное, ты помнишь, есть такой Хайруллах Бей, бывший младший писарь. От него появились претенденты на наших девиц»;

2) Tam saatinde buluştular. Üsküdar'a indikleri zaman.

Halit:

— İstersen sen beni şurada bir kahvede bekle — dedi, — Suatlar'ın evi epey uzaktır.

Saffet:

— Yok, geleyim ben de seninle. Çoktan... Senelerdir **geçmedimdi** Üsküdar'a. (SF BE, 46) «Встретились точно в назначенное время. Когда спустились к пристани Скутари, Халит сказал: “Если хочешь, подожди меня здесь, в каком-нибудь кафе. Дом Суада довольно далеко”. “Нет, — ответил Сафсет, — пожалуй, я тоже пойду с тобой. Уже много лет, как я не бывал в Скутари”»;

3) Sen bunu [neyi] bir **üflediydin** benim kanıma bir sıcaklık **aktıydı**. (Из фильма «Anlat İstanbul») «Когда ты на нем (на ней) **заиграл**, я **пришла в полный восторг**»;

4) İşte ben böyleyim, vallahi unutuyorum hep... Son zamanlarda **çoğaldı** bende. Birkaç gün evvel de **rastladım** ona. (PS Y, 184) «Вот я такой. Ей-богу, постоянно забываю... В последнее время у меня (это) еще больше усилилось. Несколько дней тому назад я его **как-то встретил**».

и) *Будущее в прошлом*

Форма с морфемой -(y)AcAktI (< -(y)AcAk idi) имеет значение, которое характеризует действие как предстоящее по отношению к каким-

¹⁵⁸ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 240.

либо событиям в прошлом. В составе словоформ чаще всего используется сложный показатель $-(y)AcAk$ idi ($> -(y)AcAktı$), реже — суффикс $-(A)r$ idi ($>(A)rđı$): 1) Mektepte ben, bu vazoya benzemez daha neler kır+acak+tı+m. (RNG Ç, 20) «Сколько еще вещей, не сравнимых с этой вазой, мне предстояло разбить»; 2) ...Носа, artık, “öğretmek” kelimesini kullanmıyordu. Birlikte araştıracaktık, birlikte bulacaktık, birlikte yürüyecektik. (OP BK, 33) «...Ходжа уже не употреблял слово “обучать”: нам предстояло вместе исследовать, вместе открывать, вместе шагать (вперед)»; 3) ...Gebze’de camiler arasındaki namaz vakitlerindeki tutarsızlık, Носа’ya başka bir düşünce verdi: Namaz vakitlerini gösteren kursuz bir saat yaracaktı. (OP BK, 36) «Несогласованность времени намаза в мечетях (городка) Гебзе подала Ходже другую идею: теперь он собирался ($<$ теперь ему предстояло) соорудить часы, которые показывали бы время намаза»; 4) Kimsenin daha yaramadığı bu atı ben şimdi nakşedecektim. (OP BAK, 314) «Теперь мне предстояло изобразить этого коня, (изображение) которого еще никому не удавалось сделать»; 5) Nizam Dede o an Dilârâyı düşünüyordu. Yakında kulunla+r+dı. Tayın yeri ahırda şimdiden hazırды. Tertemiz, kupkuru. Şu muharebe bir bitse, Ruslar şuradan çekilip gitseler... En güzel otları aramağa tokay yerlere çıkacaklardı. Tayı cirit için yetiştirecekti. (SÇ HG, 229) «В тот момент Низам Деде думал о Диларе. Она вскоре должна была ожеребиться. Место для жеребенка было уже готово на конюшне. Только бы наконец кончилась эта война, только бы русские ушли отсюда... В поисках самой хорошей травы они будут подниматься на самые благодатные места. Он собирался вскормить жеребенка для участия в конных играх».

Маргинальное употребление формы с морфемой $-(y)AcAktı$ для выражения *предположения*: 1) “Küfür mü edecekti ne...” (NB ABB, 25) «**Может, он собирался выругаться или что...**»; 2) Belki gerçek yıkımın nedeni, bu olacaktı. (BK GKB, 147) «**Может быть, именно это и стало подлинной причиной беды**».

Неосуществленное намерение. Одним из узуальных смыслов, передаваемых формой будущего в прошлом, является неосуществленное намерение совершить действие, называемое глагольной основой, как в высказывании: Ne söyleyecektin? (Информант) «**Что ты хотел/собирался сказать?**». Почти тот же смысл выражается сложновербальной аналитической формой $-(y)AcAk$ oldu с той только разницей, что последняя сообщает о динамическом характере события, о том, что действие в какой-то мере уже имело место (что-то вроде «сделать попытку»): Kalkıp gidecek oldum. Ama delikanlılardan biri yalvar yakar koluma asıldı. (EŞ A, 43) «**Я встал и хотел было уйти. Однако один из молодых людей с мольбой повис у меня на руке**».

к) Ближайшее будущее в прошлом

Форма имеет значение, которое характеризует действие как следующее непосредственно за прошлым событием: 1) İkinci şişe de boşalmak üzereydi. (SF BE, 20) «И вторая бутылка **вот-вот** уже должна была опустеть»; 2) Ben üniversiteden çıktığımda ortalık kararmak üzereydi. (Информант) «Когда я выходил из университета, **вот-вот** должно было уже стемнеть»; 3) Kendini bildi bileli durgun bir göl gibiydi Ella Rubinstein'in hayatı. Kırk yaşına basmak üzereydi. (EŞ A, 59) «С тех пор как Элла Рубинштейн себя помнила, ее жизнь была похожа на спокойное озеро. Ей **вот-вот** должно было исполниться сорок лет».

3) Формы третичной ориентации

В настоящем разделе речь идет о небольшой группе аналитических (сложновербальных) временных форм, значения которых сигнализируют о соотношении действия с периодом ориентации, ассоциируемым с событиями в будущем. Эти формы конституируют третичную подсистему турецкой категории времени.

а) Формы, сигнализирующие о темпоральном совпадении действия с периодом ориентации («настоящее» в будущем)

О темпоральном совпадении действия с будущим периодом ориентации сигнализируют значения двух (как представляется, синонимичных) сложновербальных образований — формы с морфемой *-(I)yor olacak* и формы с морфемой *-mAktA olacak*.

Форма настоящего данного момента в будущем *-(I)yor olacak*:

1) Bir yıl sonra Moskova'da Alarko şirketinde çalışıyor olacağım. (Из частного письма) «Через год (в это время) я буду **работать** в Москве, в фирме Аларко»; 2) Ucu yakalmayasin! Tan yeri ağırırken ben seni yolda bekliyor olacağım. (Информант) «Смотри, не проспи! На рассвете я буду ждать тебя на дороге».

Форма настоящего длительного в будущем *-mAktA olacak*: 1) Bu satırların okunduğu sırada 19 Mayıs Gençlik ve Spor Bayramını kutlamakta olacağız. (газ. Cumhuriyet. 19.05.1971) «Когда (читатели) будут читать эти строки, мы будем праздновать 19 мая, праздник молодости и спорта»; 2) İnsanlar durumu farkettilerinde iş işten geçmekte: hayvan nesli hızla tükenmekte olacak. (Информант) «Когда люди заметят, что происходит, будет уже поздно, количество животных будет **уменьшаться**».

б) Форма перфекта в будущем (-miş olacak, -miş olur)

Форма перфекта в будущем (-miş olacak, -miş olur), по-видимому, сохраняет и в этой временной подсистеме видовое посттерминальное значение, т. е. сигнализацию о свершенности действия раньше периода ориентации: 1) Fakat, genç kadın, ne kadar bunalmış olacak ki bu istisla kızılmıyor, üst üste gönderdiği mektuplarda, "Beni kurtar, yoksa kendimi öldüreceğim, kanıma girmiş olacaksın! diye feryat ediyordu". (RNG, YD, 95) «Однако в какой мере молодая женщина должна была оказаться в затруднительном положении, чтобы не сердиться на это дурное отношение, и в письмах, которые она слала одно за другим, крикливо заявлять: "Спаси меня, иначе я покончу с собой! А ты запятнаешь себя моей кровью!"» (форма сообщает о предшествовании свершенного действия будущему временному плану, о присутствии которого в сознании говорящего сигнализирует форма будущего «времени» служебного глагола — olacaksın); 2) Şimdi de muazzam yeni bir otel yapmakla meşguller. Belki de bu satırları okuduğunuz sıralarda bu otel de bitmiş olacak. (M. Z. Sertel) «А сейчас они заняты тем, что строят огромный новый отель. Вполне возможно, что в то время, когда вы будете читать эти строки, отель будет уже завершен»; 3) Gara yetiştiğimiz zaman tren kalkmış olacaktır. (Информант) «Когда мы доберемся до вокзала, поезд наверняка уже уйдет»; 4) Yalnız, canımı sıkın şey, Hayrullah Beyin bulunmaması. Onbaşı deminden tekrar uğradı, beyin bu gece köyde kaldığını söyledi. İnşallah o gelinceye kadar küçüğüm kalkmış olur. (RNG Ç. S. 273) «Меня беспокоило только отсутствие Хайруллаха Бей. Только что снова заехал ефрейтор, сказал, что Бей на ночь остается в деревне [в которую он уехал]. Даст бог, моя малышка поправится до его приезда»; 5) Eyvallah Şems, anlıyorum ki yola çıkacak olan kişi sensin. Buna şüphe kalmadı. Yarın şafakla beraber zaviyemizden ayrılmış olursun. (EŞ A, 105) «Слава Аллаху, Шемс, понимаю, что ты тот человек, которому предстоит завтра отправиться в путь. Не осталось никакого сомнения в этом. Завтра на заре ты уже покинешь нашу обитель».

в) Форма ближайшего будущего в будущем (-mAk üzere olacak)

Пока автору удалось обнаружить только один пример, в котором употреблена форма -mAk üzere olacak, сигнализирующая о том, что действию предстоит совершаться в будущем через краткий промежуток времени после периода ориентации: Ben, akşam sularında adadan dönmek üzere olacağım, sen de beni sahilde bekliyor olacaksın. Ne saadet! (Hüseyin Dalli, 08. 01. 2009) «Мне будет предстоять скорое возвращение с острова, а ты будешь поджидать меня на берегу. Какое счастье!» (букв.).

4) Транспозитивное употребление временных форм

«Особый случай представляет переносное, метафорическое употребление времен, когда говорящий мысленно переносится в другой временной план, как бы заново “проигрывая” прошлые события (так называемое историческое настоящее: “Иду я вчера по улице”) или предвосхищая будущее (“Ну, я пошел”; “Мы погибли”)¹⁵⁹».

Переносное употребление временных форм в турецкой речи изучено мало, но оно, конечно же, широко используется как в художественной литературе, так и в разговорной речи: 1) Dedikodu en çok bıkıp attığı dalkavuklardan çıkar. Fakat bunların hiç birisi Sabiha Hanım'ı üzmez. Kahkahası sürekli, neşesi mikrop gibi yakınlarına geçer. (HE SB, 24–25) «Сплетни чаще всего исходят от прихлебательниц, которые ей надоели и которых она прогнала. Но ни одна из них (этих сплетен) не тревожит ее. Ее смех, ее веселость все время заражают близких ей людей» (словоформы настоящего-будущего передают события прошлого); 2) Tekrar ve üst üste şarap içti. Bir aralık yerinden kalkarak: “Şimdi geliyorum!” dedi ve sallana sallana uzaklaştı. (SA KMM, 100) «Она опять и один за другим выпила несколько глотков вина. Через некоторое время проговорила: “Я сейчас приду” — и, качаясь, удалилась»; 3) Haftaya Salı günü, dönüyorum. (Информант) «Я возвращаюсь на следующей неделе, во вторник»; 4) Seneye öğrencilik hayatım sona eriyor. (Информант) «В следующем году моя студенческая жизнь заканчивается» (в примерах 2–4 словоформы настоящего данного момента передают будущие действия); 5) “Evladım, ne hissettiğinizi anlıyorum. Ama daha çok gençsiniz. Kim bilir, bir bakmışsın, yarın bir başkasına âşık olmuşsun”. — “Mrs. Rubinstein, ne olur kabalık addetmeyin ama böyle bir ihtimal varsa şayet, herkes için, hatta sizin için bile geçerli değil mi? Kim bilir, bir bakmışsınız, yarın siz de bir başkasına âşık olmuşsunuz”. (EŞ A, 56) «Дитя мое, я прекрасно понимаю, что вы чувствуете. Но вы еще очень молоды. Того и гляди, тебе надоеет, завтра ты уже влюбился в другую». — «Ну, в чем дело, миссис Рубинштейн, не примите [мои слова] за грубость, но если такая вероятность существует, то это справедливо в отношении любого, даже вас, не правда ли? Кто знает, посмотришь, и вы назавтра и влюбились в кого-нибудь» (в примере словоформы перфекта (формы прошедшего времени) передают воображаемые будущие события); 6) Büyük annemin buna da cevabı vardı: “Büyük babam Şemseddin Mollaya Kocabaş Kazasker dediklerini unutmuyor musun?” (RNG MT, 8) «На это у моей бабушки был ответ: “Разве ты забыл, что моего деда Шемседдина

¹⁵⁹ Маслов Ю. С. Избранные труды. С. 509.

Молу называли Казаскер Большая голова?» (словоформа «настоящего данного момента» передает прошлое действие).

3.5.4. Категория повелительного наклонения (императив)

Как было сказано выше, во всех своих вариантах, разновидностях, проявлениях источником модальности всегда оказывается субъект, его субъективное эмоциональное *состояние* (например, «испытывать желание», «иметь предположение», «допускать вероятность чего-либо», «испытывать уверенность или сомнение в реальности сообщаемого события», «сознание проблематичности» и т. п.), и едва ли можно сомневаться в том, что модальность может заключаться также в экспликации *волеизъявления субъекта (приказа, желания, просьбы)*. А это означает, что повелительное вне всякого сомнения представляет собой типичное наклонение.¹⁶⁰

Повелительное наклонение представляет собой совокупность форм, значение которых сигнализирует о непосредственном повелении. Как и изъявительное наклонение, оно не имеет своего специального показателя и конституируется всем набором формоизменяемых единиц, т. е. личных форм.

С точки зрения теории строя агглютинативных языков повелительное наклонение в турецком языке представляет интерес тем, что в отличие от ряда других тюркских языков (включая его предка — староранатолийско-тюркский язык) во 2-м лице единственного числа имеет нулевую морфему, функциональный ноль. Однако по причине слитности, неразделенности в этой категории механизмов формообразования и формоизменения эту нулевую морфему нельзя считать только формообразовательной и, следовательно, нельзя утверждать, что этот факт противоречит сформулированному выше тезису — «нет аффикса, нет и категории»,¹⁶¹ являющемуся одним из характерных особенностей агглютинативных языков: 1) [Zaptıye Nazırı:] Bugün olamaz, Rabia. Boşcaı bırak, git. Birkaç gün sonra... Ağlama... Ağlama... Ağlamasına...! (HE SN, 132) «[Дежурный в тюрьме:] Сегодня нельзя, Рабия. **Оставь котомок, уходи.** [Приходи] через несколько дней... **Не плачь. Не плачь. Да не плачь же!**»; 2) Büyük annemin diline doladığı sözlerden biri de “Allah kim-senin kapısını **kapamasın!**” di. (RNG MT, 16) «Среди выражений, которые

¹⁶⁰ Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). С. 464; Якобсон Р. О. О структуре русского глагола // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 217; Володин А. П., Храковский В. С. Об основаниях выделения грамматических категорий: время и наклонение. С. 52–53.

¹⁶¹ Еловков Д. И., Касевич В. Б. Некоторые проблемы лингвистики в свете материала языков Юго-Восточной Азии // Вестник ЛГУ. 1979. № 8. С. 76.

[вечно] вертeлись на языке у моей бабули, было и [такое]: “Да не закpоет Аллах ни перед кем двери [благополучия]!”»; 3) Yaşamaları için denizlerimizi temiz tutalım! (Призыв к населению на щите у автобусной остановки в районе Бейлербейи, Стамбул) «Давайте содержать наши моря в чистоте ради их жизни»; 4) Misafirhane sakinlerinin dikkatine. Odanızdan çıkarken lütfen pencerelerinizi açık bırakmayınız! (Обращение к постояльцам в гостинице) «К сведению проживающих в гостинице. Пожалуйста, выходя из номера, не оставляйте окна открытыми»; 5) Sayın yolcularımız, dilek, öneri ve şikayetlerinizi lütfen bizlerle paylaşın! (Письменное обращение к пассажирам на пристани Üsküdar) «Дорогие наши пассажиры, пожалуйста, делитесь с нами вашими пожеланиями, предложениями и жалобами».

Императив в обобщающем обороте: Düşman olan manda başkan seçilmesin de hangi hayvan seçilirse seçilsin, mandanın umurunda değildir. (AN ADS, 59) «Только бы не был избран президентом его враг буйвол. А какой другой зверь будет избран, это его не интересовало».

Как будет показано ниже (см. раздел «Турецкий “субжонктив”?»), повелительное наклонение (преимущественно форма 3-го лица) функционирует в речи во взаимодействии с формами желательного наклонения также в качестве или в составе зависимых компонентов высказываний чаще всего как дополнение, уточняя действия, называемые волеизъявительными глаголами.

Форма прошедшего времени императива (форма -sındı, -sınlardı, -sınıtı). В турецкой речи встречаются словоформы, в составе которых имеет место комбинация аффикса повелительного наклонения 3-го лица и показателя прошедшего времени. Такие образования представляют интерес как противоречащие представлениям теории грамматики о несовместимости модальности повеления с характеристикой действия как прошедшего.

Предлагаемые переводы приводимых примеров преследуют цель показать, что речь идет об одном из морфологических средств, имеющем сложное значение, содержащее сему модальности нецесситативности (необходимости, долженствования) и сему, сигнализирующую об отнесенности события к прошлому, т. е. речь идет о семантическом содержании типа русского «пусть бы он(а) сделал(а) (тогда) то»: 1) Aslana göre, seçimi kendisi kazanamayacaksa, kaplan kazanmasında kim kazanırsa kazansındı. (AN ADS, 59) «По мнению льва, если он сам не сможет победить на выборах, то пусть бы и тигр не победил, (а в остальном) кто бы ни победил, пусть побеждает»; 2) “Yıkılacak” diyenlerin çığıkları sessizlik içinde eridi, dağıldı. Susku uzun sürdü. Kimler bağırmişti böyle, çıksınlardı ortaya. (BK GKB, 143) «Крики тех, кто

говорил: «[Старому порядку] не бывать», — растаяли в безмолвии. Тишина длилась долго. [Стали слышны голоса:] Кто же это кричал? Пусть бы они предстали перед людьми»; 3) *Hem niye yıkım olsundu? Bu yeni duruma uyarlanmağı niçin kimse düşünmüyor gibiydi? Belki gerçek yıkımın nedeni, bu olacaktı.* (BK GKB, 147) «К тому же, почему должно было наступить смятение? Почему никто как будто и не думает о том, чтобы приспособиться к этой новой ситуации? Может быть, именно это и стало подлинной причиной беды»; 4) *Bilinen yol buysa, başkasının bilgisinden niye yararlanmasındı sanki?* (BK GKB, 194) «Если это и есть общеизвестный путь, то почему бы ему не воспользоваться было этой известной другим (дорогой)?».

Материал, приводимый А. Н. Кононовым, свидетельствует о способности этой формы передавать во взаимодействии с другими речевыми средствами весьма разнообразные узуальные и окказиональные смыслы, например, «неосуществленное намерение в прошлом», «предположение», «вероятность» и пр.¹⁶²

3.5.5. Желательное наклонение (*optatuv*)

Категория желательного наклонения с морфемой *-(y)A* вполне может признаваться ближайшим семантическим и функциональным родственником повелительного наклонения. Значения обоих наклонений являются волеизъявительными. Это обстоятельство позволяет им нередко замещать друг друга в речи, особенно при передаче смыслов в составе зависимых синтаксических единиц.¹⁶³

Значение желательного наклонения представляет собой более мягкое по сравнению с императивом волеизъявление и способно передавать широкий спектр смыслов: смягченное повеление, желание, пожелание, просьбу, заинтересованность, и т. п.: 1) *Babacığım bil+e+sin, bu oğlun kardeşlerinden farklı bir yumurtadan çıktı.* (EŞ A, 61) «Да будет тебе известно, папочка, этот твой сын вылупился не из такого же яйца, как его братья»; 2) *Şunu bil+e+siniz ki bu yalnız benim fikrim değildir.* (EŞ A, 97) «Вам следует знать, что это не только мое мнение»; 3) *Ben öl+me+[ye]+yim de kimler ölsün[?]* (YK BBE, 194) «Если мне не (хотеть) умирать, то кому же умирать?»; 4) *Kestirmeden gid+elim diye düştük buraya.* (NH YGŞK, 393) «Мы попали в это место, чтобы идти напрямиком».

¹⁶² Кононов А. Н. Заметки по морфологии турецкого языка // Советская тюркология. 1980. № 2. С. 14–20.

¹⁶³ Ср.: Demir S. A. Türkçede İsteme Kipliği. Semantik — Pragmatik Bir İnceleme. Ankara, 2008.

Об употребительности желательного наклонения (в частности, его формы 1-го лица) свидетельствует общепринятое использование этой формы для испрашивания воли собеседника (типа «можно войти, разрешите войти» и т. п.): 1) **Bakiyim** (< bak+a+uyım) **mi?** (Сцена в фильме «Eşkiya» «Разбойник»: вопрос задает ребенок, увидевший бинокль в руках взрослого человека) «**Можно мне посмотреть** [в бинокль]?»; 2) **Gidelim mi?** (Информант) «Ну что, пойдём?»; 3) **Gireyim mi?** (Информант) «Мне можно войти?»; 4) **Üzüm mü tophyalım, seni mi seyrederelim?** (Информант. Шутливое обращение к кокетливой девушке) «Что ж, **будем убирать виноград или любоваться тобой?**».

Продуктивная форма 3-го лица желательного наклонения используется реже, чем формы 1-го и 2-го лица: 1) **Kimse yerinden kalk+ma+ya.** (Информант) «Никому **не (следует) вставать** со своего места»; 2) **Bu kez her ne kadar dilimiz sürçtüyse bağışlana.** (SB ABVB, 276) «Если мы в этот раз не смогли как надо выразить то, что мы хотели сказать, **пусть (это) нам будет прощено**»; 3) **Bu vatan bölünmez! Bu böyle biline!** (Информант) «**Это отечество неделимо! Пусть это (все) так и знают!**».

В 3-м лице носители предпочитают использовать форму повелительного наклонения. Автор настоящей работы предложил информанту трансформировать строку из популярной эстрадной песни **Aşkımı inkâr edersen Allah'tan bul+a+sın** («Пусть тебе достанется от Аллаха, если ты отвергнешь мою любовь») так, чтобы речь шла о 3-м лице («Пусть ему достанется от Аллаха, если он отвергнет мою любовь»), собеседник употребил *императивную* словоформу 3-го лица: **Aşkımı inkâr ederse Allah'tan bul+sun**.

Наблюдения над речью носителей языка создают впечатление, что форма 3-го лица опатива более предпочтительна в устойчивых архаичных словосочетаниях типа: **Uğur ola! // Uğur gele!** «Доброго пути» (букв. «Да будет счастье!»); **Allah vere!** «Бог подаст!»; **Hak getire!** «Да пошлет Господь!» (İnebolu Ankara yolunda bir yerde, bir dere başına geldik. Köprü filân **hak getire.** (NH YGŞK, 393) «По дороге из Инеболу в Анкару мы в одном месте оказались на берегу речушки. Мост или еще там чего — **Бог пошлет**»); **Kolay gele!** «Бог помочь!».¹⁶⁴ Обычным ответом на последнее пожелание является устойчивое словосочетание со словоформой 3-го лица *императива* «**Allah razı olsun!**» «Да согласится (с этим) Аллах!».

Маргинальное функционирование формы желательного наклонения

Для выражения предположения: **Uyuanların horultuları dalga dalga kabarıp diniyor. Buralarda yellere de öyle mi eser ola?** (DK GKB, 49) «Храп

¹⁶⁴ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 246–247 (в частности § 505).

спящих то усиливается, то затихает. Может быть, и ветры здесь дуют таким же образом?».

Для выражения неожиданности происходящего: *Bir de ne göreyim? Randa maçosu sepetlemesine salınan bir pala gibi Davut'un çene ve boynuna vurunca kafasını uçurdu.* (НВ АВВ, 23) «И вдруг что я увидел: кормовая мачта, как сабля, пущенная сметать все живое, ударив в подбородок и в шею Давута, снесла ему голову».

«Прошедшее время» желательного наклонения. О форме так называемого прошедшего времени опатива следует сказать, что изучение материала позволяет полагать, что, во-первых, в ней игнорируется сема прошедшего времени, во-вторых, она представляет собой средство выражения не столько *смягченного волеизъявления*, сколько *ирреального условия* или *сослагательной* модальности, а ее собственное значение (желания, пожелания) в передаваемых смыслах не всегда улавливается. Кроме того, как показывают нижеследующие примеры, она может заменяться формой условного наклонения и чередоваться с ней.

Примеры из литературы: 1) *Sen erkekçe hareket edeydin bu olanlar olmazdı.* (RNG YK, 59) «Если бы ты поступал как мужчина, все это случившееся не произошло бы»; 2) *Sen gerçek sevdalı ol+sa+ydın, sıkışmış obanın sıkışmışlığının üstüne var+ma+ya+ydın, belki de Ceren senin olurdu, alçak.* (YK ВВЕ, 281) «Если бы ты, негодяй, действительно проникся любовью (к этим местам) и не отнесся бы равнодушно к чаяниям попавшего в беду рода, может быть, и Джерен была бы твоей» (условная и опативная словоформы — в одном контексте); 3) *Herife bir temiz sora çekeydik, iş temizlenirdi.* (НН КК, 43) «Если бы мы хорошенько его отдубасили, дело поправилось бы»; 4) *Buna benzer ufak tefek sahtekârlıkları hiç yarmamış değilim. Hele "Nur-i Irfan" mektebi kâtipliği devam edeydi bu işte az çok bir ihtisas bile edinecektim.* (RNG МТ, 110) «Нельзя сказать, что я совсем не прибежал больше к подобным мелким обманам. Особенно если бы продлилась моя служба в канцелярии школы «Свет науки», я даже приобрел бы в этом деле какую-нибудь специализацию»; 5) *Evime geldiğinize çok sevindim ama, hasta hasta buraya dek zahmet et+mi+ye+ydiniz. Bana bir haber sal+sa+ydın, ben gelirdim.* (AN ADS, 122) «Я очень обрадовался, что вы пришли в мой дом, но было бы лучше, если бы вы не тратили силы в больном состоянии добираться сюда. Если бы ты [sic!] дал мне знать, я бы пришел» (условная и опативная словоформы — в одном контексте).

Примеры из разговорной речи: 1) *Keşke karım da bizimle birlikte buraya gel+e+ydil!* (Информант) «Лучше бы и моя жена пришла сюда вместе с нами»; 2) *Keşke Siz de burada ol+a+ydiniz! // Keşke Siz de burada*

ol+sa+ydınız! (Информант. Во втором случае — словоформа условного наклонения). «Хорошо бы и вам быть здесь!» // «Было бы хорошо, если бы и вы были здесь!» (может иметься в виду ситуация и в настоящем, и в прошлом).

Форма прошедшего времени для выражения недоумения: Babam, kaybolan oyuncak kayığının yerine bana bir kuzu aldı. Fakat **ne ede+yiim+di** ben onu? Budala, denizden hiç hoşlanmıyor, boyuna ot yiyordu. (НВ АBB, 12) «Вместо пропавшего игрушечного корабля отец купил мне ягненка. А что мне было с ним делать? Море ему совсем не нравилось, все время жевал траву».

Турецкий «субъюнктив»? В качестве уточняемых компонентов сложноподчиненных предложений (т. е. в функции распространенных или нераспространенных придаточных предложений) словоформы повелительного и желательного наклонений выступают как одна категория, которая в первых двух лицах обоих чисел чаще всего имеет показатели опатива, а в 3-м, — как правило, показатель императива. Это обстоятельство, во-первых, подчеркивает семантическое родство обоих наклонений, а во-вторых, в силу общности значений личных форм и их функций при явном своеобразии парадигмы дает основание допускать существование в турецком языке глагольной категории, которая представляет собой совокупность личных форм обоих наклонений.

Словоформы этой предполагаемой категории функционируют преимущественно в качестве придаточных предложений цели, чем достигается конкретизированное выражение волеизъявления (говорящего или действующего в повествовании лица): İstiyor ki gel+e+yim / gel+e+sin / gel+sin / gel+e+lim / gel+e+siniz / gel+sin+ler. «Он хочет, чтобы я / ты / он / она пришел / пришла / мы / вы / они пришли»: 1) İstiyorum ki, yarın bana **gelesiniz**. (ТП, 53) «Я хочу, чтобы вы завтра ко мне пришли»; 2) Fakat sevmek? Bunu yapamıyorum... Şimdi ne diye durup dururken bunları söylediğimi merak edersiniz... Dediğim gibi, başka şeyler beklিয়েerek ileride bana **darılmayınız** [императив!] diye... Size ne verebileceğimi şimdiden bildireyim ki, sonra sizinle oynadığımı **iddia etmişsiniz**. (SA KMM 1960, 84) «Но любить? Это не в моих силах... Теперь вам интересно, чего это я ни с того ни с сего говорю вам все это... Как я сказала, чтобы вы в будущем не обижались на меня, ожидая чего-то другого. Я хочу уже сейчас сообщить вам, что я могу дать, чтобы вы потом не утверждали, что я играю вами»; 3) Başımdan geçen serüvenleri **unutayım diliyor**, artık azıcık da olsa kendime mutlu olma hakkını **taniyayım istiyor**. (Информант) «Он желает мне забыть пережитые мной приключения, хочет, чтобы я признала за собой право быть хоть немного счастливой»; 4) Beni bu

yad memlekette yalnız başıma bırak+ma+ya+sın istiyorum. (Информант) «Я хочу, чтобы ты не оставил меня одну в этой чужой стране»; 5) Akşamki konsere gidelim istiyor. (Информант) «Он хочет, чтобы мы пошли на концерт, который состоится сегодня вечером».

Рассматриваемая турецкая категория весьма напоминает французское сослагательное наклонение «субжонктив». Категории обоих языков обнаруживают свойства, свидетельствующие об их семантическом сходстве, в частности функционирование того и другого в качестве средства волеизъявления, точнее, для выражения *побуждения, пожелания*.

Французское высказывание *Qu'il vienne* выражает тот же императивный смысл, что и турецкое *Gelsin* «Пусть он придет». Французскому *Vive la France!* соответствует турецкое *Yaşa+sın!* «Да здравствует!».¹⁶⁵

В придаточных предложениях «субжонктивы» обоих языков используются в тех случаях, когда в главном предложении задействован глагол или предикатив с волеизъявительным значением: фр. *Je veux qu'il vienne* синонимично тур. *İstiyorum ki gel+sin.* (Информант) «Я хочу, чтобы он пришел»; *Sen biraz daha, horoz yumurtala+sın diyeceksin.* (HE SB, 1989, 41) «Еще чуть, и ты скажешь, чтобы петухи несли яйца».

Во французском и в турецком языках «субжонктивы» «в ряде случаев выступают семантически опустошенными».¹⁶⁶ Ср. примеры на обоих языках: *Retrez avant qu'il ne pleuve.* (фр.) «Возвращайтесь, пока не пошел дождь»; *Hafta geçmez ki bir düğün olmasın.* (RNG Ç. S, 218) «Недели не проходит, чтобы не было свадьбы».

Французские примеры читатель и сам легко может умножить, но турецкий материал менее доступен для специалиста по индоевропейской теории грамматики. Именно поэтому представляется полезным привести и следующие турецкие примеры: 1) *Bir Müslüman milletin ananesini, medeniyetini neden her vesile ile tahkir ediyorsun? Medeniyetimiz yok ki, tahkir edeyim.* (HE SB, 1989, 39) «Почему ты по каждому поводу осуждаешь традиции мусульманского народа, мусульманскую цивилизацию? Цивилизации-то у нас нет, чтобы я мог ее осуждать»; 2) *Annesi sözünü kesti: "Kadınlara neden bidüziye hücum ediyorsun?" "Niçin etmiyeyim? Sade zevke, çocuk doğurmaya mahsus birer âlet".* (HE SB, 1989, 40) «Мать его прервала: «Почему ты постоянно осуждаешь женщин?» «А почему бы мне и не осуждать? У каждой из них плохой вкус, каждая — устройство, предназначенное рожать детей»».

¹⁶⁵ Французский материал цитируется по: Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. С. 184–191.

¹⁶⁶ Там же. С. 185.

Сказанное выше представляет собой пока лишь гипотезу, нуждающуюся в дальнейшей проверке и осмыслении. Автор убедительно просит читателя не воспринимать его рассуждение как категорическое утверждение.

3.5.6. «Условное наклонение» (конъюнктив)

Категория «условного наклонения» анализируется в настоящей работе в числе других наклонений исключительно в силу сложившейся и, к сожалению, прочно укоренившейся в тюркологии традиции.

В современной теории тюркской грамматики давно уже высказывается, как представляется, справедливое сомнение в правомерности трактовки этой категории как наклонения,¹⁶⁷ т. е. категории, имеющей своим значением субъективную модальность. Эти сомнения представляются автору настоящей работы вполне оправданными, поскольку, как было сказано выше, в разделе «Понятия “наклонение” и “модальность”», значение понятия «условие» семантически родственно образам таких явлений, которые объединяются понятием «обстоятельство»; кроме того, условие как значение формы трудно поддается трактовке в качестве разновидности модальности, хотя бы и с эпитетом «объективная», поскольку не может относиться к области субъективных состояний коммуникантов.

Вневременная форма «условного наклонения». Условное наклонение представляет собой совокупность личных форм с общетюркской морфемой -sa и личными морфемами второй группы: gel+sem, gel+sen, gelse, gel+sek, gel+seniz, gel+seler (личные словоформы глагола gel- «приходить»).

Коммуникативное предназначение этой категории — представлять действие, называемое глагольной основой, в качестве условия. Ее значение лишено временной семы, что делает любую ее форму индифферентной к выражению реальности («Если ты знаешь // узнаешь...») или нереальности («Если бы ты знал... ты бы этого не делал») действия, т. е. и та, и другая характеристики могут передаваться ее словоформами в речи в качестве смысла: 1) *Oraya gitsem de bir şey çıkmaz. // Oraya gitseydim de bir şey çıkmazdı.* (Информант) «Даже если туда пойду, ничего не получится» // «Даже если бы я туда пошел, ничего бы не

¹⁶⁷ См., напр.: *Невская И. А.* Состав и функция деепричастий в шорском языке. Автореф. дис. ... к. филол. н. Алма-Ата, 1990. С. 5; *Черемисина М. И.* Предложения, осложненные оборотами деепричастного типа // *Алтайская филология. Сб. науч. трудов / под ред. Л. Н. Тыбыковой, Н. Н. Тыдыковой.* Горно-Алтайск, 2001. С. 8–40; *Karahan L.* -sa/-se Eki Hakkında // *Türk Dili. Dil ve Edebiyat Dergisi.* Sayı 516. Ankara, 1994. S. 471–474.

получилось»; 2) Vali Bey'e *söyleseniz*, böyle millî günlerde başka türlü inzibat ister. (F. R. Atay)¹⁶⁸ «Если вы обращаетесь к господину вали, он в дни таких национальных торжеств желает чрезвычайного положения иного рода»; 3) Belki yarın, bunlara *kavuşsam* üç gün sonra gene bıkaçağım, hor göreceğim, kaçacağım. (RHK S, 144) «Может быть, если я воссоединюсь с ними завтра, через три дня они мне надоедят, стану их ненавидеть, уберу от них»; 4) Değnekçi onu bir arabanın arkasına çekmişti. "Kardeş," demişti, "gecelerdir geliyorsun, görüyorum. *Söylesem* olmayacak". (BK GKB, 39) «Палочник завел его как-то за какую-то машину. "Брат, — сказал он, — вижу, приходишь уже несколько ночей подряд. Если [кому] скажу — никто не поверит"».

Форма прошедшего времени «условного наклонения». Значение форм *прошедшего времени «условного наклонения»* представляет действие как ирреальное условие какого-либо воображаемого, не имевшего места события: 1) Birbirimize *sarılmayıydık*, rüzgâr bizi de götürcekti. (VÖ MAAKI, 22) «Если бы мы не обняли друг друга, ветер нас бы унес»; 2) Çekinmeden pencerenin önüne *oturabilseydim* mesele yoktu. (RNG MT, 19) «Если бы я мог без стеснения сесть перед окном, не было бы проблем»; 3) Şayet, şu yatakta sızıp kendinden geçmiş adama *kapılmış olsaydım* bugün beni Anadolu kasabalarından birinde öğretmen olarak bulacaktınız. (RHK S, 138) «Если бы я не оказался увлечен вот этим человеком, который задремал в постели, вы бы обнаружили меня сейчас в роли учителя в одном из анатолийских городков»; 4) "Tebrizli Şems bir de benim *falıma baksaydı*, geçmişimde ne gördü acaba?" diye düşündü. (EŞ A, 59) «"Если бы Шемс из Тебриза *погадал* мне, что бы он увидел в моем прошлом?" — подумала она».

Маргинальное функционирование «условного наклонения» как средства выражения желания. Среди причин традиционного отнесения форм со значением условия к числу наклонений присутствует, по-видимому, то обстоятельство, что они широко используются для опосредованного выражения *желания* в качестве одного из узуальных смыслов: 1) [Naim Efendi] Kızı Sekine Hanıma dedi ki: "Allah canımı *alsaydı* da, bugünü *görmeseydim*; bu felaketi *işitmeseydim!*" (YKK KK, 113) «Наим Эфенди сказал своей дочери Секине Ханым: "Лучше бы Аллах *прибрал* меня, не видеть бы мне этих дней, не слышать бы мне об этой беде!"»; 2) Bari polise haber *vermese* bizi Şükrü bey eniştemiz. (NH YGŞK, 342) «Только в полицию *не донес* бы на нас наш зятек Шюкрю бей»; 3) Öyle *sarhoş olsam* ki, / Bir an seni *unutsam*, / Unutsam bu günleri, / Yarınları *unutsam!* (Куплет эстрадной песни) «Так бы мне *опьянеть*, /

¹⁶⁸ Цит. по: Türkçe Sözlük. I. A-J. Ankara, 1998. S. 1092 (слово inzibat).

(хоть) на миг **бы забыть** тебя, / **забыть бы** (все, что происходит) сегодня, / **забыть бы** об всем, чему предстоит случиться».

Маргинальное функционирование повелительного и условного наклонений. Оба волеизъявительные наклонения употребляются также в качестве средств выражения неожиданности происходящего: 1) Hizmetçi kız önde, Ahmet arkada taşlığa girdiler. Taşlık genişti, loştı, serindi. Bu kız da niye böyle ayaklarının ucuna basarak yürür? Evde hasta mı var? **Bir de ne görsem**, ben de öyle yürüyorum. (NH YGŞK, 339) «Служанка впереди, Ахмед позади вошли в прихожую. Прихожая была просторная, темная, влажная. Почему эта девушка идет на цыпочках? Может быть, в доме есть больной? **И вдруг, что я вижу:** я ступаю точно так же»; 2) Gözlerini yavaş yavaş açınca **ne görsünler**: Ortada kocaman bir ateş yaniyor. (VÖ МААК I, 17) «**И что же они увидели**, когда медленно открыли глаза: посреди пещеры горел большущий костер»; 3) Çocuklar kamaşan gözlerini açınca **ne görsünler**: Top ortada duruyor. (VÖ МААК I, 21) «**И что же дети увидели**, когда открыли заслепленные (светом) глаза: перед ними стоял мяч».

Категория фамильярного повеления. Характерные для разговорной речи словоформы фамильярного повеления (с морфемами -sAnA, -sAnİzA) представляют сложившуюся в системе языка категорию. С диахронической точки зрения в них легко обнаруживается условное наклонение с морфемами -sA и -n/-nİz (показатели 2-го лица единственного и множественного числа), за которыми следует модальная частица «А» («же»). В синхронии названные морфемы этой категории, по-видимому, следует трактовать как неразложимые.

Примеры: 1) “Ağla+ma+sana!..” (HE SN, 166) [Дежурный полицейский в участке:] «**Да не плачь же ты!**»; 2) “Sen ondaki kafaya bak+sana... Bu yaşta onun bildiğini sen bilmezsin”. (RNG MT, 8) «**Да ты посмотри**, какая у него голова! Тебе столько лет, а ты не знаешь столько, сколько знает он»; 3) Hayal kurmasını seven Mehmet, annesine, “Çok güzel bir rüya gördüm”, dedi. Annesi, “Anlat+sana oğlum”... dedi. (AN ADS, 94) «Мехмет, который любил мечтать, сказал своей матери: “Я видел очень хороший сон”. Мать: “**Расскажи-ка сынок**”; 4) “Üstümden kalksana”. (VÖ МААК I, 15) «**Встань-ка с меня**»; 5) “Baksana halimize”. (VÖ МААК I, 15) «**Посмотри-ка**, в каком положении мы оказались».

3.5.7. Долженствовательное наклонение

Вневременная форма долженствовательного наклонения. Долженствовательное наклонение — сравнительно молодая категория турецкого языка. Она отсутствует в староанатолийско-тюркском языке XIII–XV вв., который представляет собой начальный этап эволюции

турецкого языка на территории Малой Азии. По своему происхождению в семантическом аспекте она весьма напоминает имеющуюся в европейских языках аналитическую форму «глагол *иметь* + инфинитив» со значением «быть должным что-л. делать» (ср. англ.: I had to do it «Я должен был делать это»; нем. Ich habe dir zu sagen «Я должен тебе сказать»). В тюркских языках, в которых нет глагола *иметь*, обладание выражается разными способами, одним из которых является присоединение к именной основе показателя -lı, имеющего наделительное значение (например, akıllı «имеющий ум, умный», evli «имеющий дом, женатый»). Речевые словоформы типа уар+та+lı+уим, выражавшие смысл типа «я наделен деланием, я имею делание», вполне могли стать тем исходным материалом, отталкиваясь от которого в турецкой языковой системе подобным образом сформировалась категория с модальным долженствовательным значением («Я должен делать»)¹⁶⁹

Примеры: 1) Yalnız, onu da söylemeliyim ki o hiçbir şeyi anlamıyor gibi görüdüğü halde domuzuna hassastı. (RNG MT, 33) «Только я должен заметить и то, что он, хотя и делал вид, что ничего не понимает, был очень и очень растроган»; 2) Hafızamı korarıp çıkarmalılar ki temiz hissedeyim kendimi. (PS Y, 317) «Для того чтобы я почувствовал себя очистившимся, мне должны удалить память»; 3) Yine tekrar ediyorum: Gazeteden değil, genel efkârdan korkmalı. (SS Rg, 303) «Я снова повторяю: опасаться следует не газет, а общественного мнения». (Необходимо обратить внимание на способность словоформ долженствовательного наклонения без аффикса -diğ выражать безличный смысл, что подтверждается третьим примером.)

Форма прошедшего времени долженствовательного наклонения. Форма прошедшего времени является аналитической, поскольку включает морфему прошедшего времени *idi*. Последняя способна беспрепятственно сливаться с основой, образуя вполне синтетическую словоформу (Отur+malı *idi* > otur+malı+yudı «Он должен был сесть»). Формоизменение осуществляется посредством личных показателей 2-й группы: 1) Gördüğümden emin olmak için gözümü merceğin tam karşısına getirmeliydim. (OP BAK, 308) «Чтобы удостовериться в том, что я разглядел, я должен был поднести глаза прямо к центру увеличительного стекла»;

¹⁶⁹ Высказываемое гипотетическое рассуждение наваяно весьма продуктивной статьей: Бенвенист Э. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика. С. 203–224. — Особого внимания заслуживают следующие слова французского теоретика: «Включение “иметь” в число глаголов состояния соответствует и сущности данного понятия. При этом становится понятно, почему “иметь” используется многими языками в описательных оборотах, передающих субъективные состояния: “испытывать голод, холод, желание...”» (Там же. С. 214).

2) Sebepsiz oda kapısına doğru yürürken, apartman kapısının çalındığını duydu. Babası ise?.. Onu hemen karşılamalıydı. (PS Y, 319) «Когда он без всякой причины направился к двери комнаты, услышал, что в дверь квартиры стучат. А если это отец?.. Он должен был тотчас же встретить его»; 3) Onun Beyliğinde kocaman bir adam küçücük bir çocuğu dövememeliydi. (YK BBE, 213) «В его бейлике большой человек не должен был бить крохотного ребенка».

3.5.8. Сослагательное наклонение

Анализируя такое, например, высказывание, как ...eğer bir din edinmek istesem mutlak müslüman ol+ur+du+m. (HE SB, 83) «...если бы я пожелал принять религию, то обязательно стал бы мусульманином», трудно соглашаться с теми грамматистами, которые полагают, что сказуемое главного предложения сложноподчиненного высказывания выступает в форме неопределенного имперфекта, т. е. в одной из временных форм индикатива. Сравним также два полученных от турецкоязычных информантов высказывания: 1) O gün Ankara'ya gid+ecek+tim. (ТП, 51) (Информант) «В тот день мне предстояло уехать в Анкару» (глагольная словоформа сигнализирует о действии, будущем по отношению к какой-либо ситуации в прошлом); 2) Seni orada görmeseydim hemen gid+ecek+tim. (Информант) «Если бы я тебя там не увидел, я бы тотчас ушел» (глагольная словоформа передает действие, которое не произошло, т. е. выражает сослагательный смысл).

Синтаксические конструкции типа «Если бы... стал бы / ушел бы» в русском языкознании часто именуется «условным ирреальным периодом», и в русском переводе главных компонентов приведенных трех сложноподчиненных предложений оказалось необходимым употребить форму *сослагательного наклонения*, поскольку коммуниканту нужно было сигнализировать о том, что *названное действие мыслится как не имевшее, не имеющее место или не предполагаемое свершиться в будущем*. То же наблюдается и в турецком языке. Выделенные словоформы со сложными аффиксами не выражают сообщения о действии, которое являлось бы «прямым отражением действительности» (В. В. Виноградов), т. е. не могут признаваться индикативными. Их внутрисистемные (т. е. языковые) соответствия (формы) и составляют ядро категории сослагательного наклонения в турецком языке.

Впервые сослагательное наклонение в одном из тюркских языков — в древнеуйгурском — обнаружил Д. М. Насилов. Речь идет о древнеуйгурской форме с морфемой -гај + әрді.¹⁷⁰

¹⁷⁰ Насилов Д. М. Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке (по памятникам уйгурского письма). Автореф. дис. ... к. филол. н. М., 1963. С. 14–15.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что аффикс $-(y)AcAk\ idi$ ($> (y)AcAkti$) используется носителями языка и для характеристики действия как будущего в прошлом. А в составе аффикса $-(A)r\ idi$ ($> (A)rdi$) имеется компонент $-(A)r$, сигнализирующий о том, что действие мыслится или как настоящее, или как будущее.

Во многих германских, романских и южнославянских языках значение сослагательного наклонения — сослагательная модальность — сформировалось, как и в тюркских языках, на базе темпорального значения *будущего в прошлом* посредством закономерного переосмысления этого значения. Об этом красноречиво свидетельствует омонимия временной формы будущего в прошлом и форм сослагательного (настоящего) наклонения в европейских языках. Так, в английском и во французском формы будущего в прошлом («future in the past», «futur dans le passé») и сослагательного настоящего («subjunctive mood», «conditionnel présent») полностью совпадают: (англ.) 1) John said he **would be** back before dark. (Хрестоматийный пример) «Джон сказал, что он вернется до того, как стемнеет» (будущее в прошлом); 2) If you had built up a wall of friendships you **would not have** to ask me to help. (Mario Puso) «Если бы ты воздвиг стену из друзей, тебе **не было бы** нужно просить меня о помощи» (сослагательное наклонение); (франц.) 1) Ainsi, tout était fini. Dantés ne **verrait** plus les yeux clairs de son vieil ami. (A. Dumas) «Итак, все было кончено. Дантесу **предстояло не видеть** больше ясных глаз своего старого друга» (будущее в прошлом); 2) Il vous **ferait** des déclarations, vous **compromettrait**, et vous me **forceriez** à le tuer. (Balzac) «Он **мог бы** объяснить вам в любви, **скомпрометировать** вас, а **вы бы** заставили меня убить его» (сослагательное наклонение);¹⁷¹ 3) Un gamin de Paris m'a dit à l'oreille si je pars d'ici sachez q'à la vieille j'**aurais reusis** à mettre Paris en bouteille. (Строка из эстрадной песни) «Парижский мальчишка шепнул мне на ухо: если бы мне пришлось исчезнуть отсюда, то знайте: перед этим я бы ухитрился упрятать Париж в бутылку».

Отсутствие сослагательного наклонения в грамматиках тюркских языков можно объяснять только как недоразумение, поскольку этот языковой инструмент — обычное явление в известных автору настоящей работы языках, и, конечно же, оно хорошо знакомо всем, кто пользуется не только тюркскими, но и европейскими (флективными и аморфными) языками.

Сослагательное наклонение широко используется в турецкой литературе: 1) Hangisini istesem, evvelallah, ayağımın **altına alır[dim]**, evire çevire tepeliyebil+ir+dim. (RNG MT, 5) «Кого бы я ни захотел, ей-богу,

¹⁷¹ Радев А., Симеонов Й. Френска грамMATика. София, 1961. С. 93, 97–99.

свалил бы его себе под ноги и мог бы топтать, переворачивая его так и сяк»; 2) Euvah bana ki meselenin çok geç varkına vardım. Ben anladığım zaman alev saçığı sarmıştı... Yoksa çoktan çergiyi toplar, başka yere göçerdim. (SA BÖ I, 18) «Вот уж беда, что я слишком поздно заметил это дело. Когда я все понял, пожар было уже не потушить... В противном случае я давно бы уже собрал бы табор, откочевал бы на другое место»; 3) Bunu söyleyen bir insana dokunulmaz[dı], bırakılır[dı], elleri de örülürdü. (YK BBE, 178) «На человека, сказавшего это, никто бы не посягал, его бы оставили (в покое), целовали бы ему руки»; 4) "Seni sevseydim çocukluğumda severdim," diye yine fısıldadım. (OP BAK, 338) «Если бы я любила тебя, то любила бы в детстве», — снова прошептала я»; 5) Sabahın bu saatinde bizi az daha eziyordunuz... (OP SE, 204) «Вы чуть не задавили нас в этот утренний час...»; 6) "Kocanla niye evlendin?" "Biriyle evlen+dir+il+ecek+tim elbette," dedi (OP BAK, 176) «Почему ты вышла замуж за этого человека?» — «Меня наверняка заставили бы выйти за кого-нибудь», — сказала она».

3.5.9. Вторичные морфологические средства выражения модальностей

Формами модальностей в тюркском языкознании традиционно принято называть такие морфологические средства, коммуникативное предназначение которых состоит в том, чтобы дополнять соответствующей модальной информацией смыслы, передаваемые в речи словоформами временных категорий и косвенных наклонений. Эти формы носят характер вторичных, поскольку они подключают модальные значения к формам, семантика которых уже имеет комплексный состав (действие + значение временной формы, действие + значение формы наклонения). В речи сказанное эксплицируется соответствующим морфным составом словоформ и такой их синтактикой, которая характеризуется помещением показателя модальности после показателя временной формы или формы наклонения: глагольная основа + показатель временной формы + показатель лица + показатель модальности или глагольная основа + показатель временной формы или формы наклонения + показатель модальности + показатель лица, например: *işit+miş+sınız+dir* «вы наверняка слышали» (утвердительная модальность), *işit+miş+se+niz* «если вы слышали» (условная модальность), *bunu uyar+acak+miş+sınız* «(как я узнал), вы сделаете это» (опосредованная модальность).

3.5.9.1. Предположительная модальность

Предположительная модальность — глагольная аналитическая сложновербальная форма со значением «по-видимому, вероятно» и пр. (-(I)yor/-miş olmalı): 1) Adam bunu hiç **bekle+mi+yor ol+malı+ydı** ki, boş bir çuval gibi yere yığıldı. (EŞ A, 52) «Человек этого, **по-видимому, совсем не ожидал** и рухнул на землю, как пустой мешок»; 2) Ne var ki kocası başka türlü **hiss+ed+iyor ol+malı+ydı**. (EŞ A, 91) «Однако ее муж, **по-видимому, чувствовал иначе**»; 3) Delikanlı aylardır beni suskun ve suratsız **gör+me+ye o kadar alış+mış ol+malı ki**, ağzı bir karış açık kaldı. (EŞ A, 103) «Однако юноша, **вероятно, настолько привык видеть меня молчаливым и угрюмым**, что замер с широко открытым ртом».

3.5.9.2. Утвердительная модальность

Категория утвердительной модальности имеет предположительное значение, способное выражать такие смыслы, как: «вероятно», «наверное», «может быть», «как будто (бы)»: 1) Bir erkek sesi, “Bay Langdon?” dedi. “Umarım sizi **uyan+dır+ma+mış+ım+dır**”. (DB DVŞ, 15) «Мужской голос проговорил: “Господин Лэнгдон? **Надеюсь, я вас не разбудил?**”»; 2) Benim gelişigüzel lâkırdı edenlerden olmadığını elbette **farket+mış+siniz+dir**. (RHK S, 98) «Вы наверняка поняли, что я не из тех, кто болтает что попало»; 3) “Bir şu Galip iddiasızdır içinizde. Doğrusu onun da neden yaşadığını bir türlü **anla+yama+mış+ım+dır**”. Bir kahkaha attıktan sonra da: “Her böyle olmuştur bu”, diye ekledi. (MCA A, 16) «Только Галип среди вас без претензий. Признаться, я так, кажется, и **не смог понять**, почему и он тоже существует”. Потом, хохотнув, добавил: “Думаю, это всегда было так”»; 4) Kenan, tutuklanmamış bazı kişilerin adlarını sordu. Bir an durdu Günsel. “Tanımıyorum, dedi. Belki adlarını **duy+muş+um+dur**”. (VT BGTB, 89) «Кенан спросил имена людей, которые не были арестованы. Гюнсель какое-то мгновение помедлила. “Я их не знаю, — сказала она, — **скорее всего, я слышала их имена**”»; 5) Yazı ise, çok **söyle+mış+ım+dır**, acılarımı, öfkelerimi kusmak için kullanmak isteyeceğim bir araç değil benim gözümde. (BK GKB, 215) «А что касается прессы, то я, **кажется, много раз говорил**, что, по-моему, она не является средством, которое я бы хотел употребить для того, чтобы выплевывать свои огорчения, свои раздражения».

Нередко это морфологическое средство используется для выражения уверенности в реальности происходящего, категоричности («обязательно, непременно»): 1) Refah Partisi, iktidarda kaldığı sürece puanlarını tek tek **kaybed+ecek+tir**. (газ.) «В течение срока, пока партия благоденствия будет находиться у власти, она **(наверняка) потеряет**

все свои очки одно за другим»; 2) Savcılık bunu bir ihbar sayarak hemen harete geç+meli[dir] ve kaanilleri yakala+mali+dir. (AN DB, 138) «Прокуратура непременно должна трактовать это как донос, должна взяться за дело и схватить (всех) хаанитов».

Форма используется также для придания речи официального характера: Okuyucu ve misafirlerimize 13:30–14:00 saatleri arasında yemek veril+ecek+tir. (Объявление в столовой научно-исследовательского института в Стамбуле) «Читателям (библиотеки) и нашим гостям обед будет отпускаться с 13:30 до 14:00».

3.5.9.3. «Условная модальность»

Категория условной «модальности» конституируется совокупностью вторичных личных форм с морфемой -sA, сопряженной с личной морфемой 2-й группы. В речи аффикс -sA располагается в словоформе после временной основы или основы наклонения.

Коммуникативное предназначение этой категории — представлять событие, выражаемое временной словоформой или словоформой «наклонения», в качестве условия: 1) Nakşet+mi+yor+sam onunla deliler gibi sevişiriz. (OP BAK, 81) «Если я не рисую, мы занимаемся с ней сексом, как сумасшедшие»; 2) Ölüver+ir+se bacaklarından yakalayıp denize mi atacaklar? (RHK S, 113) «Если он вдруг умрет, неужели его схватят за ноги и бросят в море?»; 3) İçmez+seniz canı sıkılırmış... (RHK S, 124) «Если вы не пьете, он (говорят) переживает»; 4) Çocuklarıma analık etmeğe razı bir iyi kızcağız bul+ur+sam evleneseğim. (RNG YD,) «Если я найду девушку, согласную стать моему ребенку матерью, я женюсь (на ней)»; 5) Evlen+ir+sek, babamla, bizimle oturur musun? (OP BAK, 75) «Будешь ли ты жить с нами, если мы поженимся?».

В словоформах, содержащих показатель прошедшего простого времени -DI, личный аффикс может помещаться как после временного аффикса (примеры 1–4), так и после аффикса -sA (пример 5) (Gel+din+se gir / Gel+di+yuse+n gir! «Раз уж ты пришел, входи!»): 1) Fakat bir şey anla+dı+m+sa arap olayım. (HE SB, 29) «Но быть мне арабкой, если я хоть что-нибудь поняла»; 2) Bütün mesele, kumpanyanın ismine kal+dı+yasa, iş tamam demektir. (SF BE, 11) «Если вся проблема свелась к названию компании, значит, дело сделано»; 3) Kimsenin hakkını yemeye de çalışmadık. Haftalık vere+me+di+k+se, iş yapamadışızdır. (SF BE, 18) «Мы не старались присваивать чьи права. Если мы не смогли выплатить недельную зарплату, то следует полагать, что нам не удалось выполнить работу»; 4) Ağalar, soylu, kibar, sözü geçer kişilerdir. Halep'e bir iş için gel+di+niz+se hizmetinizde bulunurlar. (RHK S, 127) «Господа благородные, знатные, влиятельные люди. Если вы прибыли

в Дамаск по делу, они к вашим услугам»; 5) “Sen öteki çocukları nasıl taş yap+tı+ysa+n onlar da seni taş yapacaklar!” (VÖ MA II, 95) «Как ты превратил в камень других ребят, так и они тебя превратят в камень!».

Приведенный пример альтернативного местоположения аффиксов «условной модальности» является одним из свидетельств того, что ту-рецкая словоизменительная словоформа не воспроизводится как заготовленное и хранящееся в языке носителя образование, а строится в процессе порождения высказывания.

3.5.9.4. Маргинальное употребление форм с морфемой -sA

Форма (y) AсAkSA ~ (y) AсAk ise имеет значение, сигнализирующее о том, что или имеется намерение совершить действие, или подчеркивается предстояние действия: 1) “Sesi böyle kal+acak+sa, daha iyi” diyordu. (HE SB, 202) «Если ее голосу суждено остаться таким, еще лучше», — говорил он»; 2) Âdem Reis: “Bak, hava birden değişti. Deniz öyledir. Kayıktaki denizcilerin biri öl+ecek+se, onu karaya vermemek için hep ters eser”. (HB ABB, 119) «Старший Адем сказал: “Смотри, погода вдруг переменялась. Оно, море, такое. Если кому-то из моряков на лодке суждено (предстоит) умереть, (ветер) всегда дует навстречу, чтобы не дать доставить его на сушу»»; 3) “Biz bunu öldür+ecek+sek yasaya şugun öldürelim!” demiş. (AN MBH, 28) «Если уж нам предстоит убить этого (человека), то давайте убьем его, как того требует закон»»; 4) Ağalar selâm ediyorlar, misafir Bey yorgunsa, yat+acak+sa biz dağıalım... diyorlar. (RHK S, 127) «Господа приветствуют (и говорят:) если господин гость устал, намерены прилечь, мы разоидемся...».

Аналитические формы «вопросительное местоимение + sA (-ise)» имеют обобщающее значение: 1) Nasıl aslanın en büyük rakibi kaplansa, mandanın da en büyük rakibi, suaugırydı. (AN ADS, 59) «Подобно тому как самым большим соперником льва является тигр, самый большой соперник быка — бегемот»; 2) Delikanlının kara pelerinin eteklerinin örttüğü dünyanın bir yarısı nasıl karanlıkta kalıp oraları gece oluyorsa, dünya güzeli kızın ak harmanisinin eteklerinin kapladığı dünyanın öbür yarısı da aydınlıkta kalıp oraları da gündüz oluyor. (AN ADS, 113) «Подобно тому как одна половина мира, которую покрывает черная пелерина юноши, оказывается в темноте, и там наступает ночь, другая же часть земли, которую покрывает белая пелерина девицы-красавицы, залита светом, и там бывает день»; 3) Nerede güzel kadın çok olursa orada estetik fazla olur. (газ.) «Где бы ни было много красивых женщин, там очень много изящества»; 4) Ama her ne kadar dazığa dazığa yemliyorduksa da paraketler yemlenmekle bitmiyordu. (HB ABB, 67) «Но как бы мы ни торопились насаживать наживку на крючки, мы не успевали воспользоваться

всеми нашими ловушками»; 5) Herhalde bir zamanlar bizim dairede de birtakım işler görülürmüş. İşleri için yurttaşlar buraya gelir giderlermiş. Sonradan **ne olmuşsa, nasıl olmuşsa**, üst makam da, alt makam da bizi unutturmuş. (AN DB, 26) «Вероятно, какое-то время и в нашем учреждении проделывались некоторые делишки. Граждане являлись сюда по своим делам. Впоследствии, **что и как там ни творилось**, власти повыше и пониже вдруг забыли про нас»; 6) **Ne kadar çabuk olursa o kadar iyi**. (HE SB, 202) «Чем быстрее, тем лучше».

Форма -(A)rsa ... -İn («сколько бы ни...»): Ama ne kadar saklarsa saklasın, sadakatsizliğin kendine has bir kokusu vardı. Ve Ella bu kokuyu tanıyordu. (EŞ A, 91) «Но сколько бы он ни скрывал, у неверности есть присущий ей запах. И Элла его знала».

Форма -sa dA с противительным значением. Комбинация -sa dA в качестве вторичного образования, как и в других тюркских языках, имеет противительное значение «хотя»: 1) Var gücüyle **karşılık verdiyse de** hancının yumruklarına, çok sürmedi, o da yere devrildi. (EŞ A, 52) «Хотя он изо всех сил отвечал на кулачные удары ханщика, через короткое время он тоже был сбит с ног»; 2) Babasının annesini dövdüğünü duyunca içi titredi. Aşağıya inip ayırmak **istediyse de** bedeni müsaade etmedi. (MK AR, 60) «Когда он услышал, что отец бьет мать, он весь задрожал. Хотя ему захотелось спуститься вниз и разделить их, его (расслабленное) тело не позволило (ему этого сделать)».

3.5.9.5. Вторичная категория опосредованной (индирективной, субъективной) модальности

Форма опосредованной (индирективной), «субъективной» модальности имеет значение, содержание которого сводится к следующему: говорящий не был свидетелем события и узнал о нем опосредованно, косвенным путем. С позиции разграничения понятий «значение» и «смысл» традиционно констатируемые «значения» этой формы — *пересказывательное (репортивное)* и («внезапного») *умозаключения (инференциальное)* — поддаются трактовке как узуальные смыслы, обслуживаемые одним названным значением.

Сигнализация о получении сообщаемой информации от внешнего источника (пересказывательный смысл): 1) ...Tatarcıđı yolda yakalayıp akıl sor+cuor+muş. (HE T, 129) «(По слухам), встретив Татарджик на улице, он спрашивал у нее совета»; 2) [Kapitanın] Anlattığına göre Kristof Kolomb İspanya'dan ayrılmış günler geçtiđi halde, hâlâ karaya rastgelmedikleri için tayfası, onu geri dönmeye zorla+makta+ymış. (HB ABB, 41) «Как рассказывал [капитан], хотя прошло много дней с тех пор, как Христофор Колумб отплыл из Испании, они все еще не обнаружили

суши, команда **принуждала** его возвращаться назад»; 3) Osman: "Bana bir şeycik olmaz ana, korkma!" Huri: "Bir şeycik **ol+maz+muş!** Olmaz inşallah ya, sen Ayşe'yi kaçırmaya kalkarsan, namus temizleyeceğim diye, vurdurur Habib seni, hiç kuşkun olmasın. (ATO ADO, 269) «Осман: "Со мной ничегошеньки не случится, мама". Хури: "[Это ты так считаешь] ничегошеньки не случится. Да, дай Бог! [Но] если ты вздумаеть выкрасть Айше, Хабиб для очистки совести велит тебя убить. Нисколько не сомневайся!» (мать повторяет слова сына и тем самым передает смысл «Это ты так считаешь»).

Сигнализация о получении информации путем умозаключения, инференциальный смысл: 1) Çocuk oraya vardığında şaşırmış, yanlış yere mi geldim acaba diye düşünmüş bir an. Toprak **dol+muş+muş** koya, suyun yüzünde sivrilen kayalar şimdi toprağın üzerinde **sivril+iyor+muş**. Koyun iki yanında duran kayalar **yükülmüş** falan **değil+miş**, yerinde **dur+uyor+muş**. Deniz de **çekilmiş ol+amaz+muş**. Toprak kupkuru, **bastırılmış gibi+ymiş**. Çocuk eve vardığında su çoktan **kaynı+yor+muş** tencerede. (BK GKB, 139) «Когда мальчик добрался туда, он растерялся: "Может, я не туда попал?" — подумал он в какой-то момент. (Оказалось, что) Земля **заполнила** бухту, острые вершина скал, которые [прежде] возвышались над водой, теперь **торчали** над землей. Скалы, находившиеся по обе стороны бухты, **не были разрушены**, ничего подобного с ними не случилось, они были на месте. И море не смогло отхлынуть. Земля **была** совершенно сухой, как будто **утопанной**. Когда мальчик пришел домой, вода давно уже кипела в кастрюле»; 2) Umutla **dopdolu+muşum**, ama nakkaşhane ile evim arasındaki solgun hayatımı yaşarken hiç **farket+mez+miş+im** bunu. (OP BAK, 11) «Как выясняется, я был преисполнен надеждами, однако, проводя свою бесцветную жизнь между мастерской и своим домом, я этого (просто) не замечал»; 3) Ne kazan-dığımı düşün+meli+ymiş+im. Ben tüccar mıym? (PS Y, 297) «(Теперь я понял, что) мне следовало подумать, что я выигрываю. Разве я не торговец?».

Сигнализация о воображаемом характере события. Как было сказано в разделе о временной форме прошедшего опосредованного, турецкая исследовательница О. Дениз-Йылмаз обнаружила у глагольных финитных форм с аффиксом **-miş** способность сигнализировать о том, что действие мыслится как воображаемое, т. е. передавать смысл типа «представь себе, вообрази, что»: 1) Şimdi kapı **açılıyor[muş]** ve an-nem içeri **giriyormuş**. (Ö. Deniz-Yılmaz) «Теперь [представь себе, что] дверь **открывается** и **входит** моя мать»; 2) İş yerine haber vermeden şehir dışına **götürmüşsin**, ama aksi gibi orada seni tanıyan biriyle **karşılaşmış-sın**. (Ö. Deniz-Yılmaz) «[Теперь представь себе, что] ты, не известив

учреждение, где ты работаешь, **отправился** за город, но, как нарочно, **сталкиваешься** там с кем-нибудь из твоих знакомых».

3.5.9.6. Аналитические формы со значением предположения, вероятности и др.

Форма -iyor olacak: Bugün de öğrenci işleri personeli, öğrenci datağını **giriyor olacak**. (Информант) «И сегодня персонал, занимающийся студенческими делами, **должно быть, вводит** (в компьютер) сведения о студентах».

Форма -iyor olmalı(ydı): 1) Benim halim ona ilaç gibi tesir etmişti. Zilin sesi şimdi ona bir musiki gibi **geliyor olmalıydı**. (RNG MT, 105) «Мое состояние подействовало на него, как лекарство. **Вероятно,** звонок он теперь **воспринимает** как музыку»; 2) Adam bunu hiç **beklemiyor olmalıydı** ki, boş bir çuval gibi yere yığıldı. (EŞ A, 52) «**По-видимому,** человек этого **совсем не ожидал,** поскольку рухнул на землю, как пустой мешок»; 3) Elinde tahta bir çanak taşıyordu; dünya malından uzak durmak için dilenen Kalenderiler ya da dünyevi payeleri elinin tersiyle iten Melamiler gibi, cemiyetin yargılarına kulaklarını **tıkamış olmalıydı**. (EŞ A, 72) «В руке у него была деревянная миска, как у Календеров, просящих подаяние, чтобы быть подальше от мирских владений, или Мелямов, отвергающих земные дары тыльной стороной ладони, **должно быть, для того, чтобы затыкать** себе уши, чтобы не слышать людских суждений»; 4) Verandaya bir hayvan **girmiş olmalıydı**. (EŞ A, 80) «**Должно быть,** на веранду **забралось** какое-нибудь животное».

Форма -miş olacak(tı) со значением предположительности: 1) Raki, Rabia'yı yatıştırmaya çalışıyor: "Merak etme, yavrum. Yatarken imamı **düşünmüş olacaksın...** İmamın çocukken bebeğini ateşe atması hikâyesini bana geçen gün söylüyordun. Rüyana girmiş". (HE SB, 294) «Ракым старается успокоить Рабию: "Не волнуйся, дитя мое. Во сне ты, **наверное, вспомнила** об имаме... Вчера ты рассказывала мне историю о том, как имам, когда ты была еще маленькой, бросил в огонь куклу ребенка"; 2) Bu dairede dokuz yılını dolduruyorum, işe yarar bir iş yaptığımı hatırlamıyorum, «yukarı makamlar» da bizi **unutmuş olacak**. (AN DB, 26) «Вот уже девять лет, как я работаю в этой конторе. Не припоминаю, чтобы я (когда-нибудь) делал что-нибудь дельное. Да и "высокие инстанции" о нас, по-видимому, забыли»; 3) Eski sarayı gezmek, iki saat **sürmüş olacaktı**. (BK GKB, 43) «Осмотр древнего дворца **продлился, должно быть, два часа**»; 4) Gözünün üstümüzde olduğunu **bildirmeye gelmiş olacaktı**. (EŞ A, 70) «**По всей вероятности,** он (кади) пришел, чтобы дать понять, что он с нас не спускает глаз».

IX. СОЮЗЫ

Союзы — лексемы, составляющие один из классов служебных лексем и обладающие разновидностью служебных значений, в которых отражены связи элементов объективной действительности. При этом ведущим признаком этого класса лексем является их способность передавать разнообразные связи, без ограничения. В отличие от послелогов, передающих связи *предметов* с другими элементами реальности и, следовательно, обслуживающих имена существительные, союзы выражают *связи между любыми объектами* и лишены «привязки» к какому-либо классу знаменательных лексем в языковой системе. Согласно утвердившемуся в языкознании представлению, «синтаксическая функция» союзов «состоит в том, чтобы соединять полнозначные слова или связывать между собой предложения и другие синтаксические единства, устанавливая разные виды их отношений друг с другом».¹⁷² Если принимать во внимание, что языковые и речевые единицы функционируют преимущественно с целью осуществления коммуникации, то естественно думать, что передаваемые посредством союзов связи являются в первую очередь связями между элементами внешнего мира или между мыслительными единицами, а не связями между знаками или конструкциями в речи.

Примеры функционирования некоторых союзов

Diye (многозначное служебное слово — послелог, союз): 1) "Bohçayı bırak hemşire, Tefvik bütün diye kıvraniyor, bir saat önce tabakamı önüne boşalttım". (HE SB, 1989, 133) «Сверток оставь, землячка, Тевфик мучается, [потому что у него нет] табака, час тому назад я высыпал перед ним все, что было в моей табакерке»; 2) Konyadan uzaklaşırsam, yeterrince uzağa kaçarsam, zihnimi burğu gibi delen bu hatıradan kurtulurum diye ummuştum. (EŞ A, 39) «Я питал надежду, что если я удалюсь из Коньи, уеду достаточно далеко, то избавлюсь от этого воспоминания, которое сверлит мою голову, словно бурав»; 3) "Kadın olsam bu genci yanına yaklaştırmam", diye içinden söyleniyordu. (HE SB, 185) «"Будь я женщиной, не позволил бы этому молодому человеку приблизиться ко мне", — говорил он про себя»; 4) Sen Davut'u çoban diye tanırdın. (HB ABB, 19) «Ты знал Давута как пастуха» (*diye* в приведенных примерах функционирует как изъяснительный союз).

Fakat «но, однако»: *Fakat* bebeğin çamaşır kazanının altında yanışını hiç unutmadı. (HE SB, 23) «Однако она не могла забыть, как горела кукла под котлом для стирки».

¹⁷² Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. С. 446 (слово «союз»).

Hem... hem (de) «как... так и, и... и»: 1) Şeyhleri, **hem** şakacı **hem** de ona, kullarının zaafını anlayan, affeden ve seven bir Hâlik olduğunu söylüyorlardı. (HE SB, 25) «Его (ордена Мевлеви) шейхи, с одной стороны, были мастерами на шутки, а с другой — утверждали, что есть Творец, который понимает слабости своих рабов, прощает и любит (их); 2) “Pek merak ed+il+ecek yerler değil. Bilhassa sokak **hem** pistir, **hem** gü-rültülüdür”. (HE SB, 187) «(Это) такие места, которыми едва ли уж стоит интересоваться. В особенности улицы и грязные, и шумные».

Ki «что»: “Bir daha O'nunla konuşursan, söyle. Bilsin ki kuzuçu tek başına bıraktın mı kurt olup çıkar!” (EŞ A, 52) «Если еще будешь говорить с ним, скажи, пусть знает, [что], стоит оставить ягненка наедине с собой, он превращается в волка».

Ne zaman (ki) «когда»: “Ne zaman ki Allah aşağıdaki kullarını unuttur, dişini sıkıp adaleti sağlamak bizlere düşer”. (EŞ A, 52) «Когда Аллах забывает своих рабов, обитающих внизу, нам приходится сцепить зубы и восстанавливать справедливость».

Ne... ne «ни... ни»: 1) Işığın ne ucu vardı, ne bucağı. (VÖ МААК I, 15) «У луча света не было ни конца, ни края»; 2) Ateş yakmak istediler, ama ne kibrit kalmıştı, ne de bir şey. (VÖ МААК I, 22) «Они хотели разжечь костер, но ни спичек не осталось, ни чего другого»; 3) Ne rejmürdeyim, ne gariban. (EŞ A, 62) «Я и не изнурен, и не печален».

İster... ister «и... и»: “Ölülerin ruhuna okunacak Kur'anı ister çocuk, ister büyük okusun!”. (HE SB, 33) «Над усопшими Коран может читать и ребенок, и взрослый».

Oysa «между тем как, тем не менее»: Oysa günbegün büyüyen bir boşluk taşıyordu içinde. (EŞ A, 58) «Тем не менее она носила в себе пустоту, которая все увеличивалась изо дня в день».

Şayet «если»: Şayet ruhu oradan cennete giderse. (HE SB, 25) «Если ее душа оттуда отправится в рай».

Tıpkı «точь-в-точь»: Işık mağaranın karanlığını tıpkı bir yol gibi aydınlatıyordu. (VÖ МААК I, 12) «Свет освещал пещеру, прямо как дорогу».

Yoksa «иначе»: “Derviş sen karışma bu işe, yoksa seni de eşek sudan gelesiye döverim”. (EŞ A, 52) «Дервиш, ты вмешивайся в это дело, иначе я и тебя выдеру, как сидорову козу».

Ve «и»: 1) Az sonra benim girdiğim kapı açıldı ve onu içeri çağırdılar. (OF BK, 21) «Немного погодя дверь, через которую я вошел, открылась, и его позвали внутрь (помещения)»; 2) Ve dondurucu soğuklarla beraber uzaklardan mektup taşıyan bir ulak geldi. Ve o mektup her şeyi altüst etti. (EŞ A, 96) «И вместе с сильными холодами прибыл посыльный, который вез письмо, и это письмо перевернуло все вверх дном».

Veya/Yahut «или»: 1) Şayet süregiden bir sohbet canını sıkarsa veya biri akılsızca bir laf ederse, anında kalkıp gidiyordu. (EŞ A, 96) «Если ему доучала

какая-нибудь затянувшаяся беседа или кто-либо говорил что-нибудь небдуманное, он тут же вставал и уходил»; 2) Çoğu zaman onu bahçede bir örümcek ağının dokusunu **yahut** gece açan bir çiçekteki çiğ tanelerini inceler halde buluyordum. (EŞ A, 94–95) «Чаще всего я находил его в саду изучающим паучью паутину или росинки на раскрывающихся ночью цветах».

Х. ЧАСТИЦЫ

Частичи — лексемы, характеризующиеся разнообразием, пестротой своей семантики, которая влияет на коммуникативный статус высказывания или отдельных его компонентов, выражает отношение высказывания к реальности или его автора к содержанию высказывания, отношение высказывания или его компонентов к окружающему контексту, привносит различные семантические, включая модальные, оттенки в те или иные части высказывания. Некоторые частичи не закреплены за определенным компонентом высказывания, одни из них имеют, другие не имеют своего фиксированного места в составе высказывания. Отдельные частичи (турецкая вопросительная *mi*) способны входить в состав словоформ.

Acaba («интересно знать, разве, неужели»): “Tebrizli Şems bir de benim falıma baksaydı, geçmişimde ne görürdü acaba?” diye düşündü. (EŞ A, 59) «Было бы интересно, если бы Шемс из Тебриза погадал мне, что бы он увидел в моем прошлом?» — подумала она.

Adeta («как будто»): 1) **Adeta** birbirine gizli bir şeyler söyleyen iki çocuk gibiydiler. (HE SB, 1989, 188) «Они были похожи на двух детей, которые как будто сообщают друг другу что-то секретное»; 2) **Vana ise dümeni Davut’suz görmek adeta** bir işkence oluyor. (HB ABB, 25) «Для меня как будто пытка видеть штурвал без Давута».

Ancak («только, лишь»): 1) **Ancak** bir dejenere bu kadar kusursuz tarzda güzel olabilir. (HE SB, 1989, 185) «Только дегенерат может быть в такой степени безукоризненно красив»; 2) ...Ella o kadar takatsızdı ki, **ancak** bahçeye kadar çıkarabildi köpeği. (EŞ A, 107) «...Элла настолько обессила, что смогла довести собаку только до сада».

Artık («уже»): **Babam.**: “Artık yatsan iyi olur oğlum!” dedi. (HB ABB, 26) «Отец сказал: “Ты бы уж лег, было бы хорошо”».

Aslında («по сути дела»): **Aslında** Ella genel olarak alışkanlıklarına düşkün biriydi. (EŞ A, 90) «По сути дела Элла вообще-то была личностью верной своим привычкам».

Barı («по крайней мере, хотя бы»): **Kaptan kızı, kaptan karısı oldum, bunlar yetmiyormuş gibi bir de kaptan anası olmasam bari.** (HB ABB, 7)

«Я стала дочерью моряка, женой моряка, и как будто всего этого мало, теперь **хоть бы** мне не стать матерью моряка».

Ве «же, ведь»: Ne kendini beğenmiş herifsin **be!** (Информант) «До чего же ты самовлюбленный тип!»; Dur **be** yahu! (Информант) «Да погожди ты!».

Bırakın «пусть»: **Bırakın** bilim adamları deney yapsın, sanatçılar acayip olsun! (EŞ A, 90) «Пусть ученые проводят эксперименты, пусть деятели искусства будут интересными!».

Bile «даже» (постпозитивная частица): 1) Sıkı ağızlık onca, **erkeklerde bile** az görülen bir faziletti. (HE SB, 1989, 30) «По его мнению, умение держать язык за зубами — добродетель, редко наблюдаемая **даже у мужчин**»; 2) Bazı geceleri **bile** dükkândadır. (HE SB, 1989, 187) «Даже некоторые ночи он проводит в лавке»; 3) Güzeli bir kere olsun güldürememiş **bile**. (NH SB, 63) «Ему ни разу не удалось **даже** рассмешить красавицу».

Bilhassa «в особенности»: 1) Bunların arasında **bilhassa** Vehbi Dede isminde Mevlevî bir müzisyen tanıdı ve meşrebine uygun buldu. (HE SB, 1989, 25) «**В особенности** ее внимание привлек один из них, музыкант ордена по имени Вехби Деде, которого она сочла подходящим своему характеру»; 2) Okuduğu romanı sevmiş, hikâyeden hayli hoşlanmış ama doğrusu **bilhassa** yazarını merak etmişti. (EŞ A, 65) «Ей понравился роман, который она прочитала, она получила довольно большое удовольствие от повествования, но, по правде говоря, **особенный** интерес у нее вызвал его автор».

Bir daha da «ни разу больше»: Çok geçmedi, evden ayrıldım. **Bir daha da** geri dönmedim. (EŞ A, 62) «Не прошло много времени, я ушел из дома. Ни разу больше не возвращался».

DA «и, да, тоже»: 1) Ama artık Dede sokağa **da** çıkmıyordu, berbere gitmek için **bile**; bütün gün evdeydi. (OP KK, 13) «Но уже дедушка **и** не выходил на улицу, **даже** чтобы встретиться с парикмахером, весь день сидел дома»; 2) Çünkü öteki âleme uzandım **da** geldim. (EŞ A, 49) «Потому что я побывал в потустороннем мире и вот вернулся»; 3) Biz **de** buraya kaçtık. (VÖ MAAK1, 6) «Мы же прибежали сюда»; 4) Çocuklar **da** el ele tutuşarak dans ettiler. (VÖ MA I, 10) «**И** дети танцевали, взявшись за руки».

DA... DA («и... и»): “Hakkın var hanım, çocuğun sesi **de**, okuyuşu **da** fevkalâde...” Dargınca bir ses karşılık verdi: “Dürnev’in odasından nasıl duyduğunuz?” (HE SB, 1989, 36) «Ты права, госпожа. **И** голос, **и** чтение ребенка превосходны”. Слегка рассерженный голос в ответ: “Как же это ты услышал из комнаты Дюрнёв?»».

Daha «еще»: Ben **daha** dede olmadım, **daha** torunum yok... (NH SB, 10) «Я **еще** не стал дедушкой, у меня **еще** нет внуков».

Dahi «даже»: 1) Şayet Allah buradaysa ve başımıza türlü türlü felaket gelirken parmağını **dahi** kumildatmıyorsa, bu nice Rab'dır söylesene? (EŞ A, 51) «Если Аллах здесь и даже пальцем не пошевелит, когда на нашу голову обрушиваются разные несчастья, то, скажи-ка ты мне, что же это за Господь?»; 2) Sufiyem, sanım rahasına savunurum sanı; yeminimdir, karıncaya **dahi** kıyamam. (EŞ A, 52) «Дорогой мой суфий, ценой собственной жизни оберегаю все живое, клянусь, не могу посягнуть даже на муравья».

Demek «значит»: 1) **Demek** cevap vermiyorsunuz ha! diye haykırmış, ben de sizin evinizi başınıza yıkayım da görün. (NH SB, 19) [говорит женщина] «Значит, вам нечего ответить. Давайте я обрушу на вашу голову ваш дом, тогда посмотрите»; 2) Seni tersler gibi konuştuysa aldırma, siniri bozuldu onun, biliyorum. Daha iyidir böyle olması. Beğeniyormuş seni **demek**. (MCA A, 105) «Если она говорила с тобой грубовато, не придавай этому значения, нервы ее испорчены, я знаю. Еще лучше, когда она такая. Значит, ты ей нравишься».

Gerçi «хотя, правда, действительно»: 1) **Gerçi** ikisinin de ne kadar genç, şaşkın ve gafil; kalkıştıkları işe nasıl da hazırlıksız olduklarını anlamak için yüzlerini görmeme gerek yoktu ki! (EŞ A, 42) «И действительно мне совсем не было необходимости видеть их лица, чтобы понять, насколько они были молоды, растеряны и глупы; как они оба были не подготовлены к делу, за которое взялись»; 2) **Gerçi** son zamanlarda hayatında parlak olan ne vardı ki? (EŞ A, 59) «Хотя разве в ее жизни было в последнее время что-нибудь такое, что можно бы было назвать превосходным?».

Hani «а как же»: **Hani**, komşular yardım etmezse Keloğlan'la anası açlıktan öleceklermiş. (NH SB, 76) «А как же соседи? Если они не помогут, Кельюглан и его мать умрут от голода».

Hatta, hatta... da «даже» (препозитивная частица): 1) Bununla beraber huyuna uymayanlara, **hatta** yükêlâ karısı da olsalar, çok soğuk muamele eder. (HE SB, 1989, 25) «Вместе с теми, кто ей не по душе, пусть это будет даже жена какого-нибудь министра, обходится очень прохладно»; 2) Peregrini'nin **hatta** on beş yıllık İstanbul hayatına rağmen, Rabi'a'nın içindeki günah korkusunu anlaması ihtimali yoktu. (HE SB, 1989, 185) «Даже несмотря на то, что Пeregрини прожил в Стамбуле пятнадцать лет, было невероятно, чтобы он понял (появившийся) у Рабии страх (совершить) грех»; 3) **Hatta** Kanarya'nın bile başı açık olması bu sıkıntılı hissi gideremiyordu. (HE SB, 1989, 185) «Даже то, что Канарья была с непокрытой головой, не устраняло это чувство неудобства» (две синонимичные частицы в одном высказывании).

Hele «особенно, по крайней мере, уж, хотя бы»: 1) "Bak **hele** şu insan müsveddelerine! Belalarını arıyorlar anlaşılın! Seyret derviş. Seyret de

öğren!" (EŞ A, 51) «Ты **хотя бы** взгляни вот на этих недоносков! Судя по всему, они хотят наклепать на себя беду. Смотри, дервиш. Смотри и учись!»; 2) Böyledir işte. Doğruyu söyledin mi, kızar, köpürürler. **Hele** aşktan **bahsetmeyegör**, hırçınlaşır, hoyratlaşır, senden nefret ederler. (EŞ A, 55) «Вот так-то. Стоит сказать правду, сердятся, бушуют. **В особенно-сти** попробуй заговорить о любви, станут капризничать, грубить, возненавидят тебя».

Her «всё, все...»: 1) Hayat, saray duvarları arasında **her** böyle solgun mu? Bunlar **her yalancık**tan yaşamak oyunu mu oynuyorlar? (HE SB, 1989, 188) «Жизнь среди дворцовых стен **всё** такая же бесцветная? Они **всё** так же лицемерно играют в игру жизни?»; 2) Tekerlekleri, rayların üzerinde kayarak dönüyor. **Her** aynı yoldan gidip geliyolar. (AN ADS, 16) «Их колеса вращаются, скользя по рельсам. Ездят **всё** по одной и той же дороге».

Hiç (bir) (усилительно-отрицательная частица): 1) Fakat İkbal Hanım bu hususta ona **hiç bir** fikir vermedi. (HE SB, 183) «Но Икбаль Ханым **совершенно ничего** не высказала по этому поводу»; 2) Babam: "Hayır olmaz, rakıyı çoktan bıraktım" diyerek ayak diriyor, ötekisiyse **hiç** kulak asmiyordu. (HB AVB, 18) «Нет, нельзя, я давно уже перестал пить», — возражал мой отец. А тот **совершенно его** не слушал»; 3) **Hiç bir** zaman yollarını değiştirmezler. (AN ADS, 15) «**Никогда** не отклоняются от своей дороги».

Hoş «странно»: Ama öteki âleme yarıttığım keşifleri nasıl durduracağımı bilmiyordum. **Hoş**, işin aslı, bilseydim bile durdurmak istemezdim ki. (EŞ A, 62) «Но я не знал, как прекратить совершаемые мной вторжения в потусторонний мир. **Странно**, но суть дела состояла в том, что, если бы я даже и знал, я ведь и не хотел их прекращать».

İlle (ki), İllâ (ki) «обязательно, непременно»: 1) Her portrede **illâ ki** eksik olan bir yan vardı. (EŞ A, 66) «В каждом портрете непременно что-нибудь отсутствовало»; 2) **İllâ ki** benimle görüşmek ister, başkasıyla konuşmayı reddedermiş. (EŞ A, 71) «Он желает увидиться исключительно только со мной, отказывался говорить с кем-либо другим».

İse «что касается»: 1) **Babam+sa** (< babam ise) kendisi gibi marangoz olmamı istedi. (EŞ A, 61) «Что же касается моего отца, то он хотел, чтобы я, как он, стал плотником»; 2) **Diğerlerinininki+yse** daha vahimdi: kimin parmağı yoktu, kimin bacağı ya da kolu. (EŞ A, 66) «**А у других** было еще серьезнее: у кого не было пальца, у кого — ноги или руки».

İşte «вот»: 1) "**İşte** şimdi tamamız. On kişi olduk, haydi anlat," dediler. (VÖ МААК1, 9) «Ну **вот**, теперь мы в сборе. Нас стало десять человек, давай, рассказывай»; 2) "**İşte** çocuklar, 'alın teri ile kazanmak' sözü burdan çıkmış," dedi. (VÖ МААК1, 20) «**И вот**, ребята, так появилось выражение "зарабатывать собственным потом"».

Keşke «лучше бы»: 1) “Keşke etrafımda öyle biri olsaydı... Hayatıma renk gelirdi, orası kesin!” (EŞ A, 59) «Хоть бы рядом со мной был кто-нибудь такой... Моя жизнь стала бы отраднее, это несомненно»; 2) Keşke ne diyeceğini önceden tasarlamış olsaydı. (EŞ A, 67) «Лучше было бы ей заранее спланировать то, что она собиралась сказать»; 3) Keşke piliç gibi yumurtadan çıksak. (HE SB, 1989, 41) «Лучше бы мы, как цыплята, вылупились бы из яйца».

Ki (утвердительно-усилительная частица): 1) Sersem, sen bir sinek-sin, ışık değilsin ki... (AN ADS,10) «Глупышка, ты ведь муха, а не свет»; 2) “Bağdat’ta ne bekler ki beni?” diye sordum. (EŞ A, 64) «“Ну а что же ждет меня в Багдаде?” — спросил я»; 3) “Ne fark eder, Efendim? Bu neden bir mesele olsun ki?” diye üsteledim. (EŞ A, 102) «“Какая разница? Почему же это должно обратиться проблемой?” — настаивал я» (см. также: hoş).

Ko «пусть»: Birak kendini, ko gitsin! (EŞ A, 95) «Оставь его, пусть себе идет!».

Mİ (вопросительная частица): “Şu havaya bak! İnsanın içinde kötülük mü bırakır?” (HB ABB, 22) «Ты посмотри на эту погоду! Разве она даст уцелеть в человеке чему-нибудь дурному?».

Neredeyse «почти»: 1) Paşanın beni çağırdığını duyunca heyecanla, neredeyse mutlulukla koşarak gittim. (OP BK, 29) «Услышав, что паша меня зовет, я побежал к нему с волнением, почти счастливый»; 2) “Neredeyse kırk yıldır abdalım”. (EŞ A, 86) «Вот уже почти сорок лет как я благодетливый».

Öyleyse «в таком случае»: “Öyleyse sen beyaz kapıyı açık tut, biz ilerleyelim,” dedi çocuklar. (VÖ MA I, 15) «В таком случае ты держи белую дверь, а мы продвинемся вперед».

Sadece «только, лишь»: Tabii bu sadece benim kişisel görüşüm. (EŞ A, 68) «Разумеется, это лишь мое личное мнение».

Sanki «как будто»: 1) Deniz sanki boğulmuş ölüleri geri veriyordu. (HB ABB, 24) «Как будто бы море возвращало трупы утонувших»; 2) İlk başta zor seçiliyordu gelen resim, sanki bir tül perdenin ardından izler gibiydim her şeyi. (EŞ A, 53) «Сначала трудно было различить появляющееся изображение, как будто я наблюдал за всем из-за тюлевой занавески»; 3) Sanki tam ortalarında nicedir fokur fokur kaynayan bir kazan vardı da aniden kapağı kalkmış, içindeki tüm buhar ve basınç dışarı taşmıştı. (EŞ A, 55) «Как будто как раз посредине (комнаты) долго находился бурно кипящий котел, но вот его крышка поднялась, и весь пар вырвался наружу».

Tâ (частица, сигнализирующая об отдаленности предела): 1) Kalın kara bulutların ardından peyda olan dolunaya bakıyordu gözler, gözlerim, tâ kuyunun dibinden. (EŞ A, 48) «Глаза, мои глаза, с самого дна колодца

смотрели на показавшуюся из-за толстых черных туч полную луну»; 2) Evlerin önü taa denize dek geniş kumsaldı. (AN ADS, 64) «Перед домами до самого моря простирался песчаный берег».

Sırf «только»: Kulağımın dibinde çınlayan davudî sesi duymazdan geldim, sırf bir parça daha kalabilmek için öteki âlemde. (EŞ A, 48) «Только для того, чтобы еще немного побыть в потустороннем мире, я сделал вид, что не слышу бас, который грохотал над самым моим ухом».

Varsın olsun «пусть»: “Işık camdan geçer ama, ses geçmez”... dedi. “Genç sinek yine direndi: Varsın olsun... Ben yine aydınlığa gitmeyi deneyeceğim”. (AN ADS, 10) «Свет проходит сквозь стекло, а звук не проходит...» — сказал он. Молодая мушка продолжала упорствовать: “Ну и пусть... Я все равно буду пытаться выйти к свету».

Ya «ведь»: 1) Hakikaten kurt olmuşsun, görgüyorum. Ama şu uyarığına adalet diyorsun ya, işte orda yanlışın var. (EŞ A, 53) «Ты действительно стал волком. Но ты ведь называешь то, что ты сделал справедливостью, вот в этом твоя ошибка»; 2) “Gerçekte hiç biriniz bu köşkün temelini bilmiyorsunuz ya...” (MCA A, 100) «Ведь на самом деле ни один из вас не знает, на чем стоит этот особняк».

Yahu (фамильярное обращение): “Yahu duymuyor musun sen beni? Kes dedim, kes!” (EŞ A, 48) «Послушай, ты что, не слышишь меня? Прекрати, я сказал, прекрати».

Yalnız «только»: Yalnız anasız kalan Mihri’yi yanına alıp, kendi çocuğu gibi büyütmeyi teklif etti. (HE SB, 30) «Она только предложила взять к себе осиротевшую Михри и воспитывать ее как собственного ребенка».

Yoksa «иначе, или»: 1) Bakkal Fehmi: “Yahu, Davut’a bir şey mi oldu yoksa?” diye sordu. (HB ABB, 20) «Баккал Фехми спросил: “Послушайте, с ним что-нибудь случилось, или что?”»; 2) Derviş, sen karışma bu işe, yoksa seni de eşek sudan gelesiye döverim... (EŞ, A, 52) «Дервиш, ты не вмешивайся в это дело, иначе я тебя изобью как сидорову козу».

XI. МОДАЛЬНЫЕ ЛЕКСЕМЫ («МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА»)

В отличие от частиц и других служебных лексем *модальные лексемы* характеризуются вводностью, т. е. служат средством введения в высказывание дополнительной, вставной информации, не претендуя при этом на роль компонента с синтаксической функцией (обстоятельства и пр.). Поскольку многие употребительные лексемы, составляющие этот класс, действительно имеют модальные значения типа *вероятно, конечно, может быть, непременно* и т. п., означение их термином «модальные лексемы» представляется в известной мере мотивированным.

Примеры функционирования некоторых модальных лексем

Aman «помилуй»: Aman, Носа, unutma; pek rahatsızım. (OV NHH, 115) «Помилуй, ходжа, не забывай, что я очень больная».

Belki «возможно, может быть, по-видимому»: 1) Belki, şimdi bu telefon görüşmesi kalbini kıracak, üzülecekti. (EŞ A, 56) «Может быть, этот телефонный разговор разобьет ей сердце, она будет переживать»; 2) “Belki ben de kendi kurallar bütünümlü oluşturup, kâğıda dökmeliyim” diye mırıldandı. (EŞ A, 67) «Он пробормотал: “Может быть, и мне следует составить список всех моих правил и записать их на бумаге”»; 3) Belki bunun için Mevlevî tekkelerine devama başladı. (HE SB, 25) «Возможно, поэтому она начала посещать обители ордена Мевлеви».

(Daha) Doğrusu «точнее сказать, по правде говоря»: Doğrusu, yanlış zamanda yanlış mekânda olmak bile yeter, altın gibi kalbi olan, temiz, namuslu, nezih insanların içindeki cenabetin birdenbire ortaya çıkmasına. (EŞ A, 42) «По правде говоря, достаточно даже оказаться когда не надо и где не надо, чтобы вдруг проявила себя скверна, имеющаяся внутри чистых, добросовестных, непорочных людей».

Galiba «вероятно»: Galiba seni dinlemek için nasıl cami cami dolastığıni unuttun. (HE SB, 189) «Ты, вероятно, забыла, как он обходил мечети, чтобы увидеть тебя».

Gel gelelim «например, допустим, представь(-те) себе»: 1) Gel gelelim, yeryüzünün birbirinden uzak üç bucağında yaşayan bu üç delikanlı, “sonsuz sağlık” tasını bulmak için bir saatte, bir günde, bir yılda yurtlarından yola çıkmışlarmış, oğlum... (NH SB, 11-12) «Представь себе, сын мой, что эти трое юношей, живущих в разных отдаленных концах земли, в один и тот же час, день и год отправятся на поиски чаши “бесконечного здоровья”»; 2) Gel gelelim Rumi çok az âlimde olan bir hünere sahiptir: Dinin dış kabuğunu aralayıp, özündeki evrensel ve ebedi cevheri çekip çıkarma becerisi. (EŞ A, 97) «Например, Руми обладает редко встречающейся у ученых способностью: вскрывать внешнюю оболочку религии и извлекать скрытые в ее сущности космические и вечные ценности».

Hakikaten «поистине, в самом деле»: Neyin eksik olduğunu bilenimiz hakikaten çok az. (EŞ A, 66) «Знающих, чего недостает, поистине очень мало».

Halbuki «между тем как»: Yaşını başını almıştı, kocası başta, her kes ona artık vaktini ibadete hasretmek zamanı geldiğini, daha doğrusu ahreti düşünmek saati çaldığını imâ ediyordu. Halbuki o, buruşuk yüzünü daha buruşturuyor, ahret düşüncesini hiç sevmiyordu. (HE SB, 25) «Она уже стала почтенной, многоопытной женщиной, и теперь уже каждый, прежде всего ее муж, намекал ей, что пришла пора уделять время молитвам, точнее сказать, пробил час думать о загробной жизни. Между тем как

она еще больше морщила свое морщинистое лицо, совсем не любила мысли о потустороннем мире».

Her halde «вероятно»: Her halde bu, pek de asılsız değildi. (HE SB, 38) «Вполне вероятно, эти утверждения не были лишены основания».

Her neyse «как бы то ни было»: Her neyse, karanlık çökünce mektupta bahsi geçen meyhaneye gittim. (EŞ A, 42) «Как бы то ни было, как только стемнело, я отправился в корчму, о которой говорилось в письме».

Hulasası «одним словом, короче говоря»: Hulasası biraderim, Rumi'nin aradığı yoldaşın çatınızın altında olabileceğine kanıyım. (EŞ A, 99) «Короче говоря, брат, я думаю, что спутник, которого разыскивает Руми, находится под вашей крышей».

Kısacası «короче говоря»: Sanki Aziz Z. Zaharanın kişisel blog'undaki her şey, yani tüm bu fotoğraflar, yorumlar, alıntılar, şiirler... kısacası tek tek her ayrıntı sırf kendisi için hazırlanmıştı. (EŞ A, 67) «Как будто все в личном блоге Азиза З. Захары, т. е. все эти фотографии, комментарии, цитаты, стихи... короче, каждая мелочь были подготовлены исключительно для нее самой».

Muhtemelen «возможно, вероятно»: Başka kadınlarla yatıp kalkıyordu muhtemelen... (EŞ A, 58) «Вероятно, он спал с другими женщинами».

Muhakkak (ki) «определенно, непременно»: Birini öldürdüğün zaman, mahakkak ki ondan bir şeyler bulaşır sana: bir resim, bir koku, bir nefes... (EŞ A, 39) «Когда ты убиваешь кого-нибудь, непременно от него к тебе что-нибудь переходит: какой-нибудь рисунок, запах, дух...».

Neyse «как бы то ни было»: Neyse lafi uzatmayalım. (NH SB, 29) «Как бы то ни было, не будем затягивать разговор».

Öyle ya da böyle «так или иначе»: Öyle ya da böyle tüm bunları kanıksamıştı artık Ella. (EŞ A, 58) «Так или иначе, Элла свылась со всем этим».

Peki «ладно, хорошо»: Peki, kim sağacak bu kısrakların sütünü? (NH SB, 64) «Ладно, а кто будет доить этих коров?».

Tabii «конечно, разумеется»: 1) Tabii, bu hakiki bir burun değil de bir kalem sürçmesiye... (OP BAK, 312) «Конечно, если это не настоящий нос, а ошибка мастера...»; 2) Tabii bu sadece benim kişisel görüşüm. (EŞ A, 68) «Разумеется, это всего лишь мое личное мнение».

Tıpkı «точь-в-точь, прямо-таки»: Işık mağaranın karanlığını tıpkı bir yol gibi aydınlatıyordu. (VÖ MAAK1, 12) «Свет пронзал тьму пещеры прямо-таки как луч, прокладывающий дорогу».

Sanki «как будто»: “Bizi çağırıyor sanki”. (VÖ MAAK1, 12) «Нас как будто зовут».

ХІІ. МЕЖДОМЕТІЯ

Ведущей особенностью лексем, объединяемых в класс междометий, является ассоциированность их означающих не с обычными значениями, т. е. образами элементов реальности, а со следами эмоций в психике индивида, а также их функционирование в речи в качестве «языковых средств для экспрессивно-драматического выражения эмоций и волевых импульсов».¹⁷³

Примеры функционирования некоторых междометий

Ah: “Ah babasığım, başımı kaldır da dünyanın halini gör...” (МСА А, 101) «Ах, папочка, встань из могилы да посмотри, что творится на белом свете...»; “...hapsedilen insanların ahını alamam...” (НВ АBB, 21) «...не могу смириться со страданиями заключенных».

Defolun vefolun «вон, убирайтесь»: Davut onlara, “Savulun, defolun vefolun” demiş, aldırmamışlar. (НВ АBB, 21) «Давут им: “Убирайтесь! Вон отсюда!” Им хоть бы что».

E mi? «Хорошо? Ты согласен?»: Kuzum, Allah aşkına, kimseye söyleme, e mi? (RNG Ç. S. 312) «Дорогой мой, ради Бога, не говори никому, хорошо?».

Ha «Смотри же!»: Annem böyle söylerken, babam da yanık sesiyle, “Sakın ha, denizci olayım deme!” derdi. (НВ АBB, 7) «Когда моя мать так говорила, отец своим слабым голосом произносил: “Смотри же, не вздумай стать моряком!”».

Hay hay (выражение одобрения, согласия и т. п.): “Hay hay!” dedim ben de. “Okula buyur edeceğiz. Camal Ocayla konuştuk. İstersen zâtın buyur ediver, dillerini biliyorsun eyi kötü...” (FB AS, 39) «**Ладно, ладно!** — сказал в свою очередь я, — мы пригласим их в школу. С Джемалем Ходжей мы уже говорили. А хочешь, пожалуй и ты лично. Ты худо-бедно знаешь их язык...».

Haydi «Ну! Давай!»: “Haydi hemen toplanın sizlere bir masal anlatacağım,” dedi. (VÖ MA I, 9) «**Давайте,** быстренько собирайтесь. Я расскажу вам сказку».

Horpala (средство выражения реакции на неожиданное событие): Horpala, bu da yeni çıktı. (Словарь) «Вот те раз, еще одна новость!».

“Of, bacağım acıdı” (VÖ МААК I, 15) «Ох, моя нога разболелась».

Vah (средство выражения сожаления, сострадания, душевной боли и т. п.): Peki kızım, fakat şunu unutma ki, beyhude ahu vahlar hastayı ürkütür. (RNG Ç. S, 276) «Очень хорошо, дочь моя, но не забывай, что пустые **ахи** и **охи** пугают больного».

¹⁷³ Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). С. 584.

Vay (выражение боли, горя, сожаления, сочувствия, внезапного удивления и т. п.): 1) *Vay ocağınız sönmeye!* (FB AS, 39) «Да не погаснуть вашему очагу!»; 2) *“Vay canına,” dedi. “Alnımızdan akan tere bak”*. (VÖ MAAK I, 20) «Уф, горе нам! Взгляни, какой пот с нас стекает».

Ya «А ну как...»: *“Ya siyah kapı da açılmazsa?” diye geçirdi içinden.* (VÖ MAAK I, 16) «Ну как черная дверь тоже не откроется», — подумал он про себя».

Yahu «Послушай!»: *“Yahu ne oluyor böyle?” diye bağırdı birisi.* (VÖ MAAK I, 15) «Послушайте, что это происходит?» — прокричал один из них».

Yuf «фу, позор»: *Kâşaneleri başlarına yıkılsın. O imansız padişah herif haini gibi sen de medeniyeti kâşane, mamure farzediyorsan sana yuf!* (HE SB, 1989, 39) «Хоть бы их особняки погребли их под собой. Если и ты, как наш безбожный падишах, воображаешь, что цивилизация — это особняки, благоустроенные дворцы, то позор тебе!».

ХIII. ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ЛЕКСЕМЫ (ОНОМОТОПЫ)

Речь идет о многочисленных лексических единицах, означающих которых являются образы речевых знаков, представляющих собой звукоподражания или звуковые символы отдельных явлений объективной реальности или их признаков, свойств.¹⁷⁴ Именно звукоподражательные и звукосимволические свойства знаков (слов) в речи, а не представляемые ими значения несут основную коммуникативную нагрузку. Эти слова — одна из броских особенностей устной турецкой речи.¹⁷⁵

Примеры функционирования некоторых звукоподражательных лексем

Çiyak çiyak (подражание пронзительному крику): *İşte bunun için, “Rüzgâr kesiliyor! Camadanları artık çözünüz!” diye çiyak çiyak bağırdım.* (HB ABB 2007, 8) «Именно поэтому я пронзительно закричал: “Ветер стихает! Спускайте паруса!”».

Çık (подражание скрипу): *Limandayken dümeni yarayalnız görünce, hele iğnecikleri üzerinde sağa sola kayarken “çık” edişini duyunca, insana acı bir gariplik gelir.* (HB ABB, 24–25) «Когда во время стоянки в порту

¹⁷⁴ Теоретические основы учения о звукоподражательной и звукосимволической лексике см. в: *Воронин С. В. Основы фоносемантики.* Л., 1982.

¹⁷⁵ Обзор литературы по теме, обширный языковой материал и библиографию содержит монография: *Hamza Zülfişkar. Türkçede ses yansımali kelimeler. İnceleme — Sözlük.* Ankara, 1995.

человек видит совсем осиротевший штурвал, особенно когда слышит, как, двигаясь то вправо, то влево, скрипят на нем [приборные] стрелки, его охватывает странное горькое чувство».

Fokur fokur (подражание звукам бурно кипящей воды): **Fokur fokur** kaunayan kazan. (EŞ A, 55) «Бурно клочкотавший котел».

Güm (подражание шуму, стуку): **Motor sesi güm güm de, güm güm.** (NH YGŞK, 511) «А звук мотора — тук-тук, тук-тук».

Harhara (звукоподражание скрежету, звуку трения): **Babamın sesi harhara+lan+dı.** Hani ya, denizlerde bir sığın tepesini sıyırın kayığın “hırr” edip geçmesi gibi. (NB ABB, 20) «Голос отца стал похожим на скрежет. Такой скрежет, который издает судно, когда оно проходит по морской отмели, срезая ее верхушку».

Hüngür hüngür (подражание рыданиям): **Oğlan hüngür hüngür ağladı.** (NB ABB, 21) «Парень плакал навзрыд».

Paldır küldür (с грохотом): **Siyah kapıya dayanan çocuklar, hızlarını alamaııp paldır küldür ikinci odaya düştüler.** (VÖ MAAK I, 15) «Дети, которые напирали на черную дверь, не сумев удержаться, с грохотом попадали во вторую комнату».

Patır patır «с топотом»: **Patır patır hırsızlar kaçışirlar.** (OV NHH, 124) «Воры с громким топотом разбежались».

Примеры функционирования некоторых звуко-символических лексем

Bel bel (символ глупого, тупого действия): **Bizim komşular kapının önünde uğılmışlar. Bel bel bakıyorlar.** (FB AS, 39) «Наши соседи столпились у двери. Тупо-тупо глядят».

Buram buram (символ обилия дыма, запаха, пота, снега и т. п.): **Belki de buram buram kar yağıyordu.** (NH YGŞK, 412) «И может быть, шел обильный снег».

Efil efil (символ легкого, приятного дуновения ветра): **Ben bizzat dileđiđi istikamete efil efil esen karayelim.** (EŞ A, 62) «Я — ветер, который прохладно дует, куда сам захочет».

Fırl fırl (символ быстрого и непрерывного вращения): **Başım fırl fırl dönüyor, kulaklarım yüzlerce zille çınlıyordu.** (NB ABB 2007,8) «Голова моя непрерывно сильно кружилась, в ушах звонили сотни колокольчиков». Имеется также родственное существительное **fırıldak** «флюгер»: **Kâfiristandan esen bir rüzgâra kafasını kaptıran bir fırıldak!** (HE SB, 1989, 39) «Флюгер, который держит свою голову по ветру, дующему из страны неверных».

Har har (символ высокой, обильной меры чего-либо): **“Ula, har har koştum geldim de, kuru kuru döndüm gittim!” deye anlatıverdi birez.** (FB AS, 49) «Он вдруг проговорил: “Слышь, ты, я изо всех сил бежал и прибежал [сюда], и вот те на, убрался несолоно хлебавши”».

Lapa lapa (символ крупных хлопьев снега): Kar yağarken olduğu gibi sanki üzerimize **lapa lapa** alev parçaları iniyordu. (НВ АBB, 15) «Как это бывает во время дождя, на нас как будто бы опускались **обильные куски** пламени».

Pır(ıl) pır(ıl) / parıl parıl (символ яркости света): Suphilerin motoru geceleyin geldi bu kıyıların önüne ve **pır pır** eden ışık parçacıklarını gördüler yalnız. (NH YGŞK, 412) «Катер Супхи и его людей ночью появился у этих берегов, и они увидели только **ярко** сверкавшие огоньки».

Püfür püfür (символ легкого дуновения): Ağaç değil, kat kat orman sanılacak koca bir çınarı, serin rüzgârlar **püfür püfür** yelpazeliyordu. (НВ АBB, 16) «Огромный платан, который можно было принять не за дерево, а за лес, высота которого достигала нескольких уровней, **слегка** раскачивали свежие ветры».

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС¹

В настоящем разделе предпринимается попытка практической реализации положений и понятий, отражающих структуру и основные единицы тюркского синтаксиса, понимаемого как подсистема языковой системы.²

Наблюдения над традиционной лингвистической терминологией, особенно той, которая используется в практике преподавания грамматик различных языков в вузах, убеждают в том, что или она попросту игнорирует тот факт, что язык и речь — разные явления, разные объекты и, следовательно, один и тот же традиционный термин означает и языковую, и речевую единицу (например, *фонема*, *слово*, *форма*, *показатель*, *суффикс*, *формант* и т. п.), или же в толковании понятий допускается противоречие, приписывающее одну сторону понятия языку, другую — речи. Примером последнего может служить следующая общепринятая трактовка понятия предложения, которую приводит не разделяющий ее В. З. Панфилов: *языковая единица, которая выражает относительно законченный акт мысли*, характеризуется тем или иным видом коммуникативной интонации (сообщения, вопроса или побуждения) и обладает отнесенностью высказываемого содержания к действительности.³ Разумеется, языковая система пребывает в психике индивида и тогда, когда он не принимает участия в коммуникации. В таком случае «языковая

¹ С преобладающим в трудах турецких ученых истолкованием фактов тюркского синтаксиса турецкого языка читатель может ознакомиться, например, в следующих работах: *Hatiboğlu V. Türkçenin Sözdizimi*. Ankara, 1972; *Karaağaç G. Türkçenin Söz Dizimi*. İstanbul, 2009; *Karahan L. Türkçede Söz Dizimi*. Genişletilmiş 7. Baskı. Ankara, 2004.

² *Гузев В. Г. Опыт разработки теоретических основ описания тюркского функционального синтаксиса // Востоковедение. Филологические исследования*. Вып. 27. СПб., 2006. С. 40–63.

³ *Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления*. М., 1971. С. 172 и сл.

единица» в принципе не может выражать какой-либо, тем более законченной, мысли, т. е. смысла. Следовательно, приведенное определение относится не к собственно языковой, а к речевой единице.

Другой пример: в одном из новейших отечественных синтаксических трудов, адресованных многочисленным учащимся вузов в качестве учебника, говорится: «Фонемы, аффиксы и наиболее употребительные слова образуют в языке конечные множества. Синтаксис, однако, имеет дело с потенциально неограниченным множеством предложений».⁴ Из этих и последующих слов явствует, что для автора одни и те же единицы присутствуют и в языке, и в речи. Разграничение же этих понятий, во-первых, предполагает более осторожное оперирование терминами (существует традиция, согласно которой *фонемы, формы, морфемы, категории, лексемы, графемы* и другие термины «эмического» уровня означают единицы языковой системы, а термины *знак, звук, морфы (или аффиксы), словоформы, слова, высказывание, предложение* — единицы речи); во-вторых, делает очевидным необходимость признания того, что только языковые единицы действительно «образуют... конечные множества», а единицы речи, в том числе и *высказывания с предложениями*, количественно бесконечны.

Исследовательская деятельность, исходящая из понимания синтаксиса как науки о словосочетании и предложении, может иметь в качестве результата лишь номенклатуру разновидностей последних (которая и остается достоянием науки) и при этом оставляет в стороне и не рассматривает вопрос о единицах синтаксической подсистемы языка как живой идеальной системы, как человеческого знания, единицы которого могут быть только образами, абстракциями.

Учение о предложении представляет собой синтез идей классиков русского языкознания, таких как Л. А. Булаховский, Ф. Буслаев, В. В. Виноградов, А. А. Потебня, А. М. Пешковский, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и др., в трудах которых предложение, если опираться на современные представления, недвусмысленно трактуется как речевая единица, как высказывание.⁵ Для многих грамматистов предложение представляет собой единицу нерасчлененного понятия «язык-речь».

Традиционное языкознание нередко объявляло предложение центральным понятием синтаксиса (как раздела науки), и даже сам синтаксис определялся как учение о предложении.

Однако уже в середине XX в. эта точка зрения начала подвергаться сомнению. Наблюдается процесс смешения, отождествления понятий

⁴ Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. С. 20.

⁵ См. полезный обзор трактовки понятия «предложение» в русском языкознании: Копнин П. В. Диалектика, логика, наука. М., 1973. С. 230–253.

«предложение» и «высказывание» (или, реже, «сообщение»). Эмиль Бенвенист рассматривает предложение как единицу речи, а не как единицу языка.⁶ По мнению С. Д. Кацнельсона, «предложение является минимальной речевой единицей, сохраняющей живые связи языка с отображаемой мыслью действительностью».⁷ Такое определение, как представляется, в большей мере соответствует высказыванию, а не предложению. Любое высказывание действительно сохраняет живые связи языка с действительностью.

Согласно самой распространенной точке зрения предложение представляет собой предикативное синтаксическое образование, имеющее подлежащее и сказуемое, т. е. как бы два центра, два главных члена. По Шарлю Балли, например, предложение, хотя и порождается языком, является не языковой, а речевой единицей, состоящей из двух частей: «диктума» и «модуса».⁸ Но ведь наряду с этим используются такие понятия, как «односоставное предложение», «назывное предложение», которые вступают в противоречие с положением о двух главных «членах предложения».

Лингвистический позитивизм, под которым здесь имеются в виду ограничение исследования лишь систематизацией и обобщением наблюдаемых в речи фактов и отказ от стремления проникнуть в скрытый от прямого наблюдения языковой механизм, явился неизбежным, закономерным этапом в процессе развития как отечественного, так и мирового языкознания, хотя в свете работ И. А. Бодуэна де Куртенэ и его последователей он постепенно осознавался и осознается как недостаток, скорее, как архаизм.

Ярким примером стойкости позитивизма в теоретической лингвистике может служить позиция Люсьена Теньера, считающего, что «предметом структурного синтаксиса является изучение предложения (phrase)».⁹ «Недаром, — продолжает ученый, — когда немецким лингвистам потребовалось перевести на свой язык слово “синтаксис”, они выбрали термин “Satzlehre” — “учение о предложении”».¹⁰ Предложение тоже трактуется им в позитивистском духе, т. е. при полном игнорировании главной — коммуникативной — функции языка и речи: «...организованное целое, элементами которого являются слова...

⁶ Бенвенист Э. Именное предложение // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 167–183.

⁷ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. С. 140.

⁸ Цит. по: Алтагов В. М. История лингвистических учений. Учеб. пособие. М., 1998. С. 159.

⁹ Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988. С. 22.

¹⁰ Там же. С. 23.

Каждое слово предложения вступает с соседними словами в определенные связи... Синтаксическая связь делает предложение *живым организмом*, и именно в ней заключена его *жизненная сила* (выделено Л. Теньером. — В. Г.).¹¹ Как видим, *жизненная сила* «предложения» заключается не в выражении какого-либо мыслительного содержания, не в связи с объективной реальностью, не в осуществлении коммуникации, а в «синтаксической связи», с чем с излагаемых позиций нельзя согласиться, поскольку за «синтаксической связью» в конечном счете необходимо разглядывать связи элементов реальной действительности или связи мыслительных образов. Последние так или иначе восходят опять-таки к отношениям элементов реальности. Трудно согласиться с тем, что говорящий строит предложение (высказывание) для того, чтобы связывать слова между собой. В. М. Алпатов справедливо указывает на еще один важный недостаток концепции Л. Теньера — на нечеткое разграничение синтаксиса и семантики.¹²

Как будет показано ниже, синтаксические формы (находящиеся в языке модели реализуемых в речи конструкций), возможно, имеют знаковую природу и, следовательно, некие отвлеченные значения.

Если признать, что традиционное «предложение» на самом деле представляет собой *высказывание* (или *сообщение*), которое никак нельзя считать единицей синтаксической подсистемы языка, хотя такие утверждения и продолжают встречаться в литературе,¹³ то в таком случае рационально попросту признать, что предложение является одной из разновидностей высказывания,¹⁴ т. е. материального образования, чаще всего цепочки знаков, порождаемой коммуникантом I (говорящим) и воспринимаемой коммуникантом II (слушающим). Оно не может находиться в составе языковой системы, трактуемой как элемент знания, состоящий из абстрактных образов. Иными словами, его место в межсубъектной среде — вне коммуникантов. К тому же число любых речевых единиц, включая высказывания, бесконечно. Количество же единиц находящейся в психике индивида языковой системы количественно конечно, хотя современное языкознание пока еще едва ли в состоянии четко очертить границы этой системы.

Поскольку языковая система представляет собой идеальный объект, единицы всех подсистем, включая, разумеется, и синтаксис,

¹¹ Там же.

¹² Алпатов В. М. История лингвистических учений. С. 281.

¹³ Hatiboğlu V. Türkçenin Sözdizimi. S. 1.

¹⁴ Ср.: Мельников Г. П. Сущность предикации и способы ее языкового выражения // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения (доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса) / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1969. С. 119.

следует истолковывать как идеальные, т. е. как абстрактные образы или комбинации таковых. Следовательно, бессмысленно искать в языке конкретные высказывания или то, что традиционно называется предложением. Разумеется, это относится как к инвентарным, так и к структурным единицам. Инвентарными языковыми единицами рационально считать, например, такие единицы, как *монема*, *лексема*, *морфема*, *фонема*, *графема*, *устоявшиеся "словосочетания"* и комбинации *морфем*, приобретшие статус статического существования и т. д. Их речевыми соответствиями являются *знаки*, *разновидности знаков (слова, морфы, аффиксы)*, *фоны*, *звуки речи*, *знаки той или иной системы письма (алфавита, силлабария)*. Структурными единицами языка являются: *форма*, *категория* (подсистема минимального объема). Их речевые соответствия — *разного рода комбинации знаков (сочетания слов, словоформы, сочетания слов и словоформ)*. И нельзя не видеть, что современное языкознание еще далеко от решения задачи терминологического разграничения единиц языка и речи. Едва ли будет преувеличением утверждение, согласно которому практически все традиционные лингвистические понятия и термины имели изначально отношение к речи, тексту, сложились на основе наблюдаемых в речи фактов.

Речевые единицы в бесконечном количестве производятся в процессе речевой деятельности на базе языковых единиц. Последние же, будучи более или менее стабильными, возникают в филогенезе, формируются в виде абстрактных образов, отвлекаемых от множеств появляющихся в речи тождественных (точнее, гомоморфных) речевых единиц. Так, основными инвентарными единицами главнейших подсистем языка являются: *фонема* (по И. А. Бодуэну де Куртенэ и Н. С. Трубецкому, *звукпредставление*, абстракция, отвлекаемая от функционально эквивалентных звуков речи); уже упомянутая *монема*. *Лексе-му* рационально трактовать как ведущую разновидность *монемы*, как абстракцию, являющуюся соответствием бесконечно повторяющегося в речи слова. Инвентарная единица морфологической подсистемы языка — *морфема* — это тоже разновидность *монем*, которая имеет какое-либо грамматическое значение (классифицирующее, словообразовательное или словоизменяющее, т. е. служебное), представляет собой абстрактный образ той или иной разновидности наблюдаемых в речи морфологических единиц и т. д. Разумеется, количество речевых образований бесконечно. В противоположность этому число языковых единиц конечно для каждого временного среза.

Из признания *слова* единицей речи следует, во-первых, что оно представляет собой не что иное, как *разновидность материальных знаков* наряду с другими разновидностями знаков, в первую очередь

с разного рода *аффиксами*, или *морфами*. Во-вторых, слова, представляя в речи языковые знаменательные (автосемантические) и служебные (синсемантические) единицы — *монемы*, сами соответственно функционируют как знаменательные или служебные. В-третьих, знаменательные слова могут самостоятельно выступать в функции однословных, однокомпонентных высказываний (например: Sakin! «Берегись!»; Tamam! «Хорошо, согласен!»; Geldi. «Он прибыл»). Служебные же слова, т. е. слова, представляющие в речи *монемы* со служебными значениями, не используются или ограниченно используются в качестве высказываний, как правило, не способны выступать в функции самостоятельных компонентов конструкций (подлежащего, сказуемого, определения и т. д.) и отличаются от аффиксов (или морфов) своей фонетической, точнее, морфонологической самостоятельностью, т. е. собственным набором сингармонистических и супрасегментных характеристик.

До сих пор речь шла о соотносительных единицах языка и речи (*монема* — знак; *лексема* — слово; *морфема* — морф, или аффикс, или показатель; *фонема* — фон или звук; *графема* — буква и т. д.). С синтаксической точки зрения слову в речи, нормально выполняющему какую-либо функцию (подлежащего, сказуемого, определяемого, определения и т. д.), должна соответствовать инвентарная синтаксическая единица, которая могла бы именоваться не «*синтагма*» (И. А. Бодуэн де Куртэнэ), а *синтаксема*.

Однако если задаться вопросом о структурных единицах синтаксической подсистемы языка, т. е. о том, какая инвентарная единица в языковой системе соответствует высказыванию, то, видимо, придется признать, что никакого *языкового* соответствия высказыванию попросту нет. Вот пять последовательно употребленных писательницей Халиде Эдиб высказываний: (1) Bayramdı. (2) Hilmi altı yaşındaydı. (3) Arkasında bir paşa uniforması vardı... (4) Paçaları biraz düşük, opmuzlarındaki apoletler biraz büyük. (5) ...Belinde bir teneke kılıç. (HE SB, 129) «Был праздник. Хильми было шесть лет. На нем была униформа пашы... Одет несколько небрежно, эполеты на его плечах несколько великоваты... На поясе меч из жести». Трудно допустить, чтобы речевая единица (высказывание), которая обладает столь различной структурой, могла иметь соответствие, «психический эквивалент» (И. А. Бодуэн де Куртэнэ) в языковой системе.

Вместе с тем современное языкознание, как представляется, уже готово к построению гипотезы о том, что представляют собой *синтаксические структурные единицы*. Эта гипотеза восходит к идее А. М. Пешковского о «бестелесности» «форм словосочетаний» (в том

числе предложений)».¹⁵ Она выражена, например, в следующих словах В. З. Панфилова (1971 г.): «Предложение, взятое со стороны его структуры, в отвлечении от его конкретного лексического наполнения и содержания, т. е. предложение, взятое как модель, несомненно представляет собой языковую единицу. В языке имеется ограниченный набор моделей предложения, и каждая из них выступает как член формального класса, образуемого всей их совокупностью».¹⁶ В цитируемых словах трудно согласиться только с термином «предложение», поскольку высказывание, не имеющее сказуемого в виде финитной формы, едва ли может признаваться предложением, а мысль В. З. Панфилова явно относится к любому высказыванию, т. е. речевой единице, состоящей более чем из одного слова и выражающей законченную (с точки зрения говорящего) мысль.

Положение, о котором идет речь, явно было поддержано главой новосибирской лингвистической школы М. И. Черемисиной (1993 г.): «В наши дни [говорят] об эмических сущностях как главным объекте анализа и описания (в отличие от речевых и текстовых построений, которые являются лишь объектом наблюдения), [которые] интенсивно проникают и в сферу синтаксиса. Важнейшая синтаксическая сущность — элементарное простое предложение, представляемое в описании моделью, т. е. схемой или символической формулой. Формула фиксирует признаки, необходимые и достаточные, чтобы выделить данную единицу и противопоставить ее всем другим. По-видимому, таких единиц в языке бывает несколько десятков».¹⁷

В свете сказанного правомерно согласиться с тем, что в синтаксическом фрагменте языковой системы имеются образы, в которых отражены и закреплены *схемы, модели, структуры, программы производства* или разного рода *конструкций (распространенных компонентов высказываний)* либо *целых высказываний*, состоящих из более чем одного слова. «Синтаксическая форма (выделено мной. — В. Г.), — пишет В. М. Павлов (2004 г.), — представленная, например, в виде формулы типа “существительное в именительном падеже + переходный глагол + существительное в винительном падеже”, может и должна быть соотнесена с частной (равным образом обобщенной, абстрактно-

¹⁵ Цит. по: Павлов В. М. К вопросу о предмете синтаксиса // Теоретические проблемы языкознания. Сб. статей к 140-летию кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ / гл. ред. Л. А. Вербицкая. СПб., 2004. С. 249.

¹⁶ Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. С. 165.

¹⁷ Черемисина М. И. О работе над новой грамматикой алтайского языка // Язык и культура алтайцев. Сб. науч. статей / редкол.: А. Т. Тыбыкова (отв. ред.) и др. Горно-Алтайск, 1993. С. 47.

признаковой) семантической характеристикой ее элементов типа «агнс + процесс или акт воздействия на ч.-л. + объект воздействия» (учитываются типовые лексико-семантические содержания). Это придает соответствующим образом семантизированной формуле модели синтаксической конструкции статус (двустороннего) языкового знака». ¹⁸

Автор настоящей работы солидарен также со следующим утверждением В. Б. Касевича: «Элементарная синтаксическая конструкция — основная единица синтаксиса (курсив Касевича. — В. Г.). Синтаксическое и, шире, грамматическое «ядро» языка — это система синтаксических конструкций». ¹⁹ Это вполне справедливо, если под «конструкцией» здесь понимаются идеальная, т. е. представляющая собой абстрактный образ, модель, идеальная структура и система таких идеальных образований, находящихся в индивидуальной языковой системе каждого члена коммуникативной общности.

Сказанное означает, что для построения в речи, например, турецких определительных конструкций с показателем притяжательной связи (таких как *kapısı açık oda* «комната, дверь которой открыта»; *saçı sarı kız* «светловолосая девушка» (точнее был бы перевод «девушка, волосы которой светлые»)) коммуникант должен иметь в своей индивидуальной языковой системе их обобщенную модель и/или программу их порождения.

Одной из перспективных проблем современного синтаксиса является проблема разграничения «динамических и статических связей в сочетаниях слов». ²⁰ Иными словами, речь идет о проблеме выявления, с одной стороны, сложившихся цельных конструкций, образы которых (подобно пословицам, поговоркам, отрывкам литературных произведений и т. п.) хранятся в синтаксической подсистеме языка и которые воспроизводятся, извлекаются из банка готовых построений, с другой — конструкций, порождаемых творческим усилием говорящего, а также уяснения взаимоотношений между теми и другими. Возможно, что в синтаксической подсистеме языка имеются также правила разветвления, программы построения конструкций-инноваций, т. е. таких, которые являются продуктом речевого творчества говорящего.

Так или иначе, проблема единиц синтаксиса, понимаемых как компоненты подсистемы языковой системы, должна решаться путем выявления «синтаксических форм» (В. М. Павлов), т. е. абстрактных моделей функционирующих в речи свободных конструкций, которые

¹⁸ Павлов В. М. К вопросу о предмете синтаксиса. С. 250.

¹⁹ Касевич В. Б. Труды по языкознанию. СПб., 2006. С. 98 (п. 2, 4).

²⁰ Павлов В. М. К вопросу о предмете синтаксиса. С. 253–256.

строятся говорящим, и образов устойчивых конструкций, воспроизводящихся в готовом виде. Решение вопроса таким путем, по-видимому, будет способствовать выявлению синтаксического своеобразия каждого языка. И было показано, что следует различать две разновидности синтаксических единиц: 1) единицы, функционирующие в качестве «строительного материала», инвентарные единицы, *синтаксемь*; 2) структурные единицы, понимаемые как «синтаксические формы», абстрактные образы, модели, схемы, определяющие линейную организацию составляющих речь конструкций.

Анализируя цепочки знаков в речи, прежде всего нельзя не видеть, что они принадлежат к двум типам. Первый из них фигурирует в таком высказывании, как, например: *Evimiz+de+ki+ler+den degil midir?* «Не из тех ли он, что находятся в нашем доме?» (речь может идти о мебели, скажем, о стуле). В этом турецком высказывании линейно расположены 9 морфов. Языковая подсистема, определяющая их линейную синтактику, — отнюдь не синтаксис, а морфология. С синтаксической точки зрения оно состоит всего лишь из одного компонента, который с морфологической точки зрения представляет собой словоформу. Выше уже говорилось о том, что высказывание может состоять как из одного слова (примеры можно продолжить: *Aferin!* «Молодец!»; *Hey!* «Эй!»; *Güzel!* «Отлично!»), так и (как в приведенном примере) из одной словоформы. Этот факт приводит нас к важному выводу: самыми малыми, элементарными инвентарными единицами синтаксиса являются знаменательные лексемь и морфологические образования, являющиеся (внутри)языковыми эквивалентами слов и словоформ речи.

Решение вопроса об инвентарных единицах синтаксической подсистемы языка было предложено еще И. А. Бодуэном де Куртенэ: «Простейшими единицами морфологии в тесном смысле являются морфемы (корни, приставки, суффиксы, аффиксы, префиксы, окончания, основы или темы), простейшими единицами синтаксиса — *синтагмы*, или с синтаксической точки зрения неделимые слова (курсив мой. — В. Г.). Возможны частные случаи совпадения произносительно-слухового состава морфем с произносительно-слуховым составом синтагм».²¹ Повторим, что в настоящей работе вместо термина «синтагма» употребляется термин «синтаксема».

Позиция Бодуэна де Куртенэ представляется вполне оправданной. Если языковым эквивалентом «слов» (как было сказано, единиц речевых) признавать лексемь, что вполне согласуется с традиционным

²¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Заметки на полях сочинения В. В. Радлова // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963. С. 183.

употреблением этого термина,²² то последние рационально признавать важнейшей в коммуникативном отношении *разновидностью монем*, поскольку их значения (как знаменательные, так и служебные) способны обеспечивать передачу в процессе коммуникативной деятельности любого содержания информации, которой обмениваются коммуниканты. Знаменательные значения делают знаменательные лексемы способными выступать в речи в функции самостоятельного высказывания. В общелингвистическом, точнее, в общетипологическом аспекте большое коммуникативное значение лексем подчеркивается тем обстоятельством, что имеются языки (аморфные, например, вьетнамский, древнекитайский и др.), в которых полностью или почти отсутствуют морфологические показатели (имеются в виду в первую очередь словоизменительные морфемы). Передача служебной информации осуществляется «*служебными словами*»,²³ т. е., как бы непривычно это ни звучало, лексемами, наделенными служебными значениями.

Из сказанного следует, что лексемы причастны к разным подсистемам языка — к лексической, морфологической и, разумеется, к синтаксической, и в каждой из них они или выступают в качестве инвентарных единиц, или входят в состав таковых, выполняя при этом разные функции: *в составе лексики* — это такая разновидность монем, которая является носителем основной языковой семантики, т. е. любых (по содержанию) значений; *в составе морфологии* — это монемы, являющиеся носителями грамматических (классифицирующих, лексических служебных и лексических словообразовательных) значений; *в синтаксической системе* они предстают как минимальные инвентарные единицы, синтаксемы, речевые реализации которых (т. е. слова, многие устойчивые, воспроизводимые словосочетания и словоформы) или сами становятся высказываниями, или служат строительным материалом, из которого строятся распространенные высказывания в виде линейных цепочек необходимой коммуниканту протяженности.

Порождение высказываний, состоящих более чем из одного компонента, т. е. распространенных высказываний, несомненно относится к компетенции синтаксической подсистемы языка. Распространенные высказывания могут иметь в своем составе то или иное количество, ту или иную разновидность конструкций. Каждая конструкция имеет свое внутреннее устройство, структуру. Как было отмечено выше, именно структуры прежде всего отличают одни конструкции от других.

²² См., напр.: Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985.

²³ Панфилов В. С. Грамматический строй вьетнамского языка. СПб., 1993. С. 235–260.

В то время как приведенные выше турецкие конструкции (*karısı açık oda* и *saçı sarı kız*) имеют одинаковое внутреннее устройство, конструкция *karısını açtığım oda* «комната, дверь которой я открываю» обладает иной структурой. Примеры такого рода подтверждают положение, согласно которому именно *абстрактные образы, отвлекаемые от структур конструкций в речи и содержащие модели, схемы, программы производства тех или иных разновидностей речевых конструкций, следует считать структурными единицами синтаксиса* или, пользуясь упомянутым выше термином В. М. Павлова, именовать *синтаксическими формами*.

Гораздо важнее подчеркнуть другое обстоятельство: структурные синтаксические единицы соотносятся в первую очередь не с высказываниями, а с *конструкциями, структурами высказываний*, которые, очевидно, на речевом уровне наряду со словами играют роль строительного материала распространенных высказываний. Вполне допустимо, что путем наполнения синтаксических моделей словами и словоформами в речи производятся конструкции, которые сами по себе выступают или в роли высказываний, или в роли компонентов других конструкций, что приводит к производству еще более развернутых конструкций; процесс прерывается или заканчивается там, где, по мнению коммуниканта, завершается кодирование заготовленной порции смысла, т. е. подлежащей передаче слушающему информации, и все построение выступает в функции сложного (сложносочиненного или сложноподчиненного) высказывания.²⁴

Возвращаясь к понятию «предложение», обратим внимание на то, что оно в приведенных выше точках зрения и у некоторых других авторов фактически трактуется уже, чем понятие «высказывание». Мысль о том, что предложение является речевой единицей или попросту высказыванием, встречается в работах многих авторов.²⁵ Веджихе Хатибоглу выражает эту точку зрения следующим образом: «Самую важную часть предикативных высказываний составляют предложения».²⁶ Сказанное означает, что приведенные выше соображения относятся и к привычным «предложениям».

Таким образом, в настоящей работе предложение понимается как такая разновидность высказываний, неизменно компонентом которых является финитная словоформа, всегда передающая какой-либо смысл в субъектно-предикатной форме.

²⁴ Опыт представления турецких синтаксических конструкций в виде моделей принят в известной монографии А. Н. Баскакова: *Баскаков А. Н. Словосочетания в современном турецком языке*. М., 1974.

²⁵ См., напр., упоминавшиеся труды С. Д. Кацнельсона, Г. П. Мельникова, В. Б. Касевича.

²⁶ *Hatiboğlu V. Türkçenin Sözdizimi*. S. 99.

Тюркский синтаксис представлен в уже упоминавшейся «Сравнительной грамматике тюркских языков» отдельным томом, увидевшим свет без малого 30 лет тому назад — в 1986 г.²⁷ Он, несомненно, содержит богатый материал и способен донести до читателя необычные особенности тюркского синтаксиса. Едва ли было бы справедливо ожидать от авторов, что они смогли бы в то время отрешиться от традиционного позитивизма и сознавать, что *словосочетания* и *предложения* являются единицами не языковой системы, а речи. И это притом что авторам было хорошо известно: языковые единицы представляют собой абстрактные образы, а речь и речевые единицы представляют собой материальное звено коммуникации.

Достоин сожаления то обстоятельство, что, хотя на ранних этапах имело место «отождествление именных и глагольных групп» и в современных тюркских языках наблюдалось изобилие омонимов, авторов не насторожили явно индоевропейские истоки гипотезы о трансформациях и трансформах. Имеющиеся сведения о первоначальной нерасчлененности, неопределенности частеречной принадлежности тюркской лексики, о ее преимущественно именном характере, о преобладании атрибутивных структур в речи дают основание предполагать, что в процессе рождения у тюрков языка у его носителей не было необходимости строить два предложения, а затем соединять их путем трансформации финитной формы сказуемого уточняемого предложения в именную форму. Уточняемое предложение попросту могло быть употреблено в функции нужного «члена предложения».

I. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ФОРМЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР²⁸

Представляется рациональным опираться на положение, согласно которому имеются всего лишь три типа наиболее общих синтаксических структур:

- 1) *копулятивная* структура, которая в речи реализуется как конструкция, состоящая из перечисляемых единиц;
- 2) двучленная *предикативная* структура, реализуемая в речи как конструкция, один компонент которой называет предмет мысли — субъект, другой — то, что сообщается, утверждается о предмете мысли, — предикат;

²⁷ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1986.

²⁸ Формальная логика / отв. ред.-сост. И. Я. Чупахин, И. Н. Бродский. Л., 1977. С. 20–192; Мельников Г. П. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // Народы Азии и Африки. 1969. № 6. С. 104–113.

3) *атрибутивная* структура, один компонент которой представляет собой уточняемое (т. е. определяемое, дополняемое или обстоятельственное уточняемое), а другой — уточняющее (т. е. определение, дополнение или обстоятельство). *Атрибутивная* структура распадается на три более частных разновидности: а) *определятельная* структура, которая в речи порождает конструкции типа kırmızı elma «красное яблоко»; б) *дополнительная*, или *объективная*,²⁹ структура, на основе которой в речи формируются конструкции типа kitab(ı) okuyor «читает книгу»; в) *обстоятельная* структура, которая может воплотиться, например, в конструкцию uyağın geleceğim «приду завтра» и т. п.³⁰

Компоненты перечисленных структур традиционно характеризуются как «члены предложения». Как будет показано ниже, согласно точке зрения автора настоящей работы их рационально трактовать как *компоненты конструкции* той или иной структуры. Разумеется, каждый компонент каждой из пяти разновидностей конструкций (*копюлятивной, предикативной, определятельной, дополнительной, обстоятельной*) может быть как нераспространенным, однокомпонентным, так и распространенным, т. е. образовывать комбинации всех перечисленных разновидностей конструкций.

II. ПОРЯДОК СЛЕДОВАНИЯ КОМПОНЕНТОВ В ТЮРКСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ

Одна из важнейших синтаксических строевых особенностей турецкого, как и любого агглютинативного языка, заключается в том, что в обычной неаффиктированной речи, в которой не используются особые стилистические приемы (скажем, инверсия в поэзии), особая интонация или непринужденная вспомогательная жестикуляция, имеющие целью уточнение выражаемого смысла, усиление его выразительности, порядок компонентов конструкций обыкновенно следует универсальному правилу: каждый компонент располагается перед компонентом или словосочетанием, от которых он семантически или грамматически зависит. Иными словами, нормальным, естественным, исконным порядком следования компонентов всех атрибутивных, т. е. определятельных, дополнительных и обстоятельных, конструкций является следующий: второстепенный, зависимый компонент предшествует

²⁹ Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1996. С. 328.

³⁰ Мельников Г. П. 1) Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики. С. 104–113; 2) Системология и языковые аспекты кибернетик. М., 1978. С. 290–297.

главному, независимому компоненту, или, по терминологии Г. П. Мельникова, уточняющий компонент предшествует уточняемому.³¹

В области предикативных конструкций тюркские языки ничем не отличаются от других языков: лексически выражаемый субъект обычно предшествует лексически выражаемому предикату. И как правило, синтаксический предикат предикативных конструкций или сказуемое предложения передают наиболее важную часть сообщаемой информации, являются главным, ведущим компонентом словосочетания.

1. КОПУЛЯТИВНАЯ МОДЕЛЬ

Копулятивные структуры представляют собой перечисление единиц. Все перечисляемые компоненты копулятивных конструкций в речи синтаксически равноправны. Разумеется, копулятивные конструкции могут употребляться как в функции развернутых компонентов других конструкций (т. е. атрибутивных и предикативных), так и в роли самостоятельных высказываний.³² *Bazılarının eksiği basit bir şeydi: bir küpe, bir ayakkabı topuğu ya da bir düğme. Diğerlerinkiyse daha vahimdi: kimin parmağı yoktu, kimin bacağı ya da kolu. (EŞ A, 66)* «У некоторых недоставало чего-нибудь простенького: **серьги, каблук обуви или же пуговицы.** А у других же отсутствовало что-нибудь более серьезное: у кого не было пальца, у кого-либо другого — ноги или же руки».

2. ПРЕДИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ

Предикативная модель — это языковая единица, которая дублирует модель логического суждения, т. е. формы мысли, имеющей структуру «субъект — предикат», и функциональное предназначение которой состоит в предикации, т. е. во внесении в сознание коммуниканта той или иной степени изменения предмета мысли (субъекта). Иными словами, она представляет собой материальную, чаще всего лексическую реализацию логического суждения, содержащего какой-либо конкретный смысл. По удачному выражению Г. П. Мельникова, предикация — это «акт выведения нового знания из наличного».³³ Ее модель может быть представлена следующей формулой: «синтаксический субъект — синтаксический предикат».

³¹ Мельников Г. П. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики. С. 104–113.

³² Ср.: Karağaç G. Türkçenin Söz Dizimi. İstanbul, 2009. S. 37–38.

³³ Мельников Г. П. Системная типология языков. Принципы, методы, модели. М., 2003. С. 139.

Синтаксический субъект понимается как такой компонент предикативной конструкции в речи, который лексически представляет предмет мысли, субъект выражаемого конструкцией логического суждения.

Синтаксический предикат — компонент конструкции, который лексически называет предикат логического суждения.

С коммуникативной точки зрения такая конструкция представляет собой высказывание (как речевая единица, выражающая законченный с точки зрения говорящего смысл). Ее функциональное предназначение заключается в том, чтобы передавать лексическим способом мыслительное содержание в форме суждения (как мыслительного содержания, облеченного в субъектно-предикатную форму). При этом оба компонента суждения оказываются представленными соответственно: субъект — синтаксическим субъектом, или подлежащим, предикат — синтаксическим предикатом, или сказуемым.

В определительной конструкции *karısı açık oda* ее компонент-определение — *karısı açık*, определяемое — *oda*. Слово сочетание *karısı açık* — предикативная конструкция, в которой *karısı* — синтаксический субъект, а компонент *açık* — синтаксический предикат.

Каждый из компонентов предикативной синтаксической конструкции может быть как нераспространенным (см. приведенный пример), так и распространенным.

В определительной конструкции *İhtiyar babası Türk edebiyatını iyi bilen genç* «Молодой человек, пожилой отец которого хорошо знает турецкую литературу» *определяемое genç* («молодой человек») — нераспространенный компонент, а ее *компонент-определение* представляет собой *предикативную конструкцию*, состоящую из распространенного синтаксического субъекта (*ihtiyar babası* «старый отец») и распространенного предиката (*Türk edebiyatını iyi bilen* «хорошо знающий турецкую литературу»). Компоненты этой предикативной конструкции сами являются распространенными атрибутивными конструкциями.

По справедливому утверждению В. М. Павлова, любая синтаксическая форма (модель) обладает статусом языкового знака, поскольку имеет абстрактное значение.³⁴ Так, значение предикативной синтаксической формы можно себе представить как «явление + сообщение о нем». Она вполне может трактоваться как *рамочная*, поскольку предикат суждения может иметь значительное количество уточняющих его компонентов.

Уместно подчеркнуть, что в настоящей работе проводится граница между высказываниями, имеющими структуру предикативной

³⁴ Павлов В. М. К вопросу о предмете синтаксиса. С. 250.

конструкции, т. е. предикативными высказываниями, и предложениями. Разница между *лексическим субъектом*, под которым понимается соответствующий компонент любой предикативной конструкции, и *подлежащим*, т. е. одним из «главных» членов предложения, которое представляет собой предикативную конструкцию, попросту отсутствует. Каждый из них — не что иное, как компонент предикативного высказывания, который лексически представляет субъект логического суждения.

В противоположность этому *разница между синтаксическим предикатом и сказуемым весьма значительна*. В то время как первый является не более чем лексическим репрезентантом предиката логического суждения, второе представляет собой морфолого-синтаксическую единицу, финитную словоформу, выражающую все логическое суждение целиком, т. е. оба компонента логического суждения (и субъект, и предикат) вместе. Следовательно, понятия «лексический или синтаксический предикат» и «сказуемое» ни в коем случае не могут отождествляться. Тем более что сказуемое может быть не только предикатом: оказываясь в качестве ведущего компонента в составе какой-либо атрибутивной конструкции, оно способно выполнять какую-нибудь иную функцию, например, дополняемого: *Kitabı okudum*. «Я прочитал книгу».

Итак, необходимо иметь в виду, что в предикативной конструкции в речи в функции предиката может выступать как инфинитная, так и финитная словоформа.

Внушаемая традиционными синтаксическими представлениями иллюзия, согласно которой предикативная структура конструкции достаточна для признания высказывания предложением, сохраняет свою убедительность в пределах сферы самостоятельного, независимого использования таких высказываний, как *Bu — sokak*. «Это — улица» (которое может быть также и распространенным: *Bu — bizim sokak*. «Это — наша улица»). Действительно, в этой функциональной сфере граница между высказываниями с предикативной структурой и предложениями наиболее зыбкая и может восприниматься как искусственная, если игнорировать функционирование предикативных конструкций в качестве (развернутых) компонентов высказываний. Высказывание типа *kapısı açık oda* «комната, дверь которой открыта» в структурном отношении в целом представляет собой атрибутивную конструкцию с распространенным определением. В функции определения выступает выделенная зависимая *предикативная* конструкция, которая общепризнанно не истолковывается и не может истолковываться как придаточное предложение.

2.1. Обычная реализация предикативной модели в турецкой речи

Элементарной предикативной конструкцией, лежащей в основе любой предикативной конструкции, следует, очевидно, признавать такую, которая реализуется в примерах с нераспространенными компонентами: 1) Yusuf — öğrenci. «Юсуф — студент»; 2) Kayadibi — bir köy. «Каядиби — деревня»; 3) Ankara — başkenttir. «Анкара — столица»; 4) Erol öğrenci(dır). «Эрол — студент»; 5) “Evet ama, her yer kararınca başka umarımız kalmaz”, dedi, “oysa şimdi dışarı — aydınlık”. (AN ADS, 9) «Да, но когда совсем стемнеет, у нас не останется надежды, а сейчас снаружи светло» (букв.: «Наружность — свет»).

В приведенных примерах оба компонента суждения выражены существительными. Но, конечно же, вариативность этой модели может проявляться лексико-грамматически, т. е. в использовании коммуникантами для передачи как субъекта, так и предиката лексики разных классов. Оба компонента могут быть представлены практически всеми знаменательными, реже — служебными словами.

Существительное в функции субъекта/подлежащего — глагол-предикат/сказуемое: 1) On çocuk, / ağacın altında uyudular. (VÖ MAAK I, 20) «Десять ребят спали под деревом»; 2) Çocuklar / buna hem şaşılar, hem sevindiler. (VÖ MAAK I, 21) «Дети и удивились, и обрадовались этому»; 3) (Soğuklar çok arttığı için) okullar / bir hafta kapatılmıştı. Mehmet de / bu yüzden o gün okula gitmemişti. (AN ADS, 85) «Поскольку холода очень усилились, школы на неделю закрылись. И Мехмед по этой причине в тот день не пошел в школу»; 4) (Bu yüzden) o eve sabah aydınlığı / geç gelir, ama akşam karanlığı / erkenden basardı. (AN ADS, 7) «По этой причине утренний свет поздно приходил в то жилище, а ночная тьма наступала рано»; 5) (O bodrum katındaki evde) üç kişilik bir aile / otururdu... (AN ADS, 7) «В том подвальном жилище жила семья из трех человек».

Существительное или местоимение в функции подлежащего — числительное, местоимение, предикатив, послеложная конструкция в функции предиката/сказуемого: 1) (O zaman anladım ki) bu adamın ismi ile cismi / birdi. (EŞ A; 74) «Тогда я понял, что у этого человека его имя и тело — одно и то же», 2) (Her hâlükârda) aradığımız kişi / sensin. (EŞ A, 74) «Во всяком случае, человек, который нам сейчас нужен, это ты»; 3) Evde insan / yoktu, ama karasinekler / vardı. (AN ADS, 8) «В доме людей не было, а осенние мухи были»; 4) “En Büyük Tehlike” adı altında çıkan risale sahibinin maksadı, siyasi ve içtimayi hüviyeti nedir? (SS Rg, 241) «Какова цель, политическая и общественная сущность автора сочинения “Самая большая опасность”»?»; 5) Rüzgâr, çocukların neleri var, neleri yoksa, önüne katmış götürüyordu. (VÖ MAAK I, 22) «Все, что

ни было у детей, ветер гнал перед ними по земле»; 6) Muhtemelen siz kızımla benden daha iyi geçinirdiniz, zira aşka bakışınız / aynı gibi. (EŞ A, 69) «Возможно, что вы лучше меня договорились бы с моей дочерью, поскольку у вас как будто один и тот же взгляд на любовь».

Распространенное подлежащее, вводимое причастием, передающим предметный смысл ("Тот, кто брал один-два хлеба"): 1) Taşıtlar ve binitler içinde birbirlerini kaskanmayan yoktu. (AN ADS, 22) «Среди транспортных средств и верховых животных не было ни одного, кто бы не завидовал другим»; 2) Sirklerde konuşan eşekleri görenler, bu hayvanları öyle sevdiler ki, evlerine bunlardan almaya başladılar. (AN ADS, 33) «Те, кто видел в цирке говорящих ослов, так полюбили этих животных, что стали покупать некоторых из них домой»; 3) Bunların önlерinde bilgini dinleyenler ona sordular... (AN ADS, 36) «Те, кто слушал мудреца, стоя впереди всех, спросили его...»; 4) İki üç ekmek alan gidiyordu. (AN ADS, 91) «Тот, кто брал один-два хлеба, уходил»; 5) Başka bir şey isteyen çıkmadı. (VÖ MAAK I, 20) «Больше не оказалось желающего чего-либо»; 6) Bunun için tek gereken şeriata harfiyen uymak. (AŞ A, 75) «Поэтому единственное, что требуется, абсолютно соблюдать шариат».

Предметное местоимение в функции субъекта/подлежащего — прилагательное, числительное, глагол в функции предиката/сказуемого: 1) Bu, / yazı hürriyetimin ikinci defa elimden alınması idi. (SS Rg, 240) «Это был второй случай лишения меня свободы писать»; 2) Herpimiz / yorulduk. (VÖ MAAK I, 16) «Мы все устали»; 3) Biz — başkayız. Evet, siz — başkasınız. (VÖ MAAK I, 46-47) «Мы — другие. Да, вы — другие»; 4) Senin benim düşündüğümü sandığın kadar basit değil hiçbir şey. Ben de o kadar basit değilim. (OP K, 106) «То, о чем я думаю, не такое простое, как ты воображаешь. И я не такой уж простой»; 5) Ben de / o kadar basit değilim ve zengin de olmak istemiyorum. (OP K, 106) «И я не такой уж простой и не стремлюсь быть богатым»; 6) Hiçbiri / işe yaramadı. (AN ADS, 121) «Ни одно (лекарство) не подействовало»; 7) Biz mezhep, din veya dil ayırımı bilmeyiz. Kamu âlemi bir tutar, birleriz. (EŞ A, 77) Мы не делаем различий между верами, религиями или языками. Весь мир мы считаем единым, мы едины.

Существительное в функции субъекта/подлежащего — прилагательное-предикат/сказуемое: 1) On çocuğun karnı / hâlâ açtı. (VÖ MAAK I, 8) «Десять ребят были всё еще голодные»; 2) (Ama bu dünyada) hiçbir güzellik / kalıcı değildir. (EŞ A, 74) «Но в этом мире ни одна красота не постоянна»; 3) Köşe başlarında yolu beklenen imamın kızı / başka, // Bakkal Tevfik'in karısı Emine, başka. (HE SB, 1989, 17) «Одно дело — быть дочерью имама, которую с нетерпением поджидают в начале улицы, (со- всем) другое — быть Эмине, женой бакалейщика Тевфика».

Как следует из приведенных примеров, оба компонента суждения, и субъект, и предикат, могут быть как нераспространенными, так и распространенными.

2.2. О своеобразных собственно тюркских предикативных моделях

В первую очередь имеется в виду реализация синтаксических свойств таких морфологических средств, в частности глагольных именных форм, которые или преимущественно характерны только для тюркских языков, или, пребывая в языке в большом количестве, несут высокую коммуникативную нагрузку. В целом они представляют собой один из факторов, которые позволяют агглютинативным языкам обходиться как без сочинительных, так и без подчинительных союзов и составляют одну из черт своеобразия тюркского синтаксиса.

Имя действия (масдар) -так в функции субъекта или предиката:
1) "Burada 'sağ' antikomünizm ile 'sol' aşırılık arasındaki **derin ahenkli-ği görmemek elde değil**". (Yeni Çağ. 1972. N 5. S. 377) «Здесь нельзя не видеть глубокого единодушия между "правым" антикоммунизмом и "левым" радикализмом»; 2) Rus yapısı eski taş binaları görmek biraz olsun **içini rahatlattı**. (OP K, 13) «Разглядывание старых каменных зданий русской постройки, хотя и немного, его успокоило»; 3) En iyisi uçak **olmakmış**. (AN ADS, 20) «Самое лучшее, оказывается, — быть самолетом».

Имя действия (масдар -та) — подлежащее — глагольное сказуемое:
Anırmaya alışan insanların yeniden konuşmaya, konuşmaya alışan eşeklerin de yeniden anırmaya **başla+ma+ları / pek de kolay olmadı**. (AN ADS, 36) «Совсем было нелегко людям, привыкшим реветь (по-ослиному), снова начать говорить, а ослам, привыкшим говорить, снова начать реветь».

Масдар -та в форме принадлежности в функции субъекта — глагол gerektmek в функции предиката (передается смысл типа «что мне делать»): 1) Böyle bir kedinin, çarptığı pencere camını kırmadan camın öte yanına geçmesi için **ne yap+ma+sı gerekir?** (AN ADS, 11) «Что должна сделать такая кошка, чтобы, ударившись о стекло, оказаться по ту его сторону, не разбивая его?»; 2) «Bundan sonra **ne yap+ma+mız gerekir?**» (AN ADS, 36) «Что нам надо делать после этого?»; 3) Kurtların, bu sıkıntılı durumlarına bir umar **bul+ma+ları gerekiyordu**. (AN ADS, 24) «Волкам надо было найти выход из этого затруднительного положения»; 4) "Ama **gör+me+niz gereken önemli bir kişi daha var Kars'ta**". (OP K, 69) «Но в Карсе есть еще один важный человек, которого вам необходимо увидеть»; 5) Demek ki bir ev için daha fazla cevher **art+tır+ma+mız gerekiyor**. (VÖ MAAK I, 20) «Значит, для того чтобы

(получить) дом, нам надо еще больше наращивать драгоценный камень» (в приведенных примерах субстантивно-адъективные формы глагола выражают опредмеченное действие).

Субстантивно-адъективные формы глагола в функции нераспространенного подлежащего. Распространенный субъект, вводимый субстантивно-адъективной формой (-DİK или (y)AcAK): 1) ...kulaktan kulağa Selim Paşa'nın İstanbul'un en korkunç, en zalim siması ol+duğ+u / söyleniyor. (HE SB, 1989, 130) «...из уст в уста передают, что Селим Паша — самая страшная, самая жестокая личность в Стамбуле»; 2) (Görüldüğüne göre) nedamet getir+eceğ+in de / yok. (Orhan Pamuk. Kar. 106) «Судя по всему, ты не собираешься раскаиваться»; 3) (Türkiye'ye kuvvetli bir seriatçı iktidarı yerleşirse) kızkardeşinin başını örtmeden sokağa bile çık+ama+uacağ+ı da / geldi aklına. (OP K) «Он подумал о том, что если в Турции установится крепкая шариатская власть, то его сестра даже на улице не сможет выходить с непокрытой головой»; 4) Kışkandığ+ı belliydi. (AN ADS, 17) «Было ясно, что он завидовал»; 5) Hiçbir beklediğ+i, umduğ+u yoktu. (AN ADS, 38) «Он ничего не ждал, ни на что не надеялся»; 6) Bu kez gördük+ler+im öyle canlı, öyle gerçek, öyle berraktı ki... (EŞ A, 47) «Все, что я увидел в этот раз, было таким явным, настоящим, ясным...» (в приведенных примерах субстантивно-адъективные формы глагола выражают опредмеченное действие).

Модель притяжательных конструкций с сафами в функции распространенного подлежащего: 1) Amma benim, hangi yollardan gideceğ+im, ne zaman, nerede duracağ+ım hiç belli olmaz. (AN ADS, 16) «А вот по каким дорогам я поеду, когда и где остановлюсь, никогда не бывает известно»; 2) Okuduğunuz masallarla öykülerde de aslanın, hayvanların kralı olduğ+u anlatılır. (AN ADS, 57) «И в сказках, и в рассказах, которые вы читаете, вам сообщается, что царем зверей является лев»; 3) Ayyaşların ne zaman ne uрасаğ+ı belli olamazdı. (EŞ A, 42) «Нельзя было знать, когда и что натворят пьяницы»; 4) Gündüzleri havanın biraz kızardığ+ı da olur. (AN ADS, 113) «Иногда днем воздух слегка окрашивается в красный цвет»; 5) Bağdat'ın takdire şayan bir şehir olduğ+u su götürmez. (EŞ A, 74) «Нет ни малейшего сомнения в том, что Багдад является городом, достойным похвалы».

Пример высказываний с распространенными субъектом и предикатом: 1) Bu konutun en alt katı, çok az güneş alan bir evdi. (AN ADS, 7) «Самый нижний этаж этого дома был частью дома, получавшей меньше всего света»; 2) Bu evin yarısı, yerden aşağıdaydı, toprağa gömülüydü. (AN ADS, 7) «Половина этого дома находилась ниже уровня земли, была погружена в землю»; 3) Tabii bu sadece benim kişisel görüşüm. (EŞ A, 68) «Разумеется, это всего лишь мое личное мнение».

Предикатив в функции предиката: 1) Rabia: "Tanrım, sen günahımı affet. Başımda örtü yok. Vehbi Dedéden kaçtığım yok, çünkü o derviş. Şehzadelerden kaçılmazmış, fakat bu herif, üstü de bir gâvur", diyordu. (HE SB, 185) «Рабия говорила про себя: "Боже мой, прости мне мой грех, на моей голове нет платка. Вехби Деде мне незачем избегать, потому что он дервиш. Принцев не избегают, но этот — (чужой) человек, к тому же неверный"»; 2) Partinin kaybolduğuna şüphe yok+tu. (RNG YD, 17) «Не было сомнений, что партия была проиграна».

Словосочетание или служебная конструкция с послелогом в функции сказуемого: 1) Delik yamaç+ta+ydı. (VÖ MAAK I, 8) «Отверстие находилось на склоне»; 2) Dikkat! Sadece kirli bardak için+dir. (Надпись в столовой) «Внимание! (Стол предназначен) только для грязных чашек».

Субъект — предикат I + показатель отрицания, противительный союз + предикат II (смысл типа «Это не кошка, а мышь»): 1) Akıl yaşta değil baştadır. (Посл.) «Ум не в возрасте, а в голове»; 2) Hayır saygıdeğer efendimiz, ben değil ama marka yönetiyor. (VÖ MAKA2, 30) «Нет, высокоуважаемый наш господин, не я, а марка [денежная единица] управляет (дворцом)».

Модели с деепричастиями в функции предиката, вводящие разнобразные обстоятельства. Весьма употребительно использование предикативных конструкций в высказываниях, функции предиката или сказуемого в которых выполняют деепричастные формы или финитные формы с обстоятельственными значениями.

С предикатом, имеющим аналитический показатель iken «когда»: Ben dışarısı aydınlık+ken (< aydınlık iken) bu karanlıkta kalamam. (AN ADS, 9) «Я не могу оставаться в этой тьме, в то время как снаружи светло».

С глагольной формой -(A)r ... -mAz (значение «как только, когда»): Beyaz kapı açıl+ır açıl+maz aynı anda siyah kapı da kolayca açıldı. (VÖ MAAK I, 10) «Как только открылась белая дверь, в тот же момент легко открылась и черная дверь».

С деепричастием -(y)Inca «когда», «по мере того как»: Beyaz kapı kendisini tutan olma+ıynca kendiliğinden kapandı. О kapandı+ır kapandı+maz siyah kapı da kapandı. (VÖ MAAK I, 10) «Белая дверь, как только перестали ее держать, сама по себе закрылась. Как только она закрылась, черная дверь тоже закрылась».

С деепричастием -Dikça «когда», «по мере того как»: Mehmet önceleri üşüyordu. Ama kardan adam yapmak için çalış+tıkça kızıştı, ısındı, terledi bile... (AN ADS, 87) «Мехмеду сначала было холодно. Но по мере увлечения работой над сооружением снежной бабы он разогрелся, ему стало тепло, он даже вспотел».

С деепричастием *-тадан önce* «прежде чем»: (Çocuk karıуı) *Aç+madan önce*, *mor karıуya dayanan arkadaşlarına seslendi...* (VÖ МААК1, 10) «Прежде чем открыть, он прокричал товарищам, которые держали фиолетовую дверь...».

С деепричастием *-(у)All* «с тех пор как»: *Ve çocuk ülkesi, çocuk ülkesi olalı, böyle bir şey görülmemişti.* (VÖ МААК2, 31) «И с тех пор как страна детей стала страной детей, ничего подобного не наблюдалось».

Вывод. Приведенный материал показывает, что все разнообразные предикативные конструкции являются производными от простейшей предикативной конструкции «субъект — предикат». Ее усложнение производится двумя путями: 1) лексической и морфологической (посредством словоформ) заменой компонентов; 2) распространением компонентов.

Анализ материала, который, разумеется, может быть представлен более обширно, позволяет констатировать полное соответствие языковых синтаксических предикативных форм (моделей) речевым конструкциям.

3. АТРИБУТИВНЫЕ МОДЕЛИ

(ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ, ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ)

Представляется целесообразным дать определение каждой разновидности атрибутивных синтаксических форм/моделей — *определятельных, дополнительных, обстоятельственных* — и их компонентам.

3.1. Определительные модели

Определительная синтаксическая модель — форма, в которой отражена и обобщена связь предмета или действия с приписываемым ему или констатируемым у него признаком. Формирующаяся в языковой системе путем отвлечения от разнообразных конкретных определительных конструкций в речи типа *kara bulut* «черная туча», *çabuk koşmak* «быстро бежать», эта форма может быть предварительно представлена в виде единства двух ее компонентов — абстрактных образов: *определение* (признак) + *определяемое* (обладатель признака).

Определяемое — это тот из двух находящихся в определительном отношении компонентов конструкции, который является главным, господствующим; он называет обладателя признака, т. е. предмет или действие, которому принадлежит или приписывается признак, выражаемый компонентом-определением.

Определение — такой из двух находящихся в атрибутивных отношениях компонентов конструкции, который является подчиненным,

зависимым и называет тот признак, которым обладает предмет или действие, выражаемые главным компонентом синтаксической формы.

3.1.1. Реализация определительной модели

а) Прилагательные в функции определения

Функционирование в качестве определений — основная специализация прилагательных. Как будет показано, в этой функции способны функционировать также многие субстантивные и глагольно-именные формы.

Поскольку в турецком языке большинство прилагательных способно, не меняя формы, выступать как в функции присубстантивного, так и приглагольного определения, можно полагать, что турецкое прилагательное индифферентно к принадлежности признака предмету или действию, процессу.

Присубстантивное определение: 1) *Sessiz bir dere* (HE SB, 23) «тихое ущелье»; 2) *Ufak tefek bir genç kadın...* (HE, SB, 32) «Крохотная молоденькая женщина...»; 3) *güzel hava* «хорошая погода»; 4) *yüksek bina* «высокое здание»; 5) *uzun sokak* «длинная улица».

Приглагольное определение: 1) *Akşama doğru pencerenin kenarında yorgun, durgun oturdu.* (EŞ A, 67) «Под вечер она усталая, разбитая села на краю окна»; 2) *Big çocuk sarı kapıyı açık tuttu.* (VÖ MAAK I, 10) «Один мальчик держал желтую дверь открытой»; 3) *Rüzgâr gittikçe daha hızlı esiyordu.* (VÖ MAAK I, 22) «Ветер постепенно усиливался»; 4) *Çocuklar acele sudan çıktılar.* (VÖ MAAK I, 22) «Мальчики быстро выскочили из воды».

б) Существительные в функции определения

Имеются также существительные, способные функционировать как определения. Примеры некоторых употребительных словосочетаний, в которых существительные ничем не отличаются от прилагательных: *akraba diller* (NH YGŞK, 357) «родственные языки»; *alt dudak* (NH YGŞK, 357) «нижняя губа»; *ana neden* (EchG SA, 216) «главная причина»; *arka plan* (MCA A, 143) «задний план»; *civar köyler* «окрестные деревни»;³⁵ *dev maymun* «огромная обезьяна»; *dış ülkeler* «зарубежные страны»; *esas yapı* «основная структура»; *Güney Afrika* «Южная Африка»; *iç savaş* (NH YGŞK, 370) «гражданская война»; *içeri oda* (NH YGŞK, 475) «комната во внутренней части (дома)»; *karşı yol* (NH YGŞK, 494) «встречный путь»;

³⁵ Примеры без адресов получены от информантов.

komşu bahçe «соседний сад»; orta yerde «посередине»; ön taraf «лицевая сторона»; temel dersler «основные уроки»; yukarı sahanlık (NH YGŞK, 483) «верхняя площадка лестницы»; üst kat «верхний этаж»; son kat «последний этаж»; yan sokak «боковая улица» и др.

в) Причастия в функции определения

Форма с морфемой -(y)An: 1) Artan cevher büyüdü. (VÖ MAAKI, 22) «Увеличивающийся камень стал еще больше»; 2) Her eklenen cevherle daha büyük tek bir top oldu. (VÖ MAAKI, 22) «С каждым добавляемым камнем шар стал цельным камнем еще большего размера»; 3) Pembe elbiseli çocuk (VÖ MAAKI, 121) «Мальчик в голубой одежде»; 4) İşte, eşeklerden başka taşıt ve binek olmayan o eski zamanda, bir ülkede ünlü bir eşek eğitmeni vardı... (AN ADS, 31) «И вот, в те старые времена, когда кроме ослов не было иных средств для транспортировки и поездов...»; 5) O gün okula gitmeyen Mehmet evde tek başına kalmıştı. (AN ADS, 85) «Мехмед, который в тот день не пошел в школу, остался дома один».

Причастие с морфемой -miş представляет в образе признака не действие, называемое основой глагола, а результат этого действия (как если бы по-русски было сказано *автомобиль, выкрашенный в черный цвет* или *прибывший поезд*); это дает основание сомневаться в правоте утверждения, что данная форма «выражает прошедшее время».³⁶ Эта форма является продуктивной и производительной. В составе ее значения также имеется сема агентивности (uykuya dal+miş çocuk «уснувший ребенок»): 1) Bütün gece, büyük çınarın altında kollarını açarak sabırsızca **bekle+yen** Atmaca'yı ve dudaklarının kenarında geniş bir sevinç, soluk yanaklarında **görül+me+miş** bir pembelikle ona doğru **koş+an** değirmencinin kızını gördüm. (SA BÖ I, 20) «Всю ночь мне снились Атаджа, который с распростертыми объятьями нетерпеливо ждал под большой чинарой, и дочь мельника, которая бежала к нему с широкой улыбкой на губах, с **невиданным** пламенем на бледных щеках»; 2) Petrol lambasının sarı ışığında havayı **bürü+müş** bir sigara dumanı tabakası gördü. (HE SB, 19) «В желтом свете керосиновой лампы она увидела слой дыма от сигарет, покрывший весь воздух»; 3) taş **kesil+miş** yürekleri (EŞ A, 54) «окаменевшие сердца» (воинов Чингисхана).

Причастие с морфемой -(A)r/-mAz означает действие, представляемое как постоянный, обычный признак предмета (**yan+ar** dağ «вулкан (гора, способная полыхать)»; **çal+ar** saat «будильник (часы, способные

³⁶ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. С. 472. § 962.

звенеть): 1) Saza, söze düşkün, başına bir sürü dalkavuk **topla+r**, dalkavuklardan **çağabuk bik+ar**, bir dalda **dur+ma+yan** bir kadın! (HE SB, 24) «[Это была] женщина, которая любила вечера с музыкой, собирала у себя целую толпу прихлебательниц, очень быстро начинала тяготиться ими, была неусидчивой»; 2) Dede kendi halinde, **az söyle+r** ve çok perhizkâr bir şekilde **yaşa+r** bir adam olduğu için, onunla pek sık konuşamazdı. (HE SB, 26) «Поскольку дервиш был человеком, который жил независимо, вел немногословный и строго умеренный образ жизни, она много могла общаться с ним очень часто»; 3) tahammül **edil+mez** bir acı (SA BÖ I, 23) «невыносимая боль».

3.1.2. Собственно тюркские определительные модели

а) Неафигурованные сафы в функции определения

Особенностью функционирования сафов в атрибутивной функции является отмеченное выше отсутствие у них агентивного значения (значения производителя); агентивное отношение предмета и действия, не будучи выраженным, передается в качестве одного из возможных смыслов: 1) Şimdi artık **ekleyecek ne bir virgül kaldı, ne bir nokta**. (EŞ A, 63) «Теперь уже нельзя было добавить ни запятой, ни точки» (букв. «не осталось ни запятой, ни точки, которые можно бы было добавить»); 2) **Benim yalnızlığımı anlayacak bir Allah**. (OP K, 100) «Мое одиночество может оценить только Аллах».

б) Афигурованные сафы в функции определения

Для огузской подгруппы тюркских языков характерно использование сафов в функции определения в форме принадлежности, т. е. реализация модели «афигурованный саф в функции определения — существительное-определяемое»: 1) "**Gör+düğ+üm düş gerçek olsaydı!**" diye içinden geçirdi. (AN ADS, 94) «Если бы сон, который я видел, был реальностью», — подумал он про себя»; 2) "**Sev+diğ+in bir kişiyi kayb etmişsin**" dedim. (EŞ A, 54) «"Ты потерял человека, которого ты любил", — сказал я»; 3) **Anlat+acağ+ımız olayın geçtiği gün**, o akşam saatinde, anne de, baba da daha işlerinden dönmemişlerdi. (AN ADS, 7) «В тот день, когда произошло событие, о котором мы собираемся рассказать, и в тот вечерний час ни мать, ни отец еще не вернулись с работы»; 4) **Hiç ummadığım bir anda, beklemediğin bir yerden çıkiverir aşk karşına**. (EŞ A, 83) «В момент, когда ты ее совсем не ждешь, и с неожиданной для тебя стороны вдруг предстает перед тобой любовь».

в) Модель определительной конструкции
с предикативным определением³⁷

Речь идет о предельно упрощенных и, возможно, воспринимаемых коммуникантами как архичные распространенных определительных конструкциях со структурой «субъект — предикат (в функции определения) + определяемое», например, *agra yetişen tarla* «поле, на котором растет ячмень»: 1) *Kuş uçmaz, kervan geçmez bir yerlerdeyim*. (Из текста эстрадной песни) «Я в таких местах, где птицы не летают, караваны не проходят»; 2) *Kaz gelen yerden tavuk esirgenmez*. (Посл.) «Не жалеют кур там, где разводятся гуси» (*Kaz gelen yer* букв.: «место, из которого поступают гуси»).

г) Модель определительной конструкции
с показателем притяжательной связи

Своеобразие этой модели состоит в том, что ее распространенное определение имеет предикативную или дополнительную структуру. Его субъект или дополнение снабжены морфемой принадлежности 3-го лица *-(s)I*: 1) *Karı+sı açık oda*. «Комната, дверь которой открыта»; 2) *Karı+sın+ı açtığım oda*. «Комната, дверь которой я открываю» (приведены хрестоматийные примеры). Как показывают примеры, в функции предиката чаще всего употребляется существительное: 1) *Esel+i gelen köpek, sami duvarına siyer*. (Посл.) «Собака, которой приходит конец, гадит на стену мечети»; 2) *Üzer+in+e yıldırım düşen İsa heykeli restore ediliyor*. (Из газеты) «Реставрируется статуя Исы, в которую ударила молния»; 3) «*Çivi+si Çıkmış Dünya*» adlı eserinde Amin Maalouf, *karamsar bir tablo çiziyor dünya için*. (Информант) «В своем произведении, озаглавленном «Мир, у которого выскочил гвоздь», Амир Маалуф рисует мрачную картину мира».

д) Модели субстантивных определительных конструкций (изафет)³⁸

Одной из отличительных особенностей турецкого синтаксиса, как и синтаксиса других тюркских языков, является чрезвычайно высокая степень использования определительных конструкций, состоящих из

³⁷ См. также: *Сіопіньскі J. Remarques sur les constructions syntaxiques du type bül-bül öten yer et leur réalisation dans la langue turque // Folia Orientalia. T. X. Kraków, 1969. P. 59–63.*

³⁸ *Майзель С. С. Изафет в турецком языке / ред., предисл. и прим. А. Н. Кононова. М.; Л., 1957.*

имен существительных. Конструкции, в которых в функции и определения выступают существительные, именуется *изафетом* (араб. *izafet* «добавление, дополнение»). Автор монографии об *изафете* С. С. Майзель сам трактовал понятие «*изафет*» следующими словами: «Итак, *изафет* является сочетанием двух существительных. Но такое определение далеко недостаточно. Для образования *изафета* из двух существительных... необходимо, чтобы одно из них было определением к другому как к своему определяемому и одновременно дополнением к нему как к своему дополняемому».³⁹

Изафет I

Изафет I — это форма (безаффиксного) *изафета*, представляющая собой сочетание двух неаффиговых существительных; от значения первого из них (определения) отвлекается относительный признак, например, материал, из которого состоит предмет, называемый вторым существительным (определяемым), его форма, пространственное положение и пр. Оба компонента соотношены посредством приращения. Определение называется:

а) *материал, из которого состоит предмет*, называемый определяемым (fötr şarka «фетровая шляпа», taş köprü «каменный мост», tahta masa «деревянный стол» и т. д.): Cam duvarda büyük bir cam kapı... (VÖ MAAK1, 24) «Большая стеклянная дверь в стене из стекла...»;

б) *профессию или социальное положение лица*, называемого определяемым: palçası Hasan «Набойщик Хасан», mimar Sinan «архитектор Синан», doktor Бууур «доктор Эйюб»... (Информанты);

в) *пол животного существа* (erkek sincap «белка-самец»; dişi aslan «львица, самка льва», erkek kedi «кот», kız amele «девушка-рабочая», kız kardeş «сестра», erkek çocuk «мальчик»):⁴⁰ ...kız hafız Kur'an okuyacak (HE SB, 1989, 33) «...девушка-хафиз будет читать Коран».

г) *качественную характеристику предмета*:⁴¹ 1) oyuncak kayık (HB ABB 2007, 8) «игрушечная лодка»; 2) ...kolunda kalın zincir bilezikler (MCA A, 7) «на ее руках были толстые браслеты в виде цепочки».

Некоторые специалисты склонны трактовать компонент-определение как прилагательное. Однако существуют способы доказательства субстантивной природы первого компонента. Так, воспользовавшись формой исходного падежа определения (taş köprü ~ taş+tan köprü

³⁹ Там же. С. 11.

⁴⁰ Майзель С. С. *Изафет* в турецком языке. С. 44–50.

⁴¹ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 410. § 807.

«каменный мост, мост из камня»; *cam duvar* ~ *cam+dan duvar* «стеклянная стена»; *mermer merdiven* ~ *mermerden merdiven* («мраморная лестница, лестница из мрамора»), исследователь получает довольно надежное доказательство того, что в таких словосочетаниях функция определения не меняет частеречную природу слова, выполняющего эту функцию. Кроме того, субстантивный характер компонентов-определений не позволяет использовать их в функции предиката или сказуемого для выражения материала, из которого состоит предмет, т. е. нельзя сказать: **köprü taş(tır)*, **merdiven mermer(dir)*.

Изафет II

Изафет II — это форма, являющаяся определительным сочетанием двух существительных с аффиксом принадлежности 3-го лица у определяемого. Она выступает средством выражения («релятивный, одноаффиксный изафет»),⁴² которое служит для передачи широчайшего спектра относительных признаков, отвлекаемых от значения компонента-определения: *kadın şarkası* «женская шляпа»; *ayak sesi* «звук шагов»; *uyku ilâcı* «средство для сна, снотворное»; *arka kaşağısı* (HE SB, 1989, 29) «скребок для почесывания спины» и т. д. Заметим, что, по мнению С. Н. Иванова, которое он неоднократно высказывал в студенческой аудитории, именно *изафетные конструкции освобождают турецкие языки от структурной потребности в относительных прилагательных*. Диапазон смыслового использования изафета II столь широк и настолько далек от притяжательных отношений, что его показатель можно перестать признавать аффиксом принадлежности.

Примеры: 1) *Annem, "Ne olacak, toprak insanı topraktan, deniz insanı da sudan yaratılır. Topraktan olanlar toprağa dönerler, sudan olanlar akıp denize karışırlar"* derdi. (НВ АВВ 2007, 7) «Что ж поделаешь, **земной человек** создается землей, **человек моря** — водой. Те, кто (явился) из земли, возвращаются в землю, те, кто — из воды, сливаются с морем»; 2) *Yer altı çarşısı*. (Стамбул, Аксарай, надпись у входа в рынок) «Торговые ларьки в подземном переходе»; 3) *Ellerinin arasında pırıl pırıl parlayan, portakal büyüklüğünde, top gibi bir cevher duruyordu.* (VÖ МААКИ, 19) «В его руках находился похожий на мяч ярко сияющий драгоценный камень **величиной с апельсин**»; 4) *O bodrum kat+ın+da+ki evde üç kişilik bir aile otururdu.* (AN ADS, 7) «В том жилище, **находившемся в подвальном этаже**, проживала трехчленная семья».

⁴² Майзель С. С. Изафет в турецком языке. С. 30.

Аффикс, которым снабжается компонент-определяемое в изафете II, С. С. Майзель предпочитает называть не притяжательным, а релятивным. «Этот аффикс выражает отношение в самом широком смысле этого слова».⁴³ Представляется, правильнее полагать, что этот аффикс выполняет формально-грамматическую функцию, т. е. функцию формального признака изафета II, и его притяжательное значение вполне пригодно для передачи самых разнообразных связей в качестве смыслов. Подобное использование притяжательного значения «не по назначению», т. е. далекого от принадлежности *смысла*, наблюдается во многих языках мира (ср. русские словосочетания типа «мой или наш город», «мы гордимся нашей школой», «наши враги» и т. п.).

О том, что, употребляя изафетную конструкцию, коммуникант выражает отношения между *предметами*, свидетельствует следующий факт: если словосочетание *zengin ev*, в котором определение называется признаком, выражает смысл «богатый дом», то конструкция изафет II *zengin evi*, где слово *zengin* называет предмет «богач», передает смысл «дом богача или богачей». Подобные факты позволяют полагать, что в изафетные конструкции вступают не только существительные, но и любые слова, представляющие в речи предметы. Ср. также: *altın sarısı (AN ADS, 112)* «золотисто-желтый цвет»; *Altın sarısı saçları (AN ADS, 113)* «Ее волосы золотисто-желтого цвета».

Изафет II как средство построения протяженных цепочек. Любой из компонентов изафетной конструкции сам может представлять изафетные цепочки. В результате в речи возникают определительные сочетания необходимой говорящему протяженности: 1) *Bir mahalle imamı torunu (HE SB, 1989, 186)* «Внучка квартального имама»; 2) *...altın sarısı saçları (AN ADS, 113)* «волосы золотисто-желтого цвета»; 3) *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Türk Dili ve Edebiyatı Bölümü. «Кафедра турецкого языка и литературы Лингвистического и историко-географического факультета Анкарского университета».*

Модель с определением, вводимым масдаром -тАк: *Uğraş, didin, düşün, ara, bul, koş, atıl, bağır; // Durmak zamanı geçti, çalışmak zamandır. (Tevfik Fikret. Ferdâ)* «Трудись, старайся, думай, ищи, находи, беги, бросайся, кричи; // Прошло время сидеть (без дела), пришло время трудиться» (Тевфик Фикрет «Завтра»).

Модель söylemek arzusunda... olmak («я хочу сказать» и т. п.): 1) *Bütün ilmimi, bildiğim öğrendiğim her şeyi... tek bir kişiye vermek arzusundaymım. (EŞ A, 63)* «Я хочу отдать все свои знания, всё, что я узнал, всё... одному единственному человеку»; 2) *Kimisi güvence*

⁴³ Там же. С. 16.

arıyordu. Kimisi de, merak ettiği yerlere **gidebilmek isteğindeydi**. (AN ADS, 22) «Одни предпочитали надежность, другие **горели желанием отправиться** в те места, которые вызывали у них интерес»; 3) Ne bir müřit ne bir mürit **bulmak peşindeyim**. (EŞ A, 63) «Я не стремлюсь найти ни учителя (в вере), ни ученика»; 4) Kentin belli durakları arasında **yaşamak zorundayım**. (AN ADS, 20) «Я вынужден жить между определенными остановками между городами»; 5) Ben de tariflere uygun **uçmak zorundayım...** (AN ADS, 22) «Я тоже вынужден летать по расписанию»; 6) Bazı kimseler hiç okumayı sevmez, mümkün olduğu kadar erken para kazanmağa **başlamak niyetindedir**. (Информант) «Некоторые люди совсем не любят учиться, они намерены как можно раньше начать зарабатывать деньги».

Определение, вводимое масдаром -mA: 1) Gün boyunca tanık olduğu yoksulluk ve şiddetten yorgundu ama İpek'in sevgisiyle yepyeni bir hayata **başla+yabil+me umudu** kıpırdanıyordu içinde. (OP K, 69) «Он чувствовал себя уставшим от нищеты и применения грубой силы, свидетелем чего он был в течение всего дня, но в нем жила надежда, что вместе с любовью Ипек может начаться совершенно новая жизнь»; 2) "Ama ben farklı bir şey aramıyorum ki. Hakk'ı arıyorum sadece" dedim. "Benim seferim, Rabb'i **bul+ma seferidir**". (EŞ A, 50) «Но я ведь ничего особенно и не ищу. Я ищу только Господа. Мой поход — поход в поисках Господа»; 3) Hayatına karşı hazırlanan tertipler, onu memleket dışına **çık+ma zorunda** bıraktı. (SS Rg, 160) «Мероприятия, предпринимаемые против его жизни, привели его к необходимости выехать за пределы страны».

Масдар -mAk/-mAsI ihtimali var/yok⁴⁴ («вероятность того, что...»): 1) Peregrini'nin hatta on beş yıllık İstanbul hayatına rağmen, Rabi'a'nın içindeki günah korkusunu **anlaması ihtimali** yoktu. (HE SB, 185) «Даже несмотря на пятнадцатилетнюю жизнь Перегрини в Стамбуле, не было вероятности того, чтобы он мог понять (появившийся) у Рабии страх (совершить) грех»; 2) Bu yüzden, seçimi kaplanın **kazanması olasılığı** büyüktü. (AN ADS, 58) «Поэтому вероятность того, что выборы выиграет тигр, была большой»; 3) Bu yüzden çıkan anlaşmazlık, ortaklığın **bozulması sonucunu** verdi. (SS Rg, 162) «Возникший по этой причине раздор имел следствием нарушение сотрудничества».

Модель -diği/-(y)AcAğI haberi («весть о том, что...»). Эта синтаксическая форма является средством раскрытия содержания того понятия, которое называется определяемым. Вполне допустимо, что она представляет собой модель изафета II, и при этом сафы в функции определения представляют действие или событие в образе предмета:

⁴⁴ Там же. С. 159-162.

1) Bu kurultayda, nasıl bir umar bulacakları konu+sun+da, aralarında konuşup görüştüler, tartıştılar. (AN ADS, 24) «На этом курултае они разговаривали, обменивались шутками, спорили на тему о том, какой выход они найдут»; 2) ...Lacivert İstanbulda'ki bütün gazetelere mektuplar yollayıp sunucu aynı programda tövbe edip özür dilemezse onu öldüreceği tehdit+in+i savırmıştı. (OP K, 72) «...Ладживерт, разослав письма во все стамбульские газеты, высказал угрозу, что если актер в той же программе не покается и не извинится, то он (Ладживерт) его убьет».⁴⁵

Финитная форма в функции определения в изафете II. Речь идет о довольно редко наблюдаемом явлении, которое, тем не менее, свидетельствует о высокой употребительности изафета II в турецкой речи: Sarı mısır püsküllerinin ateşte büzülüp yanması, mavi boncukların beyaz bezden ayrılması, ona gerçekten bir çocuk yanıyormuş hissini verdi. (HE SB, 129) «То, как желтые кукурузные волокна, съезжаясь, горели в огне, а голубые бусинки отделялись от белой ткани, создавало у нее впечатление, что в самом деле в огне горел ребенок».

*Служебная модель -tak amacıyla/şartıyla и др.*⁴⁶ 1) Buraya kavga çıkarmak amacıyla gelmiş. (Информант) «Он прибыл сюда с целью устроить ссору»; 2) Tedavi olmak maksadıyla ABD'ye gitti. (Информант) «Он уехал в США, чтобы лечиться»; 3) Kadınlar Tepebaşı'na kadar pek az konuştular. Orada, Tamara abla, Murat'a seslendi: "Bizi nereye davet ediyorsun delikanlı?" "Şampanya istememeniz şartıyla... Neresini emrederseniz..." (KT HŞİ-II, 124) «До самой вершины Тепебаши женщины разговаривали очень мало. А там Тамара обратилась к Мурату: "Ты куда нас приглашаешь, парень?" — "Куда хотите, при условии, что вы не будете требовать шампанского"».

Изафет III

Изафет III — это модели, которые реализуются в речи как конструкции, представляющие собой определительное именное сочетание с существительным или местоимением в функции определения в родительном падеже и с существительным-определяемым, наделенным аффиксом принадлежности одного из трех лиц («посессивный, двухаффиксный изафет»).⁴⁷ Эти конструкции служат средством выражения связи между предметами, которую говорящий считает притяжательной,

⁴⁵ Ср. также: Айяллов Ш. С. Развернутые члены предложения в современном турецком языке. М., 1974. С. 139–140.

⁴⁶ Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. СПб., 2006. С. 191.

⁴⁷ Майзель С. С. Изафет в турецком языке. С. 24.

и, следовательно, как можно полагать, имеют грамматическое значение «владелец + предмет обладания» (kadın+ın şarka+sı «шляпка женщины»; ilm+in fayda+sı «польза науки»; aşk+ın kuvvet+i «сила любви»).⁴⁸

Примеры: 1) Çocuk+lar+ın baş+ı (VÖ МААК I, 9) «Предводитель детей»; 2) Kuyu+nun dib+in+de ışık+ın kaynağ+ın+ı gördüler. (VÖ МААК I, 10) «На дне колодца они увидели источник света»; 3) Yıl+ın son gün+ü+ydü. (AN ADS, 85) «Был последний день года»; 4) ...dünya+nın her yerindeki koyun sürü+ler+i (Информант) «...стада овец, имеющиеся на всем земном шаре».

Трудно переоценить ту роль и ту интенсивность употребительности, которую играют в тюркской речи субстантивная конструкция изафета III и родственная ей аналогичная местоименно-субстантивная конструкция. В последней функцию определения выполняет словоформа личного местоимения в родительном падеже, а определяемое снабжено аффиксом принадлежности того же лица, что и определение (benim saatim «мои часы»; sizin eviniz «ваш дом» и т. п.). Эта последняя разновидность моделей, как представляется, вполне может именоваться местоименным или прономенализованным изафетом III.

О коммуникативных особенностях изафета III. В турецком языке имеются по меньшей мере три грамматических средства, образующих рамочные конструкции: 1) синтаксическая категория изафет III, 2) именная и 3) глагольная морфологические категории сказуемости. Первая по своей коммуникативной принадлежности, по сути дела, представляет собой категорию, передающую связи притяжательного типа, вторая и третья — категории, выражающие связи, ассоциируемые с отношениями субъекта и предиката логического суждения. В связи с этим следует согласиться с В. Г. Адмони, считавшим, что «рамочное построение» является «очень важным средством выявления структурной целостности элементарного предложения». ⁴⁹ Необходимо подчеркнуть, что коммуникативная предназначенность первой модели — передавать такие разнообразные связи между предметами, участниками ситуации, которые говорящий субъективно воспринимает как притяжательные (типа benim ailem «моя семья»; çocuğun oyuncakları «игрушки детей»; bizim okulumuz «наша школа»; düşmanım «мой враг» и т. п.). Как было отмечено, функции передачи разнообразных предметных связей выполняют не только конструкции изафет III, но и родственные с ним притяжательные конструкции, в формировании которых также участвует категория принадлежности.

⁴⁸ Там же. С. 24–30.

⁴⁹ Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988. С. 168.

Важно подчеркнуть способность этих конструкций распространяться в необходимой коммуниканту степени: *bizim üstünde ayaktori oynamaui sevdiğimiz alan* «площадка, на которой мы любим играть в футбол» и т. п.

Особенно большую роль в турецкой речи играет та разновидность изафета III, которая вполне могла бы именоваться *глагольно-именным изафетом* («масдарный изафет», по терминологии С. С. Майзеля).⁵⁰ Речь идет об изафетных и местоименно-изафетных конструкциях, в качестве любого из двух компонентов которых выступают словоформы глагольных имен (масдаров и субстантивно-адъективных форм); они сами могут функционировать в качестве любого компонента высказывания и, естественно, передают эту способность *глагольно-именному изафету*. Иными словами, такие конструкции выполняют те же синтаксические функции, что и масдары и сафы, употребляемые самостоятельно. Как было показано выше, конструкции изафет III способны вводить распространенные субстантивные компоненты высказываний.

Пример назывного высказывания, которое может быть представлено как последовательно распространяемый изафет III.⁵¹ *Beş yıldan beri okuduğum alti katlı orta okulun / geçen sene onarılmış yeni güzel binası* («Отремонтированное в прошлом году новое красивое здание / шестизэтажной средней школы, в которой я учусь вот уже пять лет»). Оно легко разлагается на следующие компоненты, которые начинаются с простейшей конструкции и следуют друг за другом по мере усложнения: *okulun / binası* («здание / школы») > *orta okulun / yeni binası* («новое здание / средней школы») > *alti katlı orta okulun / geçen sene onarılmış yeni binası* («отремонтированное в прошлом году новое здание / шестизэтажной средней школы») > *okuduğum alti katlı orta okulun / geçen sene onarılmış yeni güzel binası* («отремонтированное в прошлом году новое красивое здание / шестизэтажной средней школы, в которой я учусь») > *Beş yıldan beri okuduğum alti katlı orta okulun / geçen sene onarılmış yeni güzel binası*. («Отремонтированное в прошлом году новое красивое здание / шестизэтажной средней школы, в которой я учусь вот уже пять лет»).

Имея дело со зрелым турецким текстом, читатель непременно вынужден вычленять распространенные компоненты в виде конструкций изафет III.

⁵⁰ Майзель С. С. Изафет в турецком языке. С. 147–172.

⁵¹ В турецком тексте определение во всех случаях предшествует определяемому, в русском переводе определение располагается как перед определяемым, так и после него («школа, в которой я учусь»).

В этом отношении весьма полезным представляется следующий пример из современной прозы: Dolmuş Dolmabahçe Sarayı'nın önünden geçerken, "Dünyanın tepeden tırnağa değiştiğine inanıvermesi için insanın," diye düşündü Galip, "kendisinin bir başka biri olduğunu anlayıvermesi demek ki, yetiyormuş". (OP KK, 311-312) «Когда долмуш проезжал мимо Долмabahче, Галип подумал: "Значит, для того чтобы человек вдруг поверил в то, что мир полностью изменился, оказывается достаточно, чтобы он понял, что он сам стал другим человеком"».

Изафет III в синтаксических функциях. Рамочные изафетные конструкции 3-го типа выступают в функции любого распространенного субстантивного компонента высказывания (подлежащего, дополнения...) как цельные образования.

Изафет III в функции подлежащего: 1) Bu çocukların bütün işleri, düşünmekti. (VÖ KA, 20) «Все дело этих ребят заключалось в том, чтобы думать»; 2) Onların serüvenleri toprağın içinde, çok derinlerde başlamıştı. (AN ADS, 37) «Их приключения начались в земле, на очень большой глубине»; 3) Güzelliğine bakanın gözleri kamaşıyor. (AN ADS, 112) «У того, кто любовался ее красотой, глаза слепли»; 4) Dolmuş Dolmabahçe Sarayı'nın önünden geçerken, "Dünyanın tepeden tırnağa değiştiğine inanıvermesi için insanın," diye düşündü Galip, "kendisinin bir başka biri olduğunu anlayıvermesi demek ki, yetiyormuş." (OP KK, 311-312) «Когда долмуш проезжал мимо Долмabahче, Галип подумал: "Значит, для того чтобы человек вдруг поверил в то, что мир полностью изменился, достаточно, чтобы он сам вдруг понял, что стал совсем другим"».

Изафет III в функции прямого дополнения: 1) Koyunlar, gerçek tehlikenin nerden geldiğini, gerçek düşmanın kim olduğunu... anladılar ama işiştен geçmişti. (AN ADS, 30) «Овцы поняли, откуда пришла настоящая опасность, кто их настоящий враг... но было уже поздно»; 2) Ve birden, ışığ+ın iki elinin arasında bir maddeye dönüş+tüğ+ün+ü gördü. (VÖ MAAK, 15) «И вдруг он увидел, что свет в его руках превращается во что-то твердое»; 3) Çocuk, ışığ+ın kendisine başka cevher ver+mi+yeseğ+in+i anladı. (VÖ MAAK I, 15) «Мальчик понял, что свет не даст ему другой драгоценный камень».

Модель «местоимение-определение в родительном падеже — существительное-определяемое (без аффикса принадлежности)». В турецкой речи встречаются конструкции, в которых личные местоимения (чаще всего 1-го или 2-го лица) предстают в форме родительного падежа, а существительные-определяемые не имеют аффикса принадлежности. Такие конструкции употребляются как средства подчеркивания особенно близкой принадлежности предмета обладания называемому

лицу: 1) İşte bizim ev, işte bizim araba. (Информант) «Вот наш дом, вот наша машина»; 2) Sen, senin köyün rumlarını toplarsın. Ben, bizim köyün türklerini toplarım. (AN ADS, 124) «Ты созываешь греков твоей деревни. Я собираю турок нашей деревни».

3.2. Дополнительные (объектные) модели

Дополнительная синтаксическая форма — разновидность атрибутивных синтаксических моделей, которая состоит из двух компонентов — дополняемого и дополнения, служит средством выражения связи какого-либо действия, признака или предмета с каким-либо предметом и, предположительно, обладает значением типа «предмет связан с действием, признаком или предметом».

Допняемое — главный, господствующий компонент модели, т. е. такой, который представляет собой образ действия, признака или предмета, уточняемых говорящим путем указания на их связь с каким-либо предметом. В речи в функции дополняемого чаще всего фигурирует глагол, а также другие знаменательные слова (например, прилагательные), способные выполнять эту функцию.

Дополнение — подчиненный, зависимый компонент модели, обобщенный образ предмета, посредством указания на связь с которым характеризуются действие, признак или предмет, являющийся главным компонентом синтаксической формы. Принято различать прямые и косвенные дополнения.

Прямое дополнение, как правило, сигнализирует о том, что предмет или воспринятое как предмет явление трактуется говорящим как объект прямого, непосредственного воздействия: Kitabı okudum. «Я читал книгу». В функции прямого дополнения может выступать как неаффилированный компонент, так и субстантивная словоформа с аффиксом винительного падежа.

Косвенное дополнение сигнализирует о том, что предмет истолкован говорящим или как объект какого-либо непрямого, опосредованного воздействия (Öğretmene sordum. «Я спросил у преподавателя»), или как вторичный объект (Ben bu kitabı kardeşime aldım. «Я купил эту книгу моему брату»), или как участник иной косвенной связи (yardıma muhtaç «нуждающийся в помощи»).

3.2.1. Реализация типичных объектных моделей в речи

Существительное — прямое дополнение — глагол-допняемое:

1) En öndeki çocuk, siyah kapıya vardı. Kapıyı itti. (VÖ MAAK I, 10) «Мальчик который шел впереди, подошел к черной двери. Толкнул

дверь»; 2) **Bun+u** havada **söyledikten** sonra, cama öyle hızla çarptı ki, çarpmanın etkisiyle pencerenin alt pervazına düştü. (VÖ MAAK I, 10) «**Проговорив** это на лету, он с такой силой ударился в стекло, что свалился на подоконник»; 3) Ben sizin gibi pinekleyeceğime, hiç olmazsa **bir çıkış aramak için** umutla çırpıyorum. (AN ADS, 10) «Вместо того чтобы дремать, как вы, я по крайней мере прилагаю усилия в надежде **отыскать выход**».

Существительное — косвенное дополнение: 1) En öndeki çocuk, siyah **kariya vardı**. (VÖ MAAK I, 10) «Мальчик, который шел впереди, подошел к черной **двери**»; 2) Sonra uçtu, uçtu, yine hızla **cama çarptı**. (AN ADS, 10) «Потом кружила, кружила, снова сильно **ударилась в стекло**»; 3) Anladım, müsaade ederseniz biraz da ben söyleyeyim, dedi. Size olan **hürmetimden, muhabbetimden şüphe etmezsiniz**. (RNG YD, 17) «Я поняла. Если позволите, я тоже скажу несколько слов. **Вы не сомневаетесь в моем уважении, в моей любви**»; 4) Yola koyuldular, **yamasa geldiler**. (VÖ MAAKI, 18) «Они отправились в путь, **дошли до склона**».

Существительные в функции дополнения и дополняемого: 1) **Kayığ**ı seyre öyle dalmıştım ki kayak gelip burnumun üstüne baştan kara etti. (NB ABB 2007, 8) «Я настолько погрузился в созерцание лодки, что лодка подплыла и сначала причалила к моему носу»; 2) **Kelimele**re ihtiyaç vardı. Sadece kocasıyla değil, tüm ailesiyle iletişimin zayıfladığı şu dönemde, Ella kelimelelere hasretti. (EŞ A, 69) «У Эллы была потребность в словах. В этот период, когда ослабили взаимоотношения не только с мужем, но и со всей семьей, Элла тосковала по словам».

Эти примеры можно дополнить употребительными словосочетаниями: **İstikbale inanç** «вера в будущее»; **gençliğe güven** «надежда на молодость»; **bir şeye ihtiyaç** «потребность в чем-либо» (предмет характеризуется путем указания на его связь с другим предметом) и т. п.

Прилагательное в функции дополняемого: 1) Evden **yoksun/mahrum** «лишенный дома» (признак уточняется путем указания на его связь с предметом); 2) Tanıştığımızı **temnunuz**. «Я рад с вами познакомиться» (приведены общеупотребительные словосочетания).

Числительное и местоимение в функции дополнения. Подобные конструкции появляются в речи в тех случаях, когда слово представляет предмет: 1) Bu üçünü **yükadım, arıttım, kitaplığımın rafına yan yana koydum**. (AN ADS, 44) «Эти три предмета я вымыл, почистил, поставил рядком на полку моей библиотеки»; 2) **Kendilerine güzel bir ziyafet çektiler**. (VÖ MAAKI, 20) «Они устроили себе превосходный пир»; 3) Zavallı horozbina bu olağanüstü kargaşa içinde **kendini yitirmişti**. (AN ADS, 38) «Бедная морская собачка в этой страшной суматохе **лишилась разума**»; 4) **Kendini beğenmiş** badem ağacı. (AN ADS, 45) «Возлюбивший

себя миндаль»; 5) Adamın konuşmadan kendilerini seyretmesinden çocuklar tedirgin oldular. (AN ADS, 66) «Детям стало не по себе от того, что человек молча рассматривал их».

3.2.2. Собственно тюркские объектные модели

Масдары -тАК и -тА в функции прямого дополнения: 1) *Ve masalı anlatmayı sürdürdü.* (VÖ MAAK II, 31) «И он продолжал рассказывать сказку»; 2) *Dar sokağın iki geçesinde çok yüksek yapılar, bu bodrumdaki eve güneş ışınlarının girmesini engellerdi.* (AN ADS, 7) «Очень высокие строения по обе стороны узкой улицы препятствовали проникновению солнечных лучей в находящееся в этом подвале жилище»; 3) *Dünya dönmelerini sürdürdü.* (VÖ MAAK I, 30) «Земля продолжала вращаться».

Масдары -тАК и -тА в функции косвенного дополнения (с глаголом başlamak «начинать»): 1) *Topu alıp çimenlerde oyna+ma+ya başladılar.* (VÖ MAAK I, 21) «Взяв мяч, они начали играть на траве»; 2) *Kuşlar, hemen kuş şarkıları söyle+me+ye başladılar...* (VÖ MAAKI, 26) «Птицы тотчас начали петь птичьи песни...»; 3) *Murat, her zamanki gibi üstüste sor+ma+ya başladı.* (AN ADS, 110) «Мурат, как он это делал всегда, начал задавать один вопрос за другим»; 4) *Veysel Hoca da derdini anlatmaya başladı.* (AN ADS, 120) «И Вейсель Ходжа начал рассказывать о своей беде».

Масдары -тАК и -тА в функции дополнения с глаголом bilmek «знать, уметь» (конструкция умения): 1) *Zaman bitürlü geçmek bilmiyordu.* (AN ADS, 38) «Время тянулось бесконечно долго»; 2) *Belki de şiir yazmasını bilmiyorlardı.* (AN ADS, 109) «Может быть, они не умели писать стихи»; 3) *Üstelik aydın da değilsin, ama konuşmasını iyi biliyorsun.* (VÖ MAAK II, 22) «К тому же ты не из тех, кто получил образование, а хорошо умеешь говорить».

Масдар -тАК — дополнение при глаголе istemek («хотеть»). Модель масдар -тАК + istemek, в составе которой прямое дополнение способно получать при употреблении конструкции в речи показатель винительного падежа, как правило, обходится неаффигированным прямым дополнением, что позволяет допускать некоторую степень фразеологизованности и факультативности этой модели.

В связи с этим вызывает интерес пример из повести Сабахаттина Али: пока нет убедительного объяснения, почему в первом случае прямое дополнение (*gitmeyi istiyor*) употреблено в форме винительного падежа, а во втором — без падежного аффикса (*yalnız kalmak istediği*): *Raif Efendi evvelâ hastaneye gitme+yi istiyor. "Orada hiç olmazsa kafamı dinlerim!" diyordu. Yalnız kalmak istediği her halinden belli idi...* (SA KMM, 31)

«Раиф Эфенди сначала хотел лечь в больницу. “Там я хоть отдохну”, — говорил он. По его виду было ясно, что он хочет побыть один».

Примеры: 1) ...çayırlara, dağlara, uzak ovalara **gitmek**, oralarda neler olduğunu **gezip görmek isterim...** (AN ADS, 19) «...я хочу отправиться в луга, горы, далекие долины, побродить и рассмотреть все, что там есть...»; 2) Kamyon, trenin raylarından **gitmek istiyordu**. (AN ADS, 22) «Грузовику хотелось ехать по железнодорожным рельсам»; 3) Vapur, güvenceli bir yaşam için artık karada **gitmek istiyordu**. (AN ADS, 22) «Пароход ради безопасной жизни теперь уже хотел плыть по суше»; 4) “Benim önerim şu: Dilediğimiz gibi **yaşamak istiyorsak**, kendimize içinde dilediğimiz gibi yaşayabileceğimiz bir çocuk ülkesi kuralım”. (VÖ MA-AKİ, 27) «Мое предложение таково: если мы хотим жить так, как мы желаем, давайте организуем себе государство, в котором мы сможем жить так, как хотим».

Масдар — косвенное приглагольное дополнение: 1) Çocuklar bir gün cevher getirmeye **gitmediler**. (VÖ MAAKİ, 27) «Однажды дети не пошли за драгоценным камнем»; 2) Ama soğukta mutfağa gidip karnını doyurmaya **üşeniyordu**. (AN ADS, 86) «Но ему было лень в такой холод пойти на кухню и наестся»; 3) Toru alıp çimenlerde **oyna+ma+ya başladılar**. (VÖ MAAK I, 21) «Взяв мяч, они начали играть на траве»; 4) Kuşlar, hemen kuş şarkıları **söyle+me+ye başladılar...** (VÖ MAAKİ, 26) «Птицы тотчас начали петь птичьи песни...»; 5) Murat, her zamanki gibi üstüste **sor+ma+ya başladı**. (AN ADS, 110) «Мурат, как он это делал всегда, начал задавать один вопрос за другим»; 6) Veysel Hoca da derdini anlatmaya **başladı**. (AN ADS, 120) «И Вейсель Ходжа начал рассказывать о своей беде».

Масдар-косвенное дополнение — прилагательное-дополняемое: 1) Genç sinek, her şeyi **öğrenmeye çok meraklı** olduğu için, okumasını öğrenmişti. (AN ADS, 11) «Поскольку молодая мушка была **заинтересована познавать все**, она научилась читать»; 2) Bir bisiklet bile **olmaya razıyım**. (AN ADS, 22) «Я даже готов стать велосипедом»; 3) Her zamandan çok **beraberliğe muhtaç** olduğumuz böyle bir günde. (Информант) «В такой день, когда нам больше, чем обычно, **требуется чье-то общество**».

Масдар -та — косвенное приглагольное дополнение. Являясь субстантивной формой глагола, т. е. представляя действие как предмет, масдары, с одной стороны, обладают способностью выполнять функцию дополнения, а их глагольная природа, с другой стороны, наделила их способностью получать свойственные глаголу уточняющие компоненты. Конструкции такого рода позволяют описывать самые сложные связи между предметами и действиями — участниками ситуации: 1) Kimseyi **gör+me+sin+e** müsaade etmiyorlar. (HE SB, 131) «Ему

не разрешают никого видеть»; 2) Beraber yürüme+mize müsaade eder misiniz? (Информант) «Вы разрешите нам пойти вместе с вами?»; 3) Çocuğın attan inmesine yardım etti. (Информант) «Он помог ребенку слезть с коня».

Причастие-дополнение — глагол-дополняемое. В тех случаях, когда причастие называет предмет, оно, естественно, может выступать в падежных формах и в функции дополнения: 1) Padişah yine bigün kılık değıştirip kentte bir çay evine girmiş. Orda padişahı kargışlayanlara, — Niçin bu denli çok kızlıyorsunuz padişaha? Diye sormuş. (AN ADS, 71) «Падишах, снова однажды переодевшись, пошел в какую-то чайную в городе. Там он обратился к тем, кто поносил падишаха, с вопросом: “Почему вы так сильно сердитесь на падишаха?”»; 2) Veysel Hoca kardeşim, elimden geleni yararım. (AN ADS, 121) «Вейсель Ходжа, брат мой, я сделаю все, что от меня зависит»; 3) Ella ağzından çıkanlara inanamadan böylece kalakaldı. (EŞ A, 68) «Элла оцепенела, не будучи в состоянии поверить во все то, что срывалось с ее уст».

Модель альтернативной конструкции. В составе распространенных дополнений, вводимых глагольными именами, вызывают интерес альтернативные конструкции со структурой «деепричастие + отрицательная форма одного и того же глагольного слова»: 1) Benim sizin romanınızı sevip sevmememin yayınlanması kararında etkisi fazla olmayacaktır. (EŞ A, 68) «На его решение публиковать ваш роман не произведет особого воздействия, нравится ли он мне или нет»; 2) Hâlâ aynı insan olup olmadığını bilmek istiyordu. (EŞ A, 79) «Она все еще хотела знать, тот же самый это человек или нет».

Саф — прямое дополнение — глагольное дополняемое. Субстантивно-адъективные формы в функции дополнения передают в образе предмета действия, которые в составе распространенных дополнений позволяют описывать любые взаимоотношения между участниками ситуации: 1) Uçup uçup pencere camına çağrıyor, camın üzerinde dolaşıyor, oralarını inceliyor, nasıl dışarı çıkıp aydınlığa kavuşa+bil+eceğini araştırıyordu. (AN ADS, 9) «Порхает, бьется в стекло окна, расхаживает по стеклу, проверяет все места, всё изучает, как он сможет выбраться наружу и достигнуть света»; 2) Arkadaşlarının düş+tüğ+ün+ü gören çocuklar, onlara yardım etmek için koşuştular. (VÖ МААК I, 10) «Ребята, которые видели, что их товарищи попадали, сбежались, чтобы им помочь»; 3) «Işığın kaynağına var+dığ+ın+ı anladı. (VÖ МААК I, 15); «Он понял, что достиг источника света»; 4) Ve birden, ışığın iki elinin arasında bir maddeye dön+üş+tüğ+ün+ü gördü. (VÖ МААК I, 15) «И вдруг он увидел, что свет между обеими его руками превращается в какой-то предмет»; 5) Bunu hiç düşün+me+dik+leri+ni anladılar. (VÖ МААК I, 10)

«Они поняли, что совсем не думали об этом»; 6) Ne iste+yecek+ler+in+i konuştular. (VÖ MAAK I, 21) «Стали обсуждать, что им просить у волшебного света»; 7) Ateşin çevresine oturup ısındılar. Bir yandan da ne уар+acak+lar+ın+i konuştular. (VÖ MAARI, 22) «Усевшись вокруг костра, они согрелись. И в то же время обсуждали, что им делать»; 8) Başka sinekler de, o genç sineğe, самı del+eme+yeceğ+in+i anlatmaya çalıştılar. (AN ADS, 9) «И другие мухи пытались объяснить той молодой мухе, что она не сможет пробить стекло»; 9) ...hiçbir istediğ+im+i уарамam... (AN ADS, 19) «...не могу делать ничего из того, что хочу...».

Распространенный изафет III в функции прямого дополнения:
...Obama, El Kaidе'nin bu kişiye patlayıcıları vererek, ABD'ye gidecek uçаға yönlendirdiğinin ortaya çıktığını ifade etti. (газ.) «...Обама заявил, что, как выяснилось, Аль-Каида, вручив этому человеку взрывчатые вещества, предназначала их самолету, который направлялся в США».

3.2.3. Примеры воспроизводимых (фразеологизованных) объектных конструкций

Bahane ileri sürmek: O zaman dedesi türlü bahaneler ileri sürerdi. (AN ADS, 50) «Тогда его дедушка находил разные предлоги».

İstek karşılamak: Konuşan eşekler o denli çok satılıyordu ki, ünlü eşek eğitmeni, istekleri karşılayamaz oldu. (AN ADS, 33) «Говорящие ослы продавались в таком количестве, что прославившийся дрессировщик ослов уже не был в состоянии удовлетворять заказы»;

-mAyA bayılmak: İnsanlar konuşan eşeği görmeye, onu dinlemeye bayılırlardı. (AN ADS, 33) «Люди из кожи лезли вон, чтобы увидеть, послушать говорящего осла»;

-mAyA girişmek: 1) Eşek eğitmeni böyle bir denemeye girişeceğini söyledi. (AN ADS, 32) «Дрессировщик ослов сказал, что он примется за такой эксперимент»; 2) Çocuklar büyük çabıyla çalışmaya giriştiler. (AN ADS, 87) «Дети с большим усердием принялись за работу»; 3) Yeniden kale уарmaya girişti. (AN ADS, 69) «Он снова принялся строить крепость»;

-maya karar vermek «принимать решение делать что-либо»: 1) Çocuklar böylece bir çocuk ülkesi kurmaya karar verdiler. (VÖ MAAKI, 27) «Таким образом дети решили создать детскую страну»; 2) Sonunda, kendi bilginlerine danışmaya karar verdiler. (AN ADS, 24) «В конце концов они решили обратиться к своим мудрецам».

Umut kesmek, yitirmek «терять надежду»: Arkadaşlar, hiç umudunuzu kesmeyin. Gün gelecek yine gün ışığına kavuşacağız... Umudunuzu hiç yitirmeyin... Hepimiz kurtulacağız. (AN ADS, 41) «Друзья, ни в коем случае не теряйте надежды. Придет день, и мы снова будем жить при солнечном свете... Не теряйте надежды... Все мы спасемся».

Yerini almak «сменять что-либо чем-либо»: Yazın, giysilerdeki çiçeklerin yerini yemişler alır. (AN ADS, 46) «Летом цветы на их одеяниях сменяются плодами».

Ne ura+sağ+ın+ı bil+(e)+me+mek/şaşır+mak «не знать, что делать»: 1) Saray, bütün bu olanlarla nasıl başa çıkacağını bilemedi. (VÖ MAAK II, 18) «Дворец не мог понять, как справиться со всем происходящим»; 2) Ne diyeceğimi bilemedim. (EŞ A, 71) «Я не мог сообразить, что мне делать»; 3) Ne urасаğını bilemeden kaşlarını çatarak şişeye baktı. (EŞ A, 80) «Не зная, что делать, она, нахмутив брови, смотрела на бутылку»; 4) Ne uracaklarını şaşırdılar. (AN ADS, 35) «Они растерялись, не зная, что делать».

3.3. **Обстоятельственная модель: обстоятельство — обстоятельственное уточняемое**

Обстоятельственная синтаксическая форма (в речи — конструкция) — разновидность атрибутивной формы, которая состоит из *обстоятельного уточняемого* и *обстоятельства* (т. е. какого-то сопутствующего события). Значение этой формы сигнализирует о том, что какое-либо явление (чаще всего действие) связано с другим сопутствующим ему и тем самым каким-либо образом характеризующим, уточняющим его явлением (уточняемое явление характеризуется связью с сопутствующим явлением).

Обстоятельственное уточняемое — главный, господствующий, независимый компонент модели, абстрактный образ события, которое уточняется путем указания на связь с сопутствующим ему обстоятельством. Чаще всего в функции уточняемого выступает глагол: Dün geldim. «Я приехал вчера».

Обстоятельство, или обстоятельственное уточнение, — подчиненный, зависимый компонент конструкции, называющий то или иное событие, явление (время, место, условие, цель, причину, объект количественного сопоставления и т. п.), сопутствующее главному событию (чаще всего представляющему собой какое-либо действие).

3.3.1. **Реализация обстоятельственных моделей в речи**

Как было сказано в разделе «Наречие», в контексте излагаемой системы положений и понятий наречие в первую очередь трактуется как лексема, означающая *обстоятельство*, т. е. событие, явление, сопутствующее какому-нибудь другому явлению и с ним связанное.

Посредством обстоятельного значения передается в качестве смыслов информация о времени, месте, направлении действия,

события и т. п. (önce «прежде»; sonra «после»; şimdi «сейчас»; yarın «завтра»; yazın «летом»; kışın «зимой»; geri «позади, назад»; ileri «вперед, вперед»; yukarı «наверху, наверх»; aşağı «внизу, вниз» и др.).

Слова-наречия в речи, естественно, употребляются преимущественно в функции *уточняющего* в обстоятельственных конструкциях. В упомянутом разделе приведены примеры использования наречий в качестве синтаксических обстоятельств. Из этих примеров можно выделить конструкции, состоящие из уточняющего и уточняемого: **arada sırada** tulmbacı kıyafetine girerler «иногда одеваются, как пожарники»; **dışarı çıktı** «он выскочил наружу»; **doğru** geliyordu «шел прямо»; **ileri geri** yürürdü «он бродил взад-вперед»; **Gündüzün** ortalık günlük güneşlikken, **akşamleyin** Milas'ın ün salmış ayazı bastı. «В то время как днем погода была солнечная, вечером ударил знаменитый мороз Миласа» и т. д.

Примеры с некоторыми деепричастиями. Категория деепричастий является, пожалуй, самым мощным, самым многочисленным (более 60 форм) средством передачи обстоятельной информации. Ввиду наличия монографии Озлем Дениз-Йылмаз, в которой функционирование турецких деепричастий анализируется и иллюстрируется достаточно детально,⁵² ниже приводится материал, демонстрирующий употребление в речи лишь наиболее употребительных деепричастных словоформ в функции *обстоятельного уточняющего*.

Модель с многозначным деепричастием -(y)Ip: 1) Çocuklar her gün gidip cevher getiriyorlar, sonra hemen eve kapanıp, masanın başında uzun uzun konuşuyorlardı. (VÖ MAAKI, 27) «Дети каждый день уходили и приносили камень, затем, тотчас запершись в доме, очень долго разговаривали»; 2) Siyah kapıya dayanan çocuklar, hızlarını al+ama+yıp paldır küldür ikinci odaya düştüler. (VÖ MAAK-I, 10) «Дети, которые налегли на черную дверь, по инерции падая друг на друга, ввалились во вторую комнату».

Модель со значением обстоятельства образа действия (деепричастие -(y)A... -(y)A): 1) Eskiden camın ne olduğunu bilmiyordum. Ama başımı vura vura, kanatlarımı çarpa çarpa, camın ne olduğunu ben de öğrendim. (AN ADS, 9) «Раньше я не знала, что такое стекло. Однако, ударяясь головой, размахивая крыльями, я узнала, что такое стекло»; 2) Mehmet sevinç içinde atlaya zıplaya koştu. (AN ADS, 91) «Обрадованный Мехмед бежал, подпрыгивая»; 3) Mehmet'in sesi, havada büyüye büyüye yankılanıyor, bütün kenti sarıyordu. (AN ADS, 91)

⁵² Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. С. 90-196.

«Голос Мехмеда, все усиливаясь, отдаваясь эхом, охватывал весь городок».

Модель со значением обстоятельства образа действия (с деепричастием -(y)ArAk): 1) Güneş gülümseyerek selâmladı onları. (VÖ MAAK I, 18) «Солнце, улыбаясь, приветствовало их»; 2) Geçen her saniye zaman azaldığını düşünerek biraz daha gerildi. (EŞ A, 69) «Думая о том, что с каждой секундой время (телефонного разговора) истекает, она немного напряглась еще больше»; 3) Necip ocağın ışığında koşarak tezgâhtan mum aldı, yakıp bir табаğa damlatıp mumu yarıştırdı ve masaya koydu. (OP K, 106) «Неджип, бросившись бегом при свете плиты к стойке, взял свечу, зажег ее, накапал воска в тарелку, закрепил свечу и (все это) поставил на стол» (предложение с предикативной структурой).

Модели со значением причины (olandan dolayı, olduğu için «по причине того, что; за то, что»): 1) "Jeannette, olanlardan dolayı üzgünüm". (EŞ A, 68) «Жаннетте, я опечалена по причине того, что произошло»; 2) Şahsi sorunlarımı böyle pat diye anlattığım için kusuruma bakmayın. (EŞ A, 69) «Извините меня за то, что я так вот, ни с того ни с сего рассказала вам о моих личных делах»; 3) Soğuklar arttığı için okullar bir hafta kapatılmıştı. (AN ADS, 85) «Поскольку холода усилились, школы на неделю были закрыты»; 4) Buraya gelemecekler için de alıp götürsünler! (AN ADS, 91) «Поскольку они не смогут прийти сюда, пусть берут и уносят с собой».

Модели со значением цели (деепричастие с показателями -тАуА, -тАК için «ради того, чтобы»): 1) ...kariyi açmaya koştu. (VÖ MAAK I, 10) «...он побежал, чтобы им помочь»; 2) Arkadaşlarının düştüğünü gören çocuklar, onlara yardım etmek için koşuştular. (VÖ MAAK I, 10) «Ребята, которые увидели, что их товарищи попадали, сбежались, чтобы им помочь»; 3) Çocuk ikinci basamağa inmek için ayağını kaldırdı. (VÖ MAAK I, 14) «Мальчик поднял ногу, чтобы спуститься на вторую ступеньку»; 4) ...oyun oynamak için dışarı çıktı. (AN ADS, 8) «...он вышел наружу, чтобы поиграть, до тех пор пока мать и отец не вернуться домой».

Модель с временным обстоятельством значением (деепричастие -(y)InSA «как только, когда»): 1) Beyaz kapı kendisini tutan olma+yunca kendiliğinden kapandı. O kapandı+ır kapandı+maz siyah kapı da kapandı. (VÖ MAAK I, 10) «Белая дверь, как только перестали ее держать, сама по себе закрылась. Как только она закрылась, черная дверь тоже закрылась»; 2) Yol tıkanınca gelişigüzel durabilir. (AN ADS, 18) «Когда на пути возникает пробка, (автобус) может стоять где попало»; 3) "Almanya'ya geri dönünce gene eskisi gibi Allah'ın olmadığını düşünmeye başlayacaksınız". (OP K, 106) «Как только ты вернешься в Германию, опять, как и прежде, будешь думать, что Бога нет».

Модель с временным значением «по мере того как» (обстоятельство, вводимое деепричастием -DİKÇA): Mehmet önceleri üşüyordu. Ama kardan adam uyarım için çalıştıkça kızıştı, ısındı, terledi bile... (AN ADS, 87) «Мехмеду сначала было холодно. Но по мере увлечения работой над сооружением снежной бабы он разогрелся, ему стало тепло, он даже вспотел».

Модель со значением отсутствия действия-обстоятельства (деепричастие с показателем -mAdAn): 1) Padişah, biz onu göre+meden, hakkına düşen esirleri seçip ayırttı. (OP BK, 15) «Падшах, так, чтобы мы не могли его видеть, отобрал и отделил причитавшихся ему пленников» (абсолютный деепричастный оборот); 2) **Pek fazla düşünmeden**, ani bir itkiyle bir mesaj yazmaya başladı. (EŞ A, 68) «Не долго думая, движимая мгновенным побуждением, она принялась писать послание».

Модель с временным значением «прежде чем» (деепричастие с показателем -mAdAn önce): Aşmadan önce, mor karpıya dayanan arkadaşlarına seslendi... (VÖ MAAK I, 10) «Прежде чем открыть, он прокричал товарищам, которые держали фиолетовую дверь...».

Модель с временным значением «до тех пор пока» (деепричастие с показателем -(y)IncAyA dek/kadar): 1) Çalıştığı ders kitabını masa üstünde açık bırakıp, annesiyle babası eve dönünceye dek oyun oynamak için dışarı çıktı. (AN ADS, 8) «Оставив на столе раскрытым учебник, по которому он занимался, он вышел наружу поиграть, до тех пор пока мать и отец не вернутся домой»; 2) Bilindiği gibi karasinekler karanlıkta uçamazlar. Hava aydınlanıncaya yada bir ışık yanıncaya dek oldukları yerde kalırlar. (AN ADS, 8) «Как известно, осенние мухи не могут летать в темноте. Пока не рассветет или где-либо не загорится свет, они остаются там, где находятся»; 3) Gel, sen bizim gibi, şuralarda beğendiğin bir yere kon, orda dinlen sabah olana dek. (AN ADS, 9) «Давай, сядь где-нибудь здесь, где тебе нравится, отдохни, пока не наступит утро».

Модель «деепричастие -DİKÇA... временная форма -(I)yordu» (продолжительность действия): 1) Uçurtma yükseldikçe yükseliyor, baş atıyor, kuğuğu nazlı nazlı süzülüyordu. (AN ADS, 54) «Игрушечный змей поднимался все выше и выше, его голова запрокидывалась, его хвост кокетливо скользил по воздуху»; 2) Hepsinden önce çiçek açtı diye kendini beğenen genç badem ağacı, böbürlendikçe böbürleniyordu. (AN ADS, 47) «Молодое дерево, которое полюбило себя за то, что на нем раньше, чем на других, распустились цветы, непрестанно хвасталось».

Модель «форма, означающая количество, + морфема -Dir» («Вот уже столько-то времени, как»). В функции формообразовательной выступает морфема -Dir, которая в высказываниях, представленная одним из своих алломорфов, всегда завершает словоформу: 1) "Sen bunca

yıldır kendini çobanlığa verdin, hiç çobandan denizci olur mu?” derdik. (НВ АВВ, 19) «Мы говорили ему: “**Ты столько лет был пастухом. Разве пастух может стать моряком?**”»; 2) Bugün artık yaşamıyor. **Çoktandır ölü.** (ЕŞ А, 39) «Его очень давно уже нет в живых. **Вот уже много времени, как он мертв**»; 3) **Birkaç gecedir** alışkın olmadığı bir tempoyla geç saatlere kadar oturduğundan vücudunun ritmi şaşmıştı. (ЕŞ А, 105–106) «От того, что **вот уже несколько ночей** она сидела допоздна (за работой) в непривычном для нее темпе, (жизненный) ритм ее организма был нарушен»; 4) **O gün bugündür** doğduğum yerin ismi kekremsi bir kelimedir yüreğimde. (ЕŞ А, 62) «С тех пор и по сей день название места, где я родился, в моем сердце живет как (неприятное) терпкое слово».

Субстантивно-адъективная форма с послелогом -(y)AcAk kadar- обстоятельство — глагол-уточняемое

Функциональное предназначение: выражать сопоставление действий типа «делать что-либо так сильно, что может поизойти другое действие»: 1) Çocukları bile sürükleyecek kadar hızlı esmeye başlayınca, çocuklar ağacın altında biriktiler. (VÖ МААКІ, 22) «Когда (ветер) начал дуть так сильно, что **мог утащить детей**, они сбились в кучку под деревом»; 2) **Derdini anlatacak kadar** lisan bilen değil! ... **Derdini azaltacak kadar** insan lâzım bize. (КТ К, 192) «Он не **настолько** владеет языком, **чтобы рассказать** о своих заботах. Нам нужен человек, **который** [был бы настолько разумен, что] **поменьше бы жаловался**; 3) **Oğlumuz bunu anlayacak kadar** olgun değildir. (Информант) «Наш сын не настолько зрел, чтобы понять это».

Вопросительное местоимение + условная словоформа. В речевой деятельности носителей турецкого языка используются предикативные, определительные, дополнительные и обстоятельственные конструкции, передающие обобщающий смысл типа «Куда бы ни шел...» и т. п. Сходство этих образований заключается в обязательном наличии двух компонентов: вопросительного местоимения и одной из двух разновидностей глагольных условных словоформ (наклонения или вторичного условного образования, так называемой «условной модальности»). Глагольная словоформа с аффиксом -sa нередко дополняется словоформой желательного или повелительного наклонения того же глагола, например: **Kim ne de+r+se de+sin** aşk için önce hoş sonra boş gelir... (Из текста эстрадной песни) «**Кто бы что ни говорил** о любви, сначала она кажется приятной, а потом — пустым делом...».

Функциональное предназначение *конструкций с условным наклонением* — выражать полное, неограниченное обобщение («что бы ни сделали, кто бы ни сделал, когда бы ни...»): 1) Annem böyle söylerken, babam da yanık sesiyle, “Sakin ha, denizci olayım deme!” derdi. Ne var ki kasabanın

bütün sokakları, her ne kadar sağa sola sapsalar da eninde sonunda denize çıkarlardı. (НВ АВВ 2007, 7) «Когда мать так говорила, отец своим прокурным голосом предупреждал: “Смотри, не вздумай становиться моряком”. Однако все улицы городка, сколько бы они ни сворачивали направо-налево, в конце концов выходили к морю»; 2) **Ella ne zaman bu iki kelimeyi duysa, kocasının kendisinden örtülü bir biçimde özür dilediğini varsayardı.** (EŞ A, 58) «Когда бы Элла ни слышала эти два слова, ей казалось, что ее муж в завуалированной форме просит у нее прощения»; 3) **Ne zaman ansam Tebriz’i, üç keskin raiha sarar sarmalar beni: Talaş, haşhaşlı yassı ekmek ve yeni yağmış, henüz yumuşacık kar kokusu.** (EŞ A, 62) «Когда бы я ни вспоминал Тебриз, меня захватывают три сильных аромата: пирога с начинкой, лаваша с маком и еще свежий запах снега»; 4) **Her ne kadar merak içinde olsa da, yazar hakkında pek bir şey bulmayı ummuyordu.** (EŞ A, 65) «Сколь сильным ни было ее любопытство, она не ожидала найти о писателе что-нибудь интересное»; 5) **Nereye gitse zembil gibi yanında taşır.** (SB KK, 102) «Куда бы он ни шел, таскает ее с собой, как соломенную сумку».

Функциональное предназначение конструкций с вторичными условными словоформами — выражать ограниченное обобщение типа «кто что-либо сделал, тот»: 1) **Hangisini istiyorsanız alın.** (Продавец в магазине) «Берите какой хотите [товар]»; 2) **Ama nereye gid+er+sem gid+e+yim, gözleri benimle...** (EŞ A, 39) «Но куда бы я ни шел, его глаза (повсюду) со мной...»; 3) **Böylece insanlar her ne felaket gelirse başlarına Azrail’den bilmişler.** (EŞ A, 42) «Какое бы несчастье с ними ни случилось, подобные люди знали, что это дело рук Азраиля»; 4) **Araları ne kadar açık ol+ur+sa ol+sun, Ella onun için yemek pişirmekten, David de tabağına konanları tebessümle, minnetle yemekten geri durmamıştı.** (EŞ A, 58) «Сколь бы ни были испорченными их отношения, Элла не прекращала готовить для него обед, а Давид с улыбкой и благодарностью ел то, что ему клали на тарелку».

Конструкции, о которых идет речь, используются также для выражения сопоставления типа «как ты, так и я»: “Evet, seni taş yapacaklar!” dedi saray kızlarından biri. “Sen öteki çocukları nasıl taş yaptysan onlar da seni taş yapacaklar! Ve iyi olacak!” (VÖ MA II, 95) «“Да, тебя превратят в камень! — сказала одна из придворных девушек. — Как ты превратил в камень других ребят, так и они тебя превратят в камень!”».

3.4. Модели залоговых конструкций

Трудно сомневаться в том, что такие глагольные значения, как агентивность, переходность, взаимность, возвратность, каузативность, страдательность, отражающие в своем содержании связи предметов

и действий, имеют отношение к залогам. Рассмотренные в разделе «Категория залога» морфологические глагольные формы, конечно же, также реализуются в речи не только в виде словоформ, но и в предикативных, объектных или обстоятельственных конструкциях, которым в языковой системе соответствуют «синтаксические формы» (В. М. Павлов), т. е. модели залоговых конструкций, которые, как представляется, также полезно представить в настоящей работе.

Реализация взаимно-возвратной ситуации с прямым дополнением: 1) Ekmegi böl+üş+erek yediler. (Информант) «Они съели хлеб, поделив его между собой»; 2) İki spor takımı birbirleriyle birleşmek istiyorlardı. (Информант) «Две футбольные команды хотели объединить друг с другом»

Реализация взаимно-невозвратной ситуации: Onu gören çocuklar oyunlarını bıraktılar. Ваğır+ş+arak kaç+ış+tılar. (S. Derviş. Karanlıkta ayak sesi) «Дети, увидевшие ее, оставляли свои игры. С криком (все вместе) разбежались».

Реализация понудительного залога непереходного глагола: Teffik'i bir sandalyeye otur+t+tular. (HE SB, 126) «Тевфика усадили на стул, дали ему сигарету».

Реализация понудительного залога переходного глагола: Her birlikte kızarmış koyuna saldırdılar. Elleri, ağızları yan yana, etleri kopar+t+ır yediler. (VÖ MAAK I, 18) «Все вместе набросились на зажаренную овцу. Обжигая руки, губы, отрывали мясо и ели».

Реализация понудительного залога переходного глагола при наличии необходимости называть побуждаемый к действию предмет: Anne çösuğ+up+a bir elma ye+dİR+dİ. (Информант) «Мать заставила ребенка съесть яблоко».

Реализация модели понудительного залога переходного или непереходного глагола при отсутствии выражения побуждаемого к действию предмета: Anne çösuğ+up+u ye+dİR+dİ. (Информант) «Мать накормила своего ребенка».

Реализация модели страдательного залога с указанием на производителя действия (посредством послелога tarafından или словоформы уподобительного падежа экватива): 1) Bu bina, Demirören Gayrimenkul tarafından уар+ıl+mak+tadır. (Объявление перед стройплощадкой) «Это здание строится [фирмой] “Демирорен”, [занимающейся] недвижимостью»; 2) TRT haber merkez+ince hazırla+n+an haberlerimizi dinlediniz. (Диктор радио) «Вы прослушали наши новости, подготовленные отделом новостей Турецкого радио и телевидения».

В следующем примере взаимодействуют две словоформы страдательного залога: Komşulukta yeni bir mektep kur+ul+maya başla+n+dİ.

(Информант) «По соседству начали строить новую школу». Это дает коммуниканту возможность, во-первых, посредством словоформы типа *kur+ul+maaya* выразить собственно-страдательное отношение между предметом «школа» и действием «строить», а во-вторых, словоформой типа *başla+n+di* отвлеченно-агентивным смыслом указать на наличие неназываемых производителей действия «начинать».

3.5. Полезные фразеологизмы

Elinden gelmek «*быть в состоянии что-либо сделать*»: 1) Baktım bir adam bir adama zarar verecek, zayıfı korumak için elimden geleni yaparım. Velâkin şiddet yoktur adabımızda. (EŞ A, 52) «Стоит мне увидеть, что человек собирается навредить человеку, делаю все, что могу, чтобы защитить слабого. Однако у нас не принято применять силу»; 2) *Elimden gelip geleceği*, hancı ile yolcu arasına cansız bir perde gibi çekmek olur şu fani bedenemi. (EŞ A, 52) «Все, что от меня зависело, — между ханщиком и путником протянуть мое брненное тело, на что только оно и годилось».

Bir şeyin farkında olmak «*замечать что-либо*»: 1) Baş kadının bu sözleri hayli tehditkârsa da Şems bunun farkında değilmiş gibi sakin sakin devam etti. (EŞ A, 76) «Хотя эти слова главного судьи были весьма опасными, Шемс, словно не замечая этого, хладнокровно продолжал»; 2) O kuvvetli düşman, daha bu dergi ve gazete çıkmazdan önce nice tebirler hazırlıyormuş meğer... Biz o dakikalarda bunun hiç farkında değildik. (SS Rg, 296) «Оказывается, тот сильный враг еще до того, как вышли журнал и газета, провел уйму мероприятий... В те минуты мы всего этого не замечали».

Bir kimse ile alıp veremediği olmamak «*не иметь никакого отношения к кому-либо*»: İşte o zaman Ella benzer bir nezaketle Scott'a, kendisiyle bir alıp veremediği olmadığını, dolayısıyla şimdi duyacaklarını yanlış anlamaması gerektiğini ancak kızıyla evlenemeyecek kadar genç; üstelik henüz işsiz ve deneyimsiz olduğunu söyledi. (EŞ A, 56) «И вот тогда Элла так же вежливо сказала, что к нему самому у нее никаких дел нет, что необходимо только, чтобы он не понял неправильно все то, что сейчас услышит, что он настолько молод, что не может жениться на ее дочери; к тому же он не имеет работы и неопытен».

Идиома -mazdan gelmek «*делать вид, что...*»: 1) Kulağımın dibinde çınlayan davudî sesi duymazdan geldim, sırf bir parça daha kalabilmek için öteki âlemde. (EŞ A, 48) «Только для того, чтобы еще немного побыть в потустороннем мире, я сделал вид, что не слышу бас, который грохотал над самым моим ухом»; 2) Suali duymazdan geldim. (EŞ A, 54) «Я сделал вид, что не слышал вопроса».

III. ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Как было сказано выше, в настоящей работе предложение понимается как такая разновидность высказываний, неизменным компонентом которых является финитная словоформа. Ее важнейшей функцией выступает передача какого-либо смысла в субъектно-предикатной форме.

Предложение совсем не обязательно должно представлять собой двучленный синтаксический комплекс. Оно часто бывает одночленным, т. е. может состоять только из одной финитной словоформы типа русского «Иду!» или «Знаю!».

Сказуемое распространенного предложения в составе различных конструкций не только способно выполнять функцию предиката (например: Mehmet askerdir «Мехмед солдат»; Ahmet geldi «Ахмед пришел»), но и может иметь другие синтаксические функции. Например, оно выступает в функциях: *определения* (Döndü haberi hepimizi sevindirirdi. (Информант) «Весть о том, что он вернулся, всех нас обрадовала»); *определяемого* (İyi çocuktur. «Он хороший мальчик»); *дополняемого* (Kitabı okudum. «Я читал книгу»); *обстоятельного уточняемого* (Yarın geleceğim. «Приду завтра»). Вместе с тем оно маркирует ту разновидность высказываний, которую именуют предложением.

1. МОДЕЛИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ТЮРКСКОГО ТИПА

Глагольные формы с морфемой -sA(ydI), означающие действие, являющееся условием, представляют собой наиболее употребительную разновидность финитных форм с обстоятельственным значением. Соответствующие словоформы выступают в качестве распространенных условных придаточных предложений или вводят их. Если выражается ирреальное условие, то сказуемое главного предложения выступает в одной из форм сослагательного наклонения: İkinci Dünya Harbi açıldı. İlk zamanlar Türkiye tarafsız kaldı, fakat Alman orduları Stalingrat önlerine dayandığı günlerde, Emir Erkilat Paşalar, Kafkaslara geçmek, Almanlara yardım etmek için sınırda beklediler. Eğer Stalingratta Alman orduları Sovyet birlikleri tarafından **durdurulmamış ol+saydı**, Türkiye harbe girmiş **ola+caktı**. (SS Rg. 185) «Началась Вторая мировая война. В первое время Турция оставалась нейтральной, но когда немецкие войска подступили к Сталинграду, паши, осуществлявшие высшее командование, ждали на границе, чтобы перейти на Кавказ, чтобы помогать немцам. Если бы в Сталинграде немецкие войска **не были остановлены советскими частями**, Турция **оказалась бы** вступившей в войну».

Формы желательного и повелительного наклонения широко используются в придаточных дополнительных, причинных и целевых предложениях. Как было сказано, в этом употреблении личные формы глагола имеют смешанный характер — в 1-м и 2-м лицах функционируют аффиксы желательного, во 2-м возможны также показатели повелительного, а в 3-м лице — только аффиксы повелительного наклонения.

*Модели тюркских сложноподчиненных предложений с союзом **diye**.*

Речь идет о сложноподчиненных предложениях, придаточные предложения которых вводятся союзом и имеют индикативные и конъюнктивные финитные словоформы, выражающие изъяснение (1, 2), цель (6), косвенный объект (5) или причину (3, 4): 1) *Gelmeyecekler diye beklemedi.* (Информант) «Он не стал ждать, так как решил, что они не придут»; 2) *Uyuyor mu, diye baktım.* (Информант) «Я посмотрел, не спит ли он»; 3) *Yağmur yağacak diye korkuyorum.* (Информант) «Опасаюсь, что пойдет дождь»; 4) «Bohçayı bırak hemşire, Tefvik bütün diye kıvranyor, bir saat önce tabakamı önüne boşaltım». (HE SB, 133) «Оставь сверток, сестра. Тевфик умирает по табаку, час тому назад я опорожнил для него всю свою табакерку»; 5) *Konyadan uzaklaşırsam, yeterince uzağa kaçarsam, zihnimi burğu gibi delen bu hatıradan kurtulurum diye ummuştum.* (EŞ A, 39) «Я надеялся, что если окажусь вдали от Коньи, уеду достаточно далеко, то избавлюсь от этого воспоминания, которое, как сверло, пронзало мое сознание»; 6) *Kulaklarıma inanamıyorum Ella. Kızınla evlenmesin diye Scott'u aramışsın.* (EŞ A, 57) «Ушам своим не могу поверить, Элла. Ты позвонила Скотту, чтобы он не женился на твоей дочери».

Модели бессоюзных предложений тюркского типа Они... gitti sanır «думает, что он... ушел». В 1956 г. А. Н. Кононов обратил внимание на функционирование в турецкой речи бессоюзных сложноподчиненных предложений с дополнительными придаточными предложениями, в составе которых имеется прямое дополнение при глагольном дополняемом, являющемся сказуемым главного предложения. В функции сказуемого главного предложения употребляются глаголы со значениями «думать, считать, знать»: ⁵³ 1) *Herkes onu İzmir'e... gitti sanır.* (Ö. Seyfettin. Yalnız Efe) «Все думают о ней, что она уехала в Измир»; 2) *Ben seni uyuyor zannettim.* (Manastırlı Rifat) «Я подумал, что ты спишь»; 3) *Bunu, yalnız şehirlerde olur bilirdim.* (Y. Kadri) «Я полагал, что такое бывает только в городе». ⁵⁴

⁵³ Кононов А. Н. О сложноподчиненном бессоюзном предложении в турецком языке // Краткие сообщения Института востоковедения. XXII. Памяти В. А. Гордлевского (1876–1956) / отв. ред. А. А. Губер. М., 1956. С. 13–17.

⁵⁴ Приводимые и другие примеры см.: Там же. С. 13–14.

Модель Ol+sun iste+miş «хочет, чтобы... произошло». В подзаголовке вынесена атрибутивная модель предложений, в которой (второй) глагол с волеизъявительным значением называется уточняемое, конкретизируемое действие, а предшествующий глагол, обозначающий уточняющее действие, выступает в одной из форм желательного или повелительного наклонения. Эти конструкции пока не получили в тюркском языкознании убедительной общепринятой трактовки. Наличие в модели двух финитных форм позволяет трактовать их речевые соответствия как сложноподчиненные предложения. Однако тесное взаимодействие двух финитных форм дает основание допускать, что модель используется для построения в речи составных сказуемых. Наличие подобной модели в персидском и в некоторых балканских языках (например, в болгарском, македонском), с одной стороны, придает ей типологическое значение, с другой — дает основание допускать, что она является заимствованием из других языков.

Примеры: 1) İsmail oturuyor masanın başında ve ben İsmail yerinden kalkmanın istiyorum, sabaha kadar gözlerini üstümden ayırmanın istiyorum. (NH YGŞK, 513) «Исмаил сидит за столом, и я хочу, чтобы он не вставал из-за стола, чтобы до самого утра не сводил с меня глаз»; 2) Çocuğun olsun çok mu istiyorsun, Neriman? (NH YGŞK, 459) «Нериман, ты очень хочешь, чтобы у тебя был ребенок?»; 3) İyi ama, Engels, ölüsünü yakıp külünü Okyanusa savursunlar istemiş. (NH YGŞK, 500) «Пусть так, но Энгельс хотел, чтобы его труп сожгли, а его прах бросили в океан»; 4) Ballandırarak anlattığı bu başarıların parlaklığına ben de inanabileyim isterdim. (OP BK,115) «И мне хотелось верить в эти успехи, о которых он рассказывал, значительно приукрашивая».

2. МОДЕЛИ СОЮЗНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ТИПА

2.1. Предложения с сочинительными союзами

Ve «и»: Az sonra benim girdiğim kapı açıldı ve onu içeri çağırıldılar. (OP BK, 21) «Немного погодя дверь, через которую я вошел, открылась, и его позвали внутрь (помещения)».

Da... da «и... и»: “Hakkın var hanım, çocuğun sesi de, okuyuşu da fevkalâde...” Dargınca bir ses karşılık verdi: “Dürnev’in odasından nasıl duyduğunuz?” (HE SB, 36) «Ты права, госпожа. И голос, и чтение ребенка превосходны». — Слегка рассерженный голос в ответ: “Как же это ты услышал из комнаты Дюрнёв?»».

Hem... hem (de) «как ... так и»: 1) Şeyhleri, hem şakacı hem de ona, kullarının zaafını anlayan, affeden ve seven bir Hâlik olduğunu söylüyorlardı. (HE SB, 25) «Его (ордена Мевлеви) шейхи, с одной стороны, были

мастерами на шутки, а с другой — говорили ей, что есть Творец, который понимает слабости своих рабов, прощает и любит (их)»; 2) "Pek merak edilecek yerler değil. Bilhassa sokak hem pistir, hem gürültüdür". (HE SB, 187) «(Это) такие места, которыми едва ли уж стоит интересоваться. В особенности улицы, и грязные, и шумные».

Nitekim «и действительно, и в самом деле»: "Ona ancak para yardımı bulunabilirim... Nitekim bunu kendisiyle de konuştum". (RNG YD, 18) «Я могу только оказать ей денежную помощь... Я уже с ней об этом поговорил».

Yani «то есть»: Her gün binlerce işçi sokaklara atılıyor, yani işsiz kalıyor. (F. Erdinç) «Каждый день тысячи рабочих выбрасываются на улицу, то есть остаются безработными».

2.2. Противительные придаточные предложения

Am(m)a «однако, но»: 1) *Ama sonuna hepsi de içeri girdiler.* (VÖ MAKA I, 12) «Но в конце концов все вошли внутрь»; 2) *Biliyordum bu şaşmaz kuralı. Ama beni alâkadar etmezdi.* (EŞ A, 41) «Я знал это обязательное правило. Но оно меня не интересовало».

Ancak «однако, но»: *Ancak tam o anda arka sıralarda bir kıyamet kopunca lafı yarım kaldı.* (EŞ A, 51) «Только когда где-то позади поднялся шум, его слова замерли посередине [он сказал только половину того, что хотел сказать]».

Fakat «но, однако»: *Fakat Rabia'nın buna dikkat ettiğine dair bir belirti yoktu.* (HE SB, 187) «Однако не было никакого признака того, чтобы Рабия обратила на это внимание».

Halbuki (< hal bu ki) «между тем как; тогда как»: 1) *Yaşını başını almıştı, kocası başta, her kes ona artık vaktini ibadete hasretmek zamanı geldiğini, daha doğrusu ahreti düşünmek saati çaldığını imâ ediyordu. Halbuki o, buruşuk yüzünü daha buruşturuyor, ahret düşüncesini hiç sevmiyordu.* (HE SB, 25) «Она уже стала почтенной, многоопытной женщиной, и теперь уже каждый, прежде всего ее муж, намекал ей, что пришла пора уделять время молитвам, точнее сказать, пробил час думать о загробной жизни. Тогда как она еще больше морщила свое морщинистое лицо, совсем не любила мысли о потустороннем мире»; 2) "Kırk kuraldan ilkidir hâlbuki" dedim usulca. (EŞ A, 51) «А ведь это первое из сорока правил», — сказал я тихо».

Karşın, rağmen «вопреки тому, что; несмотря на»: İşte o an, annemi ve babamı sevmeme, hatta sevgilerine aç ve muhtaç olduğumu sanmama karşın, ikisinin de benim için birer yabancı olduklarını anladım. (EŞ A, 61) «Вот в тот момент я понял, что вопреки тому, что я любил мать и отца, даже думал, что я жажду их любви, нуждаюсь в ней, каждый из них был для меня чужим».

Kâh... kâh «то... то»: *Kâh orada kâh buradayım.* (EŞ A, 60) «Я нахожусь **то** там, **то** здесь».

Ki — многозначный индоевропейский (возможно, персидский) союз, способный вводить в высказывание самые разнообразные придаточные предложения: 1) *İstiyorum ki yarın bana gelirsiniz.* (Информант) «Я хочу, чтобы вы завтра ко мне пришли» (союз вводит дополнительное придаточное предложение); 2) *Yeryüzünde hiç bir toplum yoktur ki, umumi menfaalari fert menfaatinin gerisinde görsün.* (SS Rg, 277) «Нет на земле ни одного такого общества, которое в первую очередь преследовало бы общественные интересы, а уж потом интересы личности» (союз вводит определительное придаточное предложение).

Ma(a)mafih «несмотря на это, все-таки, вместе с тем...»: 1) *Besime teuzemin oğlu Kâmrân. Mamafih ona çocuk demek de pek doğru olamazdı.* (RNG Ç. S, 16) «Сыночка моей тети Бесиме звали Кямран. Называть его ребенком было **все же** неправильно»; 2) *Mektepte pek çok iş olduğu için evde kalmak mümkün değildi. Maamafih doktor Hayrullah Beye uğradım. Bize uğrayarak Munise'ye bakmasını rica edecektim.* (RNG Ç. S, 273) «В школе было много дел, и остаться дома не было никакой возможности. Несмотря на это, я зашла к доктору Хайруллах Бейю. Я собиралась попросить его зайти к нам и осмотреть Мунисе».

Ne... ne «ни... ни»: *Işğın ne ucu vardı, ne bucağı.* (VÖ MA I, 18) «У света не было **ни** конца, **ни** края».

Ne var ki «однако»: 1) *Nazlanıyorum filân ama, aslında da evlenmeye gönüllüyüm hani... Ne var ki beni beğenecek karıyı, affedersiniz, kadını bulmaktan umudumu kesmişim.* (AN, DB, 71) «Кокетничаю и тому подобное, но по сути дела мне тоже по сердцу жениться... Однако я (**окончательно**) утратил надежду найти бабу, простите, женщину, которой бы я понравился»; 2) *Ne var ki diğer müşteri daha dişli çıktı.* (EŞ A, 52) «Однако другой клиент оказался позубастее».

2.3. Предложения с придаточным причины

Çünkü «ведь, потому что»: «Ya ne demeye çığlık çığlığaydım o zaman?» diye üsteledi hancı. «Çünkü öteki âleme uzandım da geldim...» (EŞ A, 49) «Ну и чего ради ты тогда раскричался?» — не унимался ханщик. «**Потому что** я прогулялся до загробного мира и вернулся...».

Zira «потому что»: 1) «Bu çok iyi işte» dedi genç adam, gergin mi gergin, «Zira bizim senden beklediğimiz iş de pek kolay olmayabilir». (EŞ A, 43) «**Вот это** очень хорошо, — сказал молодой человек, весь в напряжении. — **Потому что** дело, которое мы от тебя ожидаем, может оказаться не очень простым»; 2) *Yüreğim hızla atmaya başladı; zira yeni bir şeyler görmeye başlamıştım.* (Информант) «Мое сердце начало биться учащенно быстро, **потому что** я начал видеть кое-что новое».

IV. ВЫВОДЫ

Как следует из всего сказанного, в составе синтаксической подсистемы языковой системы имеются следующие единицы и правила:

1) синтаксемы — внутриязыковые соответствия фигурирующих в речи слов и словоформ, т. е. лексемы и имеющие статический характер сложные лексические и морфолого-лексические единицы, представляющие собой синтаксический инвентарь, строительный материал, из которого строятся речевые знаковые цепочки коммуникативно необходимой протяженности. Эти единицы воспроизводятся при порождении речи, выступая в формах тех или иных морфологических категорий;

2) правила линейного развертывания в речи слов и словоформ, представляющих собой разновидности и комбинации знаков;

3) обладающие отвлеченными служебными значениями и потому имеющие знаковый характер синтаксические формы, т. е. «бестелесные» абстрактные модели, структуры конструкций;

4) абстрактные образы синтаксических функций, в которых выступают знаменательные (независимые, автосемантические) слова в качестве компонентов конструкций в речи (синтаксический субъект — синтаксический предикат, подлежащее — сказуемое, определение — определяемое, дополнение — дополняемое, обстоятельство — обстоятельственное уточняемое).

Если попытаться дать краткое определение синтаксиса как фрагмента языковой системы, можно утверждать, что синтаксис — это такая подсистема языка, которая ответственна за построение по определенным содержащимся в ней правилам и моделям речевых коммуникативных единиц — высказываний — из слов и/или словоформ.

Описание синтаксической подсистемы языка на основе сформулированных понятий и положений предполагает не только изложение правил линейного расположения синтагм в составе простейших высказываний, но и (самое важное!) установление, описание и анализ копулятивных, предикативных и многочисленных атрибутивных синтаксических моделей, или форм, которые реализуются в речи в виде самостоятельных высказываний или компонентов таковых разной степени распространенности.

Как было сказано выше, вопреки тому, что понятие *предложение* традиционно связывалось как с *суждением*, так и с его компонентами — *субъектом* и *предикатом*, оно не должно смешиваться ни с предикативными конструкциями, ни с высказываниями, имеющими предикативную структуру. Является ли предикативная конструкция самостоятельным высказыванием или компонентом другой конструкции, она,

с излагаемых позиций, не становится предложением, потому что в обоих случаях суждение оказывается выраженным лексическим способом.

Была предпринята попытка поддержать точку зрения, согласно которой предложение понимается как разновидность высказывания или конструкция в составе высказывания (придаточное предложение), имеющая морфологическую основу — финитную словоформу.

Все сказанное о турецком синтаксисе свидетельствует о наличии глубоких различий между построением речи в агглютинативных и во флективных языках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нельзя адекватно описать состав и устройство турецкого языка (наследника османского), если не согласиться с обнаруженной венгерским ориенталистом Д. Неметом «двойной языковой системой османского языка».¹

В XIII–XIX вв. этот язык в условиях мощнейшего вторжения арабского и персидского языков в религиозную, культурную и административную жизнь османских тюрок, по справедливому мнению Д. Немета, представлял собой смешанный язык. Арабо-персидские фонетические, лексические, морфологические и синтаксические заимствования составляли в нем обширный пласт, который к началу XX в. превышал в лексической сфере 75 %.

Обнаруженная Дьюлой Неметом раздвоенность османского языка ведет себя столь основательно, что есть основания уподоблять такое употребление тюркских и арабо-персидских элементов использованию одним коммуникантом двух разных языков. В настоящей работе не преследовалась цель в равной мере представить обе — собственно тюркскую и арабо-персидскую — составляющие современного языка, что могло иметь бы смысл, если бы речь шла о создании полной академической грамматики современного турецкого литературного языка, подобной грамматикам Жана Дени и А. Н. Кононова.²

В настоящей работе главное внимание уделяется тюркскому фрагменту турецкого языка. Заимствованные элементы сохраняются там,

---

¹ *Németh J.* Zur Kenntnis der Mischsprachen (das doppelte Sprachsystem des Osmanischen) // *Acta Linguistica Hungarica*. Т. III. Fasciculus 1–2. Budapest, 1953. S. 153–199.

² *Deny J.* Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). Paris, 1921; *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.

где это представлялось совершенно необходимым (например, при появлении угрозы нарушения сложившегося высказывания или искажения излагаемого содержания)³.

В результате удалось установить с опорой прежде всего на идеи Н. С. Трубецкого состав и парадигматические отношения как согласных, так и гласных фонем, особенности их синтагматики, в том числе признаки действия диахронических процессов. Потребовалось уточнить механизм действия ассимилятивных процессов, совокупность которых составляет сингармонизм, а также сформулировать их функциональное предназначение.

В морфологических разделах сочинения излагается понятийный аппарат, анализируются и формулируются положения об устройстве и функциональном предназначении словоизменительных форм и категорий знаменательных лексем, а также грамматика неизменяемых лексических единиц. Идеиные изыскания опираются в основном на труды И. А. Бодуэна де Куртенэ, О. Н. Бётлинга, Ж. Дени, Ф. де Соссюра, Л. В. Щербы, А. Мейе, Г. П. Мельникова, А. Н. Кононова, А. А. Реформатского и др.

В целях более глубокого понимания сущностных различий между словоизменительными и лексеообразовательными операциями, осуществляемыми одинаковыми (прогрессивными суффиксально-агглютинативными) средствами, в разделах, посвященных словоизменительным формам и категориям, в небольшом количестве приводятся примеры продуктивных лексеообразовательных лексических единиц.

Продуктивной оказалась принятая в работе трактовка основных разновидностей языковых понятий. В частности, разграничение словоизменительных служебных значений на две разновидности — (1) значения, передающие несущественные свойства, и (2) значения, передающие связи элементов реальности, — позволило предложить четкое истолкование большинства морфологических категорий.

В разделе «Прилагательное», под которым понимается лексема, обозначающая признак предмета или действия, как представляется, решен вопрос о разграничении имен существительных и прилагательных в функции приименного определения (mermer merdiven «мраморная лестница», altın yüzük «золотое кольцо», arka taraf «задняя сторона», üst kat «верхний этаж»). Отличать непроизводные прилагательные от существительных в таких случаях помогают несложные проверочные приемы: *в отличие от прилагательного существительное, называющее*

³ Ср.: Németh J. Die Türken von Vidin. Sprache. Folklore. Religion. Budapest, 1965. S. 24.

материал, из которого состоит предмет, называемый определяемым, может быть употреблено в субстантивных формах и синтаксических функциях типа *mermerden merdiven* «лестница из мрамора», *mermer çatladı* «мрамор треснул», *mermer gibi güzel* «красивый, как мрамор» — при возможности выразить тот же смысл высказыванием *merdiven mermer**.

Анализируются все словоизменительные формы категории прилагательных: повторы, парные сочетания, категория субъективных форм, категория сравнения.

В контексте излагаемой системы положений и понятий *наречие*, или адverb, в первую очередь трактуется как лексема, означающая *обстоятельство*, т. е. событие, «явление, сопутствующее какому-нибудь другому явлению и с ним связанное».⁴ С функционально-семантической точки зрения удается выделить три группы наречий: наречие I (собственно обстоятельственные, т. е. лексемы, означающие пространственно-временные обстоятельства); наречие II (лексемы, означающие признак действия); наречие III (лексемы, означающие признак признака). Многие наречия по происхождению представляют собой различные лексикализовавшиеся падежные, деепричастные образования, повторы, парные конструкции. Пока не удается однозначно интерпретировать образования с показателем исходного падежа, поскольку одни из них могут быть «живыми» словоформами, другие — окончательно лексикализовавшимися наречиями, например, *erkenden* «поутру». В пользу их лексикализованности, возможно, свидетельствует большая группа родственных образований, представляющих собой лексикализовавшиеся другие падежные словоформы или сочетания таковых типа *baştan başa* «целиком», *doğrudan doğruya* «напрямик».

И прилагательные, и наречия так же, как и существительные, имеют категорию субъективной оценки, в которой отражена способность предметов иметь малые размеры и свойство признаков и обстоятельств проявляться в большей или меньшей степени. Словоформы этой категории способны не только передавать информацию о размерах предметов и мере, степени признаков, но и выражать отношение говорящего к описываемому объекту.

Большое значение придается в работе механизмам вторичной репрезентации (вторичного гипостазирования), способным выполнять чрезвычайно широкий круг коммуникативных и синтаксических функций. Осмысление «формы *ki*», как представляется, позволило найти адекватную интерпретацию этого *именного* средства и углубить истолкование

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. Около 57 000 слов. 11-е изд., стереотип. М., 1975. С. 398 (слово «обстоятельство»).

словоизменительных именных форм *глагола* — имен действия (масдаров), причастий, субстантивно-адъективных форм, многочисленных деепричастий.

Именно вторичная репрезентация, как представляется, составляет одно из фундаментальных различий агглютинативных и флективных языков в области как морфологии, так и синтаксиса.

Материал убедительно свидетельствует о том, что с функционально-семантической точки зрения в некоторых категориях не стоит искать (по причине их полного отсутствия) привычные для индоевропейца формы *единственного числа, основного (именительного) падежа* существительных, *основного залога глаголов*.

Послелого анализируются непосредственно после их синтетических родственников — падежных форм существительных. Те и другие явно образуют единый коммуникативный блок средств, имеющих одно и то же функциональное предназначение — служить средством передачи связей, в которые вступают предметы.

Глагольные формы конституируют пять словоизменительных категорий: 1) категорию залога; 2) категорию статуса (вместо традиционного названия «категория аспекта»); 3) категорию аспектуальности (включает формы вида и акционсарта); 4) категорию вторичного гипостазирования (вторичной репрезентации); 5) категорию сказуемости (с субкатегориями изъявительного, повелительного, желательного, «слюбжонктива», сослагательного, условного, формы фамильярного повеления, долженствовательного наклонений), — а также вторичные формы, традиционно называемые модальностями, и вторичные аналитические средства выражения модальностей.

Категория аспектуальности, технически представляющая собой 15 сложновербальных моделей, предположительно содержит 2 видовые и 13 акционсартовых форм.

Традиционная концепция *глагольной категории времени* обычно описывает формы, в значениях которых образы действий вступают в темпоральные отношения с моментом речи и, как правило, характеризуются попросту как «настоящие», «прошедшие» и «будущие» времена. Нередко их именуют «простыми» или «сложными временными формами».

Согласно наиболее распространенной точке зрения «категория времени вообще обозначает не просто время деятельности предмета, а отношение времени деятельности его ко времени речи»,⁵ «или факту сообщения».⁶

⁵ Пейковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938. С. 106.

⁶ Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. Сб. статей / сост. О. Г. Ревзина. М., 1972. С. 100.

В настоящей работе обосновано мнение, согласно которому точкой или периодом ориентации, с которыми хронологически соотносятся образы действий, не может быть «момент речи». Турецкая категория времени состоит из трех подсистем (19 единиц) временных форм — настоящей, прошедшей и будущей, и каждая формируется в соотношении с образом (естественно подвижным) периода ориентации, который исторически восходит к образу настоящего периода, давно уже превратившегося в «вечное настоящее» (Э. Бенвенист), и который, разумеется, может ассоциироваться говорящим с любыми реальными событиями реального времени.

Если бы значения этих форм имели лишь темпоральное содержание, которое наличествует у каждой из них и объединяет их в одну категорию, то теоретически турецкий язык располагал бы только девятью временными формами (три периода ориентации с соотношениями: предшествование, совпадение, следование). Однако содержание значения ряда форм является сложным, поскольку содержит не только темпоральные, но и аспектуальные, модальные или интервальные семы. Это обстоятельство находит подтверждение как в диахронии (точнее, в происхождении временных форм), так и в соотношении форм, наблюдаемом на синхронном срезе, в современном состоянии языка.

Подавляющее большинство временных форм (настоящее-будущее, простое прошедшее, перфект) восходит к именным формам глагола (см. раздел «Категория номинализации действия (глагольная категория вторичного гипостазирования)»). Другие — к сложновербальным формам или конструкциям с аспектуальными значениями (настоящее I, возможно также настоящее длительное, перфект).

Согласно излагаемой в настоящей работе концепции функциональное предназначение временных форм — выражать в качестве смысловое соотношение действий с какими-либо событиями, с которыми говорящий ассоциирует имеющийся в значении каждой формы в качестве его компонента (семы) абстрактный, обобщенный образ периода ориентации. Иными словами, сформировалась гипотеза, согласно которой все три временные подсистемы предположительно используют один (в прошлом, возможно настоящий) период ориентации. Действия непосредственно или опосредованно хронологически соотносятся с любым (настоящим, прошлым или будущим) конкретным моментом реального времени. В разделе «Принципы истолкования категории времени» реализована гипотеза, согласно которой временные формы соотносятся с тремя периодами ориентации (т. е. с настоящим, прошедшим и будущим). Однако возможно также другое решение. Можно предполагать существование подвижного внутриязыкового

временного ориентира (периода ориентации), который дает возможность гибко и выразительно оперировать темпоральными формами и передавать любые взаимоотношения между событиями, в выражении которых имеется коммуникативная необходимость.

Большое теоретическое значение необходимо придавать устройству тюркского синтаксиса. В качестве его инвентарных единиц можно полагать в первую очередь знаменательные лексемы, а в качестве структурных — модели, «синтаксические формы» (В. М. Павлов), по которым в речи строятся конструкции, выполняющие роль коммуникативных единиц, т. е. высказываний.

Раздел, демонстрирующий функционирование в турецком языке индоевропейских синтаксических средств, призван демонстрировать читателю необходимость различать собственно тюркские и нетюркские речевые средства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аврутина А. С. Древнетюркские рунические памятники. Система письма и фонологическая реконструкция. М., 2012. 134 с.
- Аганин Р. А. Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке. М., 1959. 144 с.
- Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988. 240 с.
- Айляров Ш. С. Развернутые члены предложения в современном турецком языке. М., 1974. 368 с.
- Алпатов В. М. История лингвистических учений. Учеб. пособие. М., 1998. 368 с.
- Аналитические конструкции в языках различных типов / отв. ред. В. М. Жирмунский, О. П. Суник. М.; Л., 1965. 343 с.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стереотип. М., 2007. 574 с.
- Ахмедов Дж. Предикативы в современном азербайджанском языке. Автореф. дис. ... к. филол. н. Л., 1970. 15 с.
- Баскаков А. Н. Словосочетания в современном турецком языке. М., 1974. 186 с.
- Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков (структура слова и механизм агглютинации). М., 1979. 275 с.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. 448 с.
- Благова Г. Ф. Заметки о взаимно-совместном залоге // Советская тюркология. 1976. № 6. С. 46–47.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I–II. М., 1963. 392 с.
- Бондарко А. В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1987. С. 226–233.
- Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978. 176 с.
- Бондарко А. В. Универсальные и неуниверсальные функции в грамматике // Универсалии и их место в типологических исследованиях (Мещаниновские чтения 1971 г.). Тезисы докладов / отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1971. С. 7–9.
- Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972. 616 с.

- Володин А. П., Храковский В. С. Об основаниях выделения грамматических категорий: время и наклонение // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка / отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1977. С. 42–54.
- Вопросы глагольного вида: Сб. / отв. ред. Ю. С. Маслов. М., 1962. 437 с.
- Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л., 1982. 244 с.
- Так В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1979. 304 с.
- Грунина Э. А. Туркменский язык. М., 2005. 288 с.
- Губайдуллина М. Э. К вопросу о функциональном использовании падежных форм с показателями *-(y)p* и *-(y)g* (в памятниках древнетюркской рунической письменности) // Вопросы тюркской филологии. Вып. VI. Материалы Дмитриевских чтений. М., 2006. С. 40–48.
- Гузев В. Г. О разграничении понятий «морфема» и «монема» // Лингвистика от Востока до Запада. В честь 70-летия В. Б. Касевича / под ред. Л. А. Вербицкой (отв. ред.), С. И. Богданова, Ю. А. Клейнера, С. А. Крылова. СПб., 2011. С. 29–34.
- Гузев В. Г. О тюркских языковых средствах опосредованного сообщения о событии // Востоковедение. Филологические исследования. Вып. 26. СПб., 2005. С. 25–44.
- Гузев В. Г. Опыт разработки теоретических основ описания тюркского функционального синтаксиса // Востоковедение. Филологические исследования. Вып. 27. СПб., 2006. С. 40–63.
- Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1987. 144 с.
- Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1990. 168 с.
- Гузев В. Г. Староосманский язык. М., 1979. 96 с.
- Гузев В. Г., Бурыкин А. А. Общие строевые особенности агглютинативных языков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. III. Ч. 1. СПб., 2007. С. 109–117.
- Гузев В. Г., Насилов Д. М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1975. № 3. С. 98–111.
- Гузев В. Г., Насилов Д. М. Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности-неопределенности // Советская тюркология. 1971. № 5. С. 21–25.
- Гузев В. Г., Насилов Д. М. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология. 1981. № 3. С. 22–35.
- Дениз-Иылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. СПб., 2006. 219 с.
- Дениз-Иылмаз О. О специфическом предположительном значении глагольных форм прошедшего-субъективного времени и субъективной модальности в современном турецком языке // Востоковедение: Филологические исследования. Вып. 24. СПб., 2004. С. 34–35.
- Джикия М. С. Структура словоформ турецкого языка. Тбилиси, 1984. 116 с.

- Джикия С. С. Турецкая хрестоматия. 2-е изд., доп. Тбилиси, 1971. 464 с.
- Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948. 276 с.
- Дмитриев Н. К. К вопросу о значении османской глагольной формы на -мыш // Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962. С. 181–186.
- Дмитриев Н. К. Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология / отв. ред. Н. А. Баскаков. М., 1956. С. 23–37.
- Дмитриев Н. К. Турецкий язык. М., 1960. 96 с.
- Еловков Д. И., Касевич В. Б. Некоторые проблемы лингвистики в свете материала языков Юго-Восточной Азии // Вестник ЛГУ. 1979. № 8. С. 71–77.
- Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. 404 с.
- Жирмунский В. М. Аналитические конструкции // Аналитические конструкции в языках различных типов. Тезисы докладов / отв. ред. В. М. Жирмунский, О. П. Суник. Л., 1962. С. 3–4.
- Жирмунский В. М. О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов / отв. ред. О. П. Суник. Л., 1968. С. 7–32.
- Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976. 306 с.
- Иванов С. Н. Очерки по синтаксису узбекского языка: форма на -ган и ее производные. Л., 1959. 152 с.
- Иванов С. Н. Родословное древо Абу-л-Гази-Хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969. 204 с.
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960. 579 с.
- Исхакова Х. Ф., Насилов Д. М., Невская И. А., Шенцова И. В. Эвиденциальность в тюркских языках // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сб. ст. памяти Наталии Андреевны Козинцевой / отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 2007. С. 469–518.
- Йылмаз О. См.: Дениз-Йылмаз О.
- Касевич В. Б. Труды по языкознанию. СПб., 2006. 664 с.
- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. 216 с.
- Козаржевский А. Ч. Учебник латинского языка. М., 1981. 320 с.
- Колишанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984. 176 с.
- Колишанский Г. В. Логика и структура языка. М., 1965. 240 с.
- Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М., 1976. 720 с.
- Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. 571 с.
- Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960. 447 с.
- Кононов А. Н. Заметки по морфологии турецкого языка // Советская тюркология. 1980. № 2. С. 14–20.
- Кононов А. Н. О сложноподчиненном бессоюзном предложении в турецком языке // Краткие сообщения Института востоковедения. XXII. Памяти В. А. Гордлевского (1876–1956) / отв. ред. А. А. Губер. М., 1956. С. 14–17.

- Кононов А. Н. О фузии в тюркских языках // Структура и история тюркских языков / отв. ред. Э. В. Севротян, Н. З. Гаджиева, Г. И. Донидзе. М., 1971. С. 108–120.
- Копнин П. В. Диалектика, логика, наука. М., 1973. С. 230–253.
- Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981. 198 с.
- Кузнецов П. И. Система функциональных форм глагола в современном турецком языке. Автореф. дис. ... д. филол. н. М., 1983. 36 с.
- Леонтьев А. А. Психолингвистика. Л., 1967. 118 с.
- Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / пер. с англ. под ред. и с предисл. В. А. Звегинцева. М., 1978. 543 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. 686 с.
- Майзель С. С. Изафет в турецком языке / ред., предисл. и примеч. А. Н. Кононова. М.; Л., 1957. 187 с.
- Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология и общее языкознание. М., 2004. С. 23–616.
- Мейе А. Основные особенности германской группы языков / под ред., с предисл. и примеч. В. М. Жирмунского. М., 1952. 168 с.
- Мельников Г. П. О взаимоотношении агглютинации и сингармонизма // Морфологическая типология и проблема классификации языков / отв. ред. Б. А. Серебrenников, О. П. Суник. М.; Л., 1965. С. 298–301.
- Мельников Г. П. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // Народы Азии и Африки. 1969. № 6. С. 104–113.
- Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978. 368 с.
- Мельников Г. П. Системная типология языков. Принципы, методы, модели. М., 2003. 399 с.
- Мельников Г. П. Сущность предикации и способы ее языкового выражения // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения (доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса) / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1969. С. 119.
- Насилов Д. М. Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке (по памятникам уйгурского письма). Автореф. дис. ... к. филол. н. М., 1963. 21 с.
- Невская И. А. Состав и функция деепричастий в шорском языке. Автореф. дис. ... к. филол. н. Алма-Ата, 1990. 21 с.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. Около 57 000 слов. 11-е изд., стереотип. М., 1975. 848 с.
- Павлов В. М. К вопросу о предмете синтаксиса // Теоретические проблемы языкознания. Сб. ст. к 140-летию кафедры общего языкознания Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета / гл. ред. Л. А. Вербицкая. СПб., 2004. С. 248–260.
- Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985. 300 с.
- Павлов В. М. Системность языка и полевые объединения грамматических явлений // Взаимодействие языковых единиц различных уровней / отв. ред. Л. В. Шишкова. Л., 1981. С. 76–77.

- Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971. 232 с.
- Панфилов В. С. Грамматический строй вьетнамского языка. СПб., 1993. 408 с.
- Пешиковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938. 452 с.
- Поливанов Е. Д. Труды по восточному и общему языкознанию / составл., послесл. и указатели Л. Р. Концевича. М., 1991. 624 с.
- Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1996. 536 с.
- Самойлович А. Н. Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка. Репринтное издание 1925 г. с доп. и испр. М., 2002. 160 с.
- Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962. 643 с.
- Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966. 440 с.
- Севортян Э. В. К проблеме частей речи в тюркских языках // Вопросы грамматического строя / отв. ред. В. В. Виноградов. М., 1955. С. 188–225.
- Севортян Э. В. Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология / отв. ред. Н. А. Баскаков. М., 1956. С. 38–44.
- Севортян Э. В. Категория сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология / отв. ред. Н. А. Баскаков. М., 1956. С. 16–21.
- Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974. 352 с.
- Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. 320 с.
- Серебренников Б. А. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1965. С. 7–26.
- Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. 2-е изд., испр. и доп. М., 1986. 304 с.
- Скрибник Е. К., Озонова А. А. Средства выражения засвидетельствованности и митаривности в алтайском языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сб. ст. памяти Наталии Андреевны Козинцевой / отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 2007. С. 519–551.
- Современный узбекский язык. Лексикология. Фонетика, графика и орфография. Морфология / ред. Ф. Камалов. Ташкент, 1957. 526 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1988. 560 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1986. 285 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М., 2006. 911 с.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. 696 с.
- Сыромятников Н. А. Есть ли в японском языке основной падеж? // Морфологическая типология и проблема классификации языков / отв. ред. Б. А. Серебренников, О. П. Суник. М.; Л., 1965. С. 271–278.

- Сыромятников Н. А. Система времен в новояпонском языке. М., 1971. 336 с.
- Телицин Н. Н. Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол / под ред. В. Г. Гузева. СПб., 2011. С. 179–230.
- Телицин Н. Н. Субъект действия при глагольных именах в древнеуйгурском языке // Вестник СПбГУ. 2007. Сер. 2. Вып. 1. № 2. С. 90–93.
- Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988. 656 с.
- Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1987. 352 с.
- Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. 798 с.
- Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. 560 с.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии / пер. с нем. А. А. Холодовича; под ред. С. Д. Кацнельсона; предисл. А. А. Реформатского. М., 1960. 372 с.
- Философский словарь / основан Г. Шмидтом. 22-е изд. М., 2003. 575 с.
- Формальная логика / отв. ред.-сост. И. Я. Чупахин, И. Н. Бродский. Л., 1977. 357 с.
- Черемисина М. И. Деепричастия как класс форм глагола в языках разных систем // Черемисина М. И. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1977. С. 326–328.
- Черемисина М. И. О работе над новой грамматикой алтайского языка // Язык и культура алтайцев. Сб. науч. ст. / редкол.: А. Т. Тыбыкова (отв. ред.) и др. Горно-Алтайск, 1993. С. 42–50.
- Черемисина М. И. Предложения, осложненные оборотами деепричастного типа // Алтайская филология. Сб. науч. тр. / под ред. Л. Н. Тыбыковой, Н. Н. Тыдыковой. Горно-Алтайск, 2001. С. 8–40.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987. 198 с.
- Щека Ю. В. Практическая грамматика турецкого языка. М., 2007.
- Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 77–100.
- Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л., 1981. 184 с.
- Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сб. статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 2007. 637 с.
- Якобсон Р. О. О структуре русского глагола // Якобсон Р. О. Избранные работы. М., 1985. С. 210–221.
- Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. Сб. ст. / сост. О. Г. Ревзина. М., 1972. С. 95–113.
- Яхонтов С. Е. Метод исследования и определение исходных понятий // Квантитативная типология языков Азии и Африки / отв. ред. В. Б. Касевич, С. Е. Яхонтов. Л., 1982. С. 12–44.
- Actes du deuxième Congrès international de linguistes. Genève 25–29 août. 1931. Paris, 1933. P. 121–122.

- Aksan D., Atabay N., Özel S., Çam A., Pirali N. Türkiye Türkçesi Gelişmeli Sesbilimi. Ankara, 1978. 84 s.
- Aksoy Ö. A. Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü. I. Atasözleri Sözlüğü. İstanbul, 1997. 486 s.
- Aslan Demir S. Türkçede İsteme Kipliği. Semantik — Pragmatik Bir İnceleme. Ankara, 2008. 200 s.
- Atabay N., Kutluk İ., Özel S. Sözcük Türleri. Yöneten ve Yayına Hazırlayan Doğan AKSAN. Ankara, 1983. 288 s.
- Atabay N., Özel S., Çam A. Türkiye Türkçesinin Sözdizimi. İstanbul, 2003. 136 s.
- Banguoğlu T. Türkçenin Grameri. İstanbul, 1974. 630 s.
- Bazin L. Structures et tendances communes des langues turques (Sprachbau) // Philologiae Turcicae Fundamenta. Tomus Primus. Wiesbaden, 1959. P. 11-19.
- Böhlingk O. Über die Sprache der Jakuten. SPb., 1851. 184 s.
- Ciopiński J. Remarques sur les constructions syntaxiques du type *bülbül öten yer* et leur réalisation dans la langue turque // Folia Orientalia: Polska Akademia Nauk. Komisja Orientalistyczna. T. X. Kraków, 1969. P. 59-63.
- Čaušević Ekrem. Gramatika suvremenoga turskog jezika. Zagreb, 1996. 354 s.
- Demir S. A. Türkçede İsteme Kipliği. Semantik — Pragmatik Bir İnceleme. Ankara, 2008. 200 s.
- Deny J. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). Paris, 1921. 1218 p.
- Deny J. Principes de grammaire turque ("turk" de Turquie). Paris, 1955. 184 p.
- Ergin M. Türk Dil Bilgisi. İstanbul, 1992. 407 s.
- Erkman-Akerson F. ve Ozil Ş. Türkçede Niteleme Sifat İşlevli Yan Tümceler. İstanbul, 1998. 183 s.
- Gencan T. N. Dilbilgisi. İstanbul, 1966. 412 s.
- Grönbeck K. Der türkische Sprachbau. I. Kopenhagen, 1936. 182 s.
- Karaağaç G. Türkçenin Söz Dizimi. İstanbul, 2009. 209 s.
- Hatiboğlu V. Türkçenin Sözdizimi. Ankara, 1972. 207 s.
- Johanson L. Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems. Uppsala, 1971. 334 s.
- Johanson L. Turkic indirectives // Evidentials. Turkic, Iranian and Neighbouring Languages. Berlin; New York, 2000. P. 61-87.
- Karaağaç G. Türkçenin Söz Dizimi. İstanbul, 2009. 209 s.
- Karahan L. -sa/-se Eki Hakkında // Türk Dili. Dil ve Edebiyat Dergisi. Sayı 516. Ankara, 1994. S. 471-474.
- Karahan L. Türkçede Söz Dizimi. Genişletilmiş 7. Baskı. Ankara, 2004. 192 s.
- Kaya G. İ., Öztürk C., Yılmaz A., Altun N., Selimhocaoğlu D. B. Türk Dili. I. Ders Notları. İstanbul, 1997. 335 s.
- Korkmaz Z. Gramer Terimleri Sözlüğü. Ankara, 1992. 212 s.
- Korkmaz Z. Türkiye Türkçesi Grameri (Şekil Bilgisi). Ankara, 2003. 1224 s.
- Kornfilt J. Turkish. London; New York, 1997. XXXI, 575 p.
- Leisi E. Der Wortinhalt: Seine Struktur im Deutschen und Englischen. 2 Auflage. Heidelberg, 1961. 132 s.
- Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini. Leipzig, 1985. 281 s.
- Lewis G. L. Turkish Grammar. Oxford, 1967. XXII, 1/2, 303 p.

- Mansuroğlu M.* Türkiye Türkçesinde Ses Uyumu // Türk Dili Araştırmaları: Yıllığı. Belleten. Ankara, 1959. S. 81–93.
- Martinet A.* Eléments de linguistique générale. Paris, 1960. 224 p.
- Németh J.* Die Türken von Vidin. Sprache. Folklore. Religion. Budapest, 1965. 420 s.
- Németh J.* Zur Kenntnis der Mischsprachen (das doppelte Sprachsystem des Osmanischen) // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. III. Fasciculus 1–2. Budapest, 1953. S. 153–199.
- Радев А., Симеонов Ъ.* Френска граматика / ред. Л. Карастоянова. София, 1961. 263 с.
- Swift L. B.* A Reference Grammar of Modern Turkish. Bloomington. The Hague, 1963. V, [I], 278 p.
- Yılmaz Ö. D.* Türkiye Türkçesinde eylemsi: Türk Dil Kurumu Yayınları. Ankara, 2009. 202 s.
- Yüce N.* Gerundien im Türkischen. Eine morphologische und syntaktische Untersuchung. Istanbul, 1999. 134 s.
- Zülfikar H.* Türkçede ses yansımali kelimeler. Inceleme — Sözlük. Ankara, 1995. 699 s.

Условные сокращения

англ.	— английский язык
араб.	— арабский язык
б. г.	— без года
букв.	— буквально
винит.	— винительный падеж
вып.	— выпуск
газ.	— газета
греч.	— греческий язык
дат.	— дательный падеж
и пр.	— и прочее
итал.	— итальянский язык
и т. п.	— и тому подобное
и т. д.	— и так далее
киргиз.	— киргизский язык
лат.	— латинский язык
перс.	— персидский язык
погов.	— поговорка
посл.	— пословица
русск.	— русский язык
с.	— страница
сб.	— сборник
см.	— смотри
т. е.	— то есть
тур.	— турецкий язык
франц.	— французский язык
устар.	— устаревший
фраз.	— фразеологизм
якутск.	— якутский язык

Сокращения названий литературных источников

- AN ADS — Aziz Nesin. Anıtı Dikilen Sinek. Yedinci Basım. İstanbul, 2004.
AN BTA — Aziz Nesin. Bir Tutam Aydınlık. İkinci Basım. İstanbul, 1994.
AN DB — Aziz Nesin. Deliler Boşandı. 7. basım. İstanbul, 1981.
AN GK — Aziz Nesin. Geriye Kalan / Bütün Kitapları. 2. basım. İstanbul, 1981.
AN MBH — Aziz Nesin. Memleketin Birinde Hoptirinam. 2. basım. Ankara, 1969.
AN ŞÇH — Aziz Nesin. Şimdiki çocuklar harika. İstanbul, 1982.
ATO ADO — A. Turan Oflazoğlu. Allah'ın Dediği Olur / Güzel Yazılar. Kısa Oyunlar. Ankara, 2000.
AU — İsmet Zeki Eyyuboğlu. Anadolu Uygurluğu. İkinci basım. İstanbul, 1991.
BAS — Fakir Baykurt. Amerikan Sargısı. Roman. Sofya, 1967.
BK GKB — Bilge Karasu. Göçmüş Kediler Bahçesi. 5. basım. İstanbul, 1999.
DB DVŞ — Dan Brown. Da Vinci Şifresi. Çeviren Petek Demir. 8. basım. İstanbul, 2004.
EchG SA — Ernesto Che Guevara. Savaş Anıları. Türkçesi: Seçkin Çağan. Ant Yayınları. İstanbul, 1968.
EŞ A — Elif Şafak. Aşk. 1. baskı. İstanbul, 2009.
FB T — Fakir Baykurt. Tırpan. İstanbul, 1980.
FÖ Ö — Öngören Ferit. Önsöz // Orhan Kemal. İstanbul'dan Çizgiler. İstanbul, 1971.
HB ABB 2007 — Halikarnas Balıkcısı. Bütün Eserleri: 1. Aganta Burina Burinata! On dokuzuncu basım. Ankara, 2007.
HE SB — Halide Edip [Adivar]. Sinekli Bakkal. İstanbul, 1936.
HE SB 1989 — Halide Edip-Adivar. Sinekli Bakkal. İstanbul, 1989.
HE BE. 1999 — Halide Edip Adivar. Bütün Eserleri. İstanbul, 1999.
HE T — Halide Edip [Adivar]. Tatarcık. İstanbul, 1939.
KT HŞİ-II — Kemal Tahir-II, Hür Şehrin İnsanları-II. İstanbul, 1983.
MCA A — Melih Cevdet Anday. Aylaklar. Roman. İstanbul, 2002.
ME TDB — Muharrem Ergin. Türk Dil Bilgisi. 19. baskı. İstanbul, 1992.
MK AR — Metin Kaçan. Ağır Roman. 5. baskı. İstanbul, 1998.
NH KK — Nazım Hikmet. Kan konuşmaz // Nazım Hikmet. Bütün Eserleri. Cilt 7. Sofya, 1969.
NH SB — Nazım Hikmet. Sevdalı Bulut. 19. Baskı. İstanbul, 2011.
NH YGŞK — Nazım Hikmet. Yaşamak Güzel Şeydir Kardeşim / Nazım Hikmet. Bütün Eserleri. Cilt 7. Sofya, 1969. S. 337-721.

- OK M — Orhan Kemal. Murtaza. İstanbul, 1973.
- OP BK — Orhan Pamuk. Beyaz Kale. 19. baskı. İstanbul, 1997.
- OP CBvO — Orhan Pamuk. Cevdet Bey ve Oğulları. 12. baskı. İstanbul, 1998.
- OP I — Orhan Pamuk. İstanbul. Hatıralar ve şehir. İstanbul, 2003.
- OP K — Orhan Pamuk. Kar. İstanbul, 2002.
- OP KK — Orhan Pamuk. Kara Kitap. İstanbul, 1994.
- OP MM — Orhan Pamuk. Masumiyet Müzesi. İstanbul, 2007.
- OP SE — Orhan Pamuk. Sessiz Ev. 16. baskı. İstanbul, 1996.
- OP YH — Orhan Pamuk. Yeni Hayat. 34. baskı. İstanbul, [6. r.].
- OV NHH — Orhan Veli. Nasrettin Hoca Hikâyeleri. 21. baskı. İstanbul, 2011.
- ÖAA ADS I — Ömer Asım Aksoy. Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü. I. Atasözleri Sözlüğü. İstanbul, 1997.
- PS Y — Peyami Safa. Yalnızız. 4. basım. İstanbul, 1997.
- RNG Ç — Reşat Nuri Güntekin. Çalıkuşu. 39. baskı. İstanbul, [6. r.].
- RNG Ç. 2008 — R. N. Güntekin. Çalıkuşu. İstanbul, 2008.
- RNG Ç. S — Reşat Nuri Güntekin. Çalıkuşu. Sofya, 1957.
- RNG MT — Güntekin Reşat Nuri. Miskinler Tekkesi. Roman. İstanbul, 1963.
- RNG YD — Reşat Nuri Güntekin. Yaprak Dökümü. Roman. İstanbul, 1962.
- SA BÖ I — Sabahattin Ali. Bütün Öyküleri I. Değirmen. Kağı. Ses. İstanbul, 1997.
- SA BÖ II — Sabahattin Ali. Bütün Öyküleri II. Değirmen II. Yeni Dünya. Sırça Köşk. Esirler (oyun). İstanbul, 1997.
- SA KMM — Sabahattin Ali. Kürk Mantolu Madonna. İstanbul, 1993.
- SA KMM — Sabahattin Ali. Kürk Mantolu Madonna. Büyük Hikâye. Sofya, 1960.
- SA KY — Sabahattin Ali. Kuyucaklı Yusuf. İstanbul, 2001.
- SB ABVB — Salâh Birsal. Ay Beyoğlu Vay Beyoğlu. Salâh Bey Tarihi 2. 5. basım. İstanbul, 1993.
- SÇ HG — Sevinç Çokum. Hilâl Görününce. Roman. 3. baskı. İstanbul, 1988.
- SF BE — Sait Faik. Bütün Eserleri. 5. Kumpanya. Kayıp Aranıyor. 9. basım. İstanbul, 1994.
- SS Rg — Sabiha Sertel. Roman gibi. Sofya, 1969.
- TD. DvED — Türk Dili. Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. Ankara, [6. r.].
- VH DTS — Vecihe Hatiboğlu. Dilbilgisi Terimleri Sözlüğü. 2. baskı. [Ankara], 1972.
- VÖ MAAK1 — Vasıf Öngören. Masalın Aslı. Birinci Kitap. Aydınlıktan Karanlığa. [B. m.], [6. r.].
- VÖ MAK2 — Vasıf Öngören. Masalın Aslı — İkinci basım. Karanlıktan Aydınlığa. İstanbul, 2010.
- VT BGTB — Vedat Türkali. Bir Gün Tek Başına. Roman. Cem Yayınevi. Beşinci Basım, 1980.
- YKK KK — Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Kıralk Konak. 13. basılış. İstanbul, 1988.
- YK BBE — Yaşar Kemal. Bin Boğalar Efsanesi. İstanbul, 1976.
- YK OD — Yaşar Kemal. Orta Direk. Sofya, 1964; Yaşar Kemal. Orta Direk. İstanbul, 1980.
- YY SH — Yordan Yovkov. Seçilmiş hikâyeler. Tercüme eden Strahil Nikolof. Sıgya, 1960.
- ZK M — Zeynep Korkmaz. Sadru'd-din Şeyhoğlu. Marzuban-name tercümesi. İnceleme — Metin — Sözlük — Tıpkıbasım. Ankara, 1973.

Научное издание

Виктор Григорьевич Гузев

Теоретическая грамматика турецкого языка

Редактор: Н. С. Лосев

Корректор: М. В. Бухаркина

Компьютерная верстка: О. Г. Неваккая

Подписано в печать 16.07.2015. Формат 60 × 90^{1/8}. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 20,0. Тираж 200 экз. Заказ №75

Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21

Тел./факс (812)328-44-22. E-mail: publish@spbu.ru

www.publish.spbu.ru

**Типография Издательства СПбГУ
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.**

100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200